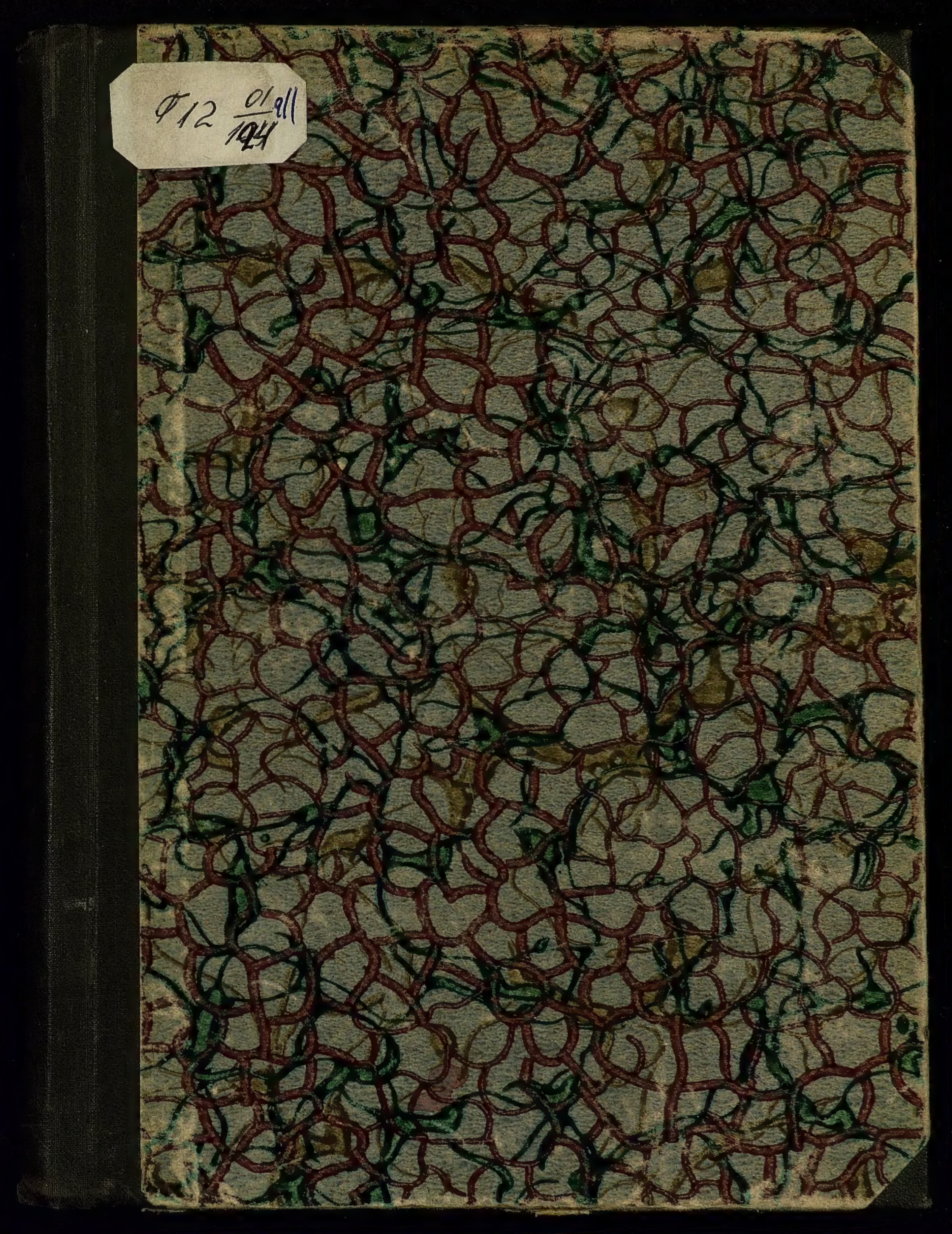
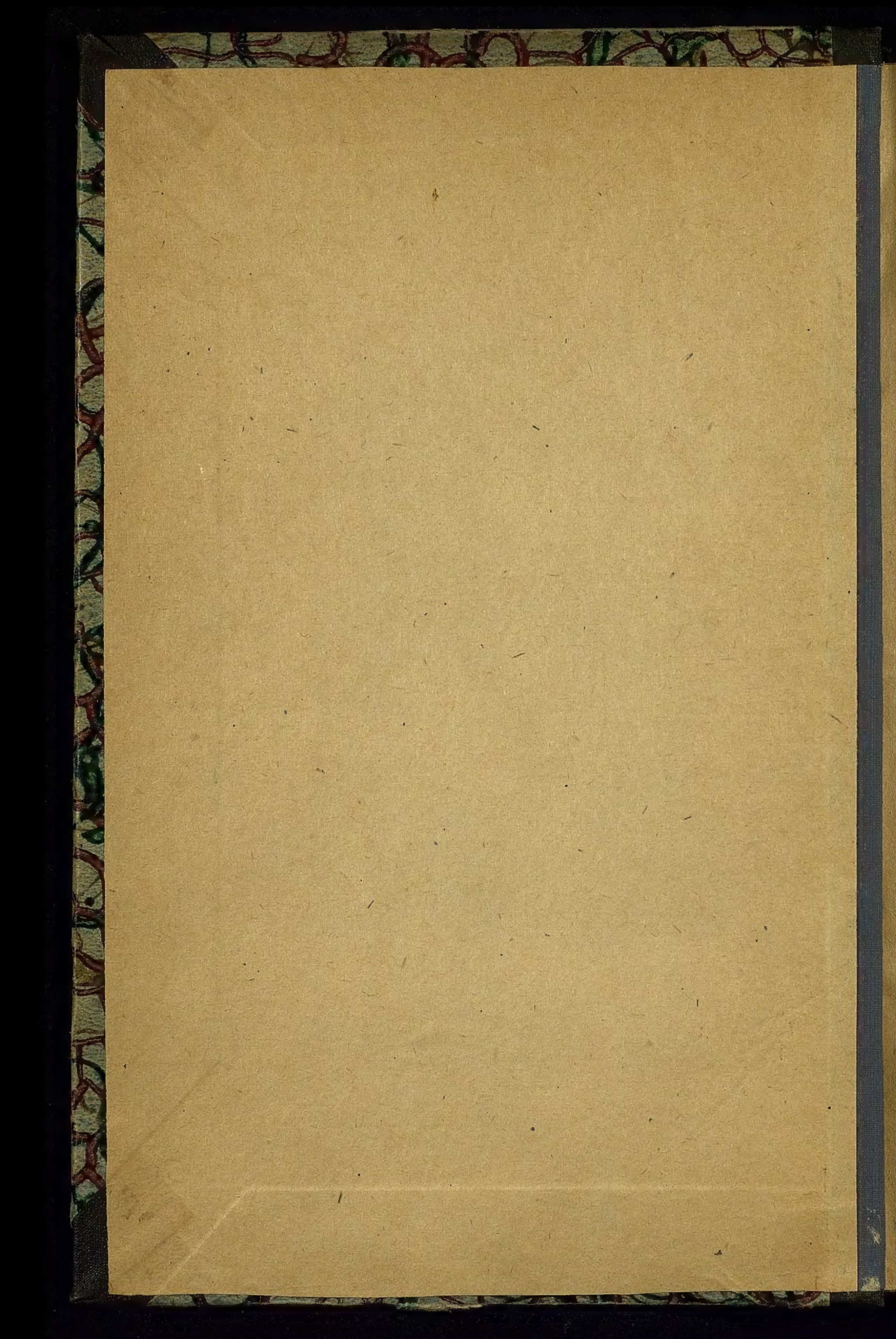
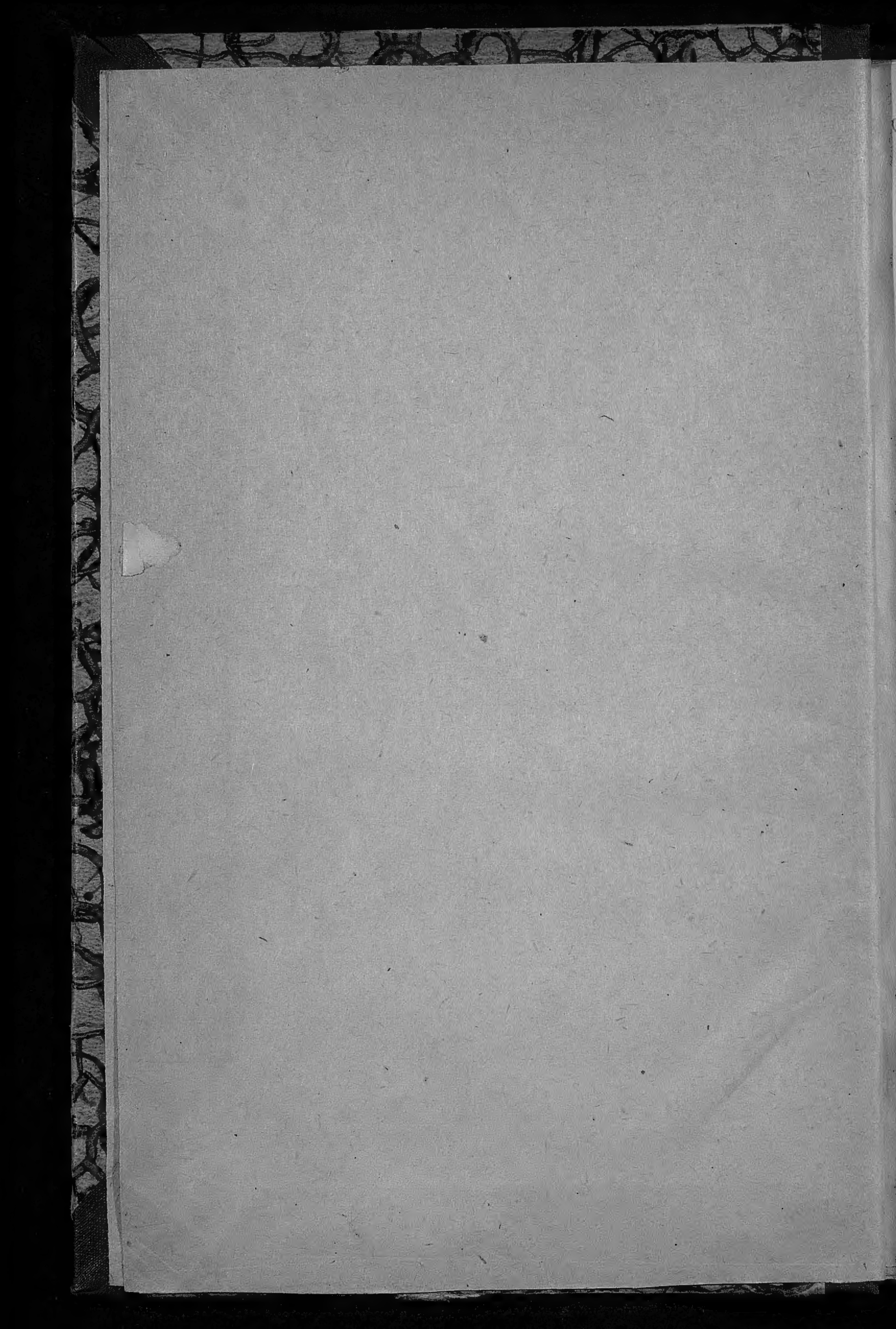
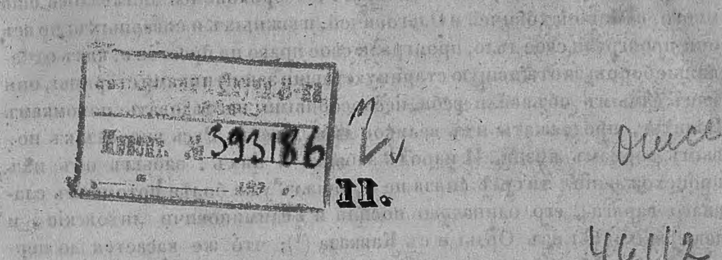










II.

ОБЗОРЪ СОБЫТІЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ,

ОТЪ КОНЧИНЫ ЦАРЯ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

> Il y a pour les peuples des souffrances fécondes comme il y en a des stériles; la distinction des unes et des autres échappe aux générations qui les subissent; c'est le secret de la providence, qui ne se révèle qu'au jour marqué pour l'accomplissement de ses desseins.
>
> **Augustin Thierry.**

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ, ЕГО ПОЛОЖЕНІЕ ПРИ ГРОЗНОМЪ, ПРИ ѲЕДОРѢ ИВАНОВИЧѢ, ЕГО ВОСШЕСТВІЕ НА ПРЕСТОЛЪ.

Въ 1598 году умеръ царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, послѣдній изъ Рюриковичей линіи Невскаго. Можно сказать, что эта знаменитая линія, давшая десять собирателей русской земли, десять государственныхъ борцовъ, истощилась въ послѣднемъ, величайшемъ изъ нихъ — Иванѣ Грозномъ. Осужденный бороться и не видать конца борьбы, задержанный въ дѣлѣ созиданія и принужденный оставить его для дѣла разрушенія, Грозный истомился наслѣдственною борьбою со старымъ порядкомъ вещей, и полнымъ наслѣдникомъ этого физическаго и нравственнаго истомленія явился сынъ его Ѳеодоръ. Смертію послѣдняго

прекращалась только линія Невскаго; Рюриковичей оставалось еще много, и Мономаховичей и Ольговичей, и южныхъ и сѣверныхъ; но всѣ они проиграли свое дѣло, проиграли свое право на престолъ, какъ отчаянные борцы за отжившую старину: ставши защитниками старины, они тѣмъ самымъ объявили себя неспособными наслѣдовать потомкамъ Калиты, продолжать ихъ великое дѣло, вести Русь впередъ къ новымъ формамъ жизни. И народъ забылъ о нихъ, забылъ объ ихъ происхожденіи: титулъ князя не обличалъ уже болѣе потомковъ славнаго варяга; его одинаково носили и Гедиминовичи литовскіе, и даже выходцы изъ Орды и съ Кавказа (¹); что же касается до первенства на лѣствицѣ должностей и почестей государственныхъ, то Рюриковичи сравнялись, а многіе изъ нихъ и понизились передъ толпою выходцевъ изъ разныхъ странъ и потомковъ старыхъ московскихъ и областныхъ дружинниковъ. Ближе, чѣмъ Рюриковичи, стояли къ престолу родственники государей московскихъ, царей всея Руси: то были — Романовы и Годуновъ.

Близокъ былъ Годуновъ къ сыну Грознаго, какъ братъ жены его, но еще ближе былъ онъ къ самому Грозному, и не трудно объяснить эту близость. Грознаго влекла къ Борису свѣжесть, чистота ума, которую замѣтилъ онъ въ послѣднемъ, способность отрѣшиться отъ ненавистной царю старины, понять и воспринять новыя идеи, новыя стремленія. Борисъ безсознательно льстилъ царю, но льстилъ тою лестію, которая такъ нравится великимъ государямъ и великимъ людямъ вообще: Борисъ понималъ царя, усвоивалъ себѣ его стремленія, былъ готовъ и способенъ выполнить его планы, довершить начатое. Годуновъ нравился Грозному еще и потому, что не могъ оскорбить его самолюбія самостоятельностію своего генія. Борисъ былъ понятливый и покорный ученикъ, вѣрный слуга, который обѣщалъ остаться вѣренъ своему господину и учителю, даже и по смерти послѣдняго. Грозный любилъ Годунова, какъ человѣка новаго, не только по характеру, но даже и по самому положенію своему не могущему быть приверженцемъ старины: Годуновъ, съ своей стороны, былъ привязанъ къ царю, который защищалъ его отъ враговъ, людей старыхъ, и сильно подвигалъ его впередъ на лѣствицѣ чести государственной (²): слѣдственно интересы обоихъ были тѣсно связаны. Кромѣ означенныхъ причинъ были еще другія, которыя привлекали Грознаго къ Борису. Въ третьей четверти царствованія Ивана, въ самомъ разгарѣ отчаянной борьбы со старинными притязаніями, Годуновъ не могъ бы быть любимцемъ царя; въ это время любимцемъ Грозна-

(¹) Грозный, въ насмѣшку надъ старинными притязаніями князей, возвелъ своего татарскаго плѣнника (Едигера-Симеона) въ санъ великаго князя тверского.

(²) См. изслѣдованіе Валуева о мѣстничествѣ, въ Симбирскомъ Сборникѣ.

го былъ тесть Годунова, знаменитый Малюта Скуратовъ Бѣльскій, образецъ дружинника, опричника, отказавшійся отъ всего для царя, готовый на все по первому его мановенію, подобно слугѣ Горнаго Старца не дрожавшій ни передъ какою кровавою мѣрою, и честно положившій голову за царя и вождя своего. Годуновъ былъ зять Малюты Скуратова, слѣдовательно естественный наслѣдникъ царскаго расположенія къ тестю, и былъ способенъ упрочить за собою это наслѣдство именно противоположностію своего характера съ характеромъ знаменитаго опричника: въ послѣдней четверти своего царствованія Грозный уже былъ не тотъ, что̀ прежде: онъ былъ истомленъ борьбою, остылъ къ мѣрамъ отважнымъ и рѣшительнымъ, искалъ покоя и въ этомъ исканіи съ любовію долженъ былъ остановиться на спокойной природѣ Годунова, который былъ врагомъ сильныхъ мѣръ, чуждъ ратнаго духа, являлся способнымъ довершить благоразуміемъ то, что̀ было начато силою, или по-крайней-мѣрѣ не растерять пріобрѣтеннаго. Наконецъ Грознаго привлекло къ Борису и нравственное достоинство послѣдняго: почти во все продолженіе своей жизни, развѣ только съ краткими промежутками, Иванъ волновался двумя чувствами, отравившими все бытіе его, – ненавистію и презрѣніемъ къ окружавшимъ. Обманутый тѣми, которыхъ считалъ надежнѣйшею своею опорою, Грозный принужденъ былъ ненавидѣть, преслѣдовать ихъ какъ враговъ отъявленныхъ; не довѣряя людямъ ро-

чилъ сыновей своихъ — Өедора и Димитрія нѣкоторымъ изъ самыхъ

прекращалась только линія Невскаго; Рюриковичей оставалось еще много, и Мономаховичей и Ольговичей, и южныхъ и сѣверныхъ; но всѣ они проиграли свое дѣло, проиграли свое право на престолъ, какъ отчаянные борцы за отжившую старину: ставши защитниками старины, они тѣмъ самымъ объявили себя неспособными наслѣдовать потомкамъ Калиты, продолжать ихъ великое дѣло, вести Русь впередъ къ новымъ формамъ жизни. И народъ забылъ о нихъ, забылъ объ ихъ происхожденіи: титулъ князя не обличалъ уже болѣе потомковъ славнаго варяга; его одинаково носили и Гедиминовичи литовскіе, и даже выходцы изъ Орды и съ Кавказа ([1]); что же касается до первенства на лѣствицѣ должностей и почестей государственныхъ, то Рюриковичи сравнялись, а многіе изъ нихъ и понизились передъ толпою выходцевъ изъ разныхъ странъ и потомковъ старыхъ московскихъ и областныхъ дружинниковъ. Ближе, чѣмъ Рюриковичи, стояли къ престолу родственники государей московскихъ, царей всея Руси: то были — Романовы и Годуновъ.

Близокъ былъ Годуновъ къ сыну Грознаго, какъ братъ жены его, но еще ближе былъ онъ къ самому Грозному, и не трудно объяснить эту близость. Грознаго влекла къ Борису свѣжесть, чистота ума, которую замѣтилъ онъ въ послѣднемъ, способность отрѣшиться отъ ненавистной царю старины, понять и воспринять новыя идеи, новыя стремленія. Борисъ безсознательно льстилъ царю, но льстилъ тою лестію, которая такъ нравится великимъ государямъ и великимъ людямъ вообще: Борисъ понималъ царя, усвоивалъ себѣ его ...
былъ готовъ и способенъ ...
Годун...
его са...
ливый...
ся вѣр...
го. Гр...
характ...
приве...
занъ къ...
и силь...
ной ([2])...
означен...
го къ Бо...
разгарѣ ...
не могъ ...

([1]) Гроз...
его татарск...
([2]) См. и...

го былъ тесть Годунова, знаменитый Малюта Скуратовъ Бѣльскій, образецъ дружинника, опричника, отказавшійся отъ всего для царя, готовый на все по первому его мановенію, подобно слугѣ Горнаго Старца не дрожавшій ни передъ какою кровавою мѣрою, и честно положившій голову за царя и вождя своего. Годуновъ былъ зять Малюты Скуратова, слѣдовательно естественный наслѣдникъ царскаго расположенія къ тестю, и былъ способенъ упрочить за собою это наслѣдство именно противоположностію своего характера съ характеромъ знаменитаго опричника: въ послѣдней четверти своего царствованія Грозный уже былъ не тотъ, что прежде: онъ былъ истомленъ борьбою, остылъ къ мѣрамъ отважнымъ и рѣшительнымъ, искалъ покоя и въ этомъ исканіи съ любовію долженъ былъ остановиться на спокойной природѣ Годунова, который былъ врагомъ сильныхъ мѣръ, чуждъ ратнаго духа, являлся способнымъ довершить благоразуміемъ то, что было начато силою, или по-крайней-мѣрѣ не растерять пріобрѣтеннаго. Наконецъ Грознаго привлекло къ Борису и нравственное достоинство послѣдняго: почти во все продолженіе своей жизни, развѣ только съ краткими промежутками, Иванъ волновался двумя чувствами, отравившими все бытіе его, — ненавистію и презрѣніемъ къ окружавшимъ. Обманутый тѣми, которыхъ считалъ надежнѣйшею своею опорою, Грозный принужденъ былъ ненавидѣть, преслѣдовать ихъ какъ враговъ отъявленныхъ; не довѣряя людямъ родовымъ, онъ далъ дьякамъ большую власть въ дѣлахъ правительственныхъ, и дьяки начали обманывать его; онъ отстранилъ приверженцевъ Сильвестра, какъ защитниковъ старины и людей не благонамѣренныхъ, окружилъ себя людьми, повидимому усердными и понимающими его, но скоро увидалъ въ нихъ низкихъ ласкателей, угождавшихъ ему только для своихъ личныхъ выгодъ. Однихъ Грозный принужденъ былъ ненавидѣть какъ враговъ, другихъ презирать какъ рабовъ; но Годуновъ не принадлежалъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Вовсе не будучи приверженцемъ старины, понимая царя лучше другихъ, Борисъ въ тоже время не былъ ласкателемъ и угодникомъ придворнымъ, при умѣ спокойномъ былъ способенъ увлекаться благородными порывами и чувствомъ истиннаго усердія: такъ, сказываютъ, въ страшную минуту сыноубійства, Борисъ, съ опасностію собственной жизни, не усомнился стать защитникомъ сына противъ разъяреннаго отца, — поступокъ, который болѣе всѣхъ могъ быть оцѣненъ самимъ Грознымъ, и мучительная грусть, испытанная несчастнымъ царемъ по смерти сына, еще болѣе усилила любовь къ его защитнику.

Всѣ источники говорятъ согласно, что умирающій Иванъ поручилъ сыновей своихъ — Ѳеодора и Димитрія нѣкоторымъ изъ самыхъ

приближенныхъ вельможъ; но источники сильно разногласятъ касательно именъ и числа этихъ вельможъ. Одни называютъ только двухъ старшихъ членовъ думы: князя Ивана Өедоровича Мстиславскаго и Никиту Романовича Юрьева; другіе придаютъ къ нимъ еще князя Ивана Петровича Шуйскаго; нѣкоторые наконецъ, и особенно иностранные писатели, упоминаютъ о пяти главныхъ совѣтникахъ, присоединяя къ тремъ означеннымъ лицамъ еще двухъ: Богдана Яковлевича Бѣльскаго и Бориса Өедоровича Годунова. Легко согласиться, что Грозный, особенно довѣряя этимъ пяти особамъ, преимущественно имъ завѣщалъ заботиться о своихъ сыновьяхъ; но нигдѣ нѣтъ слѣдовъ, чтобъ означенныя лица, не взирая на разность степеней, занимаемыхъ ими на лѣствицѣ службы и чести государственной (Мстиславскій былъ первымъ бояриномъ въ думѣ, тогда какъ Бѣльскій не имѣлъ даже и сана боярскаго), выдѣлились тотчасъ изъ круга остальныхъ вельможъ, стали въ челѣ управленія, образовали Пентархію, или Верховную Думу, какъ полагаютъ нѣкоторые историки; самое неумѣнье лѣтописцевъ опредѣлить число пентарховъ уже показываетъ, что ничего подобнаго не было. Старшій сынъ Грознаго, Өедоръ, несмотря на свое физическое совершеннолѣтіе, былъ младенцемъ по уму, слѣдовательно въ его царствованіе должны были повториться тѣже явленія, какія имѣли мѣсто въ малолѣтство отца его: должна была происходить постоянная борьба извѣстныхъ фамилій за первенство въ государственномъ управленіи. Во время тяжкой болѣзни царя Ивана, въ 1553 году, вельможи не хотѣли цаловать крестъ малолѣтному сыну его Димитрію, потому-что не хотѣли видѣть въ челѣ управленія дядей царевича по матери, Романовичей Юрьевыхъ (1). Но теперь, по смерти царя Ивана, обстоятельства были тѣже: вступалъ на престолъ сынъ Анастасіи, младенецъ духомъ, слѣдовательно нуждавшійся въ постоянной опекѣ, — и кто же долженъ былъ принять на себя эту опеку, какъ не родной дядя царя, бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ? притомъ молодой царь былъ чрезвычайно набоженъ, а религія предписывала ему чтить старшаго родственника, дядю какъ отца: англійскій посолъ Баусъ (*Bowes*) пишетъ, что по смерти Грознаго вся власть перешла въ руки боярина Никиты Романовича, котораго главнымъ совѣтникомъ былъ дьякъ Андрей Щелкаловъ, Борисъ же Годуновъ не имѣлъ еще тогда никакого вліянія на дѣла. (2) Это неоспоримое свидѣтельство иностранца подтверждается и лѣто-

---

(1) См. Исторію отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, стр. 638 слѣд.

(2) *The Voyage of Sir Jerome Bowes, anno 1583. In John Harris, Navig. atque Peregrin. Bibl. vol. I. p. 535.*

писцемъ русскимъ (¹), который говоритъ, что по смерти боярина Никиты Романовича, последовавшей въ томъ же 1584 году, *преемникомъ и правителемъ на его мѣсто* сталъ Борисъ Өеодоровичъ Годуновъ. Но еще прежде кончины боярина Никиты дворъ и народъ московскій были свидѣтелями смутъ и крамолъ, которыя не переставали повторяться въ каждое правленіе съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ великіе князья вступили въ борьбу съ притязаніями князей удѣльныхъ. У Өеодора былъ младшій братъ, Димитрій, послѣдній изъ удѣльныхъ, которому однако готовилась участь его предшественниковъ. Во имя невиннаго младенца начались крамолы, и дворъ раздѣлился на партіи: одни стояли за Өеодора, другіе держали сторону Димитрія, представляя, что младенецъ, но обличавшій умъ и способности, достойнѣе престола, чѣмъ взрослый, но долженствующій вѣчно остаться младенцемъ (²). Если за Өеодора должны были всѣхъ сильнѣе стоять Романовы и Годуновы, его родственники, то сторону Димитрія особенно держали родственники его по матери, Нагіе; однако послѣдніе не были способны дѣйствовать на первомъ планѣ и уступили свое мѣсто Богдану Яковлевичу Бѣльскому, которому царь Иванъ поручилъ надзоръ за воспитаніемъ Димитрія. Бѣльскій, объ умственныхъ способностяхъ котораго одинаково выгодно отзываются и свои и чужіе (³); не хотѣлъ уступить ни Романову, ни Годунову, ни кому бы то ни было изъ вельможъ, и для достиженія первенства выставилъ имя и права своего воспитанника (⁴). Пишутъ, что тотчасъ по смерти Грознаго произошли смятенія и возстанія между нѣкоторыми вельможами и гражданами, которые однако были скоро успокоены: приверженцы Өеодора осилили противниковъ, захватили главныхъ изъ нихъ, и скоро Димитрій съ матерью и родственниками Нагими долженъ былъ выѣхать изъ Москвы въ свой удѣлъ Угличь. Но Бѣльскій остался и не думалъ уступать: не желая дожидаться прибытія выборныхъ изъ городовъ, онъ хотѣлъ порѣшить дѣло съ помощію войска, т. е. Стрѣльцовъ (⁵); приверженцы Өеодора видѣли необходимость предупредить насиліе насиліемъ же, и страшный мятежъ вспыхнулъ въ городѣ: толпы вооруженныхъ гражданъ приступили къ Кремлю и требовали Бѣльскаго, обвиняя его въ смерти царя Ивана и въ злыхъ

(¹) Лѣтоп. о мятеж. 7.

(²) *Oderbomii Vita Ioan Basil., lib. III.*

(³) *Oderbor. ingenio peracri praeditus;* Өеодоръ Никитичъ Романовъ говорилъ: «одинъ де у нихъ (у бояръ) разуменъ, Богданъ Бѣльской, къ посольскимъ и ко всякимъ дѣламъ добрѣ досужъ.» Акты Историч. II, № 38.

(⁴) *Horsey-The most solenne Coronation of Pheodor Ioannovich, in Hakluyt's Collection, vol. I, p. 466.*

(⁵) *Oderbor.*

умыслахъ противъ Θедора ([1]). Говорятъ, будто возстаніе было произведено могущественною фамиліею Шуйскихъ, которая имѣла въ гражданахъ московскихъ многочисленныхъ приверженцевъ; главными же дѣйствователями во время возстанія были рязанцы — Ляпуновы и Кикины ([2]). Находимъ также извѣстіе, будто народъ обвинялъ Бѣльскаго въ умыслѣ возвести на престолъ совѣтника своего, Бориса Годунова ([3]); но извѣстно, что нѣтъ той нелѣпости, какой бы народъ не прокричалъ во время возстанія; быть можетъ впрочемъ Шуйскіе съ товарищами распустили нарочно этотъ слухъ въ народѣ, чтобы однимъ ударомъ сразить двухъ опасныхъ людей; что же касается до дружбы и совѣтничества между Бѣльскимъ и Годуновымъ, то вмѣсто нихъ мы видимъ, на оборотъ, сильную непріязнь между обоими любимцами Грознаго, которыхъ интересы были естественно разъединены. Какъ бы то ни было, правительство уступило требованіямъ народа! Бѣльскій былъ сосланъ въ Нижній, и мятежъ утихъ. Тогда выборные изо всѣхъ городовъ московскаго государства со слезами молили царевича Θедора не меллить болѣе царскимъ вѣнчаніемъ, и Θедоръ исполнилъ ихъ просьбу ([4]). Лѣтописецъ говоритъ, что шуринъ царскій, Годуновъ, желая отмстить за возстаніе на Бѣльскаго, велѣлъ схватить зачинщиковъ мятежа, Ляпуновыхъ, Кикиныхъ и другихъ дѣтей боярскихъ и посадскихъ людей и разослать ихъ въ города по темницамъ; но мы знаемъ, какъ наши лѣтописцы любили приписывать Годунову всякой насильственный поступокъ; они приписываютъ ему и первое захваченіе Нагихъ тотчасъ по смерти царя Ивана; согласиться съ этими извѣстіями можетъ только тотъ, кто, вопреки свидѣтельствамъ неоспоримымъ, будетъ приписывать Годунову съ самого начала могущество, котораго онъ не имѣлъ, и замыслы, которыхъ еще имѣть не могъ.

Уже выше было упомянуто, какъ смерть боярина Юрьева очистила Годунову путь къ первенству. Сыновья покойнаго Никиты Романовича не могли ни по лѣтамъ, ни по сану наслѣдовать значеніе отца своего при дворѣ и въ думѣ, и должны уступить Борису, знаменитому не столько важнымъ саномъ конюшаго боярина, сколько опытностію въ придворныхъ крамолахъ и въ дѣлахъ правительственныхъ: по согласному свидѣтельству источниковъ, Годуновъ превышалъ всѣхъ своихъ товарищей умомъ, способностями, представительною наружностію ([5]). Но если щедрая природа, милость царя Ивана и родство съ

([1]) Никон. VIII, 6.
([2]) Латухин. Степ. Кн., у Карамз. X, прим. 10.
([3]) Тамъ же.
([4]) Никон. VIII, 5.
([5]) Морозов. лѣтоп.: Бысть бо вышереченный Борисъ Θед. одаренъ отъ Бога

царемъ Θедоромъ дали первенство Годунову, то не хотѣли уступить его ему старые княжескіе роды, отличавшіеся наслѣдственнымъ стремленіемъ къ первенству: они не хотѣли преклониться предъ Романовыми, не преклонятся и предъ Годуновымъ. И теперь какъ прежде, въ малолѣтство Ивана IV, первое мѣсто между княжескими родами занималъ родъ Шуйскихъ. Соперничество двухъ братьевъ Александра и Андрея перешло въ наслѣдство къ ихъ потомкамъ: потомки Андрея, князья суздальскіе вели долгую и постоянную борьбу съ потомками Невскаго, великими князьями московскими и господарями всея Руси; лишенные отчины, суздальскіе – Шуйскіе доканчивали свою борьбу противъ Москвы подъ знаменами великаго Новгорода; когда паденіе послѣдняго заставило ихъ перейти въ ряды бояръ московскихъ, то и здѣсь не покинулъ ихъ наслѣдственный духъ, наслѣдственныя стремленія: по смерти Василія, Шуйскіе воспользовались малолѣтствомъ сына его, добились владычества надъ Москвою, и теперь, при сынѣ Грознаго, добиваются того же, не хотятъ уступить отчины Невскаго какому-то Годунову, потомку татарина. Представителемъ рода Шуйскихъ былъ въ это время князь Иванъ Петровичъ, прославившійся защитою Пскова отъ Баторія, нѣсколько другихъ знаменитыхъ фамилій княжескихъ и дворянскихъ, наконецъ многіе изъ служилыхъ людей, и особенно изъ гражданъ московскихъ, держали сторону Шуйскихъ, митрополитъ Діонисій былъ также ихъ другомъ, а необыкновенная набожность царя давала митрополиту большое вліяніе: съ такими средствами можно было отважиться на борьбу съ Годуновымъ. Оставалось привлечь на свою сторону старшаго боярина, князя Ивана Θедоровича Мстиславскаго; всѣ члены этой фамиліи, считавшейся первою по знатности при дворѣ московскомъ, отличались своею незначительностію, безхарактерностію; князь Иванъ Θедоровичъ не могъ играть самостоятельной роли и былъ орудіемъ въ рукахъ чуждыхъ. По смерти правителя, боярина Юрьева ([1]), Годуновъ, занявъ его мѣсто при особѣ царя и въ управленіи государственномъ, успѣлъ преклонить князя Мстиславскаго на свою сторону, равно какъ двоихъ дьяковъ, братьевъ Щелкаловыхъ – Андрея и Василья, первыхъ государственныхъ дѣльцовъ своего времени. Щелкаловы видѣли, что

возрастомъ и человѣчествомъ и умомъ паче всѣхъ человѣкъ: образомъ своимъ и дѣлы множество людей превосшедъ, и никто же бѣ ему отъ царскаго сиглита подобенъ во благолѣпіи лица его и въ разсужденіи ума его, и велерѣчивъ зѣло. — Кубасовъ: мужъ зѣло чюденъ и сладкорѣчивъ.

([1]) Шли обычные въ то время слухи, будто правитель былъ отравленъ. (*Gil. Fletcher, of the russe Common-Wealth etc.*) Что эти слухи, какъ неосновательные, скоро утихли, доказательствомъ служитъ молчаніе нашихъ лѣтописцевъ, которые не преминули бы навязать на память Годунова и это преступленіе.

могущество Годунова крѣпко, и потому остались на его сторонѣ; но князь Мстиславскій позволилъ Шуйскимъ съ товарищами отвлечь себя отъ Бориса. Вспомнили недавнюю старину, рѣшились злодѣйствомъ, насиліемъ избавиться отъ могущественнаго соперника: Мстиславскій долженъ былъ позвать Годунова на обѣдъ и тутъ предать его убійцамъ; слабохарактерный старикъ долго отговаривался, наконецъ согласился (1). Справедливо или нѣтъ это извѣстіе, рѣшить трудно; впрочемъ если вспомнимъ объ образѣ дѣйствій боярскихъ партій въ малолѣтствѣ Ивана IV, то легко повѣримъ свидѣтельству: отъ насильственныхъ мѣръ нѣкогда еще было отвыкнуть; самая вѣра современниковъ въ цѣлый рядъ политическихъ злодѣйствъ обличаетъ привычку къ нимъ; притомъ самый разсказъ носитъ признаки вѣрности: Шуйскіе являются съ своимъ характеромъ: хитрые, уклончивые, они хотятъ истребить Бориса чужими руками, посредствомъ Мстиславскаго; послѣдній также вѣренъ фамильному характеру: дрожитъ передъ насильственною мѣрою и все-таки позволяетъ себѣ стать орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Какъ бы то ни было: источники согласны въ томъ, что сильная борьба шла между Годуновымъ и боярскою партіею, въ челѣ которой стояли Мстиславскій, Шуйскіе, Воротынскіе и другіе, что шуринъ царскій осилилъ наконецъ своихъ противниковъ, и старшій членъ думы, бояринъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій былъ схваченъ, постриженъ въ монахи и сосланъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь; Воротынскій, Головины и многіе другіе разосланы въ темницы по городамъ (2); но Шуйскій на этотъ разъ успѣлъ отстраниться, и побѣда Годунова не могла быть окончательною.

Борисъ зналъ, что ему удалось отдѣлаться только отъ второстепенныхъ своихъ противниковъ, но что главные, самые могущественные изъ нихъ, князья Шуйскіе остались невредимы и, наученные опытомъ, только съ бо̀льшею осторожностію будутъ преслѣдовать свои планы относительно его: вотъ почему Годуновъ и его приверженцы не могли скрыть своей ненависти къ Шуйскимъ; тѣ, съ своей стороны, платили имъ тѣмъ же и не думали уступать, опираясь на приверженность гостей и черныхъ людей московскихъ (3). Наконецъ митрополитъ Діонисій вступился въ дѣло, созвалъ противниковъ къ себѣ и убѣдилъ ихъ примириться; но это примиреніе было видимое только и временное, говоритъ лѣтописецъ (4). Въ то время, какъ въ покояхъ митрополита происходила мировая, около Грановитой Палаты

(1) Латух. степ. кн. у Карамз. X, примѣч. 60.
(2) Никон. VIII, 8.
(3) Никон. VIII, 8.
(4) Тамъ же.

собрались купцы, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе, чѣмъ кончится дѣло, отъ котораго зависѣла и ихъ судьба; они знали, что если Шуйскіе откажутся отъ борьбы, то этимъ самымъ выдадутъ своихъ сторонниковъ, которые подвергнутся мести могущественнаго Годунова. Вотъ почему, когда князь Петръ Ивановичъ, вышелъ отъ митрополита, подошелъ къ купцамъ и объявилъ имъ, что они помирились съ Борисомъ и отказываются на будущее время отъ борьбы, то изъ толпы вышли два человѣка и сказали князю: помирились вы нашими головами; а вамъ, князь Иванъ Петровичъ, отъ Бориса пропасть, да и намъ погибнуть!» Въ ту же ночь эти два человѣка были схвачены и пропали безъ вѣсти [1]. Разумѣется, подобный поступокъ со стороны Годунова воспламенялъ только вражду съ новою силою; все показывало, что дѣло могло кончиться только насиліемъ, гибелью одного изъ соперниковъ. Шуйскіе, вмѣстѣ съ митрополитомъ Діонисіемъ, рѣшились на послѣднее, отчаянное средство: желая подорвать могущество Годунова въ самомъ источникѣ, они положили отъ лица бояръ и торговыхъ людей бить челомъ царю, чтобы развелся съ неплодною Ириною и вступилъ во второй бракъ; они было уже приготовили невѣсту — княжну Мстиславскую, дочь сосланнаго Борисомъ боярина. Годуновъ свѣдалъ о страшномъ замыслѣ и поступилъ умно и ловко: онъ зналъ, что въ дѣлѣ о разводѣ главную роль долженъ играть митрополитъ, и потому бросился къ Діонисію, и тотъ былъ такъ слабъ, что позволилъ убѣдить себя въ несправедливости и безполезности развода; говорятъ, будто между прочимъ Годуновъ представлялъ митрополиту, что бездѣтность Ѳеодора выгодна для государства, потому-что въ противномъ случаѣ оно подвергнется снова междоусобіямъ между дѣтьми Ѳеодора и дядею ихъ Димитріемъ углицкимъ: опытъ показалъ, что удѣльные князья никогда не оставляли своихъ притязаній. *Мудрый грамматикъ*, какъ называли Діонисія современники, уступилъ *велерѣчивому* Борису и согласился не затѣвать дѣла о разводѣ: этого только и нужно было Годунову; съ Шуйскими и купцами онъ могъ справиться. Прежде всего назначенная невѣста царская, княжна Мстиславская была пострижена въ монахини [2]. Крайность, инстинктъ самохраненія заставляли Годунова прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ Шуйскихъ, подъискиваться подъ ними; таже крайность, тотъ же инстинктъ самохраненія заставляли и Шуйскихъ дѣйствовать также рѣшительно: вотъ почему трудно рѣшить — Годуновъ ли былъ виновникомъ ложнаго доноса на Шуйскихъ, или доносъ былъ справедливъ, и Шуйскіе въ

(1) Тамъ же, стр. 9.

(2) Латух. степ. кн. у Карамз. X, примѣч. 147; Петрей, у Устрял. Сказ. Совр. о Дим. Сам. въ Беровой Лѣтоп. москов. примѣч. 5.

самомъ дѣлѣ замышляли какое-нибудь отчаянное средство, чтобъ избавиться отъ Годунова. По-крайней-мѣрѣ лѣтопись обвиняетъ Бориса; она говоритъ, что въ 1586 году онъ подучилъ Ѳедора Стараго, слугу князей Шуйскихъ, съ товарищами оклеветать господъ своихъ въ измѣнѣ. Вслѣдствіе этого доноса были схвачены двое князей Шуйскихъ, Иванъ Петровичъ и Андрей Ивановичъ, и сторонники ихъ: Татевы, Колычевы, Быкасовы и Урусовы; Шуйскихъ и знатныхъ приверженцевъ ихъ пытать не осмѣлились, пытали слугъ ихъ, пытали крѣпкими пытками и гостей московскихъ — Ѳедора Нагая съ товарищами, и они на пыткахъ ничего не сказали. Съ Шуйскими обошлись осторожно; опасались ихъ сильной стороны: князя Ивана Петровича сперва отправили въ его вотчину, потомъ уже далѣе, на Бѣлоозеро, и тамъ, какъ пишутъ, удавили; князя Андрея Ивановича сослали также сперва въ его вотчину, потомъ въ Каргополь и здѣсь удавили, по извѣстію лѣтописца. Историкъ съ трудомъ вѣритъ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ о насильственной смерти, претерпѣнной отъ Годунова врагами его: дѣло Романовыхъ научаетъ осторожности въ этомъ случаѣ; притомъ же въ опасныхъ событіяхъ лѣтописи разногласятъ и въ поименованіи лицъ и въ назначеніи годовъ, когда умерли жертвы Годунова. Какъ бы то ни было, если даже пощажены были родовитые вельможи, то не пощадили сторонниковъ ихъ, гостей московскихъ; Ѳедору Нагаю съ шестью товарищами явно отсѣкли головы; людей болѣе знатныхъ и менѣе виновныхъ въ глазахъ Годунова — Татева, Крюка Колычева, Быкасовыхъ и другихъ разослали въ разные города по темницамъ (1). Князь Василій Ѳедоровичъ Скопинъ-Шуйскій, отецъ знаменитаго Михаила, и нѣкоторые другіе члены этой фамиліи остались нетронутыми съ прежнимъ значеніемъ, въ прежнихъ должностяхъ, потому-что «слово до нихъ не дошло».

Шуйскіе были сломлены, но оставался еще противникъ страшный: то былъ митрополитъ. Діонисій увидалъ свою слабость, свою ошибку, предавши Шуйскихъ на жертву Годунову, и спѣшилъ твердостію, рѣшительностію поправить ошибку, спасти друзей и себя. Вмѣстѣ съ ближайшимъ сосѣдомъ своимъ и товарищемъ, архіепископомъ крутицкимъ Варлаамомъ, Діонисій началъ говорить царю о несправедливостяхъ Бориса; но какіе слѣды могли оставить рѣчи святителей на душѣ младенца, привязаннаго къ своей нянькѣ? Борисъ успѣлъ представить Діонисія и Варлаама клеветниками; оба были свергнуты, оба заточены въ новгородскіе монастыри; на мѣсто Діонисія возве-

(1) Никон. VIII, 9. Карамз. X, примѣч. 143. Арцыбаш. Повѣтств. о Россіи т. III, кн. V, отд. 1, стр. 12.

денъ въ санъ митрополита ростовскій архіепископъ Іовъ, совершенно преданный Годунову (1).

Одна гроза была успокоена, другая подымалась. Мы видѣли, какъ тотчасъ по смерти Ивана IV нѣкоторые вздумали возобновить старину, завести смуту именемъ удѣльнаго князя, и какъ приверженцы Θеодора поспѣшили удалить младенца Димитрія въ Угличъ; повторю здѣсь опять, что эта мѣра была приведена въ исполненіе не Годуновымъ, который еще не имѣлъ тогда власти, но всѣми приверженцами Θеодора, *всѣхъ начальнѣйшихъ россійскихъ вельможъ совѣтомъ*, какъ говоритъ современное и самое достовѣрное свидѣтельство (2). Но Димитрій возрасталъ, при матери и ея родственникахъ, Нагихъ, питавшихъ ненависть къ московскому правительству за разрушеніе ихъ замысловъ, за изгнаніе изъ Москвы. Ясно, какими чувствами напитывали они душу молодого князя, и тотъ, говорятъ, несмотря на свою молодость, уже явно высказывалъ эти враждебныя чувства къ приближеннымъ брата своего, и всего болѣе разумѣется къ самому близкому, Годунову (3), у котораго была давняя вражда съ Нагими. Нашлись люди, которымъ показалось выгоднымъ преувеличить, въ глазахъ московскихъ вельможъ и Бориса, поступки ребенка, замыслы Нагихъ, опасность, которою грозятъ эти замыслы вельможамъ и государству (4). Уже давно московскій дворъ привыкъ предупреждать движенія удѣльныхъ князей захватываніемъ послѣднихъ, заключеніемъ ихъ въ оковы, даже насильственною смертію; доносили, что Димитрій, въ ранней молодости, уже обѣщаетъ итти по слѣдамъ прежнихъ удѣльныхъ князей, и потому въ Москвѣ могли

---

(1) Никон. VIII, 9 и 10.

(2) Аврамій Палицынъ: Сказ. о осадѣ Троицк. мон., изд. 2-е, стр, 3. — Палицынъ подвергся опалѣ въ правленіе Годунова, слѣд. имѣлъ болѣе причинъ обвинять послѣдняго, чѣмъ защищать отъ насильственныхъ поступковъ и преступленій, взводимыхъ на него другими лѣтописцами.

(3) Объ этомъ говорятъ иностранцы: имъ можно не вѣрить; но объ этомъ же говоритъ и Палицынъ, которому не вѣрить нѣтъ никакого основанія.

(4) Палицынъ, тамъ же. — Образцемъ подобныхъ извѣстій можетъ служить слѣдующее: «Маія въ 21 день, князю Василью (Шуйскому) и Ондрѣю (Клешнину), и Елизарью (Вылузгину) Михаилова жена Битяговскаго на Михаила да на Григорья на Нагихъ подала челобитную, и въ челобитной пишетъ: велѣлъ, Государь, тотъ Михайло да Григорей убити мужа моего Михаила и сына моего Данила по недружбѣ, что, Государь, мужъ мой Михаило говорилъ многижда, да и бранился съ Михаиломъ за то, что онъ добываетъ безпрестанно ведуновъ и ведуней къ царевичю Дмитрею, а ведунъ, Государь, Ондрюшка Мочаловъ, тотъ безпрестанно жилъ у Михаила, да у Григорья, да у Ондрѣевы жены Нагово у Зеновьи; и про тебя, Государя, и про Царицу Михаило Нагой тому ведуну велѣлъ ворожити, сколко ты, Государь, долговѣченъ и Государыня Царица и проч.» Собр. гос. грам. и дог. т. II, № 60.

рѣшить, что онъ долженъ подвергнуться одинакой участи съ своими предшественниками, подъ предлогомъ общаго блага, для спокойствія государя и государства, собственно же говоря, для спокойствія *всѣхъ начальнѣйшихъ россійскихъ вельможъ*, совѣтомъ которыхъ Димитрій былъ удаленъ въ Угличь, и которые, потому самому, не могли ожидать для себя ничего хорошаго отъ его успѣха, отъ его воцаренія. И вотъ приходитъ въ Москву вѣсть, что царевичь погибъ въ Угличѣ страшною смертію, что при этомъ вспыхнулъ мятежъ въ городѣ, и разъяренный народъ убилъ нѣсколько человѣкъ, обвиняя ихъ въ смерти Димитрія. Правительство немедленно отправило слѣдователей разузнать подробнѣе обстоятельства дѣла; слѣдователи нашли, что царевичь самъ себя лишилъ жизни, наткнувшись на ножъ, въ припадкѣ падучей болѣзни, и это показаніе было признано истиннымъ на соборѣ святителей въ Москвѣ. Слѣдственное дѣло объ углицкомъ событіи и приговоръ о немъ собора дошли до насъ; но дошло до насъ также и другое извѣстіе, въ которомъ смерть царевича разсказана совершенно иначе: мы должны разсмотрѣть достовѣрность обоихъ свидѣтельствъ, сколько это возможно при настоящихъ средствахъ нашей науки. Обратимся сначала къ извѣстію лѣтописному, которое утверждаетъ, что Димитрій погибъ насильственною смертію, и обвиняетъ въ ней Бориса Годунова. Прежде нежели однако приступлю къ этому разсмотрѣнію, считаю необходимымъ указать еще разъ на точку зрѣнія, съ которой смотрю на событіе. Обыкновенно, обвиняя Бориса въ смерти царевича или оправдывая его, предполагаютъ, что онъ имѣлъ при этомъ въ виду овладѣть престоломъ по смерти Ѳедора. Но какое право имѣетъ историкъ дѣлать подобное предположеніе? на какомъ основаніи онъ будетъ заглядывать въ душу Годунова и читать ея тайные помыслы? Сошлется ли историкъ на показанія лѣтописцевъ? но онъ знаетъ, что лѣтописцы предполагали въ Борисѣ извѣстные замыслы и тогда еще, когда онъ не имѣлъ никакихъ способовъ къ ихъ осуществленію; достиженіе Годуновымъ престола, достиженіе естественное и необходимое приписано, безъ всякаго основанія, замыслу, задуманному и обдуманному еще въ царствованіе Грознаго. По нашему мнѣнію, въ дѣлѣ царевича Димитрія на Годунова должно смотрѣть какъ на главнаго участника только, а не какъ на единственнаго виновника убійства; не одинъ Годуновъ, но всѣ приверженцы Ѳедора, всѣ тѣ, которые прежде отослали Димитрія въ Угличь, теперь должны были заботиться объ окончательномъ его удаленіи. Но точно ли дерзнули на средство насильственное, точно ли послѣдній изъ удѣльныхъ князей испыталъ участь своихъ предшественниковъ? Вотъ возраженія, кото-

рыми стараются заподозрить лѣтописное сказаніе о смерти царевича (1).

Прежде всего предлагаютъ вопросъ: нужна ли была Годунову смерть царевича и видно ли было изъ прежнихъ его дѣяній намѣреніе погубить несчастнаго сироту? Говорятъ: Димитрій родился отъ седьмого брака Іоаннова и по тогдашимъ понятіямъ едва ли имѣлъ право на престолъ, по-крайней-мѣрѣ неоспоримое. — На это мы должны замѣтить, что Димитрій назывался царевичемъ, все государство признавало его такимъ, начиная отъ царя-брата; имя его поминалось въ церкви на эктеніяхъ; онъ имѣлъ удѣлъ, былъ окруженъ дворомъ царскимъ; его выставляли не только законнымъ наслѣдникомъ, но даже соперникомъ старшаго брата; наконецъ самое удаленіе его изъ Москвы показываетъ, какъ онъ былъ опасенъ.

Говорятъ: митрополитъ Діонисій, Шуйскій и другіе сановники, въ заговорѣ противъ Годунова, условились ударить челомъ царю, чтобъ онъ развелся съ неплодною супругою и взялъ другую, дабы имѣть наслѣдниковъ: слѣдовательно они не почитали Димитрія наслѣдникомъ! — Но здѣсь надобно обратить вниманіе на то, что Шуйскіе съ товарищами были сторонники Ѳедора, и слѣдовательно враги Димитрія. Добиваясь, чтобъ царь развелся съ Ириною, Шуйскіе имѣли въ виду удалить Годунова и вмѣстѣ желали видѣть наслѣдника у Ѳедора, который бы отнялъ надежду на престолъ у опаснаго для нихъ Димитрія. Отецъ Грознаго, великій князь Василій Ивановичъ развелся съ женою и вступилъ въ новый бракъ для того, чтобъ имѣть наслѣдника: неужели изъ этого поступка можно заключить, что родные и единоутробные братья великаго князя - Юрій и Андрей не имѣли права наслѣдовать ему на московскомъ престолѣ? Притомъ самъ Борисъ говорилъ митрополиту Діонисію, что хуже, если у Ѳедора будутъ дѣти, ибо тогда начнутся междоусобія между ними и дядею ихъ Димитріемъ: слѣдовательно Годуновъ былъ убѣжденъ въ правахъ послѣдняго.

Далѣе возражаютъ: Борисъ не велѣлъ молиться о Димитріи и поминать его имени на литургіи, мысля тѣмъ объявить царевича незаконнорожденнымъ: зачѣмъ было прибѣгать Борису къ этой лишней мѣрѣ, если онъ задумалъ убійство, — мѣрѣ, которая ясно обнаруживала непріязнь его къ Димитрію, навлекала на него неудовольствіе въ настоящемъ времени и оправдывала будущее сильное подозрѣніе въ предполагаемомъ убійствѣ? — Отвѣчаемъ: этотъ поступокъ свидѣтельствуетъ только, что Годуновъ съ товарищами шли постепенно

(1) Разсматриваемыя здѣсь возраженія предложены г. Погодинымъ въ статьѣ: Объ участіи Годунова въ убіеніи царевича Димитрія.

въ своихъ мѣрахъ противъ Димитрія, и что Годуновъ не задумывалъ овладѣть московскимъ престоломъ, истребивъ законныхъ наслѣдниковъ.

Говорятъ: задумавъ убійство, какъ Борисъ не удалилъ изъ Углича Нагихъ, своихъ зложелателей, какъ не избавился отъ кормилицы, будто бы преданной царицѣ? — На это легко отвѣчать, что подобная мѣра была опасна, ибо возбуждала сильное подозрѣніе. Также легко отвѣчать и на слѣдующее возрѣніе: не слишкомъ ли рано, говорятъ, въ 1591 году, думать было Борису о престолѣ, когда Ѳедору было еще только 34 года, когда онъ могъ имѣть еще дѣтей, что и дѣйствительно случилось, — когда онъ могъ вступить въ новый бракъ, послѣ естественной смерти супруги? — Но Годуновъ и не думалъ о престолѣ; онъ, съ товарищами, считалъ крайне опаснымъ дождаться, пока царевичь возростетъ и захочетъ привести въ исполненіе тѣ угрозы, которыя, по словамъ доносчиковъ, уже привыкалъ произносить дѣтскій языкъ его.

Наконецъ, говорятъ: неужели Борисъ, располагавшій духовенствомъ, съ сильною стороною между боярами, привлекшій къ себѣ народъ благодѣяніями, умѣвшій устроить дѣла такъ, что вся Россія, по смерти ѳеодоровой, нѣсколько дней на колѣняхъ просила его, мимо многихъ потомковъ Рюрика, о принятіи вѣнца и молила со слезами Бога о внушеніи ему сей мысли, — неужели Борисъ могъ бояться совмѣстничества съ семилѣтнимъ или четырнадцатилѣтнимъ отрокомъ, безъ подпоры въ церкви, дворянствѣ, гражданахъ, безъ положительнаго права? неужели онъ не могъ предвидѣть, что сей несчастный сирота былъ бы непремѣнно отверженъ народомъ, вслѣдъ за приверженцами правителя, если бы слуга борисовъ, патріархъ Іовъ, по рѣшенію собора и патріарховъ александрійскаго, антіохійскаго, константинопольскаго и іерусалимскаго, торжественно объявилъ народу съ лобнаго мѣста, что сынъ отъ седьмого брака не имѣетъ права на престолъ? — Положимъ, что Борисъ располагалъ духовенствомъ, имѣлъ сильную сторону между боярами, привлекъ народъ благодѣяніями; но мы не можемъ согласиться, чтобы вся Россія стала на колѣняхъ предлагать престолъ боярину, при жизни царевича. Намъ не нужно много распространяться объ этомъ предметѣ, стоитъ только вспомнить о появленіи Лжедимитрія и объ его успѣхѣ. Противъ этого возражаютъ: Лжедимитрій явился при другихъ обстоятельствахъ: за него была мнимая невинность, чудесное спасеніе, смерть Бориса. Тогда уже не думали о седьмомъ бракѣ, а видѣли только сына іоаннова, единственнаго наслѣдника; и кто былъ ему соперникомъ? юный Ѳеодоръ среди московскихъ бояръ, которые не любили Бориса. — Но если за Лжедимитрія была мнимая

невинность, чудесное спасеніе, смерть Бориса, то противъ него было самозванство, въ которомъ увѣрялъ народъ патріархъ Іовъ, проклявшій еретика; если не повѣрили Іову въ этомъ случаѣ, то основательно ли предполагать, чтобы положились на его рѣшеніе, когда бы онъ вздумалъ объявить, что царевичь, какъ незаконнорожденный, не имѣетъ права на престолъ. Борисъ самъ хорошо зналъ, что объявленіе Димитрія незаконнорожденнымъ произведетъ самое ничтожное вліяніе на умы русскаго народа, питавшаго сильную привязанность къ царскому дому и привыкшаго считать Димитрія царевичемъ: вотъ почему Борисъ въ сношеніяхъ съ польскимъ дворомъ упоминалъ о незаконности Димитрія, но не смѣлъ упомянуть о ней въ грамотахъ къ своему народу. Но положимъ даже, что какими бы то ни было средствами Годунову удалось бы захватить престолъ московскій мимо Димитрія, то неужели онъ могъ думать, что послѣдній позволилъ бы ему спокойно владѣть престоломъ? Неужели Борисъ могъ предполагать, что Димитрій въ борьбѣ съ нимъ не найдетъ ревностныхъ помощниковъ, тогда какъ находили ихъ всѣ прежніе удѣльные князья, воевавшіе съ московскими князьями и при меньшихъ правахъ, чѣмъ какія имѣлъ Димитрій надъ Борисомъ?

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, вопросъ о томъ: нужна ли была Борису смерть царевича? рѣшается утвердительно даже и въ томъ случаѣ, если предположимъ, что Годуновъ, во всемъ этомъ дѣлѣ, дѣйствовалъ одинъ, имѣя въ виду престолъ московскій. Но вопросъ представится въ совершенно иномъ видѣ, если мы станемъ смотрѣть на углицкое дѣло какъ на мѣру, принятую съ-вѣдома всѣхъ сторонниковъ Ѳедора, имѣвшихъ много причинъ бояться Димитрія и могшихъ оправдать себя государственною необходимостію и примѣрами предшествовавшими.

Разсмотримъ теперь возраженія, прямо направленныя противъ лѣтописнаго сказанія объ убіеніи царевича. Лѣтописецъ (1) говоритъ, что сначала хотѣли извести Димитрія ядомъ, но что это намѣреніе не удалось: лѣтописецъ приводитъ здѣсь свое объясненіе, Карамзинъ свое, но намъ нѣтъ нужды ни до того, ни до другого. Узнавъ о неудачѣ замысла — продолжаетъ лѣтописецъ — Борисъ призываетъ своихъ родственниковъ и людей близкихъ, которые были участниками тайны (2), и объявляетъ имъ, что отравленіе не удается, и потому нужно употребить другія средства. Совѣтники предлагаютъ послать убійцъ, указываютъ на двоихъ способныхъ къ тому людей, но тѣ

(1) Никон. VIII, 16.

(2) Не былъ тутъ одинъ Григорій Васильевичъ Годуновъ, который сначала объявилъ себя противъ насильственныхъ мѣръ, и потому не былъ призываемъ на совѣщаніе.

отказываются; тогда окольничій Андрей Клешнинъ ищетъ другихъ и находитъ, именно дьяка Михайла Битяговскаго, котораго и отправляютъ въ Угличь, вмѣстѣ съ сыномъ его Данилою и племянникомъ Никитою Качаловымъ. — Противъ этого разсказа возражаютъ ([3]): какъ! Борисъ почелъ за нужное совѣтоваться! Какой обыкновенный убійца (не говорю уже правитель, будущій царь, мнимый лицемѣръ) осмѣливается объявлять многимъ лицамъ о будущемъ своемъ преступленіи, и такимъ образомъ вручать имъ судьбу свою? Этотъ опытный знатокъ людей открывается опять двумъ человѣкамъ (двадцатымъ?), которые отказываются исполнить его порученіе и предаются гоненію (даже и не смерти?)! Могъ ли Борисъ знать этихъ людей и питать ихъ нерасположеніе къ себѣ, во всякомъ случаѣ опасное? Онъ вѣрно или убилъ бы ихъ, или наградилъ безъ мѣры. Наконецъ, отправляется въ Угличь Битяговскій, представленный Клешнинымъ, съ сыномъ и Качаловымъ, удостоенные также совершенной довѣренности Годунова... Не слишкомъ ли уже дешева эта довѣренность борисова? — На эти возраженія и вопросы отвѣчаемъ: обыкновенный убійца могъ обойтись безъ соучастниковъ и совѣтниковъ; но не могъ обойтись безъ нихъ правитель Годуновъ: не самому же ему было итти въ Угличъ для совершенія преступленія? и благоразумно ли было Годунову самому непосредственно сноситься съ убійцами? ясно, что онъ долженъ былъ для отклоненія всякаго подозрѣнія дѣйствовать чрезъ повѣреннаго, какимъ является Клешнинъ. Палицынъ говоритъ, что были люди, которые, выставляя безпрестанно опасность, грозившую московскому правительству со стороны Димитрія, склонили Бориса ко грѣху; лѣтописецъ выставляетъ также совѣтниковъ, которымъ Годуновъ не объявляетъ въ первый разъ о своемъ замыслѣ, не извѣщаетъ объ его неудачѣ, изъ чего ясно, что совѣтники эти изъ начала были участниками дѣла; изъ лѣтописнаго разсказа хорошо видно, какъ самъ Борисъ дѣйствовалъ нерѣшительно, вяло, какъ главную роль игралъ Клешнинъ, и вотъ Палицынъ, которому не для чего было уменьшать преступленіе Бориса, обвиняетъ больше совѣтниковъ его. Называютъ Годунова опытнымъ знатокомъ людей; но гдѣ же онъ показалъ свою опытность, свое знаніе? Говорятъ: Борисъ не могъ знать Загрязскаго и Чепчюгова, отказавшихся не исполнить его намѣреніе, онъ долженъ былъ или убить ихъ, или наградить безъ мѣры; легко сказать изслѣдователю: онъ долженъ былъ убить ихъ; трудно было Борису это сдѣлать. Борисъ искалъ пріобрѣсть привязанность гражданъ милостями, а не казнями, всего больше боялся

([3]) Я выбираю здѣсь только тѣ возраженія, которыя направлены противъ лѣтописнаго свидѣтельства; а не противъ карамзинскаго разсказа, до котораго мнѣ нѣтъ никакого дѣла.

онъ вооружитъ противъ себя общественное мнѣніе, и вотъ его заставляютъ убивать двухъ гражданъ — безъ вины! или заставляютъ награждать ихъ чрезъ мѣру, для возбужденія подозрѣній въ другихъ, для обнаруженія своей боязни предъ самими награжденными! Говорятъ: Борисъ (который былъ такъ остороженъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, что велѣлъ доносить, наприм., себѣ всякое слово сосланнаго Филарета) не умѣлъ *растолковать* убійцамъ (управлявшимъ домомъ и столомъ царицы), чтобы они сдѣлали свое дѣло какъ можно тише, осторожнѣе, по-крайней-мѣрѣ не днемъ, не при свидѣтеляхъ, всего менѣе при кормилицѣ, преданной Нагимъ? Опять скажу въ отвѣтъ: легко было бы Годунову растолковывать все это убійцамъ, но трудно было имъ исполнить его наказъ: трудно было имъ забраться ночью въ спальню царевича (вѣроятно еще онъ спалъ въ одной комнатѣ съ матерью); днемъ они убили его только при трехъ женщинахъ, а чтобы забраться къ нему въ спальню ночью, должны были подговаривать сторожей, постельницъ и т. д.; слѣдовательно имѣть гораздо болѣе трехъ свидѣтелей. Но положимъ даже, что Битяговскому съ товарищами удалось бы умертвить царевича ночью; но какъ бы они сами и тѣ, въ пользу которыхъ они дѣйствовали, объяснили это дѣло? Днемъ Димитрій могъ играть ножомъ въ тычку — и наколоться имъ, въ припадкѣ падучей болѣзни; но неужели можно было сказать, что царевичъ ночью игралъ въ тычку, что съ нимъ на постель клали ножъ? Главное дѣло было не въ томъ, какъ совершить убійство, но въ томъ, какъ объяснить его. Однимъ словомъ, въ лѣтописномъ разсказѣ объ убіеніи царевича мы не находимъ никакихъ невѣроятностей и несообразностей; напротивъ, разсмотрѣвши его внимательнѣе, не трудно открыть ясные признаки достовѣрности. Сюда принадлежатъ подробности, какія трудно было выдумать, особенно собственныя имена лицъ — Клешнина, Загрязскаго, Чепчюгова, извѣстіе о томъ, что Григорій Васильевичъ Годуновъ былъ противъ насильственныхъ мѣръ; вспомнимъ подробности о самомъ убійствѣ: о томъ, какъ Осипъ Волоховъ спросилъ на крыльцѣ у Димитрія: «у тебя, государь, новое ожерелье?» и какъ ребенокъ, поднявъ голову, отвѣчалъ ему: — «нѣтъ, старое!», какъ Волоховъ нанесъ неудачный ударъ и, оробѣвъ отъ крика кормилицы, бросился бѣжать, и какъ, уже послѣ, Битяговскій и Качаловъ докончили дѣло. Чтобы придумать все это, надобно было имѣть лѣтописцу искусство необыкновенное; и прежде всего: для чего было выдумывать? Для угожденія Романовымъ? Но толпа иностранцевъ, которые писали все до Романовыхъ, говоритъ единогласно, что царевича зарѣзали или покрайней-мѣрѣ хотѣли зарѣзать: слѣдовательно это былъ общій современный слухъ.

Мы разстотрѣли одно свидѣтельство; теперь обратимся къ другому, противорѣчащему, именно къ слѣдственному дѣлу, произведенному въ Угличѣ княземъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ съ товарищами. Изслѣдователи, желающіе оправдать Годунова, указываютъ на выборъ Шуйскаго, какъ на признакъ невинности борисовой; говорятъ, что Шуйскій принадлежалъ къ фамиліи, дѣлавшей страшные заговоры противъ правителя,—къ фамиліи, которой старшіе члены погибли отъ послѣдняго; слѣдовательно, если Борисъ былъ виноватъ, то какъ не устрашился онъ имѣть такого свидѣтеля противъ себя на всю жизнь? Положимъ, что Шуйскій увѣрялъ Бориса въ своей преданности, но кто могъ ручаться за будущее, чтобъ онъ не передался когда-либо на сторону своихъ родственниковъ и при случаѣ не отомстилъ ихъ гонителю? Съ другой стороны, какъ Шуйскій, подобно *баснословнымъ* (?) Чепчюгову и Загрязскому, не отказался, подъ благовиднымъ предлогомъ, отъ такого порученія, которое, кромѣ адскихъ мукъ, навлекало на него не только презрѣніе всего рода, но и ненависть россіянъ, если при исполненіи его должно было очевидно, передъ тысячами людей, кривить душою? Вспомнимъ, какъ благородно и смѣло велъ себя Шуйскій при Лжедимитріи, на престолѣ, въ Польшѣ. Еще не естественно ли подумать, что Шуйскій, оказавъ Борису такую услугу, сдѣлался ближайшимъ человѣкомъ къ нему? Совсѣмъ нѣтъ: въ остальныя семь лѣтъ царствованія Өеодорова и семь лѣтъ царствованія борисова онъ оставался въ одномъ положеніи, безъ особенныхъ знаковъ дружбы, даже милости борисовой. — Отвѣчаемъ: правда, князь Василій принадлежалъ къ фамиліи, враждебной Годунову, дѣлавшей заговоры противъ послѣдняго, но что самъ онъ не участвовалъ въ этихъ заговорахъ, доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что онъ остался невредимъ и съ прежнимъ значеніемъ. Правда, что Шуйскій принадлежалъ къ фамиліи, враждебной Годунову, но эта фамилія была также враждебна и Нагимъ и Димитрію; если, какъ выше было сказано, въ заговорѣ на жизнь удѣльнаго князя были всѣ сторонники Өеодора, то въ числѣ ихъ необходимо находился и Шуйскій. Здѣсь однако могутъ возразить: положимъ, что Шуйскій былъ противъ Димитрія; но теперь, когда опаснаго царевича не было болѣе, теперь князь Василій могъ вооружиться противъ Годунова. Но здѣсь вопросъ: какъ было ему это сдѣлать? Онъ зналъ изъ опыта, что предъ могущественнымъ вліяніемъ Бориса на царя не устояли ни Мстиславскіе, ни Шуйскіе, ни даже самъ митрополитъ; Шуйскаго разумѣется легче было обвинить въ клеветѣ, чѣмъ Діонисія, тѣмъ болѣе, что у Шуйскаго были товарищи, вполнѣ преданные Годунову и которые совершенно связывали у князя руки. Товарищемъ его былъ окольничій Клешнинъ, тотъ

самый, котораго лѣтопись представляетъ главнымъ дѣйствователемъ въ заговорѣ, которому слѣдовательно извѣстенъ былъ весь планъ, у котораго было все приготовлено; но важнѣе, авторитетнѣе и Клешнина и самого князя Василія было третье лицо, отправленное въ Угличъ, крутицкій митрополитъ Геласій. Мы видѣли, что митрополитъ Діонисій и крутицкій владыка Варлаамъ были свергнуты Годуновымъ, какъ отъявленные враги его; на ихъ мѣста онъ долженъ былъ возвести людей, совершенно себѣ преданныхъ, и возвелъ на митрополію Іова, на крутицкую архіепископію нашего Геласія; когда Іовъ сталъ патріархомъ, то Геласія переименовали въ митрополиты, и Геласій является при слѣдствіи на первомъ планѣ: онъ говоритъ Собору о просьбѣ царицы Марѳы, на его имя была подана челобитная городового прикащика Русина Ракова. Такимъ образомъ, поставивъ князя Шуйскаго между Геласіемъ и Клешнинымъ, Годуновъ могъ отпустить его въ Угличъ безъ всякаго страху. Далѣе, о какихъ родственникахъ говоритъ возражатель, на сторону которыхъ могъ передаться Шуйскій? Шуйскихъ, враговъ Годунова, князя Ивана и князя Андрея не было болѣе; фамилія Скопиныхъ-Шуйскихъ не участвовала во враждѣ къ Годунову; у князя Василія было трое младшихъ братьевъ — Димитрій, Иванъ, Александръ, слѣдовательно онъ, князь Василій, былъ старшимъ въ родѣ. На возраженіе: почему Шуйскій не отказался отъ такого порученія, отвѣчаемъ: какъ бы онъ смѣлъ отказаться, ослушаться воли царской? Извѣстно, что наши сановники осмѣливались ослушиваться царскихъ приказовъ только въ одномъ случаѣ, а именно, когда эти приказы противорѣчили ихъ мѣстническимъ отношеніямъ. Притомъ, собственно говоря, Шуйскій и не кривилъ душою: что было ему дѣлать, если Клешнинъ выставилъ передъ нимъ толпу людей, которые всѣ единогласно свидѣтельствовали, что царевичъ накололся самъ ножомъ. Наконецъ возражатель требуетъ, чтобы Борисъ наградилъ Шуйскаго. Но спрашиваемъ, въ чемъ должна была состоять эта награда? Князь Василій такъ высоко стоялъ по лѣствицѣ и по разряду, что повысить его было нечѣмъ; о личныхъ же отношеніяхъ между Годуновымъ и Шуйскимъ послѣ углицкаго дѣла мы заключать ничего не можемъ, потому-что ничего не знаемъ.

Отстранивъ возраженія касательно отправленія князя Шуйскаго въ Угличъ, приступимъ къ разбору самого слѣдственнаго дѣла. Здѣсь мы прежде всего должны замѣтить, что правдоподобіе, естественность этого акта никакъ не могутъ служить въ его пользу для тѣхъ, во мнѣніи которыхъ царевичъ погибъ насильственною смертію; ибо для нихъ чѣмъ естественнѣе и правдоподобнѣе будетъ слѣдственное дѣло, тѣмъ подозрительнѣе: для нихъ ясно, что Годуновъ и Клеш-

нинъ съ товарищами должны были употребить всѣ мѣры, чтобъ сдѣлать его какъ можно правдоподобнѣе и естественнѣе. Такимъ образомъ естественность и правдоподобіе слѣдственнаго дѣла можно выставлять на видъ только тогда, когда лѣтописное свидѣтельство будетъ сильно заподозрѣно; но мы видѣли, какъ трудно заподозрить его. Вотъ почему вѣроятно Карамзинъ рѣшился произнести о слѣдственномъ дѣлѣ тотъ строгій приговоръ, какой читаемъ въ его исторіи [1]; но мы ни въ какомъ случаѣ не считаемъ голословныхъ приговоровъ позволительными для историка, и потому должны приступить къ подробному разсмотрѣнію слѣдственнаго дѣла.

Мая въ 19-й день, въ-вечеру,— говоритъ разбираемый актъ,— пріѣхали въ Угличъ князь Василій Шуйскій, Андрей Клешнинъ и Елизаръ Вылузгинъ, и распрашивали они Михаила Нагова: «которымъ обычаемъ Царевича Димитрія не стало, и что у него была за болѣзнь; и для чего онъ, Нагой, велѣлъ убить Михаила Битяговскаго, и Михаилова сына Данила, и Никиту Качалова, и Данила Третьякова, и Осипа Волохова, и посадскихъ людей, и слугъ Битяговскаго и Волохова, и для чего онъ велѣлъ во вторникъ обирать ножи, и пищали, и палицу желѣзную и сабли, и класть на убитыхъ людей; и посадскихъ и изъ селъ многихъ людей для кого сбиралъ; и почему городового прикащика Русина Ракова приводилъ къ крестному цѣлованью, что ему стоять съ нимъ за одно, и противъ кого было имъ стоять?»

Слѣдователи пріѣхали 19 мая вечеромъ и въ тотъ же вечеръ сдѣлали допросъ Михаилу Нагому, и чтожъ спросили? не о томъ только, какъ приключилась смерть царевичу и какія были ея слѣдствія; но спросили: какая болѣзнь была у царевича, зачѣмъ онъ, Нагой, велѣлъ убить извѣстныхъ людей, зачѣмъ велѣлъ положить на нихъ оружіе, зачѣмъ сбиралъ людей, зачѣмъ приводилъ городового прикащика ко кресту? и проч. — Теперь вопросъ: какимъ образомъ слѣдователи могли узнать все это? Когда царевичъ погибъ, когда погибли и убійцы его, истинные или мнимые, то городъ остался во власти Нагихъ, которые что хотѣли, то дѣлали; ясно, что первое извѣстіе въ Москву о случившемся должны были дать они же и разумѣется дали его въ самомъ благопріятномъ для себя видѣ, не упоминая ни о болѣзни царевича, ни о томъ, что Нагой велѣлъ

[1] Въ текстѣ (т. X, гл. 2): «Князь Шуйскій началъ свои допросы: памятникъ его безсовѣстной лживости.... рѣшился допрашивать тайно, особенно, не міромъ, дѣйствуя угрозами и обѣщаніями: призывалъ, кого хотѣлъ; писалъ, что хотѣлъ».... Въ примѣч. 238: «Одни сіи допросы, явно ознаменованные дѣйствіемъ страха, угрозъ, принужденія, совѣсти нечистой, свидѣтельствуютъ о ковѣ Бориса Годунова».

убить Битяговскаго съ товарищами. Лѣтопись прямо говоритъ, что точно такое извѣстіе было прислано въ Москву, но что Годуновъ, вмѣсто его, представилъ царю заранѣе изготовленное извѣстіе о смерти царевича въ припадкѣ падучей болѣзни; но мы оставимъ свидѣтельство лѣтописи, ибо оно не служитъ здѣсь прямымъ и единственнымъ объясненіемъ дѣлу; изъ розыска открывается, что слѣдователи, пріѣхавъ въ Угличъ, прежде всего выслушали городового прикащика Русина Ракова, который обвинилъ Нагихъ и показалъ, что царевичъ убился самъ. Итакъ, въ самомъ началѣ акта мы уже замѣчаемъ подозрительную неточность: о Русинѣ Раковѣ ничего не сказано, и прямо дѣлается допросъ Нагому на основаніи показаній городового прикащика.

Михайло Нагой отвѣчалъ, что царевичъ зарѣзанъ Осипомъ Волоховымъ, Никитою Качаловымъ и Данилою Битяговскимъ,—что убійцъ побили черные люди, безъ его михайлова приказу,—что оружіе на убитыхъ положилъ Русинъ Раковъ самъ, также безъ его вѣдома, и къ присягѣ городового прикащика онъ, Михайло Нагой, не приводилъ. Тогда Русинъ сослался на брата михайлова, Григорія Нагова, и на слугу, Бориса Аѳанасьева, и тѣ показали, согласно съ прикащикомъ, что оружіе положено на убитыхъ по приказу Михаила Нагова. Сюда же подробности изъ челобитной того же Русина Ракова и изъ показанія сторожа Дьячьей Избы, Евдокима Михайлова: во вторникъ явился въ Дьячью Избу человѣкъ Михаила Нагова Тимоѳей, вмѣстѣ съ Русинымъ Раковымъ; Тимоѳей принесъ живую курицу, зарѣзалъ ее, кровью вымазали разнаго рода оружіе, которое Русинъ Раковъ и положилъ на трупы Битяговскаго съ товарищами. Сторожъ Евдокимъ и посадскій человѣкъ Василій Малаѳеевъ, который также мазалъ оружіе куриною кровью вмѣстѣ съ прикащикомъ, ничего не говорятъ о Михаилѣ Нагомъ, который не былъ самъ въ Дьячьей Избѣ; но Русинъ Раковъ утверждаетъ, что все было сдѣлано по приказу Михаила Нагова, и тоже подтверждаетъ, какъ мы видѣли, родной братъ послѣдняго, Григорій. Положимся на показанія этого Григорія, не будемъ предполагать, будто слѣдователи писали, что хотѣли, и послѣ обѣщаніями и угрозами заставили слабаго Григорія приложить руку къ невѣрному показанію; что же однако мы должны заключить изъ поведенія Михаила Нагова о разбираемомъ дѣлѣ? То, что Михаилъ Нагой, ничего самъ не видавши, въ первомъ пылу произвелъ или позволилъ произвести безразсудное убійство, потомъ опомнился, увидалъ, что дѣло должно кончиться худо, и, какъ человѣкъ, вовсе не отличавшійся смысломъ, прибѣгнулъ къ нелѣпому средству, которое вовсе не могло ничего доказать въ его пользу. Но мы не можемъ оставить розыска о поведеніи Михаила Нагова, не по-

казавши нѣкоторыхъ противорѣчій, встрѣчаемыхъ при этомъ въ слѣдственномъ дѣлѣ. Такъ, напримѣръ, Русинъ Раковъ говоритъ, что Михаилъ Нагой послалъ его, вмѣстѣ съ спасскимъ соборнымъ священникомъ Степаномъ, въ домъ къ Михайлѣ Битяговскому взять оттуда палицу, которую послѣ велѣлъ, обмазавши кровью, положить на трупы; но когда стали спрашивать священника Степана, то онъ объявилъ, что точно ходилъ съ прикащикомъ въ домъ къ Битяговскому и взялъ оттуда палицу, но когда ее принесли къ Михаилу Нагому, то послѣдній, по словамъ Степана, «велѣлъ ту палицу Русину Ракову беречь, какъ де ту палицу станутъ спрашивать, и та бы де палица не пропала». Но беречь, чтобъ не пропала, и положить на трупы, — двѣ вещи розныя! Потомъ: Русинъ Раковъ и сторожъ Евдокимъ Михайловъ показали, что во вторникъ вечеромъ слуга Михаила Нагова, Тимоѳей, принесъ въ Дьячью Избу курицу и оружіе, а другой слуга Нагова, Борисъ Аѳанасьевъ, въ распросѣ показалъ, что этотъ Тимоѳей еще въ понедѣльникъ вечеромъ «збѣжалъ, невѣдомо гдѣ»; и любопытно, что Тимоѳея у допроса не было. Но есть одно обстоятельство, которое еще важнѣе для насъ: почему не сдѣлали Михаилу Нагому второго допроса, почему не свели его на очную ставку съ братомъ Григоріемъ, съ слугою Борисомъ и Русинымъ и другими, почему не дали ему оправдаться противъ ихъ обвиненій? Мы ничего не знаемъ, остался ли Михаилъ Нагой при прежнемъ своемъ показаніи, или повинился; знаемъ только одно, что онъ не приложилъ руки къ своимъ рѣчамъ.

Какъ бы то ни было однако, поведеніе Нагихъ по смерти Димитрія есть обстоятельство побочное и ничего не объясняетъ намъ относительно сущности дѣла; велѣлъ ли Михайло Нагой положить оружіе на трупы Битяговскаго съ товарищами, или нѣтъ, — это нисколько не служитъ ни къ ихъ оправданію, ни къ ихъ обвиненію. Посмотримъ лучше, что показали Нагіе о самой смерти царевича. Михайло Нагой, какъ мы видѣли уже, сказалъ, что Димитрія зарѣзали Осипъ Волоховъ, Никита Качаловъ и Данила Битяговскій. Но онъ не объявилъ самаго главнаго, именно, кто сказалъ ему объ этомъ, потому-что самъ онъ не видалъ, какъ было дѣло, прибѣжавши уже на колокольный звонъ и думая, что горитъ во дворцѣ. Григорій Нагой показалъ противное, что царевичъ «набрушился самъ ножемъ въ падучей болѣзни»; но и Григорій не объявилъ главнаго, кто сказалъ ему о родѣ смерти царевича, потому-что самъ онъ также ничего не видалъ, прибѣжавши вмѣстѣ съ Михаиломъ. Но Григорій въ своемъ показаніи прибавляетъ чрезвычайно важное обстоятельство, именно, что они застали царевича еще въ живыхъ: «и прибѣжали на дворъ, ажно царевичь Дмитрей лежитъ, набрушился самъ ножемъ въ паду-

чей болѣзни, что и прежъ того на него болѣзнь была, а какъ они пришли, а Царевичь ещо живъ былъ и при нихъ преставился». И при этомъ Григорій Нагой не разсудилъ прибавить обстоятельствъ важныхъ: въ какомъ положеніи засталъ онъ царевича (кормилица показала, что онъ скончался на ея рукахъ), былъ ли у него или подлѣ него маленькій ножъ, которымъ онъ игралъ? и слѣдователи не заблагоразсудили объ этомъ спросить у него, удовольствовавшись голословнымъ показаніемъ человѣка не очевидца. Потомъ Григорій Нагой говоритъ, что когда прибылъ Битяговскій и набѣжало множество народу, то начали говорить, *невѣдомо кто*, что будто царевича зарѣзалъ Данила Битяговскій съ товарищами. Изъ другихъ показаній открывается, что этотъ *невѣдомо кто* была царица Марья, что Григорій Нагой вѣрилъ своей сестрѣ и по ея приказу билъ мамку Василису Волохову полѣномъ по бокамъ; а теперь что заставило его перемѣнить свое убѣжденіе? Одни скажутъ: онъ одумался, увидавъ неправду сестры и собственную; но другіе скажутъ, что онъ былъ улещенъ и застращенъ; а дѣло все по прежнему остается темнымъ. Наконецъ третій Нагой, Андрей, показалъ, что царевичъ ходилъ на заднемъ дворѣ, игралъ съ дѣтьми черезъ черту ножомъ, и вдругъ на дворѣ закричали, что царевича не стало, царица сбѣжала сверху, а онъ, Андрей, въ то время сидѣлъ за столомъ; услыхавъ крикъ, и онъ прибѣжалъ къ царицѣ и видитъ, что царевичъ лежитъ на рукахъ у кормилицы *мертвъ; а сказываютъ, что его зарѣзали:* а онъ того не видалъ, кто его зарѣзалъ, а на царевичѣ бывала болѣзнь падучая. — Это показаніе, съ перваго взгляду, естественнѣе и правдоподобнѣе прочихъ; но вотъ что замѣчательно: Андрей Нагой сидѣлъ во дворцѣ за обѣдомъ и сбѣжалъ на дворъ тотчасъ за царицею, какъ только услышалъ крикъ, и нашелъ уже царевича мертвымъ на рукахъ кормилицы, а Григорій Нагой обѣдалъ у себя на подворьѣ, прибѣжалъ уже на звонъ колоколовъ и нашелъ еще царевича живымъ?.. Что же мы должны заключить объ этихъ показаніяхъ? То, что всѣ они, по своему явному противорѣчію и утайкѣ главныхъ обстоятельствъ, должны быть заподозрѣны и отстранены. Но обратимся къ показаніямъ очевидцевъ: они должны намъ прояснить дѣло.

Мамка Василиса Волохова, которую лѣтописное сказаніе обвиняетъ въ соумышленіи съ убійцами, показала, что царевичъ игралъ съ дѣтьми ножомъ и, въ припадкѣ падучей болѣзни, покололся самъ въ горло; тогда царица Марья сбѣжала на дворъ и начала ее, Василису, бить полѣномъ, и голову ей пробила во многихъ мѣстахъ, приговаривая, что Димитрія зарѣзали сынъ василисинъ Осипъ, вмѣстѣ съ Даниломъ Битяговскимъ и Никитою Качаловымъ, и не слушая никакихъ оправданій; потомъ царица велѣла бить ее, Василису,

брату своему Григорью Нагому, послѣ чего бросили ее замертво. Затѣмъ начали звонить у Спаса въ колокола, сбѣжались посадскіе люди, и царица Марья велѣла имъ взять ее, Василису: мужики взяли ее, ободрали и простоволосу держали предъ царицею; прибѣжалъ на дворъ Михайло Битяговскій и началъ уговаривать посадскихъ людей и Михаила Нагова, но царица и Михайло Нагой велѣли убить Михайла Битяговскаго, и проч. Василиса объявила, что вмѣстѣ съ нею во время смерти царевича были: кормилица Ирина и постельница Марья Самойлова; спросили и этихъ женщинъ; кратко и сжато, почти въ однихъ словахъ, онѣ объявили, что царевичъ игралъ съ дѣтьми и въ припадкѣ падучей болѣзни накололся самъ ножикомъ. Эта краткость и сжатость показаній подозрительны. Спросили и дѣтей, игравшихъ съ Димитріемъ; они показали тоже, что и женщины; слѣдователи спросили у нихъ: кто еще съ ними былъ на дворѣ во время смерти царевича? дѣти указали *дважды* на кормилицу Ирину и на постельницу Марью Самойлову, но пропустили -- Василису Волохову! И слѣдователи не обратили вниманія на это обстоятельство, которое, въ нашихъ глазахъ, подрываетъ все свидѣтельство дѣтей, ибо ясно, что они говорили, сами не зная что, когда вмѣсто трехъ женщинъ указали только на двухъ, и пропустили именно самую главную, ибо мамка важнѣе кормилицы и постельницы. Кромѣ трехъ женщинъ и дѣтей, явился еще одинъ очевидецъ, стряпчій Семейка Юдинъ, который сказалъ, что стоялъ въ то время у поставца и самъ видѣлъ, какъ царевичъ накололся ножомъ въ припадкѣ падучей болѣзни. Вотъ и всѣ очевидцы! остальныя же лица говорили по чужимъ рѣчамъ; вотъ почему странно и подозрительно видѣть, какъ всѣ эти люди, сами ничего не видавши, несмотря на то, говорятъ утвердительно, что царевичъ игралъ съ дѣтьми и въ припадкѣ падучей болѣзни самъ наткнулся на ножъ. Но кромѣ приведенныхъ, есть еще другія обстоятельства, заподозрѣвающія актъ. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ вопросъ: кто и когда началъ первый звонить у Спаса и этимъ привлекъ толпу народа на дворъ царевичевъ? Михайло и Григорій Нагіе показали, что они прибѣжали съ своего подворья къ царевичеву, будучи встревожены колокольнымъ звономъ; Василиса же Волохова объявила, что Григорій Нагой находился у царевича и билъ ее полѣномъ прежде, нежели начали звонить у Спаса; Григорій Нагой прибавилъ, что въ колоколъ началъ звонить пономарь, прозвищемъ Огурецъ. Константиновской церкви пономарь, вдовый попъ Ѳедотъ Аѳанасьевъ, прозвищемъ Огурецъ, былъ потребованъ къ допросу и показалъ, что онъ сидѣлъ дома, когда у Спаса зазвонилъ сторожъ Максимъ Дмитріевъ Кузнецовъ, и онъ, Огурецъ, отъ себя съ двора побѣжалъ въ городъ, и какъ прибѣжалъ къ церкви къ Спа-

су, и къ нему навстрѣчу бѣжитъ Кормового дворца стряпчій Субота Протопоповъ, и велѣлъ ему у Спаса въ колоколъ звонить, да ударилъ его въ шею и заставилъ его силою звонить, а говорилъ ему Субота передъ Григорьемъ Нагимъ, а сказалъ, что ему велѣла звонить царица Марья, и онъ потому и звонилъ въ колоколъ. А Григорій Нагой сказалъ: «того онъ не слыхалъ, что тому попу Ѳедоту велѣлъ звонить Субота Протопоповъ; а то ему Григорью сказывалъ онъ же попъ Ѳедотъ, что-де велѣлъ ему звонить Субота; а прибѣжалъ было къ нему въ колокольню Михайло Битяговскій, и онъ заперся и въ колокольню его не пустилъ». А Субота Протопоповъ, поставленный на очную ставку съ попомъ Ѳедотомъ, сказалъ: «какъ пріѣхалъ на дворъ Михайло Нагой, и велѣлъ ему Суботѣ звонить въ колокола для того, чтобъ міръ сходился; и онъ и приказалъ пономарю Огурцу звонить». Такимъ образомъ звонъ произошелъ по приказу Нагихъ, а Нагіе показываютъ, что они сами прибѣжали на звонъ; но если они солгали, то какъ очутились они на дворѣ у царевича? кто имъ далъ знать о несчастіи? какъ слѣдователи не обратили вниманія на это важное обстоятельство? Мало того, Огурецъ объявляетъ, что онъ самъ прибѣжалъ на звонъ, что первый началъ звонить у Спаса сторожъ Максимъ Дмитріевъ Кузнецовъ; но теперь: для чего Суботѣ нужно было толкать Огурца въ шею и заставлять его звонить, когда уже звонъ былъ произведенъ? куда дѣвался Кузнецовъ? какъ слѣдователи не обратили вниманія на эту путаницу и не потребовали къ допросу Кузнецова? Далѣе: константиновской церкви священникъ Богданъ показалъ, что онъ въ тотъ день, въ субботу, обѣдалъ у Михайлы Битяговскаго; вдругъ зазвонили въ городѣ у Спаса въ колоколъ; Битяговскій послалъ своихъ людей провѣдать, зачѣмъ звонятъ, и думалъ, что гдѣ-нибудь пожаръ; посланные возвратились и сказали, что царевича Димитрія не стало; тогда Михайло *тотчасъ* пріѣхалъ на дворъ къ царевичу, началъ уговаривать посадскихъ людей и былъ ими убитъ; а сынъ Михайлы Битяговскаго Данила былъ въ то время у отца своего на подворьѣ, обѣдалъ. Священникъ показалъ, что Битяговскій дома еще узналъ о смерти царевича и тотчасъ отправился во дворецъ; а углицкіе розсыльщики показали, что Михайло Битяговскій, услыхавъ шумъ, пошелъ вмѣстѣ съ сыномъ въ Дьячью Избу; здѣсь сытникъ Кирилла Моховиковъ извѣстилъ его, что царевичъ боленъ падучею болѣзнію (еще только!) и Битяговскій отправился къ царицѣ, а сынъ его остался въ Дьячьей Избѣ. – Теперь: какое изъ этихъ двухъ показаній справедливо? Если справедливо показаніе священника Богдана, то Михайлѣ Битяговскому, извѣщенному, что царевича не стало, не зачѣмъ было сначала итти въ Дьячью Избу: онъ долженъ былъ прямо спѣшить

во дворецъ. Разумѣется, что для уясненія этого противорѣчія нужно было спросить сторожа Дьячей Избы, Евдокима Михайлова: только онъ могъ сказать, былъ ли Михайло Битяговскій въ Избѣ, и какъ попалъ туда сынъ его Данило, какъ вмѣстѣ съ послѣднимъ очутился тамъ и Качаловъ? Но сторожа Евдокима спросить объ этомъ не заблагоразсудили; правда, его спрашивали, но совершенно о другомъ, а именно, какъ слуга Михайла Нагова закололъ курицу и мазалъ ея кровью оружіе, которое Русинъ Раковъ положилъ на трупы Битяговскаго съ товарищами, будто бы по приказу Михайла Нагова. Спрашивали и Кирилла Моховикова, который, по объявленію розсыльщиковъ, первый далъ знать Битяговскому о болѣзни царевича; Моховиковъ не сказалъ ни слова о томъ, давалъ ли онъ вѣсти Битяговскому: онъ объявилъ только, что когда царевичъ покололся ножомъ, и начали звонить, то Михайло Битяговскій прибѣжалъ къ двору, къ воротамъ, а ворота были заперты (!), и онъ, Моховиковъ, побѣжалъ къ Михайлѣ къ воротамъ, и Михайлѣ ворота отперъ; и какъ Михайло взошелъ на дворъ и началъ посадскихъ и всякихъ людей уговаривать, то Моховикова начали бить (за что?) и забили на смерть, руки и ноги переломали. Какимъ образомъ ворота были заперты, когда толпа народу находилась уже на дворѣ; когда нарочно велѣно было звонить, чтобъ народъ собирался на дворъ, и за что били Моховикова? На эти обстоятельства слѣдователи не обратили никакого вниманія, упустили изъ виду и слова пономаря Огурца, что Михайло Битяговскій прибѣгалъ къ нему на колокольню, но что Огурецъ заперся и на колокольню его не пустилъ. Сообразивъ всѣ означенныя обстоятельства, что же историкъ долженъ заключить о слѣдствіи? то, что оно было произведено самымъ недобросовѣстнымъ образомъ; ясно видно, какъ спѣшили собрать какъ можно болѣе свидѣтельствъ о томъ, что царевичъ зарѣзался самъ въ припадкѣ падучей болѣзни, не обращая никакого вниманія на противорѣчія и на скрытіе самыхъ главныхъ обстоятельствъ. Но если бы разбираемый актъ носилъ въ себѣ и болѣе признаковъ достовѣрности, то и тогда былъ ли бы онъ вполнѣ успокоителенъ для историка? Изъ соображенія всѣхъ показаній обнаруживается, что виновницею всей смуты была царица Марья, которая первая произнесла имена убійцъ; но она сама не была свидѣтельницею несчастія; слѣдовательно она или выдумала это обстоятельство, или услыхала о немъ отъ которой-нибудь изъ женщинъ. Положимъ, что выдумала, но странно, почему она назвала именно троихъ людей: Данила Битяговскаго, Никиту Качалова и Осипа Волохова; почему она не назвала Михаила Битяговскаго, главнаго врага ей братьевъ и ея самой? Это было бы гораздо естественнѣе! Митрополитъ Геласій, возвратясь въ Москву,

говорилъ на соборѣ святителей: «Царица Марья, призвавъ меня къ себѣ, говорила мнѣ съ великимъ прошеньемъ: какъ Михаила Битяговскаго съ сыномъ и жильцовъ побили, и то дѣло учинилось грѣшное, виноватое, чтобъ мнѣ челобитье ея донести до Государя Царя и В. Князя, чтобъ Государь тѣмъ бѣднымъ червемъ, Михаилу съ братіею, въ ихъ винѣ милость показалъ». Оставя въ сторонѣ подозрительный характеръ Геласія, скажемъ только, что если бы царица и точно говорила ему такимъ образомъ, то изъ ея словъ еще вовсе нельзя заключать, что она признавалась въ собственной винѣ; поступокъ Нагихъ она называетъ грѣшнымъ и виноватымъ: онъ и точно былъ таковъ, ибо Битяговскій съ товарищами былъ убитъ безъ суда, безъ государева указа, — однимъ словомъ, самымъ беззаконнымъ образомъ, за что Нагіе подлежали наказанію, если бы даже вина Битяговскаго была объявлена самимъ правительствомъ. Но если сама царица не выдумала обстоятельствъ убійства, то должна была услыхать о нихъ отъ которой-нибудь изъ трехъ женщинъ: отъ которой же именно? Лѣтописное сказаніе благосклонно отзывается о кормилицѣ Иринѣ Ждановой; хотя эта Жданова при допросѣ показала, что царевичъ зарѣзался самъ въ припадкѣ падучей болѣзни, однако въ показаніи ея есть подозрительное выраженіе: «ходилъ царевичъ Дмитрей въ суботу по двору, игралъ съ жилцы ножикомъ, *и она того не уберегла*, какъ пришла на царевича болѣзнь черная». Къ чему это обвиненіе: «и она того не уберегла?» она не одна была при царевичѣ, онѣ всѣ три не уберегли, и въ этомъ случаѣ особенно виновата мамка Волохова, какъ главная. Не видна ли здѣсь поддѣлка въ показаніи и цѣль — сложить всю вину на Ирину, которая показывала не то, что хотѣли? Далѣе: мамка Волохова, кормилица Жданова и постельница Колобова показали одинаково, что Димитрій закололся самъ; почему же одну только Ирину Жданову и вмѣстѣ съ мужемъ ея вытребовали въ Москву? Изъ соображенія этихъ обстоятельствъ видно, что именно Ирина объявила царицѣ объ убійствѣ; но почему же объ этомъ нѣтъ ничего въ розыскѣ? Царицу должны были спросить, хотя тайно, какъ приключилась смерть, и кто ей сказалъ объ убійствѣ? Царица не могла сказать, что сама видѣла, да и для чего ей было укрывать кормилицу; еслибъ она скрыла, то засвидѣтельствовали бы мамка и постельница.

Крайне недобросовѣстно было произвести подобное слѣдствіе; но еще недобросовѣстнѣе было основаться на немъ, какъ основался патріархъ Іовъ, который такъ говорилъ на Соборѣ: «Передъ Государемъ Царемъ и В. Княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ всея Русси, Михаила и Григорья Нагихъ и Углетцкихъ посадскихъ людей измѣна явная, что Царевичю Дмитрею смерть учинилась Божьимъ судомъ; а

онъ Михаило Нагой Государевыхъ приказныхъ людей, діяка Михаила Битяговскаго съ сыномъ, и Микиту Качалова, и иныхъ дворянъ и жилцовъ и посадцкихъ людей, которые стояли за правду и разговаривали посадцкимъ людемъ, что они такую измѣну здѣлали, велѣлъ побити напрасно, умышленьемъ за то, что Михаило Битяговской съ нимъ съ Михаиломъ съ Нагимъ *бранился почасту за Государя, что онъ Михаило Нагой держалъ у себя ведуна Ондрюшу Мочалова и иныхъ многихъ ведуновъ*, и за тое великое измѣнное дѣло Михаило Нагой съ братьею и мужики Углечане, по своимъ винамъ, дошли до всякого наказанья. А то дѣло земское градцкое, въ томъ вѣдаетъ Богъ да Государь и В. Князь Θедоръ Ивановичь всей Руссіи, все въ его Царской рукѣ, и казнь и опала и милость, о томъ Государю какъ Богъ извѣститъ; а наша должная молити Господа Бога... о Государѣ Царѣ Θедорѣ Ивановичѣ всеа Русіи, и о Государынѣ Царицѣ и В. Княгине Ирине, о ихъ государскомъ многолѣтнемъ здравіи, *и о тишинѣ межьусобной брани*». Я нарочно привелъ собственныя слова патріарха, чтобъ дать замѣтить, какъ здѣсь выставляется измѣна Нагихъ, державшихъ ведуновъ, какъ выставлена заслуга Битяговскаго, бранившагося съ Нагими *за государя*, и какъ наконецъ выставлена обязанность духовенства молиться *о тишинѣ междоусобной брани*.

Послѣ подробнаго разсмотрѣнія обоихъ свидѣтельствъ, что же мы должны заключить объ углицкомъ дѣлѣ? То, что при настоящихъ средствахъ нашей науки, прежде отысканія новыхъ достовѣрныхъ извѣстій, нѣтъ возможности и нѣтъ права заподозрѣвать лѣтописное сказаніе въ пользу извѣстій, помѣщенныхъ въ слѣдственномъ дѣлѣ. Но мы опять здѣсь повторимъ свое мнѣніе, что, будучи главнымъ участникомъ, Годуновъ не былъ единственнымъ виновникомъ смерти царевича, на которую рѣшился или согласился для самосохраненія, подъ предлогомъ государственнаго блага, но вовсе не съ цѣлію истребленіемъ Рюриковичей проложить себѣ дорогу къ престолу [1].

---

[1] Говорятъ, что противъ Годунова разсѣяно въ лѣтописяхъ много нелѣпыхъ обвиненій, изъ которыхъ нельзя ли заключить, хотя по аналогіи, что и первое преступленіе, убіеніе Димитрія, приписывалось ему отъ предубѣжденія? — На это замѣтимъ, что такое заключеніе будетъ прежде всего не историческое, ибо извѣстно, что всякому знаменитому историческому лицу приписывается обыкновенно много лишняго какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ отношеніи; но изъ этого лишка мы не заключаемъ, что извѣстное историческое лицо не сдѣлало ничего хорошаго или ничего дурного. Вспомнимъ только о Наполеонѣ! Приведемъ и примѣръ изъ нашей исторіи: Курбскій обвиняетъ Ивана III въ смерти собственнаго сына и въ заключеніи родного брата и внука; мы знаемъ, что первое — нелѣпость, а второе справедливо. А сколько лишнихъ злодѣйствъ накину-

Не долго однако Борисъ могъ быть празденъ отъ мысли о престолѣ: царь Θедоръ имѣлъ отъ Ирины одну только дочь, но и та скоро умерла. Недужный царь, дряхлѣя, приближался къ гробу, и страшный вопросъ о томъ, кто долженъ будетъ наслѣдовать скипетръ Грознаго, этотъ великій вопросъ началъ волновать всѣхъ, и преимущественно долженъ былъ волновать Годунова; побѣдивши всѣхъ соперниковъ, ставши всемогущимъ правителемъ, при сынѣ Θедора Годуновъ оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ при отцѣ—человѣкомъ ближайшимъ къ престолу по близкому родству съ царемъ; но когда Θедоръ умиралъ бездѣтнымъ, то Борису не оставалось ничего болѣе, какъ изъ правителя сдѣлаться царемъ; что онъ теперь хотѣлъ царства и долженъ былъ домогаться его всѣми средствами — это естественно и необходимо уже по одному тому, что въ случаѣ не избранія ему предстояла гибель. И вотъ роковая минута наступила, царь преставился; соперниковъ было много: Рюриковичи, Гедиминовичи, Романовы — двоюродные братья покойнаго царя; но за Годунова была власть, къ которой привыкли, за Годунова былъ патріархъ, который въ безгосударное время былъ начальнымъ человѣкомъ, нашлось и право важное. Лѣтопись прямо говоритъ, что умирающій царь Θедоръ завѣщалъ женѣ своей Иринѣ не царствовать, но постричься, а на вопросъ патріарха Іова: кому приказываетъ царство, отвѣчалъ, что въ немъ воленъ Богъ, какъ ему угодно, такъ и будетъ, съ царицею же у нихъ улажено, какъ ей жить послѣ его смерти (1). Несмотря на то, въ грамотахъ, писанныхъ подъ вліяніемъ Іова, указывается на распоряженіе Θедора въ пользу Ирины; впрочемъ только въ двухъ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ прямо говорится, что царь *вручилъ* скипетръ Иринѣ (2); въ остальныхъ же говорится неопредѣленно, что Θедоръ *оставилъ* Ирину на престолѣ. Какъ бы то ни было, патріархъ и, по его примѣру, всѣ другіе, тотчасъ по кончинѣ царя, присягнули царицѣ Иринѣ; когда же она отказалась отъ престола, то онъ переходилъ естественно къ ея брату (3). Однако, какъ видно,

---

то на память Грознаго! изъ этого слѣдуетъ ли заключить, что онъ во всю жизнь не пролилъ капли крови?

(1) Никон. VIII, 34.

(2) Въ жизни царя Θедора, которое написано Іовомъ, и еще въ спискѣ сановниковъ, въ Древ. Росс. Вивліоѳ. т. XX, стр. 66.

(3) Акты арх. эксп. т. II, стр. 1: Окружная грамота патріарха Іова о трехдневномъ молебствіи по случаю восшествія на престолъ царя Бориса Θедоровича; здѣсь патріархъ указываетъ на право Бориса по естественному преемству: «а В. Государыня Ирина на своемъ государствѣ быти не восхотѣла... И мы, богомольцы ее, и боляре, и весь царьскій сигклитъ и всѣ православные христіяне, всенародное множество всея земля россійскаго государьства, многажды молихомъ ея по многи дни, чтобы она государыня насъ пожаловала, благословила на Російское

одинъ только патріархъ опирался на это право; для другихъ же новость положенія и поспѣшное отреченіе и постриженіе Ирины заставляли забывать о естественномъ преемствѣ Годунова послѣ сестры, и потому необходимо было избраніе. Кто же долженъ былъ дѣйствовать на первомъ планѣ въ этомъ случаѣ? чьему указанію должны были повиноваться люди, пораженные новостію положенія, не знавшіе, какъ начать дѣло? На первомъ планѣ въ эту критическую для государства минуту стоялъ патріархъ. Всего лучше на значеніе патріарха указываютъ дошедшіе до насъ отъ этого времени дѣла мѣстническія: изъ нихъ мы видимъ, что патріархъ находился тогда въ челѣ государственнаго управленія: онъ съ соборомъ и боярами приговариваетъ, онъ пишетъ объ исполненіи приговоровъ (¹); Годуновъ, зная, что можетъ получить престолъ только чрезъ патріарха, сдалъ ему правленіе и удалился къ сестрѣ въ Новодѣвичій монастырь (²). Если таково было положеніе Іова, то ясно, что ему принадлежалъ первый голосъ и самое сильное вліяніе при выборѣ царя. И патріархъ, стремясь доставить престолъ своему благодѣтелю Годунову, спѣшитъ выставить свое значеніе, свои права: царь избирается Богомъ, но чьими же устами Богъ изрекаетъ свою волю, какъ не устами человѣка, на которомъ почилъ Духъ Его? Вотъ что говоритъ Іовъ въ соборномъ опредѣленіи объ избраніи Годунова (³): «Мы видѣли россійское царство безгосподарно, и стадо Христово небрегомо и гиблемо, и потому сильно скорбѣли мы и въ печали были великой, какъ овцы, неимущіе пастыря. И по благодати св. Духа, дошедшей и до насъ смиренныхъ епископовъ, имѣемъ власть, въ качествѣ апостольскихъ

царьство государева царева и В. князя Θеодора Ивановича, шурина, а своего брата, государя нашего Бориса Θедоровича». — Къ грамотѣ приложена форма эктеніи и многолѣтія: на эктеніяхъ поминали сперва благовѣрную царицу и В. княгиню иноку Александру (Ирину), и потомъ уже державнаго государя благовѣрнаго и христолюбиваго царя и В. князя Бориса.

(¹) И писалъ государыне царице иноке Александре Θеодоровне изъ Смоленска Трубецкой на Голицына, что Голицынъ ни которыхъ дѣлъ съ нимъ не дѣлаетъ, будто его меньши быть не вмѣстно, и по гос. царицыну указу бояре князь Θ. И. Метиславскій съ товарыщи о томъ сказывали патріарху Іову, и по гос. царицы указу патр. Іовъ писалъ къ Голицыну, чтобъ онъ дѣла всякіе дѣлалъ съ Трубецкимъ.... а не учнетъ дѣлати и патріархъ Іовъ со всѣмъ соборомъ и со всѣми бояры приговорили его Трубецкому послать головою. — Изслѣдов. Волуева. Мѣстнич. стр. 147.

(²) Годуновъ отвѣчалъ патріарху на предложеніе короны: «Нынѣ бы намъ промышляти какъ устроити праведная и безпорочная душа пресвѣтлаго государя моего Царя и В. Князя Θедора Ив. всея Русіи самодержца, а о государствѣ и о земскихъ всякихъ дѣлѣхъ радѣти и промышляти и правити бы государство тебѣ государю моему отцу святѣйшему Іеву патріарху московскому и всея Руссіи, и съ тобою бояромъ.» — Акты арх. эксп. т. II, № 7.

(³) Тамъ же, № 6.

учениковъ многоиспытанныхъ, сошедшись соборомъ, по правиламъ, поставлять своему отечеству пастыря и учителя и царя, его же Богъ избралъ». Опираясь на свои права, патріархъ, съ толпою преданныхъ людей, предложилъ Годунову престолъ, тотчасъ же послѣ отреченія Ирины; но Борисъ менѣе всего былъ способенъ рисковать чѣмъ бы то ни было, особенно цѣлою будущностію. Прежде всего осторожный и подозрительный по природѣ, по школѣ, какъ ученикъ Грознаго, и по привычкѣ, какъ бояринъ, достигшій первенства чрезъ множество крамолъ придворныхъ, Годуновъ не могъ удовольствоваться приверженностію патріарха, нѣсколькихъ бояръ и извѣстной небольшой части московскаго народонаселенія; онъ зналъ о противоборствѣ знатнѣйшихъ бояръ, не надѣялся и на приверженность московскаго народонаселенія, особенно торговыхъ людей, которые еще помнили казнь Ѳедора Нагая съ товарищами; Годуновъ зналъ также, что патріархъ дѣйствовалъ силою въ его пользу, что въ своемъ стремленіи встрѣчалъ могущественное противоборство, терпѣлъ оскорбленія (1). Вотъ основанія, почему Борисъ никакъ не могъ согласиться принять престолъ тотчасъ по первому предложенію патріарха, но требовалъ созванія выборныхъ изо всѣхъ городовъ, которые, привыкши повиноваться Москвѣ, разумѣется безъ возраженій согласятся на предложеніе патріарха, теперь начальнаго человѣка въ московскомъ государствѣ. Іовъ имѣлъ нѣсколько тайныхъ совѣщаній съ Борисомъ и тронулся, какъ видно, представленіями послѣдняго, ибо рѣшился отложить дѣло до съѣзда выборныхъ (2). И вотъ, выборные

(1) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 82. Прощальная грамота Іова; здѣсь онъ говоритъ: «Взыде на престолъ Борисъ Ѳедоровичь.... сего ради отъ печали свободу приняхъ, и порадовахся велми о немъ государѣ и во благоденствіи пребывахъ, понеже бо зело всячески мя преупокои во вся дни живота моего. Егда же бѣхъ на коломенскои епископьи, и на ростовскои архиепископьи, такоже и въ митрополитехъ и на патріаршескомъ степени, яко не могу по достоянію изрещи превеликия его царския милости къ себѣ смиренному».... Тамъ же: «Ещежъ къ симъ во многи скорби и печали впадохъ о преставленіи сына моего Ѳедора Ивановича и всяко вещемъ сопротивное нападе на мя озлобленне, и клеветы, укоризны, рыданиежъ и слезы, сия убо вся мене смиренаго достигоша.» — Слѣдовательно Іову не легко досталось достигнуть своей цѣли — доставить царство Борису.

(2) Акты арх. эксп. т. II, № 7. Грамота, утвержденная объ избраніи Бориса. Іовъ говоритъ: «а блаженные памяти при великомъ государѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, по его царскому приказу, правилъ онъ же государь Борисъ Ѳедоровичъ.» Тамъ же: «И по вся дни многожда святѣйши Іевъ патріархъ наединѣ съ государемъ Борисомъ Ѳедоровичемъ особь моля ме со слезами.... Государь же Борисъ Ѳедоровичь никакоже повинуяся глаголемымъ. И паки св. Іевъ патріархъ съ митрополиты.... и съ бояры по многи дни моляху.... Государьже Борисъ Ѳедоровичъ не преклонися никако же къ моленію ихъ. Святѣйши же Іевъ о семъ по-

пріѣхали; вмѣстѣ съ боярами отправились они къ начальному человѣку, къ патріарху (1), и молили его указать, кого бы имъ избрать на царство. Іовъ началъ говорить, сказалъ, какъ по смерти царя Θеодора Ивановича присягнули царицѣ Иринѣ, какъ Ирина не захотѣла царствовать и ушла въ монастырь, какъ просили ее благословить на царство брата Бориса Θедоровича, просили и самого Бориса, и какъ онъ отказался; потомъ патріархъ продолжалъ: «И вы бы теперь о томъ великомъ дѣлѣ намъ и всему освященному собору мысль свою объявили и совѣтъ дали: кому на великомъ преславномъ государствѣ государемъ быть?» и, вовсе не дожидаясь объявленія мысли и совѣта, продолжалъ: «А у меня Іова патріарха и у всего освященнаго вселенскаго собора, и у бояръ и у дворянъ, и у приказныхъ у всякихъ людей, и у гостей, и у всѣхъ православныхъ христіанъ, которые были на Москвѣ, мысль и совѣтъ у всѣхъ единодушно, что намъ мимо государя Бориса Θедоровича иного государя никого не искать и не хотѣть». Что было отвѣчать на это выборнымъ? Разумѣется они сказали въ одинъ голосъ, что они думаютъ одинаково съ патріархомъ, боярами, дворянами и всѣмъ православнымъ христіянствомъ московскимъ. Тогда Іовъ распространился о правахъ и заслугахъ Годунова, говорилъ, что царь Иванъ взялъ Ирину и Бориса еще въ несовершенномъ возрастѣ во дворецъ, и Борисъ былъ при немъ безотступно «и отъ премудраго его царскаго разума государственному чину и всему потребному навыкъ». По смерти царевича Ивана, Грозный будто бы говорилъ Борису: «Поручаю сына своего Θедора Богу, Богородицѣ, Чудотворцамъ и тебѣ Борису, и ты бы о *ихъ* здоровьѣ радѣлъ и ими промышлялъ: какова мнѣ Богомъ дарованная дочь царица Ирина, таковъ мнѣ и ты, Борисъ: въ нашей милости ты мнѣ точно какъ сынъ родной». Приближаясь къ смерти, въ присутствіи духовника, Иванъ говорилъ со слезами Борису: «Тебѣ приказываю сына своего Θедора и Богомъ дарованную дочь свою Ирину; ты соблюди ихъ отъ всякаго зла». И Борисъ свято исполнилъ завѣщаніе царя: великія *ихъ* государства отвсюду оберегалъ съ великимъ радѣ-

---

ложи на Бога упованіе, дондеже исполнится четыредесятница блаженные памяти благовѣрнаго царя Θеодора Ивановича, и до времени какъ съѣдутся со всеѣ земли митрополиты, и архіепископы, и епископы, и весь освященный Соборъ, еже на велицѣхъ соборѣхъ бываютъ, и съѣдутся государьскіе дѣти разныхъ великихъ государьствъ, и весь царьскій сигклитъ всякихъ чиновъ и царства московскаго служивые и всякіе люди: и посла по митрополитовъ и проч.— Маржеретъ (Сказ. Соврем. ч. III, стр. 22): онъ (Борисъ) потребовалъ притворно созванія государственныхъ чиновъ, т. е. отъ каждаго города по 8 или 10 человѣкъ, дабы весь народъ рѣшилъ единодушно, кого должно возвести на престолъ, ко всеобщему удовольствію.

(1) Акты арх. эксп, т. II, № 6; Никон. VIII, 36.

ніемъ и съ опасеніемъ и попеченіемъ многимъ, и своимъ премудрымъ разумомъ и бдительнымъ управленіемъ учинилъ *ихъ* царскому имени во всемъ великую честь и похвалу, а великимъ *ихъ* (1) государствамъ пространство многое и расширеніе. Іовъ упомянулъ о побѣдахъ надъ крымцами, о завоеваніяхъ у шведовъ, потомъ продолжалъ: «А къ нему къ царскому шурину къ государю Борису Өеодоровичу, о любви и о дружбѣ и о мирномъ постановленіи и о покоѣ и о тишинѣ, цесарь христіанскій и салтанъ турскій, и шахъ персидскій, и короли изо многихъ государствъ, пословъ своихъ присылали со многою честію».

Такимъ образомъ старанія Іова увѣнчались успѣхомъ: выборные единогласно согласились съ его предложеніемъ; но самъ Годуновъ еще медлилъ принять послѣднее: по тогдашнимъ (если угодно даже и по нынѣшнимъ) понятіямъ какъ-то *совѣстно* казалось ему безъ труда согласиться на желаніе народа и тѣмъ обнаружить собственное желаніе; съ другой стороны естественно было въ немъ желаніе показать, что онъ приневоленъ народомъ, дабы тѣмъ самымъ отнять у противниковъ всякой предлогъ къ попреку. Вотъ почему Годуновъ согласился принять престолъ только послѣ долгихъ моленій духовенства и народа, приходившихъ къ нему съ крестнымъ ходомъ въ монастырь (2). Тотчасъ же представился новому царю случай испы-

(1) Любопытно это множественное число: *ихъ*, вездѣ подлѣ Өеодора и Ирины, дабы ближе связать Бориса съ послѣднимъ царемъ.

(2) Объ интригахъ при избраніи Годунова упоминаютъ иностранцы и свои довольно сходно. Авторъ московской хроники (Сказ. совр. о Д. С. I, 5) говоритъ: «Царица Ирина, сестра правителя, убѣждала супруга вручить скипетръ ея брату, давно уже и счастливо правившему государствомъ. Но умирающій царь предложилъ оный старшему изъ Никитичей, Өеодору, *имѣвшему на престолъ ближайшее право* (эти слова очень важны, ибо нѣмецъ писалъ, что слышалъ отъ русскихъ); Өеодоръ Никитичъ отказался отъ царскаго скипетра и уступилъ его брату своему Александру; Александръ предлагалъ сію честь другому брату, Ивану; Иванъ третьему брату, Михаилу, а Михаилъ какому-то знатному князю, такъ что никто не бралъ скипетра, хотя каждому хотѣлось взять оный, какъ послѣ увидимъ. Умирающій царь долго передавалъ свой жезлъ изъ рукъ въ руки, лишился наконецъ терпѣнія и сказалъ: «Возьми же его кто хочетъ; я не въ силахъ болѣе держать!» Тутъ, сквозь толпу важныхъ особъ, заставлявшихъ такъ долго упрашивать себя, протянулъ руку Борисъ и схватилъ скипетръ.» — Сказка, однако совершенно въ духѣ времени; ею можно объяснить и упорство Бориса. — То же сочиненіе, стр. 6: Царица, призвавъ къ себѣ тайно многихъ сотниковъ и пятидесятниковъ, склонила ихъ деньгами и лестными обѣщаніями къ убѣжденію воиновъ и гражданъ не избирать на царство, если потребуется ихъ голосъ, никого, кромѣ Бориса... Правитель и самъ нашелъ многихъ приверженцевъ, при содѣйствіи монаховъ (NB), разосланныхъ изо всѣхъ монастырей въ разные города, при помощи вдовъ и сиротъ, благодарныхъ ему за рѣшеніе своихъ продолжительныхъ тяжебъ, и при усердіи бояръ, которыхъ онъ снабжалъ деньгами,

тать расположеніе народа, и если не расположеніе, то по-крайней мѣрѣ страхомъ вынужденную покорность бояръ. Донесено было, что ханъ крымскій сбирается напасть на московское государство. Борисъ, отложивъ обрядъ царскаго вѣнчанія, повѣстилъ сборъ войскамъ въ Серпуховѣ, велѣлъ явиться туда боярамъ и воеводамъ и быть имъ безъ мѣстъ [1]. Послѣднее условіе было самымъ сильнымъ искушеніемъ для бояръ, недавнихъ товарищей царя; однако приказъ былъ исполненъ въ точности. Прибывъ въ Серпуховъ, Борисъ щедро наградилъ воиновъ и повидимому достигъ своей цѣли: лѣтопись говоритъ, что войско обрадовалось, но прибавляетъ: «потому что надѣялись себѣ и впередъ отъ него такого же жалованья» [2]. Итакъ, щедрость Бориса возбуждала не любовь, а надежду получать и впередъ отъ него подарки; Годуновъ не зналъ великаго правила, что самое лучшее средство для пріобрѣтенія народной любви и уваженія, это не показывать виду, что стараются пріобрѣсть ихъ... Но скоро пришла другая вѣсть, что ханъ, извѣщенный о необыкновенномъ во-

---

обѣщая наградить и болѣе, если изберутъ его государемъ». — Въ одномъ изъ рукописныхъ хронографовъ читаемъ (Москвит. 1844 г. № 6): Той Борисъ по отшествіи ко Господу государя царя и в. князя Ѳедора Ивановича нача посылати злосовѣтниковъ своихъ и рачителей по царствующему граду Москвѣ и по всѣмъ градомъ русскія области ко всѣмъ людемъ, чтобы на царство всѣмъ міромъ просили Бориса.... Въ единъ же отъ дній боляре и велможи предстояще въ келіи ея (Ирины), иніи же на крылѣ келіи ея внѣ окна, народи же мнози на площади стояще, мнози же суть и неволею пригнани, за ними же мнози приставы были принуждены съ великимъ воплемъ вопити и слезы точити. Сіе же смѣху причастна, какъ слезамъ быти аще въ сердцы умиленія и раденія нѣсть, ни любви къ нему и яже подъ очію въ слезъ ради слинами мочаще предстоящіи предъ нею внутрь келіи моляше ея приклонити ушеса и внимати къ моленію народному, и возрѣти на собранное множество народное и слезное ихъ воздыханіе и вопль прошенія ради борисова на московское государство. Она же егда хотяше народъ возрѣти и видѣти бываемая въ нихъ и егда хотяше обратитися къ возрѣнію вокно велможи же предрѣченіи они борисовы рачители предстоящи ту внутрь келіи помаваніемъ рукъ возвѣстятъ внѣ келіи у окна на крылцѣ стоящимъ, онижъ возвѣстятъ такожде помаваніемъ рукъ своихъ къ приставомъ у народа приставленнымъ, они же повелѣваютъ пасти наземлю ницъ къ позрѣнію ея, нехотящихъ же созади въ шею пхающе и біюще, повелевающе на землю пасти, и воставъ неволею плакати и иніи же не хотя аки волцы напрасно воюще, подъ глазы же слинами мочаще и проч.

[1] Никон. VIII, 37; Карамз. т. XI, примѣч. 10 и слѣд.; Москов. хрон. стр. 10: «Вижу — сказалъ наконецъ Борисъ, обращаясь къ собранію — что *всѣ сословія* рѣшились возвести меня на царство: видно такъ угодно Богу! Но желая удостовѣриться, дѣйствительно ли на не есть воля Божія, прошу на нѣсколько недѣль отсрочки: между тѣмъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ пусть соберутся всѣ граждане подъ Серпуховымъ, для похода на крымскихъ татаръ. Всеобщее повиновеніе будетъ знакомъ единодушнаго желанія видѣть меня на престолѣ».

[2] Никон. VIII, 37.

оруженіи Бориса, испугался, заключилъ миръ съ посломъ московскимъ и шлетъ къ царю собственныхъ пословъ (1). Борисъ велѣлъ провести послѣднихъ черезъ станъ, наполненный вооруженными людьми, готовыми къ бою; говорятъ, что татары отъ испуга едва могли справить посольство (2). Іовъ, подражая своимъ предшественникамъ, писалъ въ станъ къ Борису; въ его посланіяхъ мы не найдемъ великаго духа и словъ вассіановыхъ о твердости политической, ни кроткихъ, но вмѣстѣ сильныхъ увѣщаній Макарія о твердости нравственной: Казы-Гирей не былъ Ахматомъ, Борисъ не колебался, подобно Ивану III, и не былъ очень молодъ, подобно Ивану IV. Патріархъ благодаритъ царя за присылку извѣстительной грамоты и обычнымъ слогомъ, испещреннымъ текстами св. писанія, обѣщаетъ молиться о побѣдѣ (3). Царь, какъ скоро получилъ вѣсть о мирномъ расположеніи хана, тотчасъ далъ о томъ знать патріарху. Въ этомъ посланіи для насъ любопытно обращеніе Бориса къ Іову. Конечно это обращеніе есть не иное что, какъ форма; но форма производитъ на людей также сильное впечатлѣніе, и потому мы должны обратить на нее вниманіе, именно относительно того впечатлѣнія, какое она должна была производить на современниковъ и увеличивать ихъ уваженіе къ патріарху, къ которому самъ царь писалъ въ такихъ выраженіяхъ: «Честному и всесвѣтлѣйшему о Бозѣ пастырю и учителю православныхъ велѣній всѣмъ христіаномъ, твердому столпу православія, источнику неоскудну духовныхъ ученій, ревнителю благочестія, пастырю недремательну церковному благолѣпію, архіерею богодухновенному, въ духовныхъ подвизѣхъ вышеестественному, отъ Бога препрославлену, первопрестольнику всея великія Росіи и первому патріарху, великому господину и государю моему отцу нашему, святѣйшему Іеву, патріарху московскому и вся Русіи: царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи вашему святительству челомъ бьетъ» (4). Царь или дьякъ царскій былъ неистощимъ въ великолѣпныхъ обращеніяхъ къ патріарху; такъ, во второмъ посланіи изъ стана о приходѣ ханскихъ пословъ, царь пишетъ Іову: «Бога нашего, въ Троицы славимаго, предстоятелю и служителю престолу владычествія Его, первопрестольнику всеа Великія Росіи и первому патріарху, истинѣ изыскателю отеческому преданію и отъ вышня промысла избранному, и всеми добрыми дѣлы украшенному, во благочестіи преумноженному, славы и хвалы достойному и отъ Бога препрославленному ревнителю благо-

---

(1) Акты арх. эксп. т. II, № 3.
(2) Никон. VIII, 38.
(3) Акты арх. эксп. II, № 2.
(4) Акты арх. эксп. II, № 3.

честія, твердому столпу православія, источнику духовныхъ ученій, архіерею богодухновенному, великому отцу и государю моему» (1).

Отпустивъ крымскихъ пословъ и пышно угостивъ свое войско, Борисъ возвратился съ торжествомъ въ Москву (2). Патріархъ съ духовенствомъ и множествомъ народа вышелъ къ нему навстрѣчу и благодарилъ за совершеніе великаго подвига, за освобожденіе христіянъ отъ крови и плѣна: «радуйся и веселися — говорилъ онъ Борису — Богомъ избранный, и Богомъ возлюбленный, благочестивый и христолюбивый, пастырь добрый, приводяй стадо твое имещитое начальнику Христу Богу нашему (3)!» По окончаніи рѣчи, патріархъ, духовенство и весь народъ пали на землю, плакали и потомъ вставъ привѣтствовали Бориса: «на его государевѣ *вотчинѣ* и на царскомъ престолѣ и на всѣхъ государствахъ россійскія земли». Патріархъ могъ плакать отъ сердца: его выборъ, его обѣщанія народу оправдывались: Борисъ безъ битвы навелъ ужасъ на враговъ.

Перваго сентября 1599 года Борисъ вѣнчался на царство. Въ рѣчи своей, произнесенной при вѣнчаніи патріарху, Борисъ говорилъ, что покойный царь Θеодоръ приказалъ патріарху, духовенству, боярамъ и всему народу избрать послѣ него на царство, кого Богъ благословитъ, что царица Ирина приказала тоже самое «и по Божіимъ неизрѣченнымъ судьбамъ и по велицей Его милости, избралъ ты, свя-

(1) Тамъ же, № 4. — Любопытно сравнить эти великолѣпныя обращенія съ обращеніемъ прежнихъ царей къ митрополитамъ; такъ напр. въ письмѣ Ивана IV къ митрополиту Макарію (Никон. VII, стр. 140): «Преосвященному отцу нашему Макарію митрополиту всеа Русіи Царь и В. Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи челомъ бьетъ». — Царя Θеодора Ивановича къ Константинопольскому патріарху Іереміи (Древ. Рос. Вивліоѳ. Т. XII, стр. 324): «Великій Государь Божіею милостію (слѣдуетъ титулъ) Пресвятѣйшему Еремѣю Божіею милостію Архіепископу Константинополя новаго Рима, Вселенскому Патріарху, пастырю и учителю Хрестьянскаго закона». — Столь же различно и обращеніе святителей къ царямъ; обращеніе Макарія: «Благословеніе пресвященнаго Макарія Митрополита всеа Русіи о святѣмъ Дусѣ возлюбленному сыну нашего смиренія Богомъ поученному и Богомъ венчанному Царю Государю и В. Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи Самодержцу». — Іова къ Борису: «Еже отъ вышняя десницы Его всемогущія славою и честію вѣнчанному, благовѣрному и Христолюбивому, благородному и Богомъ избранному, Богомъ утвержденному, въ благочестіи всея вселенныя въ концѣхъ возсіявшему, наипаче же во царехъ пресвѣтлѣйшему, преславному и высочайшему и непорочныя православныя христіянскія вѣры крѣпкому и непреклонному истинному поборнику и правителю, сыну святыя церкви и нашего смиренія». — Царь и патріархъ обременяли другъ друга великолѣпными титулами, желая этимъ выказать достоинство другъ друга: величая Іова, Годуновъ величалъ самого себя, потому-что былъ избранъ Іовомъ; Іовъ, съ своей стороны, величалъ Годунова, дабы показать достоинство своего избранника.

(2) Москов. хрон. (Сказ. Совр. о Д. С.) I, II; Маржеретъ, тамъ же, III, 24.

(3) Акты арх. эксп. II, № 5.

тѣйшій Іовъ патріархъ; и митрополиты и проч. меня Бориса (¹)». Изъ этихъ словъ видно, что никакого завѣщанія отъ Ѳедора въ пользу Ирины не было. Годуновъ прямо говоритъ, что умирающій царь приказалъ патріарху и всему христіянству выбрать царя, и основывается единственно на этомъ избраніи. Но патріархъ настаиваетъ на то, что Ѳедоръ приказалъ государство Иринѣ и въ отвѣтной рѣчи царю на вѣнчаніи говоритъ: «а отходя сего свѣта, государь приказалъ свое государство своей государевѣ благовѣрной и христолюбивой царицѣ и великой княгинѣ Иринѣ». Но среди обычныхъ рѣчей и обрядовъ, новый царь произнесъ слова, прежде неслыханныя; возвысивъ голосъ, онъ сказалъ: «отче, великій патріархъ Іовъ! Богъ свидѣтель, что не будетъ въ моемъ царствѣ нищаго или бѣднаго: послѣднюю рубашку раздѣлю со всѣми (²)»! Клятва необдуманная, вырвавшаяся отъ полноты обрадованнаго сердца и доказывающая, что Годуновъ не былъ всегда въ состояніи владѣть самимъ собою! Царь Иванъ также клялся на площади предъ народомъ, что будетъ защитникомъ угнѣтенныхъ; но у того была другая цѣль — уничтожить попытку бояръ употреблять народъ для исполненія своихъ замысловъ, какъ то они сдѣлали во время возмущенія противъ Глинскихъ; отдѣлить народъ отъ бояръ; сложить на послѣднихъ всю вину предшествовавшаго правленія. Эта рѣчь къ народу не была юношескою вспышкою въ Грозномъ: мы видимъ, что и послѣ опирается онъ на соборъ изъ выборныхъ; для него необходимо было отстранить упреки недовольныхъ бояръ, которые говорили, что онъ перестал поступать хорошо съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ съ ними совѣтоваться; ему необходимо было показать, что дѣятельность его согласна съ благомъ государства, ибо соборъ одобряетъ ее. Но что было прилично для царя Ивана, прирожденнаго государя на своихъ государствахъ, что необходимо истекало изъ его положенія, то было совершенно неприлично и вредно для Годунова, ибо, какъ царь новоизбранный, онъ долженъ былъ избѣгать всякаго напоминанія о томъ, что онъ не такой же государь, какъ и всѣ его предшественники; обѣщаніе съ его стороны являлось для народа не снисхожденіемъ, не выраженіемъ любви къ подданнымъ, но наградою, платою за избраніе. Этимъ неловкимъ обѣщаніемъ Годуновъ выдалъ самъ себя, показалъ, какъ онъ дорожитъ престоломъ, какъ искалъ его, какъ ему обрадовался, и показалъ вмѣстѣ недовѣріе къ народной довѣренности. Борисъ имѣлъ обширный умъ, былъ благонамѣренъ, не любилъ крутыхъ, жестокихъ, насильственныхъ мѣръ; но у него не было вели-

(¹) Акты арх. эксп. II, № 8; Дополненіе къ актамъ историч. Т. I, № 145.
(²) Авр. Палиц., стр. 8.

кости, твердости духа, не было желѣзной, непоколебимой воли, которая даетъ человѣку царственную власть надъ самимъ собою и надъ другими и происходитъ отъ глубокаго и яснаго сознанія своего достоинства и своихъ цѣлой. Годунову не доставало того царственнаго величія, которымъ Богъ знаменуетъ своихъ помазанниковъ, хотя и не порфирородныхъ, и, казавшись достойнымъ царства, когда еще былъ бояриномъ, Годуновъ явился бояриномъ на престолѣ, съ шаткостію, неувѣренностію въ самомъ себѣ и въ другихъ, съ мелкимъ духомъ крамолъ придворныхъ. Такъ, велико было право Годунова на избраніе: мудрое, успокоительное и, можно сказать, блестящее правленіе при Θеодорѣ; но, къ несчастію своему, ни Борисъ, ни его приверженцы не могли возвыситься до того, чтобы считать это право единственно высшимъ: ихъ тревожила незнатность борисова рода, преимущество предъ нимъ въ этомъ отношеніи другихъ вельможъ. Вотъ почему патріархъ, въ соборномъ опредѣленіи объ избраніи, счелъ нужнымъ оговориться насчетъ незнатности борисова происхожденія: «Мы выпскали въ древнихъ писаніяхъ свидѣтельства о великихъ царяхъ израильскихъ и греческихъ, какъ изъ нихъ кто воцарился: во-первыхъ, о великомъ царѣ Давидѣ, какъ этотъ великій Давидъ былъ избранникомъ не отъ царскаго рода, не отъ великихъ синклитъ, не отъ славныхъ высотъ, и между тѣмъ такъ прославился; равно Іосифъ прекрасный не отъ царскаго же произошелъ рода; Константинъ великій былъ сынъ Консты кесаря римскаго, а этотъ былъ прежде простымъ воиномъ. Не на благородство зритъ Богъ, но благовѣріе предъизбираетъ, сохраненіе заповѣдей любитъ, душу благочестивую почитаетъ, достойныхъ пріемлетъ, недостойныхъ вонъ измещетъ; много званныхъ, мало избранныхъ. Да не осмѣлится кто-нибудь сказать: отлучимся отъ нихъ, потому что царя сами себѣ поставили; да не будетъ того, да не отлучаются; если кто произнесетъ такое слово, неразуменъ и проклятъ будетъ: его же аще свяжемъ на земли, будетъ связанъ на небеси, и его же аще разрѣшимъ на земли, будетъ разрѣшенъ на небеси».

Недостатокъ довѣрія къ самому себѣ влекъ необходимо за собою недовѣріе къ другимъ; самымъ лучшимъ выраженіемъ этого недовѣрія служитъ крестоцаловальная запись на вѣрность Борису, въ которой царь исчисляетъ подробно всѣ дѣйствительные и мнимые случаи измѣнъ и злоумышленій и такимъ образомъ научаетъ подданныхъ тому, о чемъ бы они безъ этой записи не имѣли и понятія (1): «Также мнѣ — говоритъ присягающій — надъ государемъ своимъ и надъ царицею, и надъ ихъ дѣтьми, ни въ ѣдѣ, ни въ питьѣ, ни въ платьѣ,

(1) Акты арх. экси. т. II, № 10.

ни въ иномъ ни въ чемъ никакого лиха не учинить и не испортить, и зелья лихаго и коренья не давать, и не велѣть мнѣ никому зелья лихаго и коренья давать; а кто мнѣ станетъ зелье лихое или коренье давать, или мнѣ станетъ кто говорить, чтобъ мнѣ надъ государемъ своимъ, и надъ царицею, и надъ ихъ дѣтьми, какое лихо учинить, или кто захочетъ портить, и мнѣ того человѣка никакъ не слушать и зелья лихаго и коренья у того человѣка не брать; да и людей своихъ съ вѣдовствомъ и со всякимъ лихимъ зельемъ и съ кореньемъ не посылать и вѣдуновъ и вѣдуней не добывать на государское и на дарыцыно, и на царевичево, и на царевнино, на всякое лихо. Также государя своего, и его царицу, и ихъ дѣтей, на слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортить, ни вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не насылать и слѣду не вынимать, никоторыми дѣлы, никоторою хитростью; а какъ государь царь и его царица, и ихъ дѣти куда поѣдутъ или куда пойдутъ, и мнѣ слѣду волшебствомъ не вынимать и всякимъ злымъ умышленіемъ и волшебствомъ не умышлять и ни дѣлать ни которыми дѣлы, ни которою хитростью, по сему крестному цѣлованью; а кто такое вѣдовское дѣло похочетъ мыслить или дѣлать, и я то свѣдаю, и мнѣ про того человѣка сказать». Но вотъ статья въ этой записи, которая поражаетъ насъ своею странностью: «Также мнѣ, мимо государя своего, и его царицы, и ихъ дѣтей, и тѣхъ дѣтей, которыхъ имъ государямъ впередъ Богъ дастъ, царя Симеона Бегбулатова (¹) и его дѣтей, и иного никого, на московское государство не хотѣть, ни думать, ни мыслить, ни *семьиться*, ни дружиться, ни ссылаться съ царемъ Симеономъ, ни грамотами, ни словомъ не приказывать, на всякое лихо». Неужели были люди, которые думали возвести крещенаго татарина на престолъ Ивана IV? Не скорѣе ли должно приписать такое странное требованіе подозрительности Годунова? Впрочемъ титулъ царя и в. князя тверского, равно благочестіе новообращеннаго могли заставить нѣкоторыхъ забыть о татарскомъ происхожденіи Симеона (Годуновъ также былъ потомокъ мурзы) и желать возведенія его на престолъ; могли желать этого и бояре, желая лучше служить царю татарскому, чѣмъ одному изъ своихъ, и надѣясь въ царствованіе слабаго Симеона управлять государствомъ (²); если обратимъ надлежащее вниманіе на образъ мыслей тогдашняго времени, то увидимъ, что народы европейскіе, поляки и нѣмцы, католики и протестанты не стояли въ народномъ мнѣніи выше басурманъ восточныхъ, всѣ равно были богоборные нехристи, а между тѣмъ послѣ выбирали же и Владислава польскаго и Филиппа шведскаго; глав-

(¹) Плѣннаго казанскаго царя Едигера.

(²) Симеонъ былъ женатъ на сестрѣ боярина Θедора Мстиславскаго, слѣд. въ связи съ враждебною Годунову стороною.

ною причиною отвращенія нашихъ предковъ отъ чужихъ народовъ была религія: всѣ неправославные были одинаково ненавистны, но Симеонъ былъ уже давно православный и отличался своимъ благочестіемъ; вспомнимъ также, съ какою легкостію новгородцы и псковитяне признавали своими князьями владѣтелей литовскихъ, лишь бы тѣ приняли православную вѣру.

Торжество вѣнчанія заключилось трехдневнымъ пиромъ, милостями, повышеніями для знатныхъ, льготами для народа: «даяше имъ жалованье веліе, — говоритъ лѣтописецъ — объявляясь всѣмъ добръ (1)». Такъ началось царствованіе Бориса!

---

(1) Никон. VIII, 39. Подробности наградъ см. у Карамз. XI, гл. I. — Москов. хрон. (Сказ. Совр. I, II): низшимъ сословіямъ простилъ годовую подать, вдовамъ и сиротамъ, своимъ и чужеземнымъ, роздалъ деньги и съѣстные припасы; заключеннымъ въ темницу даровалъ свободу и вспоможеніе. Къ сибирскимъ воеводамъ разосланы были грамоты, въ которыхъ Борисъ освобождалъ народцевъ на цѣлый годъ отъ ясака, «чтобъ они и дѣтей своихъ и братью и дядей и племянниковъ и друзей отовсюду призывали и сказывали имъ царское жалованье, что мы ихъ пожаловали, ясаку съ нихъ имати не велѣли, и велѣли имъ жити безоброчно; и въ городѣхъ бы юрты и въ уѣздѣхъ волости полнили». — «А кого учнете по городкомъ и по волостямъ посылати, и вы бъ имъ приказывали и берегли накрѣпко, чтобъ они съ остяковъ и съ вогуличь посуловъ и поминковъ не имали, и продажи и насильства не чинили никоторыми дѣлы; а кто учнетъ съ нихъ посулы и поминки имати, и вы бъ тѣхъ людей сыскавъ, наказанье имъ чинили, смотря по винѣ, а взятое отдавали назадъ». Собр. гос. гр. и дог. Т. II, стр. 156, 157.

С. СОЛОВЬЕВЪ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ.

I.

Общія основанія. Собственная температура земли. Перемѣна климатовъ на земной поверхности.

Астрономія строго опредѣлила мѣсто земли въ солнечной системѣ и оба ея движенія, суточное и годичное, съ достаточною точностію узнала ея фигуру, вычислила ея массу, объемъ, величину поверхности и всѣ прочіе ея размѣры? дала даже понятіе о средней ея плотности. Разсматривая обращеніе земли около солнца, астрономія объяснила порядокъ временъ года; согласивъ теорію съ наблюденіями, одному закону подчинила она всѣ *возмущенія* въ положеніи земной оси и въ годичномъ движеніи, и доказала, что какъ эти возмущенія, такъ и подобныя въ цѣлой солнечной системѣ, всѣ суть періодическія и никогда не могутъ разрушить чуднаго ея порядка. Однимъ словомъ, астрономическія знанія о землѣ образовались въ науку полную, точную, — въ науку, которая совершенно удовлетворяетъ всѣмъ вопросамъ о землѣ, какъ о тѣлѣ небесномъ. Если бы всѣ прочія физическія науки достигли такого же совершенства, онѣ составили бы одно стройное и непрерывное цѣлое; но, несмотря на ихъ настоящее раз-

дѣльное существованіе, на большіе между ними промежутки, онѣ помогаютъ другъ другу, и взаимное ихъ сближеніе необходимо для ихъ совершенствованія. Вотъ почему физическая географія, часть общаго физическаго ученія о землѣ, должна основывать свои изысканія на главныхъ положеніяхъ астрономической теоріи образованія земного шара. Если предположенія, принимаемыя для объясненія явленій, входящихъ въ область физической географіи, противорѣчатъ упомянутымъ положніямъ, то всѣ такія предположенія, несмотря на авторитетъ ихъ изобрѣтателей, надобно считать ложными и останавливающими успѣхи науки. Вспомнимъ же, до какихъ заключеній достигла астрономія относительно образованія земли.

1. Существующая форма земли и законъ измѣненія тяжести отъ ея экватора къ полюсамъ несомнѣнно доказываютъ, что земля была нѣкогда въ жидкомъ состояніи, и что плотность ея массы, переходя отъ слоя къ слою, увеличивается отъ поверхности къ центру.

2. Равновѣсіе морей, покрывающихъ землю, можетъ существовать только въ томъ случаѣ, когда ихъ плотность менѣе средней плотности земного шара: безъ этого условія, всякая причина, способная привести море въ движеніе, поднимала бы его изъ занимаемыхъ имъ предѣловъ и производила бы наводненія на материкахъ.

3. Для опредѣленія *сжатія* земли при ея полюсахъ, выражаемаго дробью $1/308$, можно принимать, что ея поверхность или совершенно свободна отъ покрывающихъ ее морей, или только нѣкоторая часть ея находится подъ водой. Изъ этого положенія слѣдуетъ, что плотность морской воды дѣйствительно менѣе средней плотности земли, и что океанъ не имѣетъ значительной глубины, или средняя его глубина не болѣе средней высоты материковъ и острововъ надъ его уровнемъ; а какъ эта высота не превосходитъ *тысячи* метровъ, то глубина океана есть весьма малая доля отъ избытка радіуса, соотвѣтствующаго экватору земли, предъ радіусами, соотвѣтствущими ея полюсамъ, — избытка, который болѣе *двадцати тысячъ* метровъ. Этотъ теоретическій выводъ чрезвычайно важенъ для физической географіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣкогда море покрывало всѣ материки, и потомъ, когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дно его понизилось, тогда вода стекла съ другихъ мѣстъ, которыя превратились или въ материки, или въ острова, и незначительная средняя высота тѣхъ и другихъ относительно размѣровъ земли допускаетъ возможность ихъ образованія безъ измѣненій въ общей фигурѣ земного сфероида и въ законахъ дѣйствія тяжести.

4. Наконецъ, математическая теорія фигуры земныхъ слоевъ, которыхъ плотность увеличивается отъ поверхности къ центру, не

встрѣчаетъ противорѣчія въ томъ предположеніи, которое допускаетъ, что первоначальное жидкое состояніе земной массы происходило отъ дѣйствія сильнаго жара. При охлажденіи этой массы, плотнѣйшія части ея должны опускаться къ центру земли, принимать эллипсоидальную форму подъ вліяніемъ силъ центральныхъ, не нарушая равновѣсія на поверхности, и такимъ образомъ вся масса земли превратилась въ эллипсоидъ, подробно изслѣдованный астрономами.

Таковы суть общія основанія астрономической теоріи образованія земли. Посмотримъ теперь, до какой степени согласны они съ наблюденіями надъ явленіями, которыя принадлежатъ къ физической географіи, и прежде всего обратимъ вниманіе на собственную температуру обитаемаго нами шара.

Не ново предположеніе о собственной температурѣ земли, т. е. о температурѣ, независящей отъ дѣйствія солнечныхъ лучей на поверхность земного шара; это предположеніе встрѣчаемъ у многихъ древнихъ философовъ; его принимали физики среднихъ вѣковъ; изъ новыхъ же ему слѣдовали Декартъ, Галлей, Меранъ, въ особенности Бюффонъ, котораго геній предугадалъ многія позднѣйшія наблюденія, послужившія къ оправданію его блестящихъ гипотезъ, и нашъ Ломоносовъ, который образованіе материковъ и горъ приписывалъ дѣйствію подземнаго огня, несмотря на господствовавшее въ его время ученіе знаменитаго Вернера, считавшаго воду главной причиной происхожденія материковъ.

Для убѣжденія людей, которые до сихъ поръ сомнѣваются въ глубокихъ физическихъ знаніяхъ Ломоносова, выписываемъ нѣсколько мѣстъ изъ его замѣчательнаго сочиненія: «О слояхъ земныхъ», состоящаго изъ пяти главъ. Въ первой изъ нихъ предложено обозрѣніе земной поверхности, особенно ея горъ, къ которымъ Ломоносовъ причисляетъ материки и острова (1); во второй разсмотрѣны слои земные, открытые человѣческими руками; въ третьей—слои земные, открытые самою натурою; четвертая содержитъ «Разсужденіе о слояхъ и внутренностяхъ земныхъ; и наконецъ въ пятой выведены слѣдствія изъ упомянутаго разсужденія, полезныя для руднаго дѣла, особенно въ Россіи. Вотъ что читаемъ въ третьей главѣ: «все, что «стремленіе вѣтровъ, пролитіе дождей, быстрина и надменіе рѣкъ,

(1) «Самыя большія горы представляютъ цѣлыя части свѣта; ибо превеликіе кряжи горъ Рифейскихъ, Кавказскихъ, Лунныхъ, Атлантскихъ, Алпійскихъ, Кордильеровъ и другихъ, въ разсужденіи оныхъ высоты и обширности, ничто иное суть, какъ бугры, холмы или пригорки». Соч. Лом. ч. II, стр. 452, изд. См.

«біеніе волнъ морскихъ и приливовъ, наводненія и потопы, льды и «морозы къ обнаженію земныхъ внутренностей ни производятъ, хотя «собою велико, однако противъ землетрясенія весьма мало. И ежели «главное состояніе земной поверхности и слоевъ разсудить; то всѣ, «происходящія отъ помянутыхъ натуральныхъ силъ, великія въ гла-«захъ нашихъ перемѣны едва вниманія достойны. Чѣмъ позвышены «великіе хребты Кавказскіе, Таврійскіе, Корделіерскіе, Пиринейскіе, «и другіе, и самыя главныя горы, т. е. части свѣта? Конечно не «вѣтрами, ни дождями, кои еще съ нихъ землю смываютъ; конечно «не рѣками, кои изъ нихъ же протекаютъ; конечно не приливами и «не потопами, кои до нихъ не досягаютъ, и натурально досягнуть, и «тяжкой каменной матеріи, изъ которой вершины оныхъ состоятъ, «на такую высоту поднять не могутъ.... *Есть въ сердцѣ земномъ «иное неизмѣримое могущество, которое по временамъ застав-«ляетъ себя чувствовать на поверхности, и коего слѣды повсюду «явствуютъ, гдѣ дно морское на горахъ, на днѣ морскомъ горы ви-«димъ*». Эту мысль о поднятіи материковъ внутреннимъ огнемъ земли съ надлежащими подробностями распространяетъ Ломоносовъ въ слѣдующей (четвертой) главѣ своихъ изысканій о земныхъ слояхъ. Онъ начинаетъ главнымъ правиломъ физической географіи: «Во-пер-«выхъ твердо помнить должно, что видимыя тѣлесныя на землѣ вещи «и весь міръ не въ томъ состояніи были сначала отъ созданія, какъ «нынѣ находимъ, но великія происходили въ немъ перемѣны, что «показываетъ Исторія и древняя Географія, съ нынѣшней снесенная, «и случающіяся въ наши вѣка перемѣны земной поверхности. Когда «и главныя величайшія тѣла міра, планеты и самыя неподвижныя «звѣзды измѣняются, теряются въ небѣ, показываются вновь; то въ «разсужденіи оныхъ малаго нашего шара земного малѣйшія частицы, «т. е. горы (ужасныя въ нашихъ глазахъ громады), могутъ ли отъ «отъ перемѣнъ быть свободны? И такъ напрасно многіе думаютъ, «что все, какъ видимъ, съ начала Творцемъ создано; будто не токмо «горы, долы и воды, но и разные роды минераловъ произошли вмѣ-«стѣ со всѣмъ, и потому-де не надобно изслѣдовать причинъ, для чего «они внутренними свойствами и положеніемъ мѣстъ разнятся. Тако-«выя разсужденія весьма вредны приращенію всѣхъ наукъ, слѣд. и на-«туральному знанію шара земного, а особливо искусству руднаго дѣла». Потомъ Ломоносовъ возвращается къ происхожденію материковъ и горъ: «Въ началѣ сихъ разсужденій представляются первое вели-«чайшія горы, т. е. части нашего свѣта, о коихъ сомнѣваться нельзя, что онѣ *сначала не были, но изъ подъ воды возникли, когда явилась «суша, и вода собралась въ сонмы, сирѣчь, въ великія моря, окру-«жающія сушу*. Натуральные и очевидные свидѣтели гласятъ сами,

«т. е. оныхъ возвышеній косогоры, хребты и вершины, и на нихъ «лежащія въ несказанномъ множествѣ морскія черепокожныя. *На-«клонное положеніе камней дикихъ къ горизонту показываетъ, что «оные слои своротены съ прежняго своего положенія, которое по «механическимъ и гидростатическимъ правиламъ должнобъ быть «горизонтально.* И такъ когда горы со дна морскаго восходили, по-«нуждаемы внутреннею силой, неотмѣнно долженствовали составля-«ющіе ихъ камни выпучиваться, трескаться, производить разсѣлины, «наклонныя положенія, стремнины, пропасти разной величины и фи-«гуры отмѣнной. Сила, поднявшая таковую тягость, ни чему, по дѣй-«ствіямъ послушницы Божіихъ повелѣній натуры, приписана быть не «можетъ, какъ господствующему жару въ земной утробѣ. Когда и ны-«нѣ еще, якобы уже ослабѣвшій чрезъ многіе вѣка, часто движетъ цѣ-«лыя государства и перемѣняетъ видъ лица земного, то можно легко «разсудить, коль могущъ былъ въ своихъ первыхъ силахъ». Затѣмъ слѣдуютъ два *параграфа*, въ которыхъ Ломоносовъ опровергаетъ уче-ніе нептунистовъ, господствовавшее въ его время. Приглашаемъ са-михъ читателей нашей статьи со вниманіемъ просмотрѣть эти замѣ-чательные параграфы, обнаруживающіе высокое ученое достоинство, которое еще лучше можно понять изъ сравненія. Въ 1829 г., знамени-тый новѣйшій геологъ Эли-де-Бомонъ представилъ Парижской Акаде-міи Наукъ записку о происхожденіи и сравнительной древности горъ; ученіе, содержащееся въ этой запискѣ, принято всѣми современными геологами; Араго изложилъ его въ «*Annuaire*» на 1830 г. «*Нынѣ* — такъ начинаетъ Араго — *почти вообще принято, что горы подняты «внутреннею силою, которая заставила ихъ пробиться сквозь верх-«нюю кору земли въ то время, когда на ней не было еще никакихъ «значительныхъ неровностей.* Съ принятіемъ этой глубокой и пло-«довитой мысли уничтожились многія непреодолимыя затрудненія. «Увидѣли, напримѣръ, что существованіе раковинъ на вершинахъ вы-«сочайшихъ горъ можно объяснить не предполагая, что море дости-«гало некогда до этихъ вершинъ и даже покрывало ихъ: надобно «только допустить, что горы вышли изъ воды и подняли морское дно съ «его раковинами». Послѣ этого Араго входитъ въ нѣкоторыя подроб-ности о расположеніи земныхъ слоевъ, совѣтуетъ наблюдать ихъ на утесистыхъ берегахъ морскихъ, въ обыкновенныхъ и артезіянскихъ колодезяхъ, т. е. въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, которыя Ломоносовъ описалъ во второй и третьей главахъ своего разсужденія. Потомъ Араго замѣчаетъ: «Въ странахъ плоскихъ земные слои расположе-«ны почти горизонтально. Съ приближеніемъ къ странамъ гори-«стымъ, это расположеніе перемѣняется; на бокахъ же горъ упомя-

«нутые слои уже наклонены къ горизонту, даже стоятъ иногда вертикально. Должно ли предположить, что они образовались здѣсь наклоненными или вертикальными? *Не лучше ли допустить, что они «осѣдали прежде горизонтально, какъ и современные имъ слои въ «долинахъ, а потомъ уже подняты и взворочены въ то время, когда «возвышались горы?*» Доказательства послѣдняго предположенія, которыя Араго извлекъ изъ разсужденія де-Бомона, совершенно сходны съ доказательствами Ломоносова (¹); опровергавшаго оставленную нынѣ теорію Вернера. Такимъ образомъ увѣряемся, что въ ученіи о поднятіи горъ Ломоносовъ предупредилъ новѣйшихъ геологовъ почти цѣлымъ столѣтіемъ. Причину этого поднятія отнесъ Ломоносовъ къ дѣйствіямъ собственнаго тепла земли: Араго оканчиваетъ свою статью изчисленіемъ многихъ перемѣнъ на земной поверхности, доказывающихъ, что сила внутренняго земного огня и нынѣ возобновляется время отъ времени.

Хотя, послѣ предложеннаго, нѣтъ причины сомнѣваться въ существованіи собственнаго тепла земли, однако важность предмета требуетъ бо́льшихъ подробностей, и потому считаемъ необходимымъ упомянуть, что́ думалъ о немъ Бюффонъ; потомъ уже перейдемъ къ объясненію, въ какомъ состояніи находится этотъ вопросъ у новѣйшихъ геологовъ, приготовляющихъ *данныя* для физической географіи.

Знаменитое свое сочиненіе, — «*Epoques de la nature*», — начинаетъ Бюффонъ изложеніемъ пяти главныхъ *фактовъ* или основаній физической географіи: первый *фактъ* есть эллипсоидальная фигура земли, изъ котораго слѣдуетъ, что при началѣ обращенія около своей оси земля была въ жидкомъ состояніи. Второй и третій *факты*, также необходимыя слѣдствія перваго, допускаютъ существованіе собственнаго тепла земли, независящаго отъ ея незначительнаго нагрѣванія солнечными лучами. «Хотя — говоритъ Бюффонъ — всѣ «тѣла превращаются въ жидкость дѣйствіемъ тепла, однако возможность первоначальнаго жидкаго состоянія земли позволительно объяснять двоякимъ образомъ: твердыя части земли могли быть или «растворены въ водѣ, или растоплены огнемъ. Но извѣстно, что «большая часть твердыхъ земныхъ веществъ или совсѣмъ не растворяются водою, или растворяются бо́льшимъ ея количествомъ: на «землѣ же гораздо болѣе суши, нежели воды. Итакъ, жидкое состоя-

(¹) Сочиненія Ломоносова, томъ II, стр. 513 и слѣд. Изданіе Смирдина.

«ніе земли не могло быть произведено растворенiемъ и происходило «отъ огня. Это заключенiе, справедливое само-по-себѣ, изъ *вѣроят-«наго* превращается въ *достовѣрное* отъ наблюденiй, доказываю-«щихъ, что земля не лишилась еще своего первоначальнаго тепла, «которое разсѣялось только съ ея поверхности, внутри же оно суще-«ствуетъ до сихъ поръ. Ибо, погружаясь внутрь земли, находимъ «сперва слой постояннаго тепла, неизмѣняющагося отъ безпрестан-«ныхъ перемѣнъ въ температурѣ воздуха; потомъ это тепло увели-«чивается постепенно, такъ-что рудокопы не могутъ ни жить, ни ра-«ботать безъ освѣженiя рудниковъ или возобновленiемъ воздуха, «или впусканiемъ воды».

Такiя общiя замѣчанiя недостаточны для строгой теорiи о соб-ственномъ теплѣ земли: настояла надобность въ подробнѣйшихъ и точнѣйшихъ наблюденiяхъ. Еще въ 1675 г. Кассини замѣтилъ, что температура въ погребахъ парижской обсерваторiи не перемѣняется въ продолженiи всего года; тоже самое нашелъ Лагиръ въ 1730 г. Но графъ Кассини первый понялъ важность этого явленiя, и въ 1783 г., вмѣстѣ съ Лавуазье, устроилъ снарядъ, способный для постоян-ныхъ наблюденiй. Этотъ снарядъ, исправленный впослѣдствiи Бува-ромъ, состоитъ изъ большой стеклянной вазы, утвержденной на ка-менномъ подножiи и наполненной мелкимъ пескомъ, въ который по-груженъ термометръ съ дѣленiями на самой его трубкѣ; каждое дѣ-ленiе или каждый градусъ содержитъ около 95 миллиметровъ, такъ-что можно наблюдать перемѣны до пятидесятой доли градуса. Ста-рыя наблюденiя Кассини и тридцати-двухъ-лѣтнiя Бувара несом-нѣнно показали, что температура погребовъ парижской обсервато-рiи совершенно постоянна и равняется 11°,82. Хотя только въ этомъ одномъ мѣстѣ производились такiя точныя и непрерывныя наблюденiя въ продолженiи полустолѣтiя, однако опредѣленное ими явленiе не можетъ быть случайнымъ или мѣстнымъ, и нѣтъ ника-кого сомнѣнiя, что и въ прочихъ мѣстахъ земли существуетъ внутри ея *слой постоянной температуры*. Этотъ слой опоясываетъ всю зем-лю; на немъ прекращаются всѣ крутыя перемѣны температуры, ко-торымъ подвержена верхняя кора земли въ различныя времена года. Подъ экваторомъ глубина его менѣе, нежели въ другихъ странахъ; подъ средними широтами онъ углубляется на 25 или на 30 метровъ. Температура его вездѣ выше средней годичной температуры соотвѣт-ствующихъ мѣстъ на земной поверхности, и избытокъ увеличивает-ся кажется съ широтами. Для наблюденiй надъ перемѣнами темпе-ратуры земли ниже этого постояннаго слоя, естествоиспытатели должны спускаться въ рудники, гдѣ встрѣчаются многiя препятствiя

къ полученію точныхъ заключеній, потому-что собственная температура рудниковъ измѣняется 1) присутствіемъ рудокоповъ, 2) тепломъ отъ ихъ лампъ, въ которыхъ сожигаются различныя горючія вещества, и 3) смѣшеніемъ внутренняго воздуха съ наружнымъ. Когда наблюдатель опредѣлитъ съ точностью дѣйствіе этихъ постороннихъ причинъ, тогда только онъ можетъ довѣрять выводамъ изъ своихъ наблюденій надъ тепломъ въ различныхъ глубинахъ. Первыя изслѣдованія объ этомъ трудномъ вопросѣ относятся къ половинѣ прошедшаго столѣтія и принадлежатъ Женсанну (*Gensanne*), который нашелъ, что въ Жироманьи, близь Бефора, на 109 метрахъ глубины термометръ Реомюра показываетъ постоянно 10°, на 206 метр. возвышается онъ до 10°,5, на 368 терм. — до 15°, и на 432 мет. до 18°. Но изъ наблюденій Женсанна не видно, чтобъ онъ обращалъ вниманіе на упомянутыя причины, производящія такія перемѣны въ температурѣ рудниковъ, которыми невозможно пренебрегать; поэтому выводы его могли служить только поводомъ къ подозрѣнію, что съ углубленіемъ въ землю собственное ея тепло увеличивается; о законѣ же такого приращенія нельзя сдѣлать никакого опредѣлительнаго заключенія. Итакъ, надобно обратиться къ новѣйшимъ наблюденіямъ, изъ которыхъ самыми надежными наука обязана Кордье.

Въ своихъ изысканіяхъ Кордье принималъ въ расчетъ всѣ причины возмущеній въ температурѣ рудниковъ. Изъ многочисленныхъ его опытовъ слѣдуетъ, что средняя температура воздуха, втекающаго въ рудники въ продолженіи года, ниже такой же температуры самого мѣста надъ рудникомъ, и что въ среднихъ географическихъ широтахъ разность можетъ простираться до 2 или 3 градусовъ цельсіева термометра. На основаніи опытовъ Депре надъ животной теплотою и опытовъ Делароша и Берара надъ *удѣльною* теплотою воздуха и воды, Кордье увѣрился, что изъ каждаго рудокопа выходитъ такое количество тепла, которое можетъ нагрѣть на 1 градусъ 542 кубическихъ метра воды, имѣющей начальную температуру въ 12°. Наконецъ касательно опредѣленія тепла отъ лампъ или отъ свѣчъ, Кордье принялъ въ пособіе извѣстные опыты Румфорта и нашелъ, что четыре лампы изъ льняного масла нагрѣваютъ столько же, сколько три рудокопа. Отсюда видно, что двѣсти рудокоповъ и двѣсти лампъ могутъ въ одинъ часъ увеличить температуру воздуха до 1° въ галлереѣ, которая имѣетъ 2 метра ширины, 1 метръ вышины и 93000 метр. длины.

Разсмотрѣвъ съ описанными предосторожностями наблюденія въ рудникахъ саксонскихъ, корнуальскихъ и въ угольныхъ копяхъ де-

партаментовъ Тарна и Кальвадоса, Кордье не могъ не получить выводовъ, которые должно считать весьма близкими къ истиннымъ и изъ которыхъ слѣдуетъ: 1) существованіе внутренняго тепла земли не подлежитъ сомнѣнію; 2) тепло это увеличивается съ углубленіемъ въ землю, но въ разныхъ странахъ въ различной пропорціи, и разности приращеній не имѣютъ никакого постояннаго отношенія съ географ. широтами и долготами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, приращеніе, равное 1° цельсіева термометра, соотвѣтствуетъ 15 и даже 13 метрамъ. Заключенія эти подтверждаются еще наблюденіями надъ температурою воды, вытекающей изъ рудниковъ различной глубины, и надъ температурой въ глубокихъ артезіянскихъ колодезяхъ.

Предложенныя два главныя заключенія о внутреннемъ земномъ теплѣ распространяетъ Кордье многими слѣдствіями, изъ которыхъ приводимъ здѣсь главнѣйшія:

1. Земля находилась первоначально въ жидкомъ состояніи, которое зависѣло отъ тепла, что совершенно согласно съ первымъ положеніемъ астрономическимъ.

2. Если въ среднемъ выводѣ допустимъ, что собственное тепло земли увеличивается на 1° цельсіева термометра чрезъ каждые 25 метровъ глубины, то жаръ земного центра долженъ простираться до 250 тысячъ градусовъ того же термометра; поэтому шаръ земной состоитъ изъ центральной массы жидкой, покрытой тонкою корою. Для опредѣленія *степени жидкости* или плотности этой растопленной массы, надобно только принять во вниманіе, что *удѣльный вѣсъ* или плотность остывшей лавы гораздо болѣе плотности первичныхъ каменныхъ породъ, и что въ ихъ массахъ находятся золото и платина; слѣдственно, внутренность земли наполнена веществами, имѣющими чрезвычайно большую плотность. — И здѣсь нѣтъ противорѣчія астрономической теоріи.

3. Если охлажденіе земной поверхности совершалось медленно, потому-что потеря наружнаго тепла должна вознаграждаться тепломъ внутреннимъ, то охлажденіе земли продолжается до сихъ поръ, толстота ея коры увеличивается, образованіе первичныхъ горныхъ породъ еще не прекратилось и прекратится только въ то время, когда охлажденіе достигнетъ своего предѣла, т. е. когда температура земли сравняется съ температурою окружающаго пространства.

4. Кора земная не вездѣ имѣетъ одинаковую толстоту, и ея средняя толстота вѣроятно не болѣе пяти миль, считая каждую милю въ 5000 метровъ.

5. Незначительная толстота земной коры позволяетъ допустить, что она имѣетъ гибкость, которая можетъ быть причиною многихъ явленій, не нарушая общаго равновѣсія въ земной поверхности. Таково, напримѣръ, медленное, но несомнѣнное возвыщеніе балтійскаго бассейна; такова перемѣна уровня Средиземнаго моря, которую замѣтили Доломьё и Кордье на берегахъ египетскихъ и по которой можно заключить, что вся сѣверная часть Африки понижается на 2 или на 3 центиметра въ каждое столѣтіе; таково возвышеніе той части острова Ньюфундленда, которая прилежитъ къ заливу Зачатія; гдѣ за 30 лѣтъ безопасно плавали шонеры, тамъ нынѣ съ трудомъ пробирается лодка; скоро можетъ быть лучшія пристани этого острова сдѣлаются совсѣмъ безполезными; во многихъ мѣстахъ прибрежья, вмѣсто моря, видны круглые валуны, покрытые уже растительной землей и поросшіе травой. Все это согласно съ третьимъ положеніемъ астрономическимъ.

6. Внутреннее тепло земли, выходящее наружу въ различныхъ мѣстахъ ея поверхности и въ различныхъ количествахъ, есть главный элементъ земныхъ климатовъ, содѣйствующій тѣмъ мѣстнымъ причинамъ, отъ которыхъ страны, лежащія подъ одной географ. широтою, имѣютъ различные климаты. — Впослѣдствіи увидимъ, что на этомъ основаніи можно объяснять многія непонятныя метеорологическія явленія, изъ которыхъ однимъ занимался Бюффонъ, предложившій рѣшеніе вопроса: почему температура лѣта во всѣхъ странахъ земли почти одинакова, между тѣмъ какъ температуры зимъ чрезвычайно различны? — Подобные вопросы многочисленны; мы обратимся къ нимъ въ своемъ мѣстѣ; теперь же довольствуемся только положеніемъ общихъ началъ физической географіи.

Послѣ вопроса о внутреннемъ теплѣ земли представляется еще труднѣйшій: о древнемъ и новомъ термометрическомъ состояніи ея поверхности.

При началѣ изысканій объ этомъ вопросѣ, обращаемся опять къ «разсужденію о слояхъ земныхъ», гдѣ въ §§ 162 и 163 Ломоносовъ говоритъ: «Трудно представить, откуда взялись многія слоновыя кости чрезвычайной величины, въ мѣстахъ, къ обитанію имъ неудобныхъ, особливо въ полуночныхъ суровыхъ краяхъ сибирскихъ, и даже до береговъ пустозерскихъ.... Видно, что не человѣческія руки, но иная сила похоронила таковыхъ иностранныхъ покойниковъ, которая не для нихъ однихъ трудилась, но *производила обширное и не единовременное дѣйствіе натуры, слоя слоями покрывая.* Однако пускай слоны могли до нашихъ мѣстъ достигнуть,

«будучи животное великое и къ дальнѣйшимъ путешествіямъ способное, какъ они погребены ни были; но большаго удивленія достойны морскія черепокожныя, къ переселенію и къ переведенству «неудобныя гадины, кои находятъ окаменѣлыя на сухомъ пути въ «горахъ, лежащихъ къ сѣверу, гдѣ сосѣдственныя моря ихъ не про«изводятъ, но родятъ и показываютъ воды, лежащія подъ жаркимъ «поясомъ, въ знатномъ количествѣ. Сіи наблюденія двояко изъяс«няютъ испытатели природы. *Иные полагаютъ бывшія главныя «земнаго шара превращенія, коими великія онаго части перенесены «съ мѣста на мѣсто чрезвычайнымъ насильствомъ внутренняго «подземнаго дѣйствія.* Другіе...» Эти другіе толкуютъ о необыкновенномъ и невозможномъ пересѣченіи эклиптики съ экваторомъ подъ прямымъ угломъ, и потому нѣтъ надобности продолжать выписки изъ Ломоносова, который, какъ очевидно, зналъ и не сомнѣвался въ древнихъ перемѣнахъ термометрическаго состоянія земной поверхности, и который даже указалъ, во-первыхъ, на два важнѣйшія обстоятельства этихъ перемѣнъ, — на ихъ существованіе на всей землѣ съ періодическимъ возобновленіемъ, и, во-вторыхъ, на самую производившую ихъ причину. Изъ слѣдующихъ подробностей читатели увѣрятся, что замѣчанія Ломоносова должно считать основаніемъ вѣроятнѣйшаго ученія о перемѣнахъ климатовъ на земной поверхности, потому-что оно совершенно согласно съ астрономическими началами.

Остатки черепокожныхъ, находимые въ Сициліи, Калабріи и около Неаполя въ новѣйшихъ третичныхъ формаціяхъ, почти всѣ принадлежатъ къ тѣмъ родамъ, которые живутъ нынѣ въ Средиземномъ морѣ; на сѣверѣ же Италіи, въ слояхъ подъ-апенинскихъ, ископаемыя раковины величиною своею походятъ уже на живущихъ подъ тропиками, въ океанѣ индѣйскомъ; принадлежащія къ подобнымъ родамъ въ Средиземномъ морѣ малы, невзрачны, кажутся переродившимися отъ недостатка тѣхъ условій, которыя способствуютъ ихъ полному росту въ моряхъ Индіи. Сравнивая ископаемыя раковины третичныхъ формацій парижскихъ и лондонскихъ, надѣялись найти признаки существованія тѣмъ высшей температуры, чѣмъ южнѣе мѣсто; а вышло совсѣмъ противное: ископаемыя около Парижа и Лондона доказываютъ, что въ этихъ мѣстахъ температура была выше, нежели около Бордо, и здѣсь выше, нежели въ Сициліи. Остатки земныхъ истребившихся четвероногихъ находятъ во всей Европѣ въ поверхностныхъ слояхъ песчаныхъ, въ слояхъ хряща и мергеля, и въ особенности въ наносныхъ почвахъ, скопившихся въ озерахъ или въ долинахъ, по которымъ текли древнія рѣки. Они

попадаются также въ горахъ и пещерахъ, куда могли быть занесены наводненіями или рѣками, поглощенными хлябями, открывавшимися отъ потрясеній почвы. Всѣ такіе остатки свидѣтельствуютъ, что въ Европѣ жили слоны, носороги, гиппопотамы, львы, тигры, гіены и другія животныя, принадлежащія къ породамъ странъ жаркихъ. Впрочемъ здѣсь надобно сдѣлать важное замѣчаніе: хотя во время жизни всѣхъ этихъ животныхъ климатъ Европы необходимо былъ мягче настоящаго, однако ни изъ чего нельзя заключить, чтобъ онъ непремѣнно равнялся экваторіяльному. Гиппопотамъ живетъ нынѣ въ рѣкахъ высокой и равномѣрной температуры; но, судя по ископаемымъ остаткамъ самой большой ихъ породы (*H. major*), надобно полагать, что она водилась въ Англіи въ то время, когда ея климатъ не былъ чрезвычайно тепелъ, потому-что вмѣстѣ съ ними жили тамъ черепокожныя, медвѣди и другія сосцепитающіяся, которыя одинаковы съ нынѣшними. Тоже должно сказать о мамонтѣ, слонѣ и носорогѣ, которыхъ остатки попадаются въ Англіи вмѣстѣ съ рѣчными раковинами настоящаго времени. Сверхъ того новѣйшія изысканія подтверждаютъ, что извѣстная порода тигра, сходная съ бенгальскимъ, весьма часто встрѣчается близъ Арала, подъ широтою въ 45°, даже въ Сибири, подъ широтами, соотвѣтствующими Берлину и Гамбургу, отдѣленными отъ Гималаи двумя хребтами горъ, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ. Въ 1828 г. былъ убитъ тигръ на берегахъ Лены, подъ сѣв. широтою въ 52°, гдѣ климатъ холоднѣе петербургскаго и стокгольмскаго. Чтожь касается до сибирскаго мамонта, котораго кости составляютъ предметъ значительной торговли и выкапываются во множествѣ изъ береговъ Иртыша, Оби, Енисея и Лены, то не должно забывать, что онъ имѣлъ густую шерсть, вѣроятно защищавшую его отъ дождей и холода. Хотя географическіе предѣлы, до которыхъ достигало это огромное животное, не опредѣлены еще съ надлежащею точностію, однако можно допустить, что во время его жизни низменныя страны Сибири не простирались такъ далеко къ сѣверу какъ нынѣ: доказано, что кости сибирскихъ мамонтовъ зарыты въ слояхъ, образовавшихся подъ моремъ. Въ путешествіи г. Врангеля (1821 — 1823) находимъ несомнѣнныя свидѣтельства, что берега Ледовитаго моря возвышаются подобно берегамъ Ботническаго залива. — Наконецъ древнѣйшія угольныя формаціи служатъ наилучшимъ подтвержденіемъ, что страны, имѣющія нынѣ климатъ умѣренный и даже самый холодный, принадлежали нѣкогда къ странамъ жаркимъ. Судя по ископаемымъ изъ пластовъ угольныхъ, надобно заключить, что во время ихъ образованія флора исключительно состояла изъ растеній тайнобрач-

ныхъ, достигавшихъ гигантскихъ формъ и принадлежавшихъ не одной только Европѣ: ихъ находятъ на крайнихъ предѣлахъ сѣв. Америки, что свидѣтельствуютъ остатки папоротниковъ, полученные изъ Гренландіи и сходные съ находимыми въ угольныхъ копяхъ европейскихъ.

Для открытія причины такихъ несомнѣнныхъ перемѣнъ въ климатахъ земной поверхности, слѣдовало бы разсмотрѣть съ подробностію всѣ обстоятельства, отъ которыхъ нынѣ зависятъ различія и измѣненія температуры въ странахъ, лежащихъ подъ разными широтами; но этотъ обширный и многосложный предметъ надобно предложить во всей его полнотѣ съ особенной статьѣ; здѣсь же ограничимся только тѣми явленіями, которыя имѣютъ тѣснѣйшую связь съ главными основаніями физической географіи.

Въ географическомъ описаніи четырехъ частей свѣта, или пяти главныхъ горъ земной поверхности Ломоносовъ касается различія ихъ климатовъ и особенно причины низкой температуры въ тѣхъ странахъ Азіи, которыя, по своей широтѣ, должны принадлежать къ теплѣйшимъ. Напримѣръ, сѣверная часть Тибета соотвѣтствуетъ Неаполю, а южная — Марокко, между тѣмъ суровость и продолжительность тибетской зимы не уступаютъ нашимъ зимамъ сѣвернымъ. Какая же тому причина? «Кому — отвѣчаетъ Ломоносовъ — разстоя«ніе вѣчной зимы, т. е. холоднаго слоя атмосферы, отъ нижней зем«ной или отъ морской поверхности извѣстно, тотъ не будетъ сомнѣ«ваться о причинѣ столь холоднаго раствореія воздуха въ Тибетѣ, «вразсужденіи другихъ мѣстъ на одной широтѣ съ нимъ положеніе «имѣющихъ. Необинуясь скажемъ, что Тибетъ возвышенъ много да«лѣе равновѣсія (уровня) морской поверхности, стоитъ въ приближе«ніи морознаго слоя атмосферы, въ которомъ снѣгъ и градъ родятся». Этотъ *морозный слой*, или *слой вѣчнаго снѣга*, близь полюсовъ спускается до самой земной поверхности, которая промерзаетъ до значительной глубины и почти всегда остается подъ снѣгомъ, а при берегахъ, омываемыхъ океаномъ, скопляются огромныя массы льду, распространяющаго сильный холодъ на окружающія страны, если не встрѣчаются естественныя преграды къ такому распространенію холода и если обширныя пространства моря не умѣряютъ его дѣйствія. Во многихъ странахъ Европы и Америки, лежащихъ подъ однѣми и тѣми же широтами, разность среднихъ температуръ простирается до шести, иногда же до десяти градусовъ цельсіева термометра; и обратно: многія страны, которыхъ широты различаются 7° и даже 13°, имѣютъ одинаковыя среднія температуры. Такое рази-

тельное отступленіе отъ законовъ нагрѣванія земной поверхности солнечными лучами происходитъ отъ естественныхъ предѣловъ, отдѣляющихъ сѣверную Америку и Европу отъ полярнаго круга. Первая изъ этихъ странъ свѣта оканчивается большимъ пространствомъ твердой земли, простирающейся до самого полярнаго круга и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поднятой до 1500 метровъ надъ уровнемъ океана; вторая же далеко не доходитъ до этого круга и отдѣляется отъ него моремъ, всегда сохраняющимъ умѣренную температуру, которая сообщается прилежащей твердой землѣ и умѣряетъ суровость ея климата. Вотъ почему въ Гренландіи, подъ широтою 60°, климатъ холоднѣе, нежели въ Лапландіи подъ широтою 72°. Противное явленіе замѣчаемъ на полосѣ земной поверхности, заключающейся между широтою въ 40° и экваторомъ: здѣсь мѣста, не высоко поднятыя надъ уровнемъ моря, сильно нагрѣваемыя почти отвѣсными лучами солнца, поглощаютъ большое количество тепла и потомъ, распространяя его лучеобразно, нагрѣваютъ даже отдаленныя страны. Такимъ образомъ западныя части стараго свѣта, Аравія, азіятская Турція и Европа, какъ изъ *огромной печи*, получаютъ тепло изъ Африки. Но сѣверо-восточная Азія лишена этой выгоды, потому-что къ сѣверу продолжается она низменными землями, на которыя упадаетъ слой вѣчнаго снѣга, — съ юга же ограничивается Тихимъ Океаномъ, отдѣляющимъ ее отъ экватора и не могущимъ сообщать ей высокой температуры. Климатъ острововъ, окруженныхъ обширными пространствами морскихъ водъ, имѣющихъ умѣренную температуру, отъ климатовъ материковъ отличается мягкостью зимъ и менѣе теплымъ лѣтомъ: зимній холодъ и лѣтнее тепло уменьшаются морскими вѣтрами.

Итакъ, относительное положеніе материковъ и морей имѣетъ большое вліяніе на климаты земной поверхности, и отъ перемѣнъ въ этомъ положеніи должны происходить перемѣны и въ климатахъ и въ органическомъ царствѣ. Положимъ, что дѣйствіемъ подземнаго огня сѣверная часть Гренландіи покроется водою, а пространство, раздѣляющее Шпицбергенъ и Лапландію, поднимется надъ уровнемъ океана и превратится въ открытую твердую землю. Хотя такимъ образомъ поднятая часть морского дна не превышаетъ тѣхъ приращеній въ нѣкоторыхъ мѣстахъ береговъ Средиземнаго моря, которыя относятся къ новѣйшему времени, однако непремѣнно послѣдуетъ чувствительная перемѣна климата во многихъ частяхъ сѣверной Америки и Европы, лежащихъ подъ одинаковыми широтами. Многіе роды животныхъ и растеній этихъ двухъ материковъ погибнутъ вслѣдствіе пониженія средней температуры Европы и возвышенія са-

кой же температуры сѣверной Америки. Вообще нѣкоторые роды растеній, принадлежащихъ Европѣ, гдѣ времена года однообразнѣе, нежели въ сѣверной Америкѣ, не могутъ выносить большого жару лѣтняго и сильнаго холода зимняго на этомъ послѣднемъ материкѣ. Напротивъ, другіе роды, привыкшіе къ крайнимъ противоположностямъ американскаго лѣта и зимы, не свойственны европейскому климату, приближающемуся къ умѣренному климату острововъ. Многія растенія переносятъ жестокую зиму сѣверной Америки, тогда какъ для полнаго созрѣванія ихъ сѣмянъ необходимы жаркое лѣто и опредѣленное количество снѣга; другія же растенія, напротивъ, не выдерживаютъ никакихъ излишествъ въ теплѣ и холодѣ. Если бы дѣйствіемъ всемогущей творческой силы всѣ роды растеній и животныхъ были распредѣлены единообразно по земнымъ поясамъ одинаковой температуры, то послѣ измѣненій земной поверхности ихъ первоначальное распредѣленіе безпрестанно уклонялось бы отъ своей нормальности. Водяныя и земныя породы, при каждой перемѣнѣ въ относительномъ расположеніи материковъ и морей, переселялись бы съ своихъ первоначальныхъ мѣсторожденій. Образованіе новыхъ горъ повлекло бы за собою мѣстное уничтоженіе многихъ родовъ и животныхъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній о дѣйствіи физико-географическихъ перемѣнъ материковъ и морей, взглянемъ на плоскошарія, изображающія настоящее ихъ положеніе, и особенно рекомендуемъ для этого прекрасныя плоскошарія, изданныя въ 1838 году г. капитаномъ Воробьевымъ: увидимъ тамъ, что одна половина земли наполнена материками, которые какъ бы невѣдомою намъ силою всѣ придвинуты и прижаты къ сѣверному полюсу и расположены съ какою-то капризною прихотью, безъ всякой симметріи; другая же половина вся покрыта непрерывною водою съ немногими островами, которые, при меньшемъ масштабѣ, понадобилось бы изобразить едва примѣтными точками. Сверхъ того, если экстра-тропическіе материки сѣвернаго и южнаго полушарій сравнимъ между собою, то найдемъ, что первые въ тринадцать разъ болѣе послѣднихъ. Изъ такой неправильности расположенія материковъ и морей должно заключить, что для равновѣсія земного шара нѣтъ никакой надобности въ особенномъ и единственномъ размѣщеніи твердыхъ и жидкихъ частей его поверхности, ежели высоты первыхъ и глубина другихъ незначительны: оно можетъ быть произвольное, можетъ измѣняться, не нарушая упомянутаго равновѣсія, какъ уже было замѣчено въ *третьемъ* положеніи астрономической теоріи образованія земли. Воспользуемся же такимъ *широкимъ* основаніемъ для предположеній

о размѣщеніи земныхъ материковъ, которое соотвѣтствовало бы сперва наибольшему холоду, а потомъ наибольшему жару на земной поверхности. Начнемъ съ сѣвернаго полушарія. Предположимъ, что холмы Италіи и Сициліи, принадлежащіе къ новѣйшимъ формаціямъ и содержащіе большое количество раковинъ, одинаковыхъ съ нынѣ живущими, снова погружаются въ море, и вмѣсто ихъ равная часть морского дна поднимается въ сѣверномъ океанѣ между Сибирью и сѣвернымъ полюсомъ: на этой *новой землѣ* скопятся снѣги и льды въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ свободное море; снѣги и льды понизятъ температуру въ большей части Европы и сравняютъ ее съ температурою соотвѣтствующихъ частей сѣверной Америки, или тогда надобно будетъ подвинуться градусовъ на десять по широтѣ къ югу Европы, чтобъ встрѣтиться съ климатомъ, подобнымъ настоящему. Съ другой стороны, исчезнувшіе итальянскіе и сицилійскіе холмы не вознаградятъ потеряннаго тепла, но еще уменьшатъ его, потому-что замѣстившее ихъ море не можетъ уже нагрѣвать окружающихъ странъ столько, сколько они нагрѣвали, возвышаясь надъ водою. Распространимъ это предположеніе и допустимъ, что погружается въ океанъ какая-нибудь обширная страна близь экваторіяльная, напримѣръ Бразилія, и вмѣсто ея близь сѣвернаго полюса поднимется твердая земля, равная ей и по пространству и по высотѣ надъ уровнемъ сѣвернаго моря: тогда уже произойдетъ охлажденіе въ странахъ, прилежащихъ Атлантическому океану, и распространится чрезвычайный холодъ по всей Европѣ и въ сѣверныхъ странахъ Азіи и Америки. Европа можетъ даже покрыться вѣчными снѣгами, подобно нѣкоторымъ мѣстамъ на южномъ полушаріи, лежащимъ подъ широтами, соотвѣтствующими широтамъ средней Англіи. Подвижныя *ледяныя поля*, достигающія нынѣ только до острововъ Азорскихъ, будутъ доплывать до самого экватора. Наконецъ погрузимъ въ Индѣйскій океанъ гималайскій хребетъ со всѣмъ Индостаномъ и поднимемъ вмѣсто его морское дно между сѣверною частью Гренландіи и Оркадскими островами. тогда едва можемъ вообразить силу того холода, который распространится по сѣверному полушарію; тогда экваторіяльныя страны сдѣлаются холоднѣе нынѣшняго пояса умѣреннаго. Въ эту эпоху жители малыхъ острововъ и коралловыхъ отмелей, наполняющихъ море Индѣйское и полуденную часть Тихаго океана, съ удивленіемъ стали бы разсматривать случайно попавшіеся имъ куски и плоды деревъ кокосовыхъ и пальмовыхъ тамъ, гдѣ ростутъ уже дубъ, лиственница и сосна. Эти жители съ удивленіемъ сравнивали бы своихъ малыхъ ящерицъ съ ископаемыми остатками аллигаторовъ и крокодиловъ длиною въ шесть метровъ, жившихъ въ

прежнемъ жаркомъ климатѣ; наконецъ еще болѣе удивлялись бы они, находя въ ледяныхъ поляхъ куски сосенъ, свидѣтельствующихъ о лѣсахъ въ тѣхъ странахъ, которыя въ ихъ время составляютъ однѣ снѣжныя пустыни. Чтобъ окончить такую картину оскуденія земной поверхности въ человѣческомъ родѣ, въ животныхъ и растеніяхъ, вообразимъ, что всѣ оставшіяся земли около экватора и тропиковъ перенесены къ южному поясу: при этой катастрофѣ земля сдѣлалась бы совершенно необитаемою.

Если теперь отъ вѣчной зимы пожелаете перейти къ вѣчному лѣту, то предположите, что всѣ материки собраны и расположены по экватору и только нѣкоторые ихъ мысы достигаютъ до параллелей 30°. Но можно возвысить температуру земной поверхности и населить ее различными органическими существами, не прибѣгая къ такому крайнему перемѣщенію материковъ: надобно только предположить уменьшеніе твердой земли около сѣвернаго полюса и появленіе ея между тропиками. Въ эпоху, когда во всѣхъ странахъ свѣта поглощеніе солнечныхъ лучей землею не встрѣчало препятствій въ покрывающихъ ее снѣгахъ, т. е. когда эти снѣга не существовали, средняя температура земной коры достигала большей глубины, нежели въ настоящее время; подземные источники были гораздо теплѣе во всѣхъ широтахъ; воды озеръ и рѣкъ не охлаждались таяніемъ снѣговъ и льдовъ; равномѣрный климатъ распространялся по полярнымъ архипелагамъ, гдѣ *экваторіяльныя теченія* не встрѣчали никакихъ препятствій; атмосфера была наполнена большимъ количествомъ паровъ; воздухъ, нагрѣвшись надъ странами тропическими, увлажнялся, протекая надъ океаномъ, и разливалъ теплые дожди на страны полярныя. Острова, лежащіе далеко отъ материковъ, изобиловали тогда древовидными папоротниками и разными породами пальмъ; растенія же, принадлежащія нынѣ странамъ умѣреннымъ, совсѣмъ не существовали на земной поверхности. Тогда размножались тѣ животныя, которыхъ остатки находимъ въ древнихъ слояхъ нашихъ материковъ: гигантскій игуанодонъ жилъ въ лѣсахъ, ихтіозауръ плавалъ въ моряхъ и птеродактиль леталъ въ густыхъ древовидныхъ папоротникахъ. Наконецъ, моря около-полярнаго круга, населяемыя нынѣ китами и нарвалами, наполнены были кораловыми отмелями, и въ странахъ моржей ловили различные роды черепахъ.

Вотъ тѣ возможныя перемѣщенія великихъ частей земной поверхности, на которыя указывалъ Ломоносовъ своимъ современникамъ; но тогда, по недостатку *данныхъ*, нельзя было обратить надлежащаго вниманія на его обширную и глубокую мысль. Нынѣ совсѣмъ въ другомъ положеніи находятся геологическія изслѣдованія; нынѣ можно

уже убѣдиться, что перемѣны, подобныя описаннымъ предположительно, въ самомъ дѣлѣ происходили на земной поверхности; ихъ можно уже внести въ физическую географію, какъ въ науку, которая обязана приводить въ систему и къ единству всѣ наблюденія геологовъ точно также, какъ теоретическая астрономія пользуется трудами практическихъ астрономовъ. Въ слѣдующей статьѣ попробуемъ представить нашимъ читателямъ картину дѣйствительныхъ перемѣнъ на землѣ, за которыми необходимо слѣдовали колебанія температуры, постепенно приближавшейся къ современному ея состоянію.

Д. ПЕРЕВОЩИКОВЪ.

ОБЗОРЪ СОБЫТІЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ,

ОТЪ КОНЧИНЫ ЦАРЯ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЦАРСТВОВАНІЕ БОРИСА ѲЕДОРОВИЧА ГОДУНОВА: ЕГО ВНУТРЕННЯЯ И ВНѢШНЯЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ДО ПОЯВЛЕНІЯ ЛЖЕДИМИТРІЯ.

Патріархъ съ духовенствомъ, выборные изъ городовъ, граждане московскіе, войско видимо оказали приверженность свою къ новому царю. И въ самомъ дѣлѣ, на какомъ основаніи стали бы они не любить Бориса, на какомъ основаніи предпочли бы ему кого-нибудь другого? Давно выдался онъ изъ среды вельможъ, давно стоялъ въ челѣ управленія, и не одними кознями придворными достигъ онъ своего высокаго мѣста: порицая то или другое въ Борисѣ, никто не смѣлъ однако отрицать въ немъ достоинствъ важныхъ, существенныхъ для правителя. Къ Борису питали довѣренность за его прежнее правленіе при царѣ Ѳедорѣ; Борисъ поклялся, что будетъ царствовать для счастія народа, поклялся съ твердою рѣшимостію исполнить обѣщанное, потому-что здѣсь его личный интересъ совпадалъ совершенно съ интересомъ общественнымъ. Итакъ, съ одной стороны, видя расположеніе къ себѣ народа, съ другой будучи убѣжденъ, что самъ не по-

дастъ никогда повода къ уменьшенію этого расположенія, Годуновъ могъ быть спокоенъ на престолѣ. Но были люди, которыхъ нельзя было привязать къ себѣ никакими милостями, и которыхъ опасно было раздражать притѣсненіями; при царѣ прирожденномъ, они хотѣли стоять на первомъ мѣстѣ у трона, и это мѣсто отнялъ у нихъ Годуновъ; по смерти царя, они хотѣли сѣсть на престолъ, и Годуновъ перебилъ у нихъ престолъ. Къ обидѣ невыносимой — преклониться предъ товарищемъ — присоединилась другая обида, не менѣе тяжкая — уступить сопернику. Годуновъ понималъ всю тяжесть этихъ обидъ, потому-что самъ недавно былъ и товарищемъ и соперникомъ; самъ былъ въ состояніи употребить всѣ средства, чтобъ не подпасть этимъ обидамъ, и потому опасался, чтобъ и другіе не употребили также всѣхъ средствъ для ихъ избѣжанія. Новый царь боялся своихъ прежнихъ товарищей и соперниковъ, новый царь не могъ быть спокоенъ на своемъ престолѣ; не могло быть спокойно и царство. Кто же были эти люди, которыхъ боялся Борисъ? Относительно правъ на престолъ, всѣхъ опаснѣе были для новаго царя братья Романовы-Юрьевы, двоюродные братья послѣдняго царя, сыновья прежняго правителя, боярина Никиты Романовича. Семейство Романовыхъ состояло изъ шести братьевъ: бояръ Θедора и Александра, окольничаго Михаила, Ивана, Льва и Василія. Есть извѣстіе, будто бояринъ Никита, умирая, поручилъ сыновей своихъ Годунову, какъ человѣку, болѣе всѣхъ способному и обязанному блюсти интересы царя Θедора и всѣхъ людей къ нему близкихъ, и будто Годуновъ поклялся умирающему свято исполнить его просьбу (1). Другое извѣстіе говоритъ, будто Годуновъ далъ страшную клятву Никитичамъ, что будетъ держать ихъ всегда, какъ братьевъ и помощниковъ въ дѣлѣ правленія (2). Была ли послѣдняя клятва слѣдствіемъ первой, или Годуновъ хотѣлъ этими обѣщаніями заставить Романовыхъ отказаться отъ дальнѣйшихъ помысловъ, — рѣшить трудно; но, во всякомъ случаѣ, крайне неблагоразумно было со стороны Бориса показывать Романовымъ видъ, что онъ считаетъ ихъ соперниками, хочетъ уступками, обѣщаніями, какъ бы купить у племянниковъ Анастасіи право ихъ на престолъ Грознаго (3). Около

---

(1) Палиц. стр. 8. 2 изд.: Клятву же къ боярину Никитѣ Романовичю Юрьеву преступи, еже о чадѣхъ ввѣренное тому соблюденіе.

(2) Допол. къ акт. историч. т. II, № 76. И симъ (Романовымъ) убо и сперва любовно пріединяся и клятву страшну тѣмъ сотвори, яко братію и царствію помогателя имѣти, помалѣ же яко сковрода воскипѣ, напрасныемъ заточеніемъ сихъ осуди и проч.

(3) Годуновъ даже породнился съ Романовыми: Ив. Ив. Годуновъ былъ женатъ на Иринѣ сестрѣ Никитичей.

семьи Романовыхъ образовался довольно обширный кругъ родственниковъ и друзей: то были князья Черкасскіе. Противъ обыкновеннаго порядка вещей, родственники двухъ первыхъ женъ Грознаго — Романовы и Черкасскіе, вмѣсто соперничества и вражды, вошли въ тѣсную связь и родство другъ съ другомъ: князь Борисъ Черкасскій былъ женатъ на сестрѣ Никитичей. Кромѣ Черкасскихъ, тѣсно связаны были съ Романовыми князья Сицкіе, Шестуновъ, Рѣпнины, также фамилія Карповыхъ (1).

Вторымъ опаснымъ для Бориса семействомъ было семейство князей Шуйскихъ. Мы видѣли сильную борьбу Годунова съ этою знаменитою и могущественною фамиліею еще при царѣ Өедорѣ; видѣли, какъ нѣкоторые члены фамиліи пали въ борьбѣ; но оставались другіе Шуйскіе съ тѣмъ же значеніемъ, тѣми же связями и съ тѣми же наслѣдственными стремленіями. Въ челѣ Шуйскихъ стоялъ при Борисѣ князь Василій Ивановичъ, человѣкъ съ непредставительною наружностію, но умный, ловкій, хитрый, дѣятельный и недрожавшій ни передъ какими средствами для достиженія своей цѣли. Годуновъ зналъ, что былъ за человѣкъ князь Василій; зналъ, что Шуйскіе были явно противъ его избранія въ цари по смерти Өедора (2), и потому не любилъ и боялся ихъ. Судя по себѣ, потому-что главною заботою его было не столько возвеличеніе себя, сколько возвеличеніе своихъ дѣтей любезныхъ, Борисъ не позволялъ жениться князю Василію Шуйскому: онъ думалъ, что безпотомственность, неимѣніе кому оставить пріобрѣтенное, положитъ преграду его честолюбивымъ замысламъ; брата же васильева, князя Дмитрія Ивановича, женилъ на свояченицѣ своей, Екатеринѣ Григорьевнѣ, дочери знаменитаго опричника, Малюты Скуратова Бѣльскаго.

По прежнему въ главѣ Думы стоялъ князь Мстиславскій, Өедоръ Ивановичъ, и по прежнему Мстиславскій оставался вѣренъ родовому характеру: подобно дѣду и отцу, князь Өедоръ отличался отсутст-

(1) Объ отношеніи этихъ фамилій къ Романовымъ есть любопытное мѣсто въ Разрядной книгѣ 1598 года: «Іюля въ 21 день билъ челомъ государю К. Өед. Ноготковъ, что въ нынѣшнемъ году на государевѣ службѣ, на берегу, былъ въ правой рукѣ бояринъ кн. Ив. Вас. Сицкой, а въ передовомъ полку кн. Александръ Рѣпнинъ Оболенскій, и кн. Александръ, дружася съ кн. Ив. Сицкимъ, и удружа Өедору Никитичу сыну Романову, потому что Өедоръ и кн. Иванъ Сицкой и кн. Ал. Рѣпнинъ межь собою братья и великіе други, на кн. Ивана не билъ челомъ въ отечествѣ, и тѣмъ воровскимъ нечелобитьемъ поруху и укоръ учинилъ всѣмъ Оболенскимъ». Царь Борисъ обвинилъ Сицкаго передъ Оболенскими.

(2) Никон. лѣт. VIII, 36: князи жъ Шуйскіе единые его не хотяху на царство.

віемъ энергіи, незначительностію. Несмотря на то, Борисъ считалъ его своимъ недоброжелателемъ; думалъ, что князь Өедоръ не простилъ ему за несчастіе отцовское и сестрино; опасался и знатности фамиліи, давно уже первой въ государствѣ, и потому не позволялъ также жениться и Мстиславскому.

Гораздо опаснѣе для новаго царя, чѣмъ Мстиславскій, была другая княжеская фамилія гедиминова рода, фамилія князей Голицыныхъ, не столько по знатности и связямъ, сколько по личному характеру своего представителя, князя Василія Васильевича. Хитрый до лукавства и безнравственности, злобный во враждѣ до безчеловѣчія, князь Василій Голицынъ, умомъ, твердостію и какою-то, по тогдашнему времени, аристократическою представительностію, успѣлъ снискать у современниковъ славу человѣка государственнаго, способнаго стоять въ челѣ управленія. Таковы были первые бояре Бориса и главные его соперники.

Но не Романовы, не Шуйскіе, не Голицыны первые возмутили покой новаго царя; его смутилъ тотъ же самый человѣкъ, который первый завелъ смуту тотчасъ по смерти Грознаго, именно Окольничій Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій. Нелюбимый при дворѣ, какъ опасный интриганъ, Бѣльскій былъ отправленъ царемъ строить новый городъ, Борисовъ; но скоро пришла въ Москву вѣсть, что Богданъ задумалъ на свободѣ дѣло опасное: доносили, будто бы онъ величаетъ себя царемъ и живетъ съ царскою пышностію, строитъ городъ собственными людьми, роскошно угощаетъ каждый день войско, сыплетъ милостыню бѣднымъ, и достигъ до того, что всѣ окружающіе не нахвалятся щедрымъ и ласковымъ начальникомъ. Бѣльскаго схватили, привезли въ Москву; о чемъ допрашивали его, какую вину узнали — неизвѣстно; извѣстно наказаніе: Бѣльскій былъ заклятой врагъ иностранцевъ, и Борисъ отдалъ его на жертву послѣднимъ; шотландецъ Габріель придумалъ месть: выщипалъ по волоску длинную, густую бороду Богдана (1); опозореннаго вельможу сослали въ Сибирь; имѣніе его описали въ казну; жестоко наказаны были и тѣ дворяне, которые находились при Бѣльскомъ въ Борисовѣ, но не донесли на него (2). Былъ ли хитрый Бѣльскій такъ неостороженъ, что позволилъ себѣ безразсудное, нелѣпое хвастовство, и былъ ли царь Борисъ такъ безразсудно жестокъ и мстителенъ, что за пустое и вздорное хвастовство позволилъ себѣ такъ позорно наказать одного

(1) Надобно читать московскую хронику Бюссова, чтобъ видѣть всю ненависть, которую нѣмцы питали къ Бѣльскому: авторъ съ восхищеніемъ и шутливымъ тономъ разсказываетъ о поступкѣ царя съ Богданомъ.

(2) Никон. VIII, стр. 47.

изъ замѣчательнѣйшихъ вельможъ, — на этотъ вопросъ трудно отвѣчать положительно; можно допустить только одно объясненіе: царь искалъ перваго случая, чтобы только избавиться отъ опаснаго своимъ крамольнымъ духомъ сановника; но въ такомъ случаѣ къ чему безполезная жестокость, въ которой трудно обвинить Годунова?...

Бѣльскій былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Романовыми: съ презрѣніемъ отзываясь обо всѣхъ вельможахъ, Ѳеодоръ Никитичъ только объ одномъ Бѣльскомъ сказалъ доброе слово. Знатные роды давно не любили Романовыхъ, которые загораживали имъ дорогу: что пользы свергнуть Годунова? Романовы, по своимъ правамъ, должны занять его мѣсто. Вотъ почему не было недостатка въ людяхъ, которые старались поссорить царя съ дѣтьми стараго правителя [1]. Явился и доносъ явный на одного изъ людей близкихъ къ Романовымъ: холопъ князя Шестунова, какой-то Воинко, донесъ на своего господина; въ чемъ состояло обвиненіе, неизвѣстно; князя оставили въ покоѣ; но Воинку сказали государево жалованье предъ всѣми людьми, на площади; дали ему помѣстье, причислили къ городовымъ дѣтямъ боярскимъ. Искушеніе было сильно, и вотъ выдвинулась цѣлая толпа доносчиковъ. Страшными словами описывается этотъ развратъ въ извѣстіяхъ иностранцевъ и своихъ. Люди боярскіе, сговорясь между собою, человѣкъ по пяти и по шести, — одинъ шелъ доводить, а другихъ ставилъ въ свидѣтели, такъ-что господа не смѣли поднять глазъ на холопей своихъ; но не однихъ холопей прельщали богатыя награды, деньги и помѣстья; зло пошло дальше: братъ съ братомъ и отецъ съ сыномъ боялись говорить откровенно; сказавши что-нибудь, брали другъ съ друга клятву не доносить [2]. Люди всѣхъ сословій доносили другъ на друга: священники, монахи, пономари, просвирни, жоны доносили на мужей; «и отъ этихъ окаянныхъ доносовъ, по выраженію лѣтописца [3], пролилось много невинной крови, много людей померло съ пытокъ, иныхъ казнили, другихъ разсылали по темницамъ и раззоряли: ни при одномъ государѣ никто не видалъ такихъ бѣдъ». Наконецъ явился доносъ и на самихъ Романовыхъ. Лѣтопись говоритъ, что казначей Александра Никитича, Второй-Бартеневъ, сговорясь съ Семеномъ Годуновымъ, положилъ въ господскую кладовую мѣшокъ съ ядовитыми кореньями, что и послужило уликою. Всѣхъ братьевъ схватили и привели къ доп-

---

(1) Палиц. стр. 8. Оставшее же племя царя блаженнаго Ѳеодора начатъ не любити ради смущенія своихъ си ближнихъ. — Подъ ближними не всегда разумѣются родственники, но и приближенные вообще.

(2) Палиц., стр. 9.

(3) Никон. VIII, 42.

росу: «Бояре же многіе на нихъ, аки звѣри, пыхаху и кричаху; они же имъ не можаху что отвѣщевати отъ такого многонароднаго шуму (1)». Вмѣстѣ съ Романовыми схватили всѣхъ вышеозначенныхъ родственниковъ и друзей ихъ; слугъ и служанокъ пытали, но ничего не узнали отъ нихъ; говорятъ, что приводили къ пыткѣ и самихъ Романовыхъ (2). Долго держали Никитичей въ Москвѣ подъ стражею; наконецъ Борисъ рѣшился разослать ихъ въ разныя отдаленныя мѣста, а имѣнія отобрать въ казну. Старшаго изъ братьевъ, Ѳедора, постригли въ монахи, для отнятія у него всякой надежды на престолъ: инокъ Филаретъ былъ заключенъ въ Антоніевъ Сійскій монастырь (въ Архангельской эпархіи); жена его, Ксенія Ивановна, также пострижена, подъ именемъ Марѳы, и сослана въ одинъ изъ заонежскихъ погостовъ (3). Втораго брата, Александра Никитича, сослали въ Лудскій посадъ, къ Бѣлому морю; Михайла въ Пермь, въ Ныробскую волость, Ивана въ Пелымь, Василья въ Яренскъ; кн. Бориса Черкаскаго съ женою и съ дѣтьми ея брата, Ѳедора Никитича Романова, Михаиломъ и сестрою его, на Бѣлоозеро. Только два изъ Романовыхъ пережили свое несчастіе — Филаретъ и Иванъ. Въ смерти остальныхъ упрекаютъ Бориса; но это явная клевета: еслибъ онъ хотѣлъ окончательно погубить ихъ, то, разумѣется, началъ бы съ Ѳедора и сына его Михаила, какъ самыхъ опасныхъ; что Борисъ не поступалъ съ Романовыми тирански, какъ утверждаютъ лѣтописцы, свидѣтельствуетъ актъ неоспоримый, именно дѣло о ссылкѣ Романовыхъ, до насъ дошедшее (4). Въ этомъ дѣлѣ прежде всего останавливаетъ насъ выраженіе: «*По боярскому приговору* велѣно Василья Романова послати въ Сибирь на житье». При Васильѣ былъ отправленъ человѣкъ его для прислуги; приставу данъ былъ слѣдующій наказъ: «везти дорогою Василья бережно, чтобъ онъ съ дороги не утекъ и лиха никотораго надъ собою не учинилъ; и того беречи, чтобъ къ нему на дорогѣ и на станѣхъ никто не приходилъ, и не разговаривалъ ни о чемъ, и грамотами съ нимъ никто не сослался; а кто придетъ къ Василью, и учнетъ о чемъ разговаривать, или принесетъ какое письмо, и того человѣка съ письмомъ поймавъ прислать, или распрося отписать къ государю; а кто доведется до пытки, и тѣхъ и пытать и распрашивать подлинно. А въ Яранской пріѣхавъ занять себѣ и для Василья дворъ въ городѣ, чтобъ отъ церкви и отъ съѣз-

(1) Тамъ же, стр. 43.
(2) Тамъ же.
(3) Въ Новгородскій уѣздъ, въ Обонежскую пятину, въ Егорьевскій погостъ. Акты Арх. эксп. т. III, № 30.
(4) Акты Историч. II, № 38.

жей избы, и отъ жилецкихъ дворовъ подалѣ; а будетъ такого двора нѣтъ, и присмотря мѣсто, велѣть дворъ поставить, чтобъ не близко жилецкихъ дворовъ и дороги бы мимо двора прохожія не было; а на дворѣ велѣть поставить хоромъ, двѣ избы, да сѣни, да клѣть, да погребъ, и около двора городьба.... и съ двора Василья и дѣтины его спущать никуды не велѣть, и того беречи накрѣпко, чтобъ къ Василью и къ человѣку его никто не подходилъ» и проч., какъ прежде. Здѣсь мы видимъ чрезвычайно строгій присмотръ, однако ссыльному не отказано было въ удобствахъ жизни: «А корму Василью давать съ человѣкомъ: по калачу, да по два хлѣба денежныхъ, да въ мясные дни по двѣ части говядины, да по части баранины, а въ рыбные дни по два блюда рыбы, какова гдѣ лучится, да квасъ житный; а на кормъ послано сто рублевъ денегъ. А котораго числа въ Яранской городъ пріѣдетъ, и что съ нимъ (съ приставомъ) Василей учнетъ разговаривать, и о томъ отписати къ государю». Тѣже самыя предосторожности употреблены съ тещею Ѳедора Никитича, Марьею Шестовою или Шестуновою, которую постригли въ Чебоксарахъ. Князь Ив. Борис. Черкаскій посланъ въ Сибирь на житье, по боярскому приговору; касательно князя Репнина бояре приговорили: «у князя Олександра Репнина за воровство, что онъ въ Яранскомъ государеву казну, деньги и изъ житницъ хлѣбъ, рожь и овесъ кралъ, отчины и помѣстья и дворъ московской и животы, что у него въ вотчинахъ, и въ помѣстьяхъ, и во дворѣ, и съ нимъ на Уфѣ, поимати на государя, а ему, съ женою и съ дѣтьми, быть на Уфѣ врядъ (т. е. безъ всякой правительственной должности).

Любопытны донесенія приставовъ, посланныхъ съ Романовыми. Иванъ Некрасовъ, посланный съ Васильемъ Романовымъ, пишетъ: «А дорогою, государь, ѣдучи, со мною (Василій), съ холопомъ твоимъ, ничего не разговаривалъ; только, ѣдучи, на Волгѣ, чѣпной ключь въ воду кинулъ для того, чтобъ я его не ковалъ; и хотѣлъ у меня утечь; и я, холопъ твой, и другой ключь прибралъ, и на него чѣпь и желѣза положилъ; и пріѣхавъ въ Еранской городъ говорилъ: «погибли де мы напрасно, безъ вины, ко государю въ наносѣ, отъ своей же братьи; а они де на насъ доносили не узнався, а и сами де они помрутъ вскорѣ, преже насъ». — Скоро обоихъ братьевъ, Ивана и Василья, соединили вмѣстѣ въ одномъ городѣ Пелымѣ, когда Василій былъ уже при послѣднемъ издыханіи отъ варварства пристава, который поступалъ своевольно, безъ царскаго приказа, потому-что царь прямо пишетъ къ приставамъ: «А по нашему указу Ивана и Василья Романовыхъ ковати вамъ не велѣно, и вы то сдѣлали мимо нашего указу». Приставъ, оправдывая себя, доноситъ, что

онъ ковалъ Василья «слыша многія разговорныя рѣчи»; но изъ этихъ многихъ рѣчей приводитъ только двѣ: одну о боярахъ, приведенную выше, а другую слѣдующую: «и онъ Иванъ (Некрасовъ) учалъ говорити Василью: «кому де Божьимъ милосердьемъ, и постомъ, и молитвою, и милостынею, Богъ далъ царство, а вы деи хотѣли царство достати вѣдовствомъ и кореньемъ»; и Василій де Романовъ учалъ говорити подсмѣхая: «свята деи та милостина, что мечутъ по улицамъ; добра та деи милостина, дати десною рукою, а шуйца бы не слыхала». — О смерти Василія такъ доноситъ приставъ Смирной Маматовъ: «Взялъ я Василія Романова больна, только чуть жива, на чѣпи опухъ съ ногъ; и я, для болѣзни его, чѣпь съ него снялъ, и сидѣлъ въ болѣзни его у него братъ его Иванъ, да человѣкъ ихъ Сенька; и я, холопъ твой, ходилъ къ нему, и попа къ нему пущалъ, и преставился февраля 15 число; и я, холопъ твой, похоронилъ его, и далъ по немъ тремъ попомъ, да діячку, да пономарю, двадцать рублевъ. А Иванъ Романовъ болѣнъ старою болѣзнью, рукою не владѣетъ, на ногу маленько приступаетъ». — Послѣ этого Иванъ былъ переведенъ въ Уфу, а потомъ вмѣстѣ съ кн. Иваномъ Черкаскимъ, на службу въ Нижній Новгородъ, при чемъ царь наказывалъ приставу: «А ѣдучи дорогою и живучи въ Нижнемъ Новгородѣ, къ князю Ивану и къ Ивану береженье держати великое, чтобъ имъ однолично ни въ чемъ нужи никоторыя не были и жилибъ они и ходили просты». Равно и о княгинѣ Черкаской, жившей съ дѣтьми старшаго Романова на Бѣлѣозерѣ, царь повторялъ нѣсколько разъ: «чтобъ имъ всѣмъ въ ѣствѣ и въ питьѣ и въ платьѣ никоторыя нужи не было». Скоро Иванъ Романовъ съ княземъ Иваномъ Черкаскимъ возвращены въ Москву, а княгиня Черкаская съ женою Александра Романова и дѣтьми Ѳедора переведены въ уѣздъ Юрьева Польскаго, въ вотчину Ѳедора Никитича, при чемъ царь опять наказывалъ приставу: «чтобъ дворовой никакой нужи не было, и кормъ имъ давалъ доволенъ, и покоилъ ихъ всѣмъ, чего ни спросятъ, а не такъ бы еси дѣлалъ, что писалъ прежъ сего, что яицъ съ молокомъ даешь не отъ велика, то ты дѣлалъ своимъ воровствомъ и хитростью; по нашему указу, велѣно тебѣ давать имъ ѣству и питье во всемъ довольно, чего ни похотятъ». Изъ этого видимъ, что если Романовы и терпѣли притѣсненія, то вопреки царскимъ указамъ, отъ жестокости приставовъ, которые, вѣроятно, были подобраны врагами фамиліи.

Еще любопытнѣе донесеніе пристава Воейкова о Филаретѣ Никитичѣ. Воейковъ пишетъ къ царю: «старецъ Филаретъ Романовъ, мнѣ, холопу твоему, говорилъ: «Государь де меня пожаловалъ, велѣлъ мнѣ повольность дать, и мнѣ бы де стоять на

крылосѣ». Да онъ же мнѣ говорилъ: «не пригодится де со мною жити въ кельѣ малому; чтобъ де государь меня, богомольца своего, пожаловалъ, велѣлъ бы де у меня въ кельѣ старцу жить, а бѣльцу де съ чернцомъ въ одной кельѣ жить непригоже». И то онъ говоритъ того дѣля, чтобъ отъ него изъ кельи малаго не взяли, а онъ малаго добрѣ любитъ, хочетъ душу свою за него выронить. И я малаго распрашивалъ: что съ тобою старецъ о какихъ дѣлахъ разговаривалъ ли, или про кого разсуждаетъ ли, и друговъ своихъ котораго именно поминаетъ ли? И малой сказываетъ: «отнюдь де со мной старецъ ничего не говоритъ». . . . .
. . . .
. . . . Старецъ Филаретъ Романовъ мнѣ про твоихъ государевыхъ бояръ въ разговорѣ говорилъ: «бояре де мнѣ великіе недруги, искали де головъ нашихъ, а иные де научали на насъ говорити людей нашихъ, а я де самъ видалъ то не одиножды». Да онъ же про твоихъ государевыхъ бояръ про всѣхъ говорилъ: «не станетъ де ихъ съ дѣла ни съ которое, нѣтъ де у нихъ разумнаго: одинъ де у нихъ разуменъ, Богданъ Бѣльской, къ посольскимъ и ко всякимъ дѣламъ добрѣ досужъ». Да велѣлъ я сыну боярскому Петру Болтину малого распрашивать, которой живетъ въ кельѣ у старца Филарета, что съ нимъ коли старецъ разговаривалъ ли; и про кого разсуждаетъ ли? И малой де ему сказывалъ: со мною де ничего не разговариваетъ, лише де коли жену спомянетъ и дѣти, и онъ де говоритъ: милыя де мои дѣтки, маленки де бѣдныя осталися; кому де ихъ кормить и поить? таково ли имъ будетъ нынѣ, каково имъ при мнѣ было? а жена де моя бѣдная, наудачу уже жива ли? чаетъ де она гдѣ близко таковожъ де замчена, гдѣ и слухъ не зайдетъ; мнѣ де ужь что надобно? лихо де на меня жена да дѣти, какъ де ихъ помянешь, ино де что рогатиной въ сердце толкнетъ: много де иное онѣ мнѣ мѣшаютъ; дай, Господи, слышать, чтобы де ихъ ранѣе Богъ прибралъ, и язъ бы де тому обрадовался; а чаю де, жена моя и сама рада тому, чтобъ имъ Богъ далъ смерть, а мнѣ бы де ужь не мѣшали, я бы де сталъ промышляти одною своею душею; а братья де ужь всѣ, далъ Богъ, на своихъ ногахъ». На это донесеніе царь отвѣчалъ Воейкову: «тыбь старцу Филарету платье давалъ изъ монастырскіе казны и покой всякой къ нему держалъ, по нашему указу, чтобъ ему ни въ чемъ нужи не было; а буде онъ захочетъ стоять на крылосѣ, и тыбь ему на крылосѣ стояти поволилъ, только бы съ нимъ никто тутошнихъ и прихожихъ людей ни о чемъ не разговаривали; а малому у него въ кельѣ быть не велѣлъ, а велѣлъ съ нимъ въ кельѣ жить старцу того монастыря, въ которомъ бы воровства какого не чаять;

а которые люди учнутъ въ монастырь приходить молиться, прихожіе или тутошніе крестьяне и вкладчики, и тыбь въ монастырь молиться всякихъ людей къ церквѣ пущати велѣлъ, только того смотрѣлъ накрѣпко, чтобъ къ старцу Филарету, къ кельѣ никто не подходилъ, и съ нимъ ничего не говорилъ, и письма ни отъ кого не подносилъ, и съ нимъ не сослался». — Но если Филаретъ Никитичъ, въ слѣдствіе строгаго присмотра, ничего не зналъ о своей женѣ, то она, по-крайней-мѣрѣ, нашла людей, которые провѣдывали о здоровьѣ Филарета и приносили ей о немъ вѣсти; то были Вяжицкаго монастыря крестьяне: Поздѣй, Томила и Степанъ Торутины съ дѣтьми, да толвуйскій священникъ Ермолай Герасимовъ съ сыномъ Исакомъ. (1)

Зимою 1605 года опять возобновляется переписка Воейкова съ царемъ насчетъ поведенія Филаретова. Приставъ жаловался царю на послабленіе, какое оказываетъ Филарету игуменъ Сійскаго монастыря, Іона; доноситъ, что въ невольномъ постриженникѣ не исчезли еще мысли о прежнемъ величіи и даже о возможности будущаго, гораздо большаго. (2) Вотъ что писалъ Борисъ игумену Іонѣ марта 22: «Писалъ къ намъ Богданъ Воейковъ, что февраля въ 3-й день сказывалъ ему старецъ Илинархъ, да старецъ Леванидъ: февраляжъ де въ 3-й день въ ночи, старецъ Филаретъ его старца Илинарха лаялъ, и съ посохомъ къ нему прискакивалъ, и изъ кельи его выслалъ вонъ, и въ келью ему старцу Илинарху къ себѣ и за собою ходити никуда не велѣлъ; и живетъ де старецъ Филаретъ не по монастырскому чину, всегды смъется невѣдомо чему, и говоритъ про мірское житье, про птицы ловчія и про собаки, какъ онъ въ мірѣ жилъ, и къ старцомъ жестокъ; и старцы приходятъ къ нему Богдану на того старца Филарета всегды съ жалобою, лаетъ ихъ и бить хочетъ, а говоритъ де старцомъ Филаретъ старецъ: «увидятъ они, каковъ онъ впередъ будетъ»; а нынѣ де въ Великій постъ у отца духовнаго тотъ старецъ

(1) Этимъ лицамъ даны были царемъ Михаиломъ обѣльныя грамоты на владѣнія «для того: какъ при Борисѣ Годуновѣ, при его самохотной державѣ, злокозненнымъ его умысломъ, мать наша великая государыня старица инока Мареа Ивановна была сослана въ Новгородской уѣздъ въ Обонѣжскую пятину, въ Егорьевской погостъ въ заточенье, и они, памятуя Бога и свою душу и житіе православнаго христіанства, матери нашей великой государынѣ старицѣ инокѣ Марьѣ Ивановнѣ, непоколебимымъ своимъ умомъ и твердостію разума, служили и прямили и доброходствовали во всемъ, и про отца нашего здоровье провѣдывали и матери нашей обвѣщали, и въ такихъ великихъ скорбѣхъ и въ напрасномъ заточеньѣ во всемъ спомогали. — Акты Арх. Эксп. т. III, № 30; Акты Историч. т. III, № 9.

(2) Акты Историч. II, № 54.

Филаретъ не былъ, и къ церкви и къ тебѣ на прощанье не приходилъ, и на крылосѣ не стоитъ. И тыбъ старцу Филарету велѣлъ жити съ собою въ кельѣ, да у него велѣлъ жити старцу Леваниду, и къ церкви старцу Филарету велѣлъ ходити вмѣстѣ съ собою да за нимъ старцу, а отъ дурна его унималъ и разговаривалъ, а безчестья бъ ему никотораго не дѣлалъ; а на котораго онъ старца бьетъ челомъ, и ты бъ тому старцу жити у него не велѣлъ; а будетъ ограда около монастыря худо, и тыбъ ограду велѣлъ подѣлати, безъ ограды монастырю быти непригоже, и межъ келій двери задѣлати; а которые люди учнутъ къ тебѣ приходити, и ты бы имъ велѣлъ приходити въ переднюю келью, а старецъ бы въ ту пору былъ въ комнатѣ или въ чуланѣ; а незнаемыхъ бы еси людей къ себѣ не пущалъ, и нигдѣбъ старецъ Филаретъ съ прихожими людьми ни съ кѣмъ не сходился». Для объясненія этого извѣстія, надобно вспомнить, что въ описываемое время шаткость и броженіе умовъ были во всей силѣ отъ появленія и успѣховъ Самозванца; слѣдственно мысль о скорой гибели Годунова не могла не притти въ голову игумену Іонѣ, который, сообщивъ Филарету о событіяхъ, началъ снисходительно обращаться съ жертвою Бориса; и Филаретъ, съ своей стороны, не могъ удержаться отъ мысли о скоромъ концѣ своихъ бѣдствій; вотъ откуда этотъ смѣхъ невѣдомо чему, и нетерпѣніе при грубомъ обращеніи старцевъ, усердныхъ слугъ Годунова, тѣмъ болѣе, что Филаретъ Никитичъ и отъ природы былъ характера пылкаго (1). Годуновъ, трепеща предъ успѣхомъ Лжедимитрія, и видя, что Романовыхъ теперь нечего бояться, когда явился иной искатель престола, велѣлъ не задолго до своей смерти посвятить Филарета въ іеромонахи, и потомъ въ архимандриты. (2)

Но кромѣ Романовыхъ оставались еще Шуйскіе и Голицыны. Люди вѣрные извѣщали царя о нерасположеніи къ нему этихъ фамилій; мужчины доносили на мужчинъ, женщины на женщинъ; говорили, будто знатныя боярини, недавно ровныя царицѣ, не боятся распускать про нее и про дочь ея дурныя слухи: (3) эти сплетни, ра-

---

(1) Востокова — описаніе Румянцовскаго музея, стр. 624.

(2) Истор. Росс. Іерарх. II, 647.

(3) Дѣла по мѣстничеству, собр. Ивановымъ и напечатаны въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ, т. II, стр. 268. Въ челобитной князя Бориса Мих. Лыкова царю Вас. Ив. Шуйскому на князя Пожарскаго читаемъ слѣдующее: «А прежъ, государь, сего, при царѣ Борисѣ, онъ князь Димитрій Пожарской доводилъ на меня Бориска ему царю Борису многіе затѣйные доводы, что будто я Бориска, сходясь съ Голицыными да со княземъ Борисомъ Татевымъ, про него царя Бориса разсужаю и умышляю всякое зло, и мать его княжь Дмитріева княиня

зумѣется, должны были все болѣе и болѣе раздражать Бориса, усиливать его подозрительность; онъ не зналъ, что дѣлать съ Шуйскими, потому-что явной улики не было; нѣсколько разъ удалялъ ихъ отъ двора, пыталъ людей невинныхъ, только за то, что они посѣщали иногда Шуйскихъ, даже и въ то время, когда послѣдніе были въ милости (1). Ясно, что такія мѣры могли имѣть самыя вредныя послѣдствія: онѣ все болѣе и болѣе раздражали бояръ и принуждали ихъ къ тому, въ чемъ царь быть можетъ еще только подозрѣвалъ ихъ. Остерегаясь людей знатныхъ, которыхъ подозрѣвалъ во всевозможныхъ умыслахъ противъ своей особы, вѣря и отравѣ, и нашептыванію, и выниманію слѣда, Борисъ естественно долженъ былъ опасаться всѣхъ своихъ подданныхъ безъ исключенія, потому-что люди незначительные могли быть орудіями бояръ. Вотъ почему Борисъ сталъ скрываться во дворцѣ, рѣдко показывался въ народѣ, пересталъ выслушивать челобитья (2). Но этого мало: возведенный на престолъ русскими, Борисъ не надѣялся удержаться на немъ съ помощію русскихъ же, и потому окружилъ себя нѣмецкими тѣлохранителями. Онъ принялъ въ службу ливонскихъ изгнанниковъ, бѣжавшихъ отъ польскихъ насилій, и осыпалъ ихъ неслыханными милостями (3): «васъ, дворяне, я сдѣлаю князьми, говорилъ онъ имъ: васъ, граждане, боярами; ваши жены и въ моемъ царствѣ будутъ свободны; одарю васъ землею, слугами, работниками, одѣну въ бархатъ, шелкъ и золото, наполню пустые кошельки ваши деньгами; я вамъ не царь, не господинъ, но нѣжный отецъ; вы будете не подданные, а дѣти мои; никто, кромѣ меня, не станетъ судить и рядить между вами. Дарую вамъ свободу въ обрядахъ богослуженія». И всѣ эти обѣщанія были исполнены. Нѣмцевъ раздѣлили на четыре статьи: въ первой были старшіе и знатные дворяне, которымъ, сверхъ ежемѣсячнаго содержанія и богатыхъ даровъ, давалось по 50 рублей (600 серебромъ) годового жалованья и 800 четвертей земли (400 десятинъ) съ сотнею душъ крестьянъ, въ потомственное владѣніе. Ко 2-й статьѣ причислены были дворяне среднихъ лѣтъ, которые получали по 30

Марья въ тѣжъ поры доводила царицѣ Марьѣ на матерь мою Борисковку, что будто, государь, мать моя, съѣзжаючись со княжъ Васильевою княинею Θедоровича Шуйскаго-Скопина, со княинею Оленою, и будтося разсуждаютъ про нее царицу Марью и про царевну Оксенью злыми словесы, и за тѣ, государь, затѣйные доводы и за иная многая лганья царь Борисъ и царица Марья на матерь мою и на меня Бориска положили опалу, и учали въ томъ гнѣвъ держати безъ сыску».

(1) Маржер, въ Сказ. Соврем. III, 68, 77.

(2) Тамъ же, стр. 67.

(3) Москов. хрон. въ Сказ. Соврем. I, 24.

рублей годового оклада и 500 четвертей земли съ 50 крестьянами; въ 3-й статьѣ были молодые дворяне и заслуженные воины, получавшіе 20 рублей годового жалованья и помѣстье съ 30 крестьянами; четвертая состояла изъ слугъ, получавшихъ по 15 рублей жалованья и 300 четвертей съ 20 крестьянами. Въ замѣнъ этого царь требовалъ отъ нѣмцевъ: «Присягните Богомъ и вѣрою своею не измѣнять ни мнѣ, ни сыну моему; не уходить тайно къ туркамъ, татарамъ, персамъ, шведамъ, полякамъ; не скрывать, если узнаете какой противъ меня замыселъ; не посягать на мою жизнь ни ядомъ, ни чародѣйствомъ». Особенно ласкалъ Борисъ своихъ иностранныхъ медиковъ, которые, будучи осыпаны богатствами, казались князьями и боярами (1); для нихъ царь позволилъ выстроить лютеранскую церковь въ Нѣмецкой слободѣ. До насъ дошли также двѣ жалованныя грамоты нѣмецкимъ купцамъ Поперзаку и Витту на званіе московскихъ лучшихъ торговыхъ людей, при чемъ доставлялась имъ безпошлинная торговля съ иностранными государствами; вѣдаетъ и судитъ ихъ во всемъ печатникъ В. Я. Щелкаловъ; московскіе дворы ихъ свободны отъ всякихъ податей и повинностей (2).

Такое излишнее расположеніе къ иностранцамъ не могло не произвести народнаго негодованія (3): между гражданами слышался глухой ропотъ. Борисъ придумалъ средство зажать уста недовольнымъ, насильно заставить ихъ благословлять себя, молиться о себѣ. Наложена была обязанность произносить особенную молитву о царѣ при заздравной чашѣ (4); всѣ должны были молиться: «чтобы онъ, Борисъ, единый подсолнечный христіанскій царь и его царица и ихъ царьскія дѣти на многія лѣта здравы были и счастны и недругомъ своимъ страшны, чтобы всѣ великіе государи приносили достойную почесть его величеству, и имя его славилося отъ моря до моря, и отъ

---

(1) Москов. хрон. стр. 16.

(2) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 71, 72. Эти Поперзакъ и Виттъ вѣрою принадлежали къ тѣмъ плѣннымъ ливонскимъ купцамъ, о которыхъ говоритъ авторъ московской хроники (стр. 13), что царь далъ имъ — иному 300, другому 400 рублей въ ссуду, на безсрочное время, безъ пошлинъ и процентовъ. Впрочемъ каждый изъ этихъ купцомъ обязался клятвою не оставлять Россіи навсегда безъ дозволенія правительства, никого не увозить за-границу и не распускать худой молвы о государѣ. Все это дѣлалось съ намѣреніемъ прослыть вездѣ благотворителемъ, прибавляетъ авторъ хроники.

(3) Палицынъ, стр. 20. И таковыхъ ради всѣхъ дѣлъ, иже сотвори Борисъ, въ ненависть бысть всему міру, но отой уже вси поношаху ему крови ради неповинныхъ, и въ разграбленіи имѣнія, и нововводимыхъ дѣлъ, ереси же Арменстѣй и Латинстѣй послѣдствующимъ добръ потаковникъ бысть, и зѣло отъ него таковіи любими быша.

(4) Карамз. XI, примѣч. 138.

рѣкъ до конецъ вселенныя, къ его чести и повышенію, а преславнымъ его царствамъ къ прибавленію.... чтобы тѣ великіе государи его царскому величеству послушливы были съ рабскимъ послуженіемъ, и отъ посѣченія меча его всѣ страны трепетали». — Годуновъ не понималъ и не вѣрилъ тѣсной связи, существующей между интересами государя и подданныхъ, и заставлялъ послѣднихъ молиться не о царѣ русскомъ, но о Годуновѣ, не о семействѣ царскомъ, но о семействѣ Годуновыхъ, и тѣмъ, опять повторяю, показалъ, что онъ былъ не царь на престолѣ, но бояринъ Годуновъ. Вотъ какъ продолжается молитва: «чтобы его прекрасноцвѣтущія, младоумножаемыя вѣтви царскаго изращенія въ наслѣдіе превысочайшаго россійскаго царствія были навѣки и некончаемые вѣки безъ урыву»: – вотъ что́ только нужно было Годунову! Молитва заключается такъ: «а на насъ бы, рабѣхъ его, отъ пучины премудраго его разума и обычая и милостиваго нрава неоскудныя рѣки милосердія изливалися выше прежняго».

Таковы были отношенія новаго царя къ подданнымъ; разумѣется, онѣ не могли быть прочны, и эта непрочность сколько зависѣла отъ положенія и личности Годунова, столько же и отъ состоянія цѣлаго общества, какъ обстоятельнѣе раскроется въ послѣдствіи; теперь же бросимъ взглядъ на внутреннюю и внѣшнюю дѣятельность Бориса, на тѣ мѣры, которыми онъ старался привлечь къ себѣ подданныхъ и упрочить могущество государства.

Въ 1599 году патріархъ объявилъ, что грамота, данная Иваномъ Грознымъ митрополиту Аѳанасію, ветха, и потому Борисъ возобновилъ ее на свое имя: въ этой грамотѣ подтверждено, что духовенство патріаршихъ монастырей и всѣ люди, служащіе патріарху и живущіе на его земляхъ и земляхъ его монастырей, подлежатъ только его патріаршему суду, исключая душегубства; кромѣ того, крестьяне, живущіе на земляхъ патріарха и его монастырей, освобождены отъ разныхъ повинностей»(¹). — Еще во время своего правленія, при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, Годуновъ былъ виновникомъ знаменитаго укрѣпленія крестьянъ. Цѣль укрѣпленія была та, чтобы мелкіе помѣщики всегда имѣли крестьянъ въ своихъ помѣстьяхъ, и слѣдовательно, чтобы всегда были въ состояніи являться на царскую службу въ полномъ снаряженіи, — *конны, людны и оружны*, по тогдашнему выраженію; потому-что, при свободномъ переходѣ, богатые землевладѣльцы, особенно монастыри, имѣя обширныя, впустѣ лежащія земли, переманивали разными льготами крестьянъ къ себѣ отъ мелкихъ

(¹) Собр. гос. гр. и дог, т. II, № 73.

помѣщиковъ[1]. Какъ, съ перваго взгляда, такое закрѣпленіе ни казалось необходимымъ и полезнымъ, однако тотчасъ же обнаружились всѣ вредныя его послѣдствія, потому-что отношенія между крестьянами и помѣщиками не были опредѣлены. Вотъ почему Борисъ, уже въ свое царствованіе, измѣнилъ прежнее постановленіе такимъ образомъ: крестьяне могли переходить отъ незначительныхъ владѣльцевъ къ незначительнымъ же, вездѣ, исключая московскаго уѣзда; притомъ отъ одного помѣщика къ другому не могло переходить болѣе двухъ человѣкъ заразъ; но крестьяне значительныхъ владѣльцевъ оставались закрѣпленными по прежнему. Этимъ Годуновъ хотѣлъ достичь прежней цѣли, т. е. земли мелкихъ помѣщиковъ долженствовали быть всегда равно заселены, потому-что ни одинъ изъ нихъ не могъ помѣстить на своемъ участкѣ больше извѣстнаго числа людей, и переманивать было не для чего, а между тѣмъ крестьяне были избавлены отъ притѣсненій возможностію выхода; что же касается до богатыхъ землевладѣльцевъ, то между ними выходъ снова запрещенъ именно потому, что они имѣли возможность и выгоду переманивать другъ отъ друга крестьянъ для заселенія пустопорожнихъ земель своихъ. Впрочемъ такое распоряженіе является при Годуновѣ временнымъ: оно было сдѣлано на 1601-й годъ, и потомъ повторено и на 1602-й. По какому поводу сдѣлано это измѣненіе, говоритъ самъ царь: «Въ нынѣшнемъ, во 110 году, великій государь и проч., и сынъ его великій государь и проч. пожаловали, во всемъ своемъ государствѣ отъ налога и отъ продажъ велѣли крестьянамъ давати выходъ» [2]. Любопытны грамоты 1602 года, подтверждающія выходъ: «Указали есмя всего нашего московскаго царства дѣтемъ боярскимъ, и иноземцомъ всякимъ, и жильцомъ нашимъ, и сына нашего царевича жильцомъ же, и нашимъ дворовымъ людемъ всѣхъ чиновъ.... и дѣтемъ боярскимъ нашія царицы, и всѣхъ приказовъ подъячимъ, промежъ себя крестьянъ отказывати и возити потомужь какъ и въ прошломъ въ 110 году, въ Юрьевъ день осенней, да послѣ

---

(1) Въ Руси литовской задолго прежде, въ 1551 году, думали о средствахъ отвратить эту невыгоду: на виленскомъ сеймѣ, по совѣщанію всей шляхты, было опредѣлено, что каждый изъ землевладѣльцевъ не будетъ уже, въ своихъ селеніяхъ, водворять за собою людей вольныхъ похожихъ, иначе, какъ по принятому въ землѣ полоцкой обычаю, т. е. на четвертой домъ и проч.... А еслибъ кто держалъ и водворялъ за собою вольныхъ людей, довольствуясь болѣе легкими повинностями, желая заселить свое имѣніе, и это было бы на него доказано и дознано, тотъ долженъ заплатить господарю королю, его милости, пени пятьдесятъ копъ грошей. См. Памятники, изданные Временною кіевскою коммиссіею т. I, отдѣлъ II, № 2 и 3.

(2) Акт. арх. эксп, II, № 20.

Юрьева дни двѣ недѣли. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ велѣли биричу кликати не по одинъ день: которые крестьяне похотятъ изъ-за кого итти во крестьянежъ, и тѣбъ всѣ люди промежъ себя отказывали и возили, по сему нашему указу; а изъ-за которыхъ людей учнутъ крестьянъ отказывати, и тѣбъ люди крестьянъ изъ-за себя выпускали со всѣми ихъ животы, безо всякія зацѣпки, и во крестьянской бы возкѣ промежъ всѣхъ людей боевъ и грабежей не было, и сильно бы дѣти боярскіе крестьянъ за собою не держали и продажъ имъ никоторыхъ не дѣлали; а кто учнетъ крестьянъ грабити и изъ-за себя не выпускати, и тѣмъ отъ насъ быти въ великой опалѣ; одноличнобъ есте берегли того накрѣпко, чтобъ во крестьянскомъ отказѣ и въ вывозкѣ ни у кого ни съ кѣмъ зацѣпокъ и задоровъ и боевъ не было; а пожилогобъ платили за дворъ рубль и два алтына; а иныхъ бы продажъ крестьянамъ не дѣлали никто ни въ чемъ» (1). Какъ бы то ни было, измѣненіемъ въ законѣ не были довольны. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій въ своемъ указѣ 1607 года говоритъ: (2) «Переходомъ крестьянъ причинилися великія крамолы, ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ, чего де при царѣ Иванѣ Васильевичѣ не было, потому-что крестьяне выходъ имѣли вольный; а царь Ѳедоръ Ивановичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ, и у кого колико тогда крестьянъ было, книги учинилъ. Борисъ Ѳедоровичъ, видя въ народѣ волненіе веліе, тѣ книги оставилъ и переходъ крестьянамъ далъ, да не совсѣмъ, что судьи не знали, какъ потому судъ вершити, и нынѣ великія въ томъ учинились распри». Здѣсь выраженіе: «не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ», объясняетъ намъ, съ чьей стороны было неудовольствіе, именно со стороны бояръ и вообще богатыхъ землевладѣльцевъ, которые потеряли возможность переманивать къ себѣ крестьянъ отъ бѣдныхъ.

Но если, по выраженію Шуйскаго, Годуновъ, относительно крестьянскаго выхода, рѣшился на дѣло новое, небывалое при царѣ Иванѣ, то зато въ другихъ мѣрахъ Борисъ неуклонно слѣдовалъ примѣру Грознаго. Иностранцы пишутъ (3), что царь предложилъ Думѣ вызвать иностранныхъ ученыхъ въ Россію и завести школы; но духовенство воспротивилось этому намѣренію, объявивъ, что въ Россіи, не взирая на обширное пространство ея, до сихъ поръ господствовало единовѣріе, единонравіе; если же настанетъ разноязычіе, то поселится раздоръ, и прежнее согласіе исчезнетъ. Не желая

(1) Акты арх. эксп. т. II, № 23 и 24.
(2) Судебникъ Татищева.
(3) Москов. хрон. стр. 12.

итти наперекоръ духовенству, на приверженность котораго такъ сильно опирался, Борисъ придумалъ отправлять русскихъ молодыхъ людей за границу, равно какъ молодыхъ иностранцевъ, которые выучились у насъ порусски (1). Но первый опытъ былъ неудаченъ: изъ восемнадцати человѣкъ, отправленныхъ за границу, одинъ только опять увидѣлъ отечество, и то въ шведской службѣ, какъ переводчикъ генерала Делагарди; остальнымъ понравилась западная Европа, и они разбѣжались отъ учителей своихъ на всѣ стороны (2). Въ нашихъ историческихъ книгахъ, Годунову приписывается даже намѣреніе основать университетъ въ Москвѣ; это странное извѣстіе основано на слѣдующемъ: въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ сохранилось письмо какого-то Тобіи Лонціуса къ царю Борису отъ 24 января 1601 года. Лонціусъ пишетъ, будто какой-то Крамеръ говорилъ ему, что царь хочетъ завести въ Московіи школы и университеты, и для этого предлагалъ ему ѣхать въ Россію. Кто былъ этотъ Крамеръ, намъ неизвѣстно: быть можетъ это былъ какой-нибудь обманщикъ, искатель приключеній, или, будучи посланъ дѣйствительно царемъ, преувеличилъ смыслъ порученія, или, быть можетъ наконецъ, самъ Лонціусъ преувеличилъ его въ своемъ воображеніи. Какъ бы то ни было, объ университетѣ не можетъ быть здѣсь и рѣчи: авторъ московской хроники ясно говоритъ, что духовенство не соглашалось на вызовъ иностранныхъ ученыхъ для воспитанія русскихъ молодыхъ людей, и Борисъ согласился съ мнѣніемъ духовенства. Но у насъ есть другой, достовѣрный и чрезвычайно любопытный актъ: это наказная память Роману Бекману (а не Крамеру), отправленному въ Любекъ для приглашенія въ царскую службу врачей, рудознатцевъ, суконниковъ и другихъ мастеровъ: о профессорахъ и университетахъ ни полслова! (3). Въ этой памяти говорится: «Ѣхати Роману на Псковъ, да на Юрьевъ, или на Кесь, да на Ригу, да на Гданскъ; и какъ Романъ пріѣдетъ во Псковъ, и ему отдавъ государева грамота боярину князю Ондрею Ивановичу Голицыну, да дьяку Сулешу Щербачеву, да говорити ему, чтобъ его отпустили изо Пскова тотчасъ *нешумно*, чтобъ того иноземцы не увѣдали. И ѣхати изо Пскова въ Любку Лифляндскою землею на Юрьевъ, или на Кесь, или иные на которые городы, не замая Юрьева, куда ѣхати лутче и безстрашнѣе». Изъ этихъ предосторожностей ясно видно, что заставляло нашихъ царей, отъ Грознаго до Петра Великаго, такъ добиваться хотя одной гавани на Балтійскомъ морѣ;

(1) Москов. хрон. стр. 13; Карамз. XI, примѣч. 126.
(2) Тамъ же.
(3) Акты историч. II, № 34.

видно, съ какимъ трудомъ они должны были похищать науку съ запада (1).

Хвалятъ Годунова за трезвость (2), хвалятъ иза то, что онъ строгими мѣрами преслѣдовалъ вольныхъ корчемниковъ, ставя ихъ хуже воровъ и убійцъ (3); но онъ не запретилъ упиваться въ казенныхъ корчмахъ, которыя отдавались на откупъ дорогою цѣною, не удержался и отъ другихъ откуповъ для обогащенія казны; при этомъ Палицынъ замѣчаетъ, что деньги, шедшія въ церкви и монастыри, собирались съ откупщиковъ, и такимъ образомъ клятва смѣшивалась съ благословеніемъ (4). Несмотря однако на все это, народъ вообще былъ доволенъ правленіемъ Годунова, преимущественно два первые года его царствованія (5); особенно были довольны строгимъ правосудіемъ Бориса; нравилась, по тогдашнимъ понятіямъ, въ царѣ и эта щедрость частнаго человѣка, съ какою онъ расточалъ государственную казну нищимъ: громкія благословенія лѣнивой толпы, которую царь содержалъ своею неблагоразумною и неблагонамѣренною щедростію, эти наемныя благословенія производили сильное впечатлѣніе

(1) Далѣе въ памяти говорится: «Да какъ пріѣдетъ въ Любку, и ему буймистромъ и ратманомъ и палатникомъ говорити, чтобъ они прислали къ его царскому величеству дохтора навычнаго, который бы навыченъ всякому дохторству и умѣлъ лечить всякія немощи. А будетъ конечно откажутъ и дохтора съ нимъ не похотятъ послать и Роману промышлять въ Любкѣ дохторомъ самому, чтобъ одноличио дохторомъ въ Любкѣ промыслить. Да посланы съ Романомъ опасныя грамоты суконнымъ мастеромъ, рудознатцомъ, которые знаютъ находити руду золотую и серебряную, и часовникомъ. И Роману промышляти тѣмъ накрѣпко, чтобъ мастеровые люди, рудознатецъ и суконной мастеръ, и часовникъ, ѣхали къ царскому величеству своимъ ремесломъ послужить, и сказывать имъ государево жалованье и отпускъ поволной, чтобъ имъ пріѣхать и отъѣхать во всемъ будетъ поволно безо всякого задержанья». Какъ образецъ опасныхъ грамотъ иностранцамъ см. опасную грамоту доктору Каспару Филлеру въ Собр. гос. гр. и дог. II. № 75. См. также грамоту, данную Борисомъ Якову Людовику Корнелію Венеціянцу, у Ciampi, Bibliogr. critica.

(2) Москов. хрон. стр. 26.

(3) Тамъ же, стр. 12.

(4) Палиц. стр. 20: Оскверни же царь Борисъ неправеднымъ прибыткомъ вся дани своя: корчебницы бо піянству, и душегубству и блуду желатели, во всѣхъ градѣхъ въ прикупъ высокъ воздвигша цѣну кабаковъ, и инѣхъ откуповъ чрезъ мѣру много бысть, да тѣлъ милостыню творитъ, и церкви строитъ, и смѣшавъ клятву съ благословеніемъ, и одолѣ злоба благочестію.

(5) Тамъ же, стр. 8. Двоелѣтнемужъ времени прешедшу, и всѣми благиими Россія цвѣтяше, царь же Борисъ о всякомъ благочестіи и о исправленіи всѣхъ нужныхъ царству вещей зѣло печашеся, по словеси же своему о бѣдныхъ и о нищихъ промышляше, и милость къ таковымъ велика отъ него бываше: злыхъ же людей лютѣ изгубляше, и таковыхъ ради строеній всенароднихъ всѣмъ любезенъ бысть. См. также Москов. хрон. 28, 29.

въ народѣ необразованномъ. Какъ любилъ Борисъ раздавать милостыню, всего лучше показалъ страшный голодъ, случившійся въ его царствованіе; но этотъ голодъ показалъ также, что царь, любя раздавать милостыни, не всегда умѣлъ дѣйствительно помогать несчастію.

Въ 1601 году сильные и безпрестанные дожди заставили пресѣчь всѣ полевыя работы; 15 августа, когда хлѣбъ еще былъ не сжатъ, сильный морозъ побилъ его; этотъ годъ еще питались съ нуждою старымъ хлѣбомъ, но на другое и на третье лѣто урожая также не было, и тогда-то насталъ страшный голодъ, который современники, иностранцы и русскіе, описываютъ одинаково ужасными красками (¹). Они разсказываютъ, что сами видали людей, которые, валяясь по улицамъ, лѣтомъ щипали траву, подобно скотамъ, а зимою ѣли сѣно; у мертвыхъ находили во рту навозъ и калъ человѣческій; отцы и матери душили, рѣзали и варили своихъ дѣтей, дѣти родителей, хозяева гостей; мясо человѣческое, мелко изрубленное, продавалось на рынкахъ, въ пирогахъ; путешественники боялись останавливаться въ гостинницахъ. Если мы примемъ, что каждый изъ описанныхъ ужасовъ случился только разъ гдѣ-нибудь, то и того уже будетъ довольно. Зло увеличилось тѣмъ, что царь обрадовался случаю показать свое милосердіе народу, и велѣлъ раздавать въ Москвѣ ежедневно деньги бѣднымъ; услыхавъ объ этомъ, окрестные жители устремились въ столицу, хотя нѣкоторые изъ нихъ еще имѣли средства кормиться; прибывъ же въ Москву съ пустыми руками, не могли содержать себя означенною милостынею и, терзаемые голодомъ, одни умирали на улицахъ, другіе дорогою, на возвратномъ пути; наконецъ Борисъ, узнавъ, что со всего государства народъ двинулся въ столицу на явную смерть, приказалъ прекратить раздачу денегъ: тогда-то по дорогамъ увидали мертвые трупы и людей, умирающихъ отъ голода и холода; въ одной Москвѣ погибло около 500,000 человѣкъ; царь хоронилъ ихъ на счетъ казны. Къ голоду присоединилось еще, какъ обыкновенно бываетъ, моровое повѣтріе, именно холера (²). Наконецъ правительство предприняло мѣры болѣе дѣйствительныя: въ отдаленныхъ областяхъ отысканы были обильные остатки хлѣба отъ прежнихъ годовъ, которые были развезены въ Москву и другіе города, и продавались за половинную цѣну; бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ, особливо нѣмцамъ, отпущено было значительное количество безденежно; кажется, также потребованы были деньги и запасы

(¹) Палиц. 10, 11; Никоновская лѣтопись VIII, 47; Московская хроника 37; Маржер. 74.

(²) По свидѣтельству Асцентини, у Карамз. XI, примѣч. 170.

у людей богатыхъ и особенно у монастырей (1); наконецъ, дабы дать работу людямъ неимущимъ, стекшимся въ Москву, предприняты были разныя постройки.

Когда природа перестала посылать бѣдствія, тогда разстроенное въ своихъ основахъ общество обнаружило явленія, не менѣе гибельныя, чѣмъ голодъ и моръ. Начиная съ царствованія Грознаго, въ польскую Украйну стекались толпы бѣглецовъ, отверженниковъ общества; царь Иванъ, желая умножить народонаселеніе этой страны людьми воинственными, позволялъ преступникамъ спасаться въ украинскіе города, гдѣ изъ нихъ начали образовываться толпы тѣхъ бездомныхъ извергов, которые, подъ именемъ казаковъ, такъ долго жили насчетъ московскаго государства во время самозванцевъ и междуцарствія. Здѣсь должно обратить вниманіе на слово: *казакъ;* я не остановлюсь на различныхъ производствахъ его, ибо они не поведутъ насъ къ цѣли, но обращусь къ значенію этого слова какъ у русскихъ, такъ и у татаръ. У обоихъ народовъ оно означаетъ человѣка бездомовнаго, безпристаннаго, неимѣющаго опредѣленнаго мѣста жительства; у татаръ подъ именемъ казаковъ разумѣется самая низшая часть войска, чернь войсковая, которая противополагается князьямъ, уланамъ, мурзамъ (2); у насъ казаки противополагаются людямъ земскимъ (3), какъ народонаселеніе пришлое, подвижное, постоянно въ странѣ живущему. Такіе казаки находились повсюду въ московскомъ государствѣ, отъ Архангельска до южныхъ предѣловъ, и слѣдовательно подъ казаками-разбойниками, о которыхъ

(1) Такъ, думаю, должно понимать это мѣсто Палицына (стр. 17): «Царь же Борисъ хотя пользу сотворити питаемымъ отъ царскихъ ево сокровищъ, дабы на время оскудити нѣкихъ, инѣхъ же бы препитати бѣдныхъ. И чрезъ заповѣди святыхъ отецъ и великихъ благочестивыхъ царей и великихъ князей греческіе законы содержащихъ въ церковныхъ преданіихъ, оскудивъ много во всей Россіи; но таковаго ради времени не бы ему въ грѣхъ вмѣнилося, аще бы впреди написалъ исправити таковая».

(2) Карамз. VI, примѣч. 124: «А мнѣ Менгли-Гирею царю твоее земли и тѣхъ князей, которые на тебя смотрятъ, не воевати, ни моимъ уланамъ, ни княземъ, ни козакомъ. Тамъ же, стр. 57; Иванъ III пишетъ хану Зенебеку: «Еще не имѣя ни силы, ни власти, и будучи единственно козакомъ, ты спрашивалъ у меня, найдешь ли отдохновеніе въ землѣ моей, если конь твой утрудится въ полѣ?» Въ нашемъ старинномъ ополченіи были также казаки, которые набирались именно изъ бездомовной вольницы и составляли также, какъ у татаръ, войсковую чернь: *дворяне, дѣти боярскіе, стрѣльцы* и *казаки*; казаки получали отъ государства жалованье и помѣстья; въ смутное время, и эти служебные казаки отличались хищничествомъ, разъединеніемъ своихъ интересовъ отъ интересовъ государственныхъ.

(3) Акты арх. эксп. т. I, № 268: Да тѣ бы восмь человѣкъ сидѣли у васъ въ окладѣ и окладывали земскихъ людей и козаковъ.

будетъ такъ часто рѣчь въ исторіи междуцарствія, не должно разумѣть однихъ казаковъ, выселившихся изъ государства и основавшихъ военныя братства на его границахъ, но особенно казаковъ внутреннихъ, бездомовныхъ людей, которые и при новой династіи, подъ предводительствомъ Разина и ему подобныхъ, не переставали тревожить спокойствіе государства. Такіе-то казаки начали собираться, какъ сказано, въ польской Украйнѣ со временъ Грознаго, что продолжалось при Ѳедорѣ и Годуновѣ; но при послѣднемъ шайки ихъ должны были увеличиться, по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Мы видѣли, что, прекращая переходъ крестьянъ отъ одного помѣщика или вотчинника къ другому, Годуновъ тѣмъ самымъ оскорблялъ богатыхъ владѣльцевъ, которые лишались отъ этого многихъ выгодъ. Изъ желанія ли утишить ихъ неудовольствіе, или изъ какого-нибудь другого неизвѣстнаго намъ побужденія, Годуновъ издалъ постановленіе, по которому вольные люди, прослужившіе у господина полгода, становились его холопами ([1]). Такимъ образомъ закабалено было множество вольныхъ людей, привлеченныхъ въ службу знатными богачами, сперва лаской, обѣщаніемъ покровительства, разныхъ выгодъ, а послѣ изданія указа—насиліемъ; закабалены были не только многіе искусные ремесленники, но даже люди зажиточные, съ имуществомъ, селами, отчинами, особенно красивые молодые люди, способные носить оружіе ([2]). Но, захвативъ себѣ множество холоповъ въ дешевое время, въ голодное выгоняли ихъ изъ домовъ, болѣе добросовѣстные съ отпускными, другіе же такъ, въ надеждѣ, что, по минованіи бѣдствія, можно будетъ снова взять ихъ къ себѣ, а давшихъ имъ у себя пристанище и пропитаніе обвинить въ укрывательствѣ бѣглыхъ и раззорить тяжбами. Изгнанные такимъ образомъ холопы гибли, лишенные пропитанія; но другіе, воспитанные для войны, спѣшили въ Украйну, куда шли также и вѣрные холопы опальныхъ бояръ, Романовыхъ и другихъ, потому-что Борисъ не велѣлъ никому принимать ихъ: эти осиротѣлые и безвинно гонимые холопы, изъ которыхъ многіе носили еще слѣды жестокихъ пытокъ, стремились къ границамъ, разумѣется, не съ добрымъ расположеніемъ къ своему гонителю ([3]). Тщетно Борисъ, узнавъ о жалкой

([1]) Указат. рос. зак. 1,125: А кто послужилъ съ полгода и больше, и на тѣхъ холопей служивыя кабалы давати, и челобитья ихъ не слушати, потому-что тотъ человѣкъ того добровольнаго холопа кормилъ и обувалъ и одѣвалъ.

([2]) Палиц. стр. 14 и слѣд.

([3]) Палиц. 16: Иніи же сами поминающе благодѣяніе господій своихъ и въ негодованіи на царя пребывающе, но времени жлуще злѣ распыхахуся: иніи же отъ глада злѣ скончевахуся. Овіи же отъ родитель своихъ питахуся: а иже на конѣхъ обыкше и воинственному дѣлу искусни, сіи къ великому грѣху уклоняхуся; во грады бо вышереченные украинные отхождаху.

участи изгнанныхъ господами холоповъ, издалъ 1603 года августа 16 указъ, по которому господа непремѣнно обязывались, ссылая холопей для прокормленія, выдавать имъ отпускныя; которые же холопи не получатъ отпускныхъ, тѣмъ будетъ выдавать ихъ холопій приказъ (1): зло было трудно поправить, и скоро правительство узнало, что подъ самою Москвою нѣтъ проѣзда отъ разбойниковъ (2), которые ходили многочисленными толпами, не боясь преслѣдованія царскихъ отрядовъ. Борисъ не зналъ, что съ ними дѣлать; наконецъ, по совѣту бояръ, рѣшился выслать сильную рать, подъ начальствомъ окольничаго Ивана Ѳедоровича Басманова; недалеко отъ Москвы, царское войско настигло разбойниковъ, находившихся подъ начальствомъ знаменитаго своего атамана Хлопка, и дало имъ кровавую битву: полки Бориса побѣдили, но потеряли своего воеводу; израненный Хлопко былъ взятъ въ плѣнъ, шайка его побѣжала назадъ въ Украйну, разбойниковъ ловили, казнили, но далеко не всѣхъ истребили. Таковы были внутреннія распоряженія Бориса въ счастливую пору и бѣдственную; обратимся теперь къ его внѣшней дѣятельности.

Въ началѣ царствованія, Борису нужно было кончить дѣло, начатое случайно при Грозномъ — подчиненіе московскому государству странъ зауральскихъ, малолюдныхъ и дикихъ, но богатыхъ тѣми произведеніями, которыми Россія преимущественно вела свою заграничную торговлю. Еще Кучюмъ былъ живъ и не переставалъ отводить сибирскія волости отъ московскаго царя; за нимъ погнался воевода Воейковъ, сбирая по дорогѣ языки о кочевьяхъ слѣпого хана; кинувъ обозъ, Воейковъ шелъ день и ночь, настигъ Кучюма на лугу, на берегу Оби, бился съ нимъ отъ восхода солнечнаго до полудня и наконецъ одолѣлъ; семейство Кучюма попалось въ плѣнъ къ русскимъ, старикъ самъ-третей ушелъ въ лодкѣ внизъ по Оби. Воевода посылалъ сказать ему, чтобъ онъ ѣхалъ къ государю, и тотъ его пожалуетъ, жонъ и дѣтей велитъ отдать; Кучюмъ отвѣчалъ: «Не поѣхалъ я къ государю, по государевѣ грамотѣ, своею волею, въ кую пору я былъ совсѣмъ цѣлъ, а за саблею мнѣ къ государю ѣхать не по что; а нынѣча я сталъ глухъ, и слѣпъ, и безо всего живота: взяли у меня промышленника сына моего, Асманакъ царевича; хотя бы у меня всѣхъ дѣтей побрали, а одинъ бы у меня остался Асманакъ, и я бы о немъ еще прожилъ; а нынѣча я иду въ Ногаи, а сына своего посылаю въ Бухары» (3). Старикъ пошелъ въ Ногаи за

(1) Акты историч. т. II, № 44.
(2) Никон. VIII, 53.
(3) Акты Истор. т. II, № 1, 5.

смертію: его убили тамъ. Семейство Кучюма было отправлено въ Москву, куда имѣло торжественный въѣздъ для народной потѣхи ([1]), и потомъ разослано по городамъ. Теперь любопытно посмотрѣть, съ какими средствами велись эти сибирскія войны, вслѣдствіе которыхъ вся сѣверная Азія подчинилась христіянству и европейской гражданственности. Воевода Воейковъ пишетъ, что у него въ походѣ противъ Кучюма было рати: «три сына боярскихъ, да голова татарская, да три атаманы, да четыреста безъ трехъ человѣкъ Литвы и козаковъ, и юртовскихъ и волостныхъ татаръ» ([2]). Съ этою разноплеменною ратью воевода бился полдня и разбилъ Кучюма; но при этомъ надобно сказать также, что у сибирскаго царя было только пятьсотъ человѣкъ войска! — Борисъ сильно заботился о новопріобрѣтенномъ краѣ: при немъ были построены города: Верхотурье, Мангазея, Туринскъ, Томскъ; жителей сюда приманивали льготами ([3]). Мы видѣли уже прежде заботливость царя объ ясачныхъ народцахъ; въ 1598 году онъ писалъ, чтобы не брать у тюменскихъ татаръ подводъ для гонцевъ ([4]), и не взыскивать ясака съ татаръ и остяковъ бѣдныхъ, старыхъ, больныхъ и увѣчныхъ ([5]); заботился также о проведеніи дорогъ ([6]); старался примирить интересы туземцевъ съ интересами переселенцевъ русскихъ ([7]); доходилъ до всякой мелочи относительно удобствъ для послѣднихъ, давалъ имъ большія льготы ([8]), облегчалъ купцовъ въ платежѣ податей ([9]), строго запре-

---

([1]) Тамъ же, отъ № 7-го до № 23. Нѣкоторые изъ этихъ актовъ очень любопытны; воевода, провожавшій плѣнниковъ, не смѣлъ ничего сдѣлать безъ царской грамоты, обо всякой бездѣлицѣ писалъ въ Москву и дожидался отвѣта, а между тѣмъ плѣнники нуждались въ необходимомъ. — № 12: воевода жалуется на безчинство казаковъ: «И Пятуня, государь, пришолъ къ царевичамъ пьянъ, ночи, со царевичи бранился и лаялъ царевича м......, и татарина у нихъ отнялъ (повара), да пришелъ къ намъ холопямъ твоимъ на подворье ночи самъ другъ съ Обросимомъ и Евтихѣевымъ, насъ холопей твоихъ лаялъ... И мурзамъ, государь, отъ козаковъ тѣснота великая, а насъ холопей твоихъ не слушаютъ, ходятъ всегда пьяни, воруютъ, къ царевичамъ и ко царицамъ ходятъ безчинно, а насъ холопей твоихъ и атамановъ не слушаютъ: мы де вамъ не приказаны, таковы же де мы что и вы».

([2]) Тамъ же, № 1.

([3]) Акты истор. т. II, № 52.

([4]) Тамъ же, № 8.

([5]) Тамъ же, № 9.

([6]) Тамъ же, № 26.

([7]) Тамъ же, № 28: «И выбъ вогуличамъ съ верхотурскими съ торговыми людьми сѣнные покосы и рыбныя и звѣриныя ловли и всякія угодья подѣлили, какъ будетъ доведетца, чтобъ вогуличамъ въ томъ тѣсноты не было, а верхотурскимъ торговымъ людемъ потомужъ въ томъ нужи не было».

([8]) Тамъ же, № 29, 35, 36, 41, 51.

([9]) Тамъ же, № 30.

щая имъ однако продавать оружіе туземцамъ и торговать тайно, во вредъ царской казнѣ и другимъ купцамъ ([1]), заботился о поддержаніи промысловъ, которые встрѣчали большое затрудненіе въ малолюдности страны ([2]); приказывалъ крещеныхъ дикарей принимать въ стрѣльцы ([3]), снабжалъ книгами церкви въ новопостроенныхъ городахъ ([4]), наконецъ заботился о заведеніи рѣчного судоходства ([5]).

Мы упомянули о ногаяхъ, среди которыхъ погибъ Кучюмъ. Эти кочевники раздѣлялись на три орды, изъ которыхъ одна только признавала власть московскаго царя. Борисъ, желая подчинить себѣ всѣ три орды и опасаясь связи одной изъ нихъ съ Турціею и Крымомъ, приказывалъ подчиненному себѣ хану тѣснить турецкихъ союзниковъ; но, не вполнѣ довѣряя силѣ своего приказа и для вѣрнѣйшаго достиженія своей цѣли, велѣлъ астраханскимъ намѣстникамъ ссорить чужихъ хановъ, слѣдствіемъ чего были кровопролитныя войны и запустѣніе непріязненнаго улуса, тогда-какъ въ подчиненной себѣ ордѣ Борисъ строго запрещалъ междоусобія ([6]).

Важнѣе были дѣла за Кавказомъ. Грузія, находясь между тремя могущественными государствами, Московскимъ, Турецкимъ и Персидскимъ, не могла поддерживать своей независимости, должна была поддаться одному изъ нихъ; благоразуміе требовало признать власть самаго могущественнаго изъ ближайшихъ, т. е. Персидскаго, усиленнаго тогда знаменитымъ Аббасомъ; но единовѣріе влекло къ самому отдаленному, — Московскому, и царь Александръ грузинскій поддался царю Ѳедору Ивановичу. Это подданство поставило Грузію между двумя ножами, турецкимъ и персидскимъ, тогда-какъ московскій царь не имѣлъ возможности усердно заниматься дѣлами столь отдаленнаго владѣнія и двигать большія массы военныхъ силъ для его защиты отъ двухъ могущественныхъ непріятелей; вотъ почему царь Александръ долженъ былъ прибѣгнуть къ постоянному средству слабаго — двоедушію: признавая себя слугою Бориса, онъ сносился въ тоже время съ Аббассомъ и позволилъ сыну своему Константину принять магометанство; но и это не помогло: Аббасъ хо-

---

(1) Тамъ же, № 45.
(2) Тамъ же, № 39, 40, 42.
(3) Тамъ же, № 43.
(4) Тамъ же, № 346.
(5) Тамъ же, № 345.
(6) Такъ соглашаются противорѣчія, которыя Карамзинъ (т. XI, гл. 1) находитъ между свидѣтельствомъ лѣтописи (Никон. VIII, 40) и архивскихъ бумагъ, содержащихъ дѣла ногайскія.

тѣлъ совершеннаго подданства Грузіи и велѣлъ ренегату Константину убить отца и брата за преданность ихъ къ Москвѣ; преступленіе было исполнено. Съ другой стороны, турки вытѣснили изъ Тарковъ (въ Дагестанѣ) русскій отрядъ, который, подъ начальствомъ Бутурлина, былъ истребленъ кумыками послѣ отчаяннаго сопротивленія: 7000 русскихъ положили свои головы вмѣстѣ съ воеводами, и власть московскаго государства исчезла въ этой странѣ. Несмотря однако на явное стремленіе овладѣть Грузіею, персидскій шахъ не хотѣлъ разрыва съ Москвою и мѣнялся посольствами и дарами съ Борисомъ (¹), который не могъ отомстить ему за насильственное завладѣніе Грузіи: гроза, скоплявшаяся надъ Годуновымъ и Москвою съ запада, помѣшала имъ заботиться объ отдаленныхъ промыслахъ на востокѣ.

Съ крымскимъ улусомъ дѣла шли довольно благопріятно: послѣ неудачныхъ сборовъ при воцареніи Бориса и другого неуспѣшнаго похода въ 1600 году (²), ханъ заключилъ миръ (³), т. е. призналъ на нѣсколько времени невозможность грабить Россію. Доказательствомъ благопріятнаго для Москвы оборота дѣлъ служитъ то, что въ это время уже не русскіе толковали о набѣгахъ крымцевъ, но ханъ жаловался на построеніе крѣпостей, стѣснявшихъ его улусъ, на набѣги донскихъ казаковъ и на грубое обращеніе нашего посла въ Крыму.

Изъ государствъ европейскихъ, кромѣ Швеціи и Польши, Борисъ сносился съ Австріею, Римомъ, Флоренціею, Ганзою, Англіею, Даніею. Интересы московскаго государства и Имперіи постоянно соприкасались въ одномъ пунктѣ, именно въ борьбѣ съ Турціею, съ которою Москва постоянно вела войну, только посредственно, черезъ Крымъ. Султанъ злобился на царя за связь съ Персіею и побуждалъ хана къ набѣгамъ; вотъ почему Борисъ старался о союзѣ съ императоромъ Рудольфомъ, посылалъ ему деньги, благопріятствовалъ сношеніямъ Австріи съ Персіею, которой послы ѣздили къ европейскимъ дворамъ чрезъ русскія области (⁴), равно какъ и послы державъ европейскихъ въ Персію; такъ въ 1601 и 1604 годахъ, папа Климентъ VIII и кардиналъ Альдобрандини писали къ Борису о пропускѣ нунціямъ и миссіонерамъ, отправлявшимся въ Персію (⁵), что и было исполнено (⁶). Съ герцогомъ тосканскимъ Борисъ пересылал-

(¹) Historica Russiæ Monumenta, ab A. J. I. Turgenevio, T. II, № XXX. Карамз. XI, прим. 83, 84, 85.

(²) Щербат. XIII, 112; Карамз. XI, примѣч. 36.

(³) Лѣтоп. о мятеж. 65; Никон. VIII, 48, 49; Карамз. XI, примѣч. 36, 73.

(⁴) Тамъ же, примѣч. 78 — 84.

(⁵) Turg. Histor. Russ. Monum. № XXXII, XXXIII, XXXIV.

(⁶) Никон. VIII, 48.

ся насчетъ вызова въ Москву итальянскихъ художниковъ, на что герцогъ объявлялъ радушное согласіе (1). Борисъ склонился на челобитье 59 городовъ ганзейскихъ и далъ имъ жалованную грамоту для торговли, причемъ любчанамъ сбавлена пошлина до половины (2).

Съ Елисаветою англійскою Годуновъ продолжалъ такія же дружественныя сношенія, какія имѣлъ съ нею, когда еще былъ правителемъ при царѣ Ѳеодорѣ. Елисавета и преемникъ ея Іаковъ осыпали Бориса лестными выраженіями, пословъ его почестями: русскимъ посломъ въ Лондонѣ былъ тогда Григорій Микулинъ, который, во время эссексова возмущенія, вооружился съ своими людьми и подвергалъ жизнь свою опасности за Елисавету, о чемъ она сама писала къ Борису. Микулинъ подробно описываетъ почести, которыя онъ получилъ въ Англіи (3); между прочимъ Елисавета говорила ему: «Со многими де у меня съ великими крестьянскими государями братцкая любовь, а ни съ которымъ такія любви нѣтъ, что съ великимъ государемъ вашимъ». Впрочемъ вся эта лесть и почести со стороны англійскаго правительства были направлены только для полученія торговыхъ выгодъ въ Россіи: оно домогалось не только безпошлинной торговли въ русскихъ городахъ, но также пропуска англичанъ черезъ Россію въ Персію, Индію и другія восточныя земли. Но Борисъ не ограничивался одною торговлею, а слѣдилъ и за политикою Англіи: такъ онъ требовалъ отъ королевы удостовѣренія, что она не въ союзѣ съ Султаномъ и Сигизмундомъ польскимъ (4). Шли также переговоры и о бракѣ царевича Ѳеодора на одной изъ родственницъ Елисаветы. Борисъ, котораго сильно тяготила мысль о его нецарственномъ происхожденіи, хотѣлъ восполнить этотъ недостатокъ, по-крайней-мѣрѣ, брачнымъ союзомъ дѣтей своихъ съ владѣтельными домами Европы и Азіи. Такъ онъ искалъ невѣсты для сы-

---

(1) Карамз. XI, примѣч. 111.

(2) Карамз. XI, примѣч. 107, 108, 109.

(3) Тамъ же, примѣч. 100 — 106. Статейный списокъ: «Пришла королевна въ столовую палату, и сѣла за столъ, а Григорья (Микулина, посла) и Ивашка (подъячаго) и переводчика Ондрѣя велѣла посадити за особеннымъ столомъ у себя по лѣвую руку.... а бояре и дворяне всѣ стояли, а не сидѣлъ ни одинъ.... И какъ столъ отшелъ, и королевна почала умывать руки, и умывъ, велѣла серебряникъ съ водою поднести Григорью; и Григорей на жалованьи челомъ билъ, а рукъ не умывалъ, и говорилъ: великий государь нашъ королевну зоветъ себѣ любительною сестрою, и мнѣ, холопу ея, при ней рукъ умывать не пригодитца.... и королевна почала быти весела, и Григорью то похвалила, что ее почтилъ, рукъ при ней не умывалъ.

(4) Елисавета старалась дать ему на этотъ счетъ самыя удовлетворительныя объясненія. См. Instruction for S-r Richard Lee Knight, unt to the Emperor of Russia, у Turg. Histor. Russ. Monum. t. II, Appendix, № XXII.

на и жениха для дочери въ Грузіи; узнавъ о намѣреніи царя, Елисавета предложила для его сына невѣсту въ Англіи, прибавляя, что отдала-бы за Ѳедора не только родственницу, но и собственную дочь (¹); «но — пишетъ королева-дѣвственница — Богу, держащему въ рукахъ сердца государей, не угодно было вселить въ меня склонности къ супружеству: о чемъ жалѣю не для себя, а для своего народа, видя, какъ онъ хотѣлъ бы имѣть наслѣдниковъ отъ моей крови, чтобы повиноваться имъ съ любовію, для свободы и благоденствія отечества». Смерть Елисаветы прекратила сватовство.

Годуновъ велъ переговоры о брачномъ союзѣ и съ австрійскимъ домомъ (²); но гораздо успѣшнѣе кончились они съ Даніею: послѣ споровъ за лапландскія пустыни, гдѣ датскія границы въ Норвегіи сходились съ русскими, король Христіанъ согласился отпустить своего брата Іоанна въ Москву для брака съ царевною Ксеніею (³). Принцъ пріѣхалъ въ Россію, былъ встрѣченъ съ пышностію и радушіемъ отъ царя, который, по старому обычаю, отправился къ Троицѣ помолиться передъ началомъ важнаго семейнаго дѣла; но въ это самое время Іоаннъ занемогъ сильною горячкою, какъ пишутъ, отъ излишества въ жирной пищѣ, къ которой вовсе не привыкъ, и умеръ. Послѣ этого началось было сватовство Ксеніи за одного изъ принцевъ голштинскихъ, но прервано было несчастіями борисова семейства. Съ тою же цѣлію еще прежде вызванъ былъ царемъ въ Москву шведскій принцъ Густавъ, сынъ несчастнаго Эрика XIV-го. Густаву дали богатый удѣлъ — Калугу съ тремя городами; но этотъ ученый принцъ не захотѣлъ для Ксеніи ни отказаться отъ протестантизма, ни покинуть любовницы, чѣмъ и навлекъ на себя гнѣвъ Бориса, который далъ ему въ удѣлъ, вмѣсто Калуги, раззоренный Угличь; по сверженіи Годуновыхъ, Густава перевезли въ Ярославль, потомъ въ Кашинъ, гдѣ онъ и умеръ (⁴).

Но кромѣ брака со Ксеніею, у Бориса были другіе замыслы насчетъ Густава: пользуясь раздоромъ, возникшимъ между Сигизмундомъ III польскимъ и дядею его, Карломъ IX, который отнялъ у него шведскую корону, царь хотѣлъ овладѣть снова Ливоніею. Съ этою цѣлію, онъ выпустилъ плѣнныхъ ливонцевъ, остававшихся еще отъ временъ Грознаго, и щедро наградилъ ихъ, дабы они были ему вѣрными слугами въ отечествѣ. Въ своихъ наказахъ онъ велѣлъ внушать ливонцамъ слѣдующее: «Слухъ дошелъ до великаго государя, что имъ, рижаномъ, отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей во

(¹) Тамъ же.
(²) Карамз. XI, примѣч. 82.
(³) Тамъ же, примѣч. 54 — 77.
(⁴) Тамъ же, примѣч. 38 — 46.

всемъ тѣснота, и хотятъ рижскихъ людей отвести отъ ихъ вѣры и привести въ папежскую и въ езовитцкую вѣру, и нравы и обряды и вольности ихъ порушити, и такъ здѣлати, чтобы ихъ нѣмецъ всѣхъ не найти и съ фонаремъ въ ливонской землѣ.... и великій государь про то добрѣ поскорбѣлъ.... и жалованье и милосердіе показалъ ко многимъ ливонскимъ нѣмцомъ.... А такова милосердья имъ ни отъ котораго государя не бывало и не будетъ.... Такова государя благочестива и храбра и разумна отъ начала руские земли не бывало» (1). — Борису хотѣлось, чтобъ ливонцы, возмутившись, признали королемъ своимъ Густава, въ зависимости отъ московскаго государства: какая вѣрность въ подражаніи замысламъ своего благодѣтеля и учителя! что Грозный сдѣлалъ съ Магнусомъ, то Борисъ хочетъ теперь сдѣлать съ Густавомъ. Но только немногіе изъ норвежскихъ жителей приняли сторону царя и хотѣли сдать ему городъ; но предпріятіе ихъ было открыто, и заговорщики казнены (2). Несмотря однако на неудачу, Борисъ не оставилъ своихъ замысловъ, на исполненіе которыхъ подавала ему надежду вышеупомянутая вражда Швеціи съ Польшею. И та и другая держава искали союза съ Москвою или, по-крайней-мѣрѣ, невмѣшательства въ ихъ споры. Въ 1600 году литовскій канцлеръ Левъ Сапега пріѣхалъ въ Москву съ дружелюбными предложеніями; но Борисъ ждалъ въ это время пословъ шведскихъ и не хотѣлъ вступить съ Сапѣгою ни въ какія сношенія до тѣхъ поръ, пока не выслушаетъ предложеній шведскихъ. Во время торжественнаго въѣзда Сапѣги царь велѣлъ провезти его нарочно мимо дома, занимаемаго Густавомъ, чтобъ поляки могли видѣть этого соперника сигизмундова (3); какъ скоро послы помѣстились въ назначенномъ имъ домѣ, то его окружили вооруженными людьми, не позволяли посольскимъ людямъ выходить за ворота, и стражамъ запрещено вступать въ разговоръ съ поляками; только черезъ шесть недѣль допустили пословъ до руки царской, выставляя причиною медленности болѣзнь Бориса; потомъ начались переговоры съ думными боярами, и шли очень лѣниво. Бояре требовали у поляковъ царскаго титула для Бориса и уступки Ливоніи, утверждая, что Карлъ IX уступаетъ Эстонію и самъ со Швеціею поддается Москвѣ; требованія поляковъ заключались въ двадцати пунктахъ, изъ которыхъ важны слѣдующіе: пунктъ 11: подданнымъ обоихъ государствъ да будетъ полная свобода посылать своихъ дѣтей

---

(1) Карамз. т. XI, примѣч. 42.
(2) Тамъ же, примѣч. 43.
(3) Adelung, Uebersicht der Reisenden in Russland, t. II, p. 4.

изъ одного въ другое для науки и для службы; пунктъ 15: въ обоихъ государствахъ должна быть одинакая монета; пунктъ 16: въ знакъ единенія, при коронаціи польскаго короля московскіе послы должны возлагать на него корону, и наоборотъ польскіе послы должны дѣлать тоже самое при вѣнчаніи великаго князя московскаго; пунктъ 19: по смерти Бориса король избирается вел. княземъ, и наоборотъ, въ случаѣ смерти Сигизмунда, Борисъ избирается въ короли; пунктъ 20: княжество смоленское и земля сѣверская съ тремя крѣпостями должны быть возвращены коронѣ польской. — Царь объявилъ согласіе на 11-й пунктъ; 15-й и 16-й отвергнуты; на 19-й послѣдовалъ отвѣтъ: вольно полякамъ выбрать царя въ короли, но не наоборотъ. На 20-й сказано: объ этомъ не хотимъ мы ни знать, ни говорить. Споры были жаркіе, особенно когда вмѣшивался въ рѣчи думный дворянинъ Михайло Игнатьевъ Татищевъ, человѣкъ усердный, дѣловой, но дерзкій на языкъ и на руку; его обыкновенно выставляли впередъ, когда при случаѣ нужно было поговорить крупно; Левъ Сапѣга былъ также человѣкъ крутой и вспыльчивый; однажды между ними завязался вотъ какой разговоръ:

Татищевъ. Ты, Левъ, еще слишкомъ молодъ (Сапѣгѣ было тогда 44 года), ты говоришь все неправду, ты лжешь.

Сапѣга. Ты самъ лжешь, холопъ, а я все время говорилъ правду; не съ знаменитыми послами бы тебѣ говорить, а съ кучерами въ конюшнѣ, да и тѣ говорятъ благоприличнѣе, чѣмъ ты.

Татищевъ. Что ты тутъ раскричался! я всѣмъ вамъ сказалъ, и говорю, и еще разъ скажу, и докажу, что ты говоришь неправду.

Тогда Сапѣга обратился къ боярамъ съ жалобою на Татищева, и тѣ велѣли послѣднему замолчать. Но когда дѣло дошло до Ливоніи, и Сапѣга, чтобъ уклониться отъ вопроса, отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ на этотъ предметъ никакого полномочія, то Татищевъ не вытерпѣлъ и снова закричалъ: «Не лги; мы знаемъ, что ты имѣешь полномочіе трактовать о лифлянтахъ». — Сапѣга отвѣчалъ: «Ты лжецъ привыкъ лгать; я не хочу съ такимъ грубіяномъ сидѣть вмѣстѣ и разсуждать о дѣлахъ». — Съ этими словами онъ всталъ и оставилъ собраніе (¹).

Между тѣмъ пріѣхали шведскіе послы, которыхъ нарочно провезли мимо дома польскихъ пословъ. Борисъ объявилъ повѣреннымъ Карла, что Сигизмундъ уступаетъ ему часть Ливоніи, если онъ начнетъ войну съ шведскимъ похитителемъ; но эта ложь не произвела дѣйствія: шведы не испугались, и царь, видя, что съ этой стороны неудача, допустилъ къ себѣ польскихъ пословъ и заключилъ съ ни-

(¹) Adelung, Uebersicht der Reis. II, 13.

ми двадцатилѣтнее перемиріе (¹), не переставая однако доброжелательствовать Карлу, потому-что неудача послѣдняго грозила соединеніемъ Польши со Швеціею, чего Москва должна была болѣе всего опасаться. — Какъ же мы должны смотрѣть на поведеніе Бориса въ этомъ случаѣ? Ясно, что онъ дѣйствовалъ не только не благородно, но и неблагоразумно: ему надлежало взять явно сторону Карла противъ Сигизмунда и вооруженною рукою исторгнуть у Польши покрайней-мѣрѣ часть Ливоніи, къ чему приглашалъ его Карлъ: но для этого нужны были рѣшительность и увѣренность, а ихъ-то и недоставало Борису. Онъ боялся всякаго отважнаго предпріятія, потому-что неуспѣхъ могъ уничтожить плоды столь долгихъ и многихъ стараній, возбудивъ неудовольствіе народа, накинувъ тѣнь на правленіе Бориса, до сихъ поръ счастливое, а это-то счастье онъ и клевреты его выставляли какъ самое главное право на престолъ, какъ благословеніе Божіе; самъ Борисъ не имѣлъ ратныхъ талантовъ, воеводамъ не довѣрялъ. Вотъ почему онъ боялся войны и хотѣлъ происками и переговорами получить то, что могъ достать только силою оружія. — Такъ хитрилъ Борисъ; но около него нашлись люди, которые перехитрили его....

(¹) Turg. Histor. Russ. Monum. II, № XXXI.

СОЛОВЬЕВЪ.

II.

ОБЗОРЪ СОБЫТІЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ,

ОТЪ КОНЧИНЫ ЦАРЯ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

ГЛАВА III.

Лжедимитрій; разныя мнѣнія о его происхожденіи; борьба его съ Годуновыми и торжество надъ ними.

Мы приблизились, въ своемъ разсказѣ, къ тому времени, когда страшная болѣзнь объяла государственное тѣло и стала грозить ему конечною гибелью. Не преступленія правителя, не дерзкій умыселъ монаха, не крамола бояръ, не зависть сосѣдней державы, не тайные ковы знаменитаго ордена произвели эту болѣзнь въ государствѣ: она таилась внутри его и ждала только удобной минуты, чтобъ развиться во всей силѣ.

Уже пять вѣковъ шла на Руси борьба между началами государственными и противогосударственными; къ концу XVI-го вѣка государство восторжествовало: сосредоточивающая сила преодолѣла всѣ препоны, огромное государственное тѣло было объединено, сплочено, готово, повидимому, выйти изъ той замкнутости, въ которой удерживала его внутренняя борьба, и начать цѣльную жизнь въ кругу другихъ государствъ, родственныхъ ему по одной общей основѣ гражданскаго быта — христіанству; казалось, что съ новою династіею Московское госудатство начнетъ новое бытіе, усвоитъ себѣ плоды

западно-европейской цивилизаціи и быстро пойдетъ по пути усовершенствованій, по пути къ наряду; казалось, что и новый царь, вѣрный ученикъ Грознаго, сознавалъ новыя потребности юнаго государства, сознавалъ назначеніе своей династіи и воспитывалъ въ сынѣ своемъ правителя, способнаго удовлетворить этимъ новымъ потребностямъ и выполнить назначеніе династіи. Но все это казалось только, и нужно было пройти еще цѣлому столѣтію, прежде чѣмъ новая жизнь могла начаться для Россіи. Что же были за причины такого замедленія?

Пять вѣковъ упомянутой борьбы, борьбы напряженной и кровавой, не могли не оставить по себѣ слѣдовъ въ нашемъ древнемъ обществѣ; никогда и нигдѣ подобные переломы, подобные переходы изъ одного порядка вещей въ другой не обходятся дешево для народовъ; никогда и нигдѣ подобныя борьбы на жизнь и на смерть, въ которыхъ всѣ средства обыкновенно считаются позволенными, не остаются безъ гибельныхъ послѣдствій для народной нравственности. Въ борьбѣ сильнаго со слабымъ интересъ самосохраненія становится интересомъ господствующимъ; но извѣстно, что такое господство вовсе не благопріятствуетъ развитію доблестей гражданскихъ; чтобъ спастись отъ насилій сильнаго, слабый прибѣгаетъ къ коварству и противъ меча готовитъ отраву; съ другой стороны, сильный не преминетъ воспользоваться всякимъ средствомъ для достиженія своей цѣли, при чемъ заставитъ слабаго стать своимъ орудіемъ, и такимъ образомъ развратитъ его. Ясно, что при такихъ отношеніяхъ, при господствѣ интереса самосохраненія, довѣренность между гражданами необходимо ослабѣваетъ, всякой начинаетъ опасаться другого, особиться, начинаетъ думать только о самомъ себѣ, и при единствѣ внѣшнемъ внутреннее исчезаетъ. Вспомнимъ, какія средства должны были употреблять великіе князья противъ удѣльныхъ, вспомнимъ поведеніе бояръ при послѣднихъ Рюриковичахъ, обстоятельства, при которыхъ образовался характеръ Грознаго и средства его въ борьбѣ съ стариною, вспомнимъ крестоцаловальную запись Годунова и разсказы о доносахъ въ его царствованіе; присоединимъ сюда еще нѣсколько извѣстій о состояніи народной нравственности въ это время; вотъ слова автора московской хроники: «Во всѣхъ сословіяхъ воцарились раздоры и несогласія; никто не довѣрялъ своему ближнему; цѣны товарамъ возвысились неимовѣрно; богачи брали росты болѣе жидовскихъ и мусульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли. Все продавалось вдвое дороже. Другъ ссужалъ друга не иначе, какъ подъ закладъ, втрое превышавшій занятую сумму, и сверхъ того бралъ по 4 процента еженедѣльно; если же закладъ не былъ выкупленъ въ опредѣленный срокъ, пропадалъ невозвратно. Не буду говорить о

пристрастіи къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ, о нестерпимомъ, глупомъ высокомѣріи, о презрѣніи къ ближнимъ, о неумѣренномъ употребленіи пищи и напитковъ, о плутовствѣ и распутствѣ. Все это, какъ наводненіе, разлилось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ» (1). Мы могли бы и не повѣрить свидѣтельству иностранца; но почти въ тѣхъ же словахъ описываетъ состояніе нравственности при Годуновѣ и Палицынъ (2).

Таковы были дурные соки, накопленные обществомъ въ продолженіи пяти вѣковъ; ясно, что общество не могло начать новой жизни, не очистившись прежде отъ этихъ соковъ, не излечившись отъ своей тяжкой болѣзни, а это излеченіе могло произойти только вслѣдствіе сильнаго потрясенія всего организма. Нужно было, чтобъ болѣзненныя начала, развившись во всей полнотѣ, вызвали противоборство началъ жизненныхъ, и общество, выдержавъ борьбу съ опасною болѣзнію, вышло изъ нея чистымъ, здоровымъ и крѣпкимъ; надобно было, чтобъ единство, наданное Руси московскими государями, перешло, какъ необходимость, въ народное сознаніе, чтобъ это матеріяльное единство стало духовнымъ, независящимъ болѣе отъ силы, отъ сосредоточенія внѣшняго; надобно было очистить народъ отъ общественнаго разврата, затронувши въ немъ высшіе гражданскіе интересы и заставивши его жертвовать всѣмъ для ихъ соблюденія. Но кромѣ этихъ причинъ, дѣлавшихъ необходимымъ сильное государственное потрясеніе, были еще другія. Выше было сказано, что къ концу XVI-го вѣка государство восторжествовало надъ родовымъ бытомъ: не было болѣе удѣльныхъ князей, усобицы прекратились, но слѣдствія ихъ остались. Во время прежнихъ родовыхъ споровъ и междоусобій враждующіе князья постоянно имѣли нужду въ толпѣ людей праздныхъ, привыкшихъ къ буйной воинской жизни, къ жизни на счетъ другихъ, на счетъ общества; толпами этихъ-то людей поддерживались междоусобія, потому-что побѣжденный всегда находилъ средства снова набрать войско. Но когда усобицы стихли, то что́ было дѣлать этимъ людямъ безпристаннымъ, бездомовнымъ, которымъ было тѣсно въ обществѣ, что́ было дѣлать теперь казакамъ? Толпами шли они за границу государства, но много оставалось ихъ еще внутри; государство начало набирать ихъ въ свою службу, но служба эта была для нихъ тяжка; имъ хотѣлось прежней воли, прежняго безнарядья, чтобъ безнаказанно жить на счетъ общества; мы упоминали уже, какъ толпы ихъ умножились

(1) Сказ. Соврем. т. I, стр. 43, 44.

(2) Стр. 20: .....и старіи мужы брады своя постризаху, во юноши премѣняху ся. Надъ всѣми же сими во объяденіе и пьянство велико, и во блудъ впадохомъ, и въ лихвы, и въ неправды, и во вся злая дѣла.

на Украйнѣ при Грозномъ и Годуновѣ; они ждали предлога возмутить покой государства, но этого предлога не было: у единого царя не было родичей, соперниковъ; но если ихъ не было въ самомъ дѣлѣ, то надлежало ихъ выдумать, надлежало явиться сопернику мнимому; однимъ словомъ, для казаковъ необходимъ былъ Самозванецъ. Но не для однихъ казаковъ былъ необходимъ онъ. Мы знаемъ, что бояре, дружина княжеская также сильно стояли за родовыя отношенія между князьями, потому-что этими только отношеніями поддерживалось право отъѣзда; родовыя отношенія исчезли, исчезла и возможность отъѣзда, князья и бояре должны были безпрекословно подчиниться волѣ царя, и какого царя? не прирожденнаго на престолѣ Ивана III-го, но ихъ прежняго товарища и соперника, который и на престолѣ продолжалъ питать къ нимъ прежнія подозрѣнія, прежнюю вражду; опала грозила ежеминутно, а средствъ къ спасенію не было: у новаго царя не было родича, не было соперника; но если не было на самомъ дѣлѣ соперника царю, то надобно было его выдумать, надлежало явиться сопернику мнимому: для бояръ былъ необходимъ Самозванецъ.

Такимъ образомъ Самозванецъ былъ необходимъ для бояръ, для казаковъ; былъ нуженъ также для Польши, для іезуитовъ: сколько причинъ для его появленія и успѣховъ! Но кто же былъ собственно виновникомъ появленія? Разсмотримъ разныя мнѣнія, существующія въ наукѣ на счетъ этого событія.

Изъ всѣхъ мнѣній, которыя существуютъ теперь между учеными о происхожденіи Лжедимитрія, нѣтъ ни одного новаго: всѣ они уже были высказаны современниками Самозванца. Я не остановлюсь на разборѣ мнѣнія, что Лжедимитрій былъ бѣглый чудовскій монахъ Григорій Отрепьевъ, которому сама собою пришла въ голову мысль объявить себя царевичемъ Димитріемъ: уже и современники понимали невозможность такого явленія и, по своимъ понятіямъ, приписывали умыселъ Отрепьева внушенію дьявола, а успѣхъ умысла — чернокнижію. Что же касается до другого мнѣнія, будто человѣкъ, выдававшій себя за спасшагося отъ смерти сына Грознаго, былъ имъ въ самомъ дѣлѣ, то оно не выдерживаетъ исторической критики: въ извѣстіяхъ о спасеніи Димитрія встрѣчаются историческія несообразности, такъ напр., что онъ спасся бѣгствомъ въ Украйну, къ отцу своему крестному, князю Мстиславскому, который будто жилъ въ ссылкѣ со временъ Грознаго: царь Иванъ никогда не ссылалъ Мстиславскаго, судьбу котораго мы разсказали въ первой главѣ нашего обзора. Далѣе, извѣстія о спасеніи Димитрія противорѣчатъ другъ другу въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ: одни говорятъ, что спасъ его докторъ подмѣномъ, другіе — что сама царица-мать. Наконецъ

всѣ извѣстія согласны, какъ и должно быть, въ одномъ, что убійство произошло ночью, тогда какъ намъ подлинно извѣстно, что царевичъ погибъ днемъ, когда слѣдовательно ни родственникамъ, ни близкимъ людямъ, ни гражданамъ углицкимъ нельзя было обмануться, и еслибъ даже обманулись сначала, то мертвое тѣло лежало очень долго передъ глазами всѣхъ, что давало всѣмъ возможность убѣдиться въ своемъ обманѣ. Сюда же должно отнести свидѣтельства очевидцевъ, каковы были: аптекарь, служившій сорокъ лѣтъ при дворѣ, ливонка, бывшая повивальною бабкою и воспитательницею царевича, стопятилѣтній старикъ, служившій въ Угличѣ дворцовымъ сторожемъ и клявшійся автору Московской Хроники, что убитый царь Димитрій не былъ сыномъ Грознаго (¹): изъ этихъ свидѣтельствъ всего важнѣе для насъ послѣднее, потому-что дворцовый сторожъ видалъ Димитрія живымъ, видѣлъ и мертвымъ; что же касается до свидѣтельства аптекаря и повивальной бабки, то оно можетъ быть принято только при другихъ, потому-что эти свидѣтели основываются на различіи въ чертахъ лица между настоящимъ и ложнымъ Димитріемъ: но мы знаемъ, какъ измѣняются съ возрастомъ черты лица. Равно нельзя обращать большого вниманія на свидѣтельство, что Самозванецъ былъ гораздо старше, чѣмъ долженствовалъ быть настоящій Димитрій, потому-что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, человѣкъ можетъ казаться десятью годами старше или моложе, а Димитрію трудная, бѣдственная жизнь въ молодости легко могла набавить нѣсколько лѣтъ на лицо. Гораздо важнѣе свидѣтельства людей вполнѣ безпристрастныхъ, и на первомъ мѣстѣ самого автора Московской Хроники, которому, по его отношеніямъ, лучше было бы принять мнѣніе противное, — потомъ Басманова, о которомъ должно сказать тоже самое.

Слѣдуетъ мнѣніе, что Лжедимитрій былъ подставленъ польскимъ правительствомъ, которое посредствомъ него надѣялось завести смуту въ Московскомъ государствѣ и такимъ образомъ ослабить могущество послѣдняго. Но это мнѣніе теряетъ всю вѣроятность при внимательномъ взглядѣ на тогдашнее состояніе Польши: планъ подставить Самозванца могъ быть задуманъ и исполненъ только въ такомъ государствѣ, въ которомъ власть сосредоточена въ рукахъ одного человѣка или въ рукахъ избраннаго сословія, могущественнаго своимъ единствомъ, каково напримѣръ было правительство венеціянское: но Польша въ это время уже представляла небывалый въ исторіи примѣръ совершеннаго раздвоенія между государемъ и государствомъ; король не могъ ни на что рѣшиться безъ вельможъ, а вель-

(¹) Сказ. Соврем, I, стр. 102 и слѣд.

можи враждовали другъ съ другомъ, преслѣдуя свои личные интересы, объ интересѣ же государственномъ было всего меньше заботы; наконецъ чрезвычайно осторожное поведеніе польскаго правительства въ дѣлѣ Лжедимитрія съ Годуновымъ заставляетъ совершенно откинуть мысль о томъ, что оно могло быть виновникомъ появленія Самозванца. Гораздо больше вѣроятностей имѣло бы за себя мнѣніе тѣхъ изслѣдователей, которые во всемъ этомъ дѣлѣ видятъ происки іезуитовъ, хотѣвшихъ посредствомъ Лжедимитріи ввести католицизмъ въ Московское государство: уже и современники обвиняли іезуитовъ во всѣхъ тѣхъ смутахъ, къ исторіи которыхъ мы теперь приступаемъ (¹). Но до насъ дошло свидѣтельство неоспоримое о томъ, что при первомъ появленіи Лжедимитрія въ Самборѣ іезуитовъ вовсе не было, и онъ былъ обращенъ въ католицизмъ не ими, но францисканцами: объ этомъ свидѣтельствуетъ Папа Павелъ V-й въ письмѣ своемъ къ Юрію Мнишку 1605 года (²).

(¹) Gravis et maximi momenti deliberatio de compescendo perpetuo conatu Jesuitarum. Anno 1609. См. Ciampi — Bibliografia critica. Означенное сочиненіе раздѣляется на 36 обвиненій; между ними въ одномъ: *Moscoviæ inconsulta et periculosa tentatio*, авторъ говоритъ: «Ad rerum Moscovitarum successus quod attinet, illi re vera nobis hactenus non citra fastum ostentati sunt, quorum etiam præcox spes gentem Jesuiticam ad eum modum inflavit, ut omnia sibi deinceps contra clerum, nobilitatem, et quoscumque alios licere putaret. Qualia vero nunc ex illis locis per repetitos nuncios constanter afferantur, nemini hodie ignotum esse arbitror. Jesuitos tamen videmus et audimus omni narrationi acerrime contradicere, quod ipsum indicio est rem ipsorum ibi actam esse, et adhuc agi, ut quicumque tandem eventus (utinam bonus!) secuturus sit, non aliis eum principaliter, quam ipsismet imputare possimus. Quale autem meum ab initio, quamprimum consiliorum istorum aliquid in vulgus emanavit, de molitionibus illis judicium fuerit, multis magni nominis viris, quibuscum sermones ea de re contuli, notum esse scio. Jpse nempe causæ in genere melius fundamentum optabam; deinde rem per se periculi plenam esse aperte profitebar.... Denique sic præ me semper tuli, si Jesuitæ negotio huic se immiscerent, nullum ejus bonum eventum expectandum: hos enim omnia turbaturos; et si res felicissime cadat, Imperium illud ab ipsis perturbatum et motibus intestinis repletum iri, qui nobis tempore fortassis non æquissimo negotium facessere possent, quemadmodum in Svecia nobis non ita dudum accidit». Несмотря однако на то, что авторъ этого замѣчательнаго сочиненія обвиняетъ іезуитовъ въ смутахъ Московскаго государства, онъ не приписываетъ имъ подставовку Самозванца, но только вмѣшательство въ дѣло: «Я всегда думалъ — говоритъ онъ — что если іезуиты вмѣшиваются въ это дѣло, то не будетъ пути».

(²) Turg. Hist. ross. monim. t. II, № LV: Etsi ex his, quæ hactenus a nostris Legato et Nuntio Apostolicis, et ab aliis quoque Regni Poloniæ religiosis nobilibusque viris accepimus de integritate vitæ, atque sanctitate disciplinæ dilectorum filiorum fratrum sancti Francisci de observantia, facile persuadebamur, et juberemus, ne ulterius progrederetur in reformatione illius Ordinis, profecto, lectis litteris Nobilitatis tuæ, quibus uberrime nobis eorum probitatem et virtutem renuntias, et dilectissimi filii Demetrii Magni Moscoviæ Ducis conversione com-

Остается слѣдовательно то мнѣніе, которое приписываетъ явленіе Самозванца тайной крамолѣ внутреннихъ враговъ царя Бориса, бояръ, его окружавшихъ. Мы согласны принять это мнѣніе по многимъ причинамъ, и особенно по авторитету лица, которое высказало его, потому-что это мнѣніе принадлежитъ царю Борису. Вотъ что̀ говоритъ авторъ Московской Хроники ([1]): «Послѣ этого происшествія (доноса на Бѣльскаго и Романовыхъ) царь сдѣлался весьма остороженъ: бережно употреблялъ пищу, и для своей безопасности учредилъ тѣлохранителей изъ нѣсколькихъ тысячъ стрѣльцовъ: они должны были оберегать его во дворцѣ днемъ и ночью и провожать всюду, даже въ церковь. Однимъ словомъ, онъ велъ такую жизнь, что бояре не могли вредить ему ни ядомъ, ни желѣзомъ. Тогда злоумышленники, оставивъ прежнее оружіе — убійство и отраву, прибѣгнули къ другому — коварству». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ ([2]): «Царь, получая такія вѣсти (о Самозванцѣ) со всѣхъ сторонъ, самъ началъ сомнѣваться въ убіеніи Димитрія и приказалъ развѣдать обо всемъ обстоятельно; новыя свидѣтельства въ смерти царевича наконецъ убѣдили его, что виновниками обмана были зложелатели его, бояре». Наконецъ онъ говоритъ ясно ([3]): «Вѣсть объ этомъ происшествіи ужаснула Бориса. Онъ сказалъ князьямъ и боярамъ въ глаза, что это было ихъ дѣло (въ чемъ и не ошибся), что они измѣною и крамолами стараются свергнуть его съ престола» ([4]). Но если даже

---

probas, cum ipsum non minus exemplo sanctitatis eorum, quam doctrinæ præstantia inductum fuisse ad amplexandam Catholicæ Religionis veritatem affirmes, multo alacrius, multoque libentius mandavimus, ut nulla post hæ reformatonis mentio fieret». Вслѣдствіе этого распространился слухъ, что Лжедимитрій былъ воспитанъ францисканцами: Neri Giraldi въ письмѣ къ в. герцогу тосканскому, описывая Самозванца, говоритъ: «E'di 24 anni in circa.... è stato in minoribus allevato da certi frati di S. Fransesco, e poi da' Gesuiti, e ha servito da giovine al Sig. Palatino di Sendomiria, parla benissimo polacco e latino, e moscovito suo naturale.

([1]) Стр. 30, 31.

([2]) Стр. 37.

([3]) Стр.45.

([4]) Кромѣ Годунова и автора Московской Хроники, и другіе современники указывали на тѣхъ же виновниковъ появленія Лжедимитрія: Notizie estratte dalla storia delle sollevazioni seguite in polonia et. c. di Alessandro Cilli (у Ciampi — Bibliogr. crit.): «Eletto dai Moscoviti per successore di Giovanni di Basilio il Grande Baritio Fedorovic diedero con minacce alla moglie del morte Giovanni d Basilio, che con il figliolino Demetrio in parti lontane se ne fuggisse, e come dicono, che in un monasterio di monache si rinchiudesse, et in un altro di monaci il detto figlio Demetrio allevare facesse; sebbene altri volsero, che ciò vero non fusse, et che il detto Fedorovic legittimamente in Imperatore fusse eletto, ma che il detto Demetrio *(per istigazione di quell che malvolontieri obbedivano a questo principe, sotto apparenti colori e metafore)* non fosse qu el vero e legittimo Demetrio figlio del Gran Giovanni di Basilio, ma finto, falso, ambitioso di regnare».

предположить, что царь Борисъ не имѣлъ неоспоримыхъ доказательствъ крамолы боярской, что онъ только подозрѣвалъ, только догадывался, то и тутъ трудно не согласиться съ его догадкою, трудно не предпочесть ея всѣмъ остальнымъ догадкамъ и мнѣніямъ. Для всякаго ясно, что перемѣна правителя въ Московскомъ государствѣ была гораздо нужнѣе для бояръ, чѣмъ для Польши или для іезуитовъ; но Годунова нельзя было свергнуть никакими другими средствами, кромѣ Самозванца; нельзя было найти никакой другой причины къ возстанію, никакой формы для него, слѣд. нужно было придумать средство, выходящее изъ обыкновеннаго порядка вещей, и только мысль, напряженная отыскиваніемъ этого средства, могла остановиться на подстановкѣ Самозванца, могла расчитать успѣхъ, сообразить всѣ выгоды подобной подстановки. И вотъ отыскивается молодой человѣкъ, низкаго происхожденія, почти безродный, но съ талантами блестящими, мало того — имѣющій на тѣлѣ примѣты, которыми отличался и погибшій царевичъ; его убѣждаютъ въ томъ, что онъ сынъ Ивана Грознаго, ибо нельзя не замѣтить, что Самозванецъ былъ убѣжденъ въ этомъ: въ противномъ случаѣ чѣмъ объяснить эту увѣренность, доходившую до безразсудности, эту открытость и свободу въ поведеніи; чѣмъ объяснить прекрасную мысль отдать свое дѣло на судъ народа, когда онъ созвалъ выборныхъ для изслѣдованія обличеній Шуйскаго, и чѣмъ объяснить въ послѣднія минуты его жизни это трогательное обращеніе къ матери: на вопросъ разъяренной толпы: «точно ли онъ Самозванецъ?» Димитрій отвѣчалъ: «спросите объ этомъ мать мою (1)». Всякой, кто изучитъ характеръ и поведеніе перваго Лжедимитрія, согласится, что такой человѣкъ могъ быть не обманщикомъ, но обманутымъ только. Говорятъ (2): «Почему разстрига, сѣвъ на престолѣ, не удовлетворилъ народному любопытству знать всѣ подробности его судьбы чрезвычайной? Для чего не объявилъ Россіи о мѣстахъ своего убѣжища, о своихъ воспитателяхъ и хранителяхъ?» — Но онъ самъ не зналъ ихъ: люди, употребившіе его своимъ орудіемъ, были такъ осторожны, что не дѣйствовали на него непосредственно; онъ зналъ и говорилъ, что нѣкоторые вельможи спасли его и покровительствовали ему, но именъ ихъ не зналъ, зналъ только посредниковъ между ними и собою — дьяковъ Щелкаловыхъ (3). Говорятъ, что Василій Щелкаловъ, вмѣстѣ съ другими опальными борисова царствованія, хотя и снова явился у двора при Самозванцѣ, однакожь не въ числѣ ближнихъ и первыхъ людей: но

(1) О свидѣтельствахъ царицы Мароы будетъ рѣчь въ четвертой главѣ Обзора.

(2) Карамзинъ, т. XI, гл. IV.

(3) Никонов. VIII, 58.

Лжедимитрій возвелъ его изъ дьяковъ въ окольничіи — дѣло неслыханное! дать ему больше онъ ничего не могъ; укажемъ кстати и на то, что Щелкаловъ былъ въ опалѣ при Борисѣ. Быть можетъ, впрочемъ, Лжедимитрій и зналъ имена вельможъ, благодѣтелей своихъ, но лѣтописецъ не смѣлъ назвать ихъ: чѣмъ, напримѣръ, объяснить поступокъ Самозванца съ княземъ Василіемъ Шуйскимъ, освобожденіе послѣдняго отъ смертной казни и вторичное приближеніе къ своей особѣ? Неужели только вѣтреностію, добротою, просьбами царицы Маряы и поляковъ? Намъ кажется, что гораздо легче объяснить этотъ поступокъ благодарностію.... Но если принять за самое вѣроятное то мнѣніе, что Самозванецъ былъ подставленъ въ Москвѣ, то нѣтъ никакого основанія утверждать, что онъ не былъ тѣмъ, за кого выдавало его московское правительство. Что Самозванецъ былъ русскій, именно великороссіянинъ и человѣкъ грамотный, именно такой, какимъ представляетъ его намъ извѣстіе, доказываетъ его знаніе московскаго нарѣчія, на которомъ онъ такъ краснорѣчиво изъяснялся, четкость и красивость его почерка и плохое знаніе латинской грамоты, потому-что побочный сынъ Стефана Баторія (1), воспитанникъ іезуитовъ, не могъ бы писать: *In perator* (2). Итакъ, приступимъ къ разсказу о похожденіяхъ Григорія Отрепьева, выбирая изъ многихъ подробностей, часто баснословныхъ и другъ другу противорѣчащихъ (3), самыя вѣроятныя.

Юрій Отрепьевъ, перемѣнившій въ монастырѣ это имя на созвучное имя Григорія, былъ сынъ галицкаго сына боярскаго, Богдана Отрепьева (4); въ младенчествѣ лишился отца, рано разстался и съ матерью, которую, какъ видно, считалъ послѣ своею спасительницею и воспитательницею (5); рано является въ Москвѣ и учится грамотѣ, оказываетъ большія способности, успѣхи, снискиваетъ расположеніе вельможъ, особенно князей Черкаскихъ, въ нѣкоторыхъ же извѣстіяхъ называется холопомъ Романовыхъ и Черкаскаго (6). Но

(1) Вѣроятно поляки выдумали это извѣстіе, чтобъ сколько-нибудь облагородить свою службу московскому искателю приключеній.

(2) Еще свидѣтельство, что Лжедимитрій почти вовсе не зналъ по-латыни: когда польскій посолъ произнесъ предъ нимъ латинскую рѣчь, то секретарь его Бучинскій долженъ былъ перевести ее на польскій языкъ, чтобъ дать понять ее своему государю. Adelung - Uebersicht der Reisenden, t. II, p. 181.

(3) Этихъ баснословій и противорѣчій въ подробностяхъ нельзя выставлять противъ достовѣрности самого свидѣтельства: баснословія и противорѣчія здѣсь необходимы, потому-что похожденія Лжедимитрія были любимою темою для народныхъ сказаній.

(4) Никон. VIII, 55.

(5) Морозов. лѣтоп. у Карамз. т. XI, прим. 201.

(6) Сказаніе о Растригѣ, въ Чтеніяхъ Импер. Москов. Общ. Ист. № 9, 1847 г.; Акты арх. эксп. т. II, № 28; Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 152.

эти фамиліи подпадаютъ скоро царской опалѣ, вмѣстѣ съ ними и всѣ ихъ домочадцы. Молодой человѣкъ необыкновенно талантливый, но лишенный средствъ къ жизни и гонимый — какое превосходное орудіе для враговъ борисовыхъ! И вотъ царю доносятъ о преступныхъ замыслахъ Отрепьева; послѣднему грозитъ смертная казнь, и онъ принужденъ спасаться отъ нея въ монастырѣ; сперва странствуетъ по дальнимъ обителямъ, но скоро потомъ является опять въ Москвѣ, въ Чудовѣ монастырѣ. Здѣсь своею грамотностію Григорій обращаетъ на себя вниманіе патріарха Іова: тотъ беретъ его къ себѣ для книжнаго письма. Но молодой монахъ уже посвященъ въ страшную тайну: она тяготитъ его, не даетъ ему покою, у него вырываются неосторожныя слова.... Въ то время, когда земля кипѣла доносчиками, эти страшныя слова не могли не дойти до царя: ростовскій митрополитъ Іона донесъ о нихъ сперва патріарху, а потомъ, когда Іовъ мало обратилъ на то вниманія, Іона сказалъ прямо Борису, что монахъ Григорій Отрепьевъ готовитъ себя въ сосудъ дьяволу [1]. Царь велѣлъ дьяку Смирному Васильеву сослать подозрительнаго чернеца, подъ крѣпкимъ присмотромъ, въ одинъ изъ сѣверныхъ монастырей [2]. Лѣтописцу XVII вѣка казалось, что самъ дьяволъ замѣшался въ это дѣло и заставилъ дьяка Смирнаго сперва тронуться просьбами другого дьяка, Семена Ефимьева, а потомъ и совершенно забыть указъ царскій: но историкъ XIX вѣка считаетъ себя вправѣ думать, что промыслъ людей сильныхъ бодрствовалъ надъ Григоріемъ и предохранялъ его отъ бѣды. Узнавъ объ опасности, Отрепьевъ убѣжалъ изъ Чудова монастыря въ Галичь, оттуда въ Муромъ, въ Борисоглѣбскій монастырь, гдѣ настоятель снабдилъ его лошадью для возвращенія въ Москву, откуда уже Отрепьевъ долженъ былъ направить путь въ сѣверскую землю и далѣе, за предѣлы Московскаго государства.

Въ февралѣ 1602 года [3], въ понедѣльникъ второй недѣли великаго поста, въ Москвѣ, Варварскимъ Крестцемъ шелъ монахъ Пафнутьевскаго монастыря, Варлаамъ, какъ вдругъ нагналъ его другой молодой монахъ и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и вопросовъ: кто и откуда? Варлаамъ спросилъ у своего новаго знакомца, назвавшагося Григоріемъ Отрепьевымъ, какое ему до него дѣло? Григорій отвѣчалъ, что живя въ Чудовѣ монастырѣ, сложилъ онъ похвалу московскимъ чудотворцамъ, за что патріархъ, видя такое досужество, взялъ его къ себѣ, а потомъ на-

(1) Никон. VIII, 56.

(2) Тамъ же. Лѣтопись говоритъ, что въ Соловки; но вѣрнѣе въ Кирилловъ Бѣлозерскій. Дополн. къ акт. историч. I, № 151.

(3) Акты арх. эксп. т. II, № 64.

чалъ брать съ собою и на царскую думу въ верхъ, и оттого вошелъ онъ, Григорій въ великую славу. Но ему не хочется не только видѣть, но и слышать про земную славу и богатство, и потому онъ рѣшился съѣхать съ Москвы въ дальній монастырь: слышалъ онъ, что есть монастырь въ Черниговѣ, и туда-то хочетъ онъ звать съ собою Варлаама. Тотъ отвѣчалъ Отрепьеву, что если онъ жилъ въ Чудовѣ у патріарха, то въ Черниговѣ ему не привыкнуть: Черниговскій монастырь, по слухамъ, мѣсто не важное. На это Григорій отвѣчалъ: «хочу въ Кіевъ, въ Печерскій монастырь, тамъ старцы многіе души свои спасли; а потомъ, поживя въ Кіевѣ, пойдемъ въ святой городъ Іерусалимъ, ко Гробу Господню». Варлаамъ возразилъ, что Печерскій монастырь за рубежемъ, въ Литвѣ, а за рубежъ теперь итти трудно. — «Вовсе не трудно — отвѣчалъ Григорій — государь московскій взялъ миръ съ королемъ на двадцать два года, и теперь вездѣ просто, заставъ нѣтъ.» Тогда Варлаамъ согласился быть спутникомъ Отрепьева: оба монаха поклялись другъ другу, что не обманутъ, и отложили поѣздку до-завтра, уговорившись сойтись въ Иконномъ ряду. На другой день, на условленномъ мѣстѣ, Варлаамъ нашелъ Отрепьева и съ нимъ третьяго спутника: то былъ чернецъ Мисаилъ, а въ міру звали его Михайло Повадинъ, Варлаамъ знавалъ его *у князя Ивана Ивановича Шуйскаго* (¹). Богомольцы счастливо добрались до Новгорода Сѣверскаго, прожили здѣсь немного въ Преображенскомъ монастырѣ и, сыскавъ провожатаго, какого-то отставного монаха, Ивана Семенова, перебрались за-границу. Въ Кіевѣ монахи приняты были въ Печерскомъ монастырѣ архимандритомъ Елисеемъ, прожили здѣсь три недѣли и отправились въ Острогъ, къ тамошнему владѣльцу, князю Василію, извѣстному приверженцу православной вѣры; проведши лѣто въ Острогѣ, Варлаамъ и Мисаилъ посланы были княземъ Василіемъ въ Троицкій Дерманскій монастырь; но Григорій не пошелъ туда съ ними: онъ отправился въ городъ Гащу, и скоро товарищи его узнали, что онъ скинулъ съ себя иноческое платье, и въ гащинской школѣ учится по-латыни и по-польски. Тщетно Варлаамъ ѣздилъ изъ Дерманскаго монастыря въ Острогъ бить челомъ князю Василію, чтобъ тотъ велѣлъ взять Григорія изъ Гащи и сдѣлать по старому чернецомъ и дьякомъ: дворовые люди князя отвѣчали ему: «здѣсь земля вольная, кто въ какой вѣрѣ хочетъ, въ той и живетъ»; а самъ князь сказалъ: «вотъ у меня и сынъ родной родился въ православной вѣрѣ, а теперь держитъ латинскую, мнѣ и его не унять». Отрепьевъ зимовалъ въ Гащѣ; но весною, послѣ Свѣтлаго Воскресенья, пропалъ безъ вѣсти: вѣроятно

(¹) Тоже любопытное обстоятельство!

въ это-то время онъ жилъ у запорожцевъ, учась у нихъ воинскому искусству; по прошествіи нѣкотораго времени его встрѣтили снова въ польскихъ предѣлахъ, въ службѣ у князя Адама Вишневецкаго. Здѣсь-то онъ увидалъ, что есть надежда успѣть въ своемъ предпріятіи съ помощію легкомысленныхъ, тщеславныхъ пановъ и бѣдной, готовой на все шляхты; при первомъ случаѣ онъ открылся князю и былъ признанъ царевичемъ московскимъ. Паны обрадовались случаю попировать и похвастаться покровительствомъ несчастному царевичу, чудесно спасшемуся отъ смерти: Отрепьевъ долженъ былъ переѣзжать отъ одного изъ нихъ къ другому, вездѣ встрѣчая царскій пріемъ и почетъ. Особенно понравилось ему въ Самборѣ, резиденціи богатаго сендомирскаго воеводы, Юрія Мнишка: здѣсь Отрепьева поразило явленіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное: онъ увидалъ дочь воеводы, молодую, прелестную дѣвушку, со всѣми обаяніями блестящаго образованія, ума, энергіи, кокетства; панна Марина Мнишекъ поняла, что ей предстоитъ случай отличнымъ образомъ устроить свою судьбу; и безъ большого труда овладѣла пылкимъ молодымъ человѣкомъ. Что Отрепьевъ былъ сильно очарованъ Мариною, а не предложилъ ей руку изъ какихъ-нибудь корыстныхъ цѣлей, это мы увидимъ изо всего послѣдующаго поведенія его: на престолѣ московскомъ, охладѣвъ ко всѣмъ прежнимъ связямъ и обѣщаніямъ, Лжедимитрій не охладѣлъ только къ Маринѣ; съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ ея пріѣзда въ Москву, удовлетворяя всѣмъ требованіямъ отца ея, уступая и Сигизмунду, лишь бы только тотъ отпустилъ къ нему любезную панну; съ какимъ безразсудствомъ началъ онъ оскорблять народъ свой все для этой же Марины, которая одна приковывала его ко всему нерусскому, одна увлекала къ такимъ поступкамъ, несообразности которыхъ не могъ бы не усмотрѣть ясный умъ его, еслибъ не былъ омраченъ несчастною страстію.

Мнишки были ревностные католики; принятіе латинства всего болѣе помогало Отрепьеву, потому-что становило на его сторону духовенство и особенно всемогущихъ іезуитовъ. Отрепьевъ позволилъ францисканскимъ монахамъ обратить себя въ католицизмъ, а между тѣмъ слалъ письмо за письмомъ къ папскому нунцію при польскомъ дворѣ, Рангони, имѣвшему сильное вліяніе на волю короля (1). Хитрый прелатъ не отвѣчалъ ни на одно изъ нихъ, и, говоря съ королемъ о появленіи царевича, не показывалъ и вида, что онъ знаетъ и сильно расположенъ помогать дѣлу; а между тѣмъ, съ помощію іезуитовъ и другихъ повѣренныхъ, заботливо сторожилъ за всякимъ

(1) Ciampi — Bibliografia Critica: Notizie estratte dalla storia delle sollevazioni seguite in Polonia et. c. di Alessandro Cilli. — Чилли былъ современникъ и очевидецъ описываемыхъ событій.

движеніемъ Лжедимитрія, справился и въ Москвѣ, есть ли надежда на успѣхъ предпріятія. Удостовѣрившись въ послѣднемъ, Рангони приказалъ іезуитамъ склонить сендомирскаго воеводу къ поѣздкѣ въ Краковъ, вмѣстѣ съ царевичемъ, и вотъ Лжедимитрій въ Краковѣ. Наружность московскаго претендента не говорила въ его пользу: онъ былъ средняго или почти низкаго росту, довольно хорошо сложенъ, но некрасивъ лицемъ, и даже непріятенъ; притомъ важное рѣшеніе судьбы, которое ждало его въ Краковѣ, произвело сильное впечатлѣніе на духъ Лжедимитрія: онъ сталъ мраченъ, задумчивъ, неловокъ, неповоротливъ, такъ-что тѣ, которые видѣли его въ Краковѣ, никакъ не хотѣли вѣрить людямъ, знавшимъ его прежде и восхищавшимся его отвагою и ловкостію (1). Рангони очень обрадовался пріѣзду Мнишка и Лжедимитрія; на другой день утромъ они сдѣлали ему визитъ и были приняты чрезвычайно ласково. Въ продолжительномъ разговорѣ съ Отрепьевымъ Нунцій далъ ему ясно выразумѣть, что если онъ хочетъ получить помощь отъ Сигизмунда, то долженъ отказаться отъ греческой вѣры и вступить, по своему обѣщанію, подъ покровъ церкви католической. Лжедимитрій обѣщалъ, и въ слѣдующее воскресенье, въ присутствіи многихъ особъ, далъ торжественную клятву, скрѣпленную рукоприкладствомъ, что будетъ послушнымъ сыномъ апостольскаго престола, послѣ чего изъ рукъ Рангони принялъ таинства евхаристіи и мѵропомазанія, на исповѣди же былъ у одного изъ іезуитовъ (2). Тогда Рангони повезъ Отрепьева къ Сигизмунду, и тотъ призналъ его царевичемъ, не будучи однако самъ вполнѣ убѣжденъ въ этомъ и вовсе не желая для успѣха сомнительнаго разрывать мира съ Москвою, тѣмъ болѣе, что самые знатные и авторитетные вельможи — Замойскій, Жолкѣвскій, князь Острожскій, были противъ предпріятія. Рѣшили: позволить панамъ, приверженцамъ царевича, набирать для него вольную дружину и отдать дѣло на судъ Божій: успѣхъ покажетъ правоту Димитрія, и приговоръ русскихъ разсѣетъ сомнѣніе поляковъ; въ случаѣ же сопротивленія со стороны москвитянъ немедленно отозвать поляковъ отъ претендента (3); что́ же касается до отношеній къ царю Борису, то

(1) *Cilli:* Era Demetrio d'anni 25 in circa, di statura mediocre, e quasi piccola, di grossezza proporzionata, assai ben complesso, di pelo, e barba rossiccia, con occhii che tiravano al pavonazzo, di faccia tonda, e più brutta che bella, di guardatura rozza et oscura, malinconico, et in se stesso pensóso, e poro habile, per quanto dimostrava, in ogni cosa; sebbene mi fu detto da molti il contrario, e che si era mostrato coraggioso, etanimoso in diverse occorrenze; io pero credere non lo volsi e per tal quale ho detto sempre lo hebbi e lo tenni.

(2) Annuae litterae Societatis Iesu, у Карамз. XI, примѣч. 213.

(3) Смотри ниже отвѣты польскихъ пословъ боярамъ по убіеніи Лжедимитрія.

Сигизмундъ считалъ себя вправѣ смотрѣть сквозь пальцы на предпріятіе Димитрія и отомстить такимъ образомъ Годунову, который явно обнаруживалъ свое недоброжелательство къ нему и пріязнь къ сопернику его, Карлу шведскому.

Какъ бы то ни было, король, хотя не непосредственно, принялъ однако участіе въ дѣлѣ Лжедимитрія, и Мнишекъ съ торжествомъ привезъ послѣдняго въ Самборъ, гдѣ благодарный царевичъ предложилъ руку свою Маринѣ: предложеніе было принято, но бракъ отложенъ до утвержденія Димитрія на престолѣ московскомъ. Между тѣмъ, 1604 года, мая 25, Лжедимитрій далъ Мнишку запись, въ которой обязывался жениться на Маринѣ съ слѣдующими условіями: 1) Тотчасъ по вступленіи на престолъ выдать Мнишеку милліонъ злотыхъ для подъема въ Москву и заплаты долговъ, а Маринѣ прислать брильянты и столовое серебро изъ казны царской. 2) Отдать Маринѣ Великій Новгородъ и Псковъ съ обывателями всѣхъ сословій, въ полное владѣніе, какъ владѣли прежніе цари; эти области остаются за Мариной, хотя бы она не имѣла потомства отъ Димитрія, и она вольна въ нихъ судить и рядить, издавать законы, раздавать волости, продавать ихъ, также строить католическія церкви и монастыри и снабжать ихъ духовенствомъ и школами латинскими; при дворѣ своемъ Марина также вольна держать латинскихъ духовныхъ и отправлять свое богослуженіе безо всякаго препятствія, потому-что онъ самъ, Димитрій, соединился уже съ римскою церковію, и будетъ всѣми силами стараться привести и народъ свой къ этому единенію. Въ случаѣ, если дѣла пойдутъ несчастливо, и онъ, Димитрій, не достигнетъ престола въ теченіи года, то Марина имѣетъ право взять назадъ свое обѣщаніе вытти за него, или, если хочетъ, то ждетъ еще годъ (1).

Не прошло мѣсяца, какъ 12 іюня Лжедимитрій далъ другую запись, по которой обязывался отдать Юрію Мнишку княжества смоленское и сѣверское въ потомственное владѣніе; а такъ какъ половина смоленскаго княжества и шесть городовъ въ сѣверскомъ отойдутъ къ польскому королю, въ чемъ также обязался Отрепьевъ, то Мнишку дается еще изъ близь-лежащихъ областей нѣсколько городовъ и земель, доходы съ которыхъ равнялись бы доходамъ съ городовъ и земель, уступленныхъ королю (2).

Мы видѣли, что король позволилъ пріятелямъ царевича набирать для него войско изъ праздной шляхты. Мнишекъ собралъ для будущаго зятя 1600 человѣкъ всякаго сброда въ Польшѣ; но этого сброда

(1) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 76. Русскій переводъ этого акта очень не вѣренъ.

(2) Тамъ же, № 79.

было много также и въ Московскомъ государствѣ; слѣдовательно, сильная помощь ждала Отрепьева впереди. Уже толпа русскихъ бѣглецовъ встрѣтила его въ Польшѣ и провозгласила истиннымъ царевичемъ; а между тѣмъ границы государства кипѣли отверженниками общества, которые давно злобились и ждали перваго случая нарушить покой его: я говорю о казакахъ. Государство, стремясь къ установленію наряда, не могло спокойно терпѣть подлѣ себя людей съ такими противообщественными стремленіями, какими отличались казаки; уже Иванъ Грозный ссорился съ донскими грабителями, Борисъ Годуновъ продолжалъ эту ссору и сильно тѣснилъ казаковъ (1): легко понять, какъ обрадовались они, узнавъ о появленіи царевича, подъ знаменами котораго надѣялись безнаказанно, подъ законнымъ предлогомъ, опустошать государство, жить на его счетъ. Казаки отправили къ Лжедимитрію еще въ Польшу двухъ атамановъ, которые застали его въ Краковѣ, признали законнымъ царевичемъ, обѣщали помощь — и исполнили обѣщаніе: двѣ тысячи донцевъ присоединились къ ополченію Отрепьева, которое состояло такимъ образомъ почти изъ четырехъ тысячъ человѣкъ. Предводительствуя такимъ-то ничтожнымъ войскомъ, рѣшился Лжедимитрій завязать борьбу съ могущественнымъ Борисомъ! Но это могущество было только видимое: отовсюду окруженный крамолою какъ сѣтью, Годуновъ не имѣлъ твердости духа и рѣшительности, чтобъ разорвать эту сѣть; привыкши дѣйствовать самъ средствами не прямыми, крамолою, онъ не умѣлъ противопоставить крамолѣ другихъ той отважной прямоты, которая одна могла спасти его. Какъ скоро Лжедимитрій объявился въ Польшѣ, такъ слухи объ этомъ любопытномъ явленіи начали отовсюду приходить въ Москву и ужаснули Бориса (2): они приходили изъ Ливоніи, изъ Польши, отъ донскихъ казаковъ, которые теперь подняли головы, ограбили одного изъ царскихъ родственниковъ и послали сказать Годунову, что скоро явятся въ Москву съ законнымъ царемъ. Борисъ началъ провѣдывать, кто былъ этотъ новый врагъ, и съ удивленіемъ узналъ, что то былъ уже извѣстный ему прежде чер-

(1) Никон. VIII, 59. И увѣдаша же про нево тациежъ воры собаки донския козаки, и послаша къ нему з Дону атамана Корелу, с нимъ же послаша к нему козаковъ и дары многия, и биша ему челомъ, чтобы онъ не замѣшкалъ, шолъ в Московское государство, а онѣ ему всѣ ради; тѣже окаянные Поляки и достаяъ видяше отъ Московского государства приѣздъ, и ему наипаче начаше помогати. Тѣмъ же козакомъ отъ Царя Бориса было гонение велие, не пущалъ ихъ ни на который городъ, куда они не придутъ, ихъ вездѣ имаше и по темницамъ сажаху, и они же поидоша к нему иное и неволею, не имѣюще себѣ пристанища нигдѣ.

(2) Москов. хрон. (34): Эта новость его ужаснула; Никон. VIII, 59: Царь же Борисъ ужастенъ быть.

нецъ Отрепьевъ, котораго онъ велѣлъ заточить въ далекій сѣверный монастырь. Самъ опытный въ крамолахъ, Гогуновъ догадался о виновникахъ этой новой противъ себя крамолы, какъ скоро свѣдалъ, что Самозванецъ— Отрепьевъ; объявивъ прямо боярамъ, что это ихъ дѣло, онъ велѣлъ привесть въ Москву мать покойнаго царевича, Мареу, и помѣстить въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, куда ѣздилъ съ патріархомъ допрашивать ее (1): неизвѣстно, открыла ли она имъ что-нибудь. Между тѣмъ посланы были тайные гонцы къ панамъ, покровителямъ Отрепьева, съ предложеніемъ выдать послѣдняго; отправлены были и тайные убійцы; но ни то, ни другое не удалось (2). Въ тоже время былъ посланъ къ Сигизмунду постникъ Огаревъ съ увѣдомленіемъ объ истинномъ происхожденіи Самозванца и съ напоминаніемъ о недавнемъ договорѣ. Польское правительство объяснило Огареву, что оно вовсе не помогаетъ Лжедимитрію, и будетъ даже наказывать его помощниковъ; съ другой стороны, московскіе бояре отправили къ польскимъ панамъ родного дядю Самозванца, Смирнаго Отрепьева, какъ самаго лучшаго обличителя, но паны не допустили Отрепьева до очной ставки съ племянникомъ и пѣли ту же пѣсню, что не помогаютъ Лжедимитрію; патріархъ Іовъ отправилъ отъ себя Аѳанасія Пальчикова къ князю Василію Острожскому убѣждать его, во имя православія, не помогать Разстригѣ. Князь отпустилъ Пальчикова безъ отвѣта и остался вполнѣ нейтральнымъ, озаботившись только тѣмъ, чтобы шайка Лжедимитрія не опустошила его областей; наконецъ патріархъ и все духовенство отправили Андрея Бунакова къ духовенству польскому съ убѣжденіемъ не благопріятствовать смутѣ: Бунаковъ былъ задержанъ (3). Непріязнь Польши была очевидна; надобно было принять рѣшительныя средства; оцѣпленіе границы литовской, подъ предлогомъ моровего повѣрія, не помогло: подметныя грамоты лжедимитріевы волновали Украйну, наполненную московскими бѣглецами, «которые въ государствѣ за ихъ богомерзкія дѣла приговорены были сжечи, а иныхъ сослати на заточеніе, и отъ того сбѣжали въ Литовскую землю за рубежъ, и злые плевелы еретическіе сѣютъ, между царствъ вражду дѣлаютъ и ссору чинятъ... и на Сѣверѣ мужики Севрюки, люди простые, забывъ Бога и души свои, повѣря Сендомирскому воеводѣ съ товарищи, что они паны родные, начали приставать къ тому вору (4)».

Борисъ велѣлъ войскамъ двинуться въ Ливны, подъ предлогомъ

(1) Собр. гос. гр. и дог. т. II, стр. 178. Годуновъ очень хорошо понималъ, что никакая подстановка не могла имѣть успѣха безъ согласія Мареы.

(2) Москов. Хрон., стр. 35.

(3) Дополн. къ акт. историч. I, № 151.

(4) Тамъ же.

нашествія крымцевъ; но воеводы этого ополченія — Петръ Шереметевъ и Михайло Салтыковъ — не усомнились сказать посланцу борисову, Хрущову, что трудно воевать противъ природнаго государя (1); а между тѣмъ были схвачены въ Москвѣ двое значительныхъ лицъ — Василій Смирновъ и меньшой Булгаковъ за то, что на пиру пили здоровье царевича Димитрія (2). Въ октябрѣ 1605 года Лжедимитрій вошелъ въ области Московскаго государства и нигдѣ не встрѣчалъ сопротивленія: народъ въ городахъ связывалъ воеводъ своихъ и представлялъ ихъ мнимому царевичу. Борисъ выслалъ войско подъ начальствомъ князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго; а между тѣмъ Самозванецъ занялъ Черниговъ, съ помощію тамошней черни, и только при осадѣ Новгорода-Сѣверскаго встрѣтилъ важное сопротивленіе: тамъ засѣлъ знаменитый воевода Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, любимецъ Годунова, который возвышалъ его наперекоръ мѣстничеству.

Сопротивленіе Басманова отняло было духъ у Лжедимитрія: вспыльчивый, нетерпѣливый Отрепьевъ началъ укорять поляковъ въ недостаткѣ мужества, и тѣ хотѣли уже покинуть его, какъ вдругъ пришла вѣсть, что Путивль, самый важный городъ въ сѣверской землѣ, сданъ воеводою его, княземъ Василіемъ Рубцомъ Мосальскимъ. Примѣру Путивля послѣдовали другіе украинскіе города, и на протяженіи 600 верстъ отъ запада къ востоку Отрепьевъ уже признавался за истиннаго царевича. Борису донесли также о шаткости жителей Смоленска, неприступной ограды Московскаго государства; царь послалъ выговоръ смоленскимъ воеводамъ, зачѣмъ они поступаютъ милостиво и совѣстятся пытать людей духовныхъ: «И вы то дѣлаете не гораздо, что такія дѣла ставите въ оплошку, а пишете, что у діякона некому снять скуфьи и затѣмъ его не пытали.... и вамъ бы велѣти въ томъ пытати накрѣпко и огнемъ жечь (3)».

Въ то время, когда пытали накрѣпко и огнемъ жгли гражданъ смоленскихъ, въ то время царскій воевода, князь Димитрій Шуйскій, видя успѣхи Самозванца, стоялъ неподвижно у Брянска, не помогалъ Басманову и писалъ къ царю, чтобы прислали ему еще войска на подмогу. Борисъ началъ собирать полки; но въ указѣ объ этомъ наборѣ долженъ былъ признаться, что: «войска наши вельми оскудѣша: овіи прельщени тѣмъ воромъ, къ нему предалися, многіе казаки, забывъ къ намъ крестное цѣлованіе, намъ измѣнили, а иные отъ долгаго стоянія изнурились и испроторлись, въ домы разошлись, и тако воямъ нашимъ зѣло умалившимся; многіе же люди, имѣя великія помѣстья и отчины, а службы не служатъ ни сами, ни ихъ дѣ-

(1) Собр. гос. гр. и дог. т. II, стр. 175.
(2) Тамъ же.
(3) Акты историч. т. II, № 53.

ти, ни холопи, и живутъ въ домахъ, не пекущеся о гибели царства и о святой церкви.... судихомъ и повелѣхомъ, да вси Патріарши, Митрополичи, Архіепископли и Епископли и монастырей слуги, колико ихъ есть годныхъ, вскорѣ собравсе, со всякимъ поспѣшеніемъ, сооруженіемъ и запасы идутъ въ Калугу, а останутся токмо престарѣлые и немощные (¹)». Такимъ образомъ Годуновъ, видя, что люди, имѣвшіе большія помѣстья и вотчины, службы не служатъ, долженъ былъ прибѣгнуть къ духовенству, на приверженность котораго, особенно патріарха, болѣе всего полагался. Новая рать была поручена боярину князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому. Но многочисленнаго войска было недостаточно для побѣды надъ Лжедимитріемъ: надобно было принять сильныя мѣры противъ всеобщей шаткости умовъ, возбужденной его появленіемъ,—и вотъ духовенство предало разстригу Отрепьева проклятію и повѣстило объ этомъ всему государству; однако и это средство не помогло: кто вѣрилъ въ существованіе царевича, тому не было нужды до проклятаго монаха Отрепьева.

Мстиславскій сошелся съ войсками Самозванца у Новгорода-Сѣверскаго: царскаго войска было отъ сорока до пятидесяти тысячъ, у Самозванца не болѣе пятнадцати тысячъ всякаго сброда; но уже прежде Шереметевъ сказалъ, что трудно сражаться съ прирожденнымъ государемъ. Трое значительныхъ людей изъ царскаго войска передались Лжедимитрію (²): легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести это на войско,— легко понять, почему, какъ выражается очевидецъ (³), у русскихъ не было рукъ для сѣчи. Мстиславскій подступилъ къ лагерю Самозванца, но медлилъ, ожидая еще подкрѣпленія: 50,000 противъ 15,000 казалось ему еще недостаточно! Но Лжедимитрій не хотѣлъ медлить: одушевилъ свою толпу рѣчью, которая дышала полною увѣренностію въ правотѣ своего дѣла (⁴), онъ ударилъ на царское войско, которое тотчасъ дрогнуло; Мстиславскій былъ смятъ въ общемъ разстройствѣ, сбитъ съ коня, получилъ нѣсколько ранъ въ голову. Московская рать потеряла 4000 убитыми, и только неопытность Отрепьева въ ратномъ дѣлѣ воспрепятствовала ему нанесть Мстиславскому совершенное пораженіе. Несмотря однако на эту побѣду, которая должна была сильно возвысить духъ въ подвижникахъ Лжедимитрія и окончательно убить бодрость въ полкахъ царскихъ, дѣло Отрепьева грозило принять очень дурной оборотъ. Мы видѣли, что польское правительство опредѣлило отдать дѣло между Димитріемъ и Годуновымъ на судъ Божій, при чемъ если

(¹) Собр. гос. гр. и дог. II, № 78.
(²) Собр. гос. гр. и дог. т. II, стр. 171.
(³) Маржеретъ въ сказ. соврем., III, стр. 80.
(⁴) Паерле, тамъ же, II, стр. 14, 15.

первый встрѣтитъ сопротивленія въ московскихъ обществахъ, то отозвать отъ него польскія войска, дабы не нарушать мира съ Московскимъ государствомъ. Сопротивленіе было встрѣчено; съ другой стороны, царь, духовенство и бояре прислали грамоты съ доказательствами самозванства мнимаго царевича и съ напоминаніемъ о недавнемъ мирномъ договорѣ: все это рѣшило Сигизмунда послать Мнишку и другимъ полякамъ приказъ покинуть претендента и возвратиться въ Польшу (1), и бо̀льшая часть изъ нихъ повиновалась, особенно видя скудость казны лжедимитріевой. Убѣжденія Отрепьева остались тщетны: онъ даже потерпѣлъ оскорбленія отъ буйной толпы, которая имѣла ввиду только деньги: одинъ изъ поляковъ осмѣлился сказать ему: «ужъ быть тебѣ на висѣлицѣ»; другіе сорвали съ него шубу. Взамѣнъ поляковъ къ Лжедимитрію пришло 12,000 казаковъ, съ которыми онъ и засѣлъ въ Сѣвскѣ.

Обратимся къ царскому войску. Такъ какъ главный воевода, Мстиславскій, былъ сильно раненъ, то остальные воеводы, князь Димитрій Шуйскій съ товарищами, воспользовались этимъ случаемъ и не извѣстили царя о постыдномъ дѣлѣ подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ; Борисъ узналъ о немъ стороною и тотчасъ же послалъ къ войску чашника Вельяминова-Зернова «съ рѣчью и съ милостивымъ словомъ» (2). Посланный говорилъ Мстиславскому: «Государь и сынъ его жалуютъ тебя: велѣли тебѣ челомъ ударить, да жалуютъ тебя: велѣли о здравіи спросить». Потомъ, упомянувъ о сраженіи и о ранахъ Мстиславскаго, Вельяминовъ продолжалъ отъ имени царя: «И ты то сдѣлалъ, бояринъ нашъ князь Ѳедоръ Ивановичъ, памятуючи Бога и Крестное цѣлованіе, что еси пролилъ кровь свою за Бога и за Пречистую Богородицу, крѣпкую нашу помощницу, и за великихъ Чудотворцевъ, и за святыя Божія церкви, и за насъ, и за всѣхъ православныхъ Христіанъ: и аже дастъ Богъ службу свою вершишь и увидишь образъ Спасовъ и Пречистыя Богородицы и Великихъ Чудотворцевъ, и наши царскія очи, и мы тебя, за твою прямую службу, пожалуемъ великимъ своимъ жалованьемъ, чего у тебя на умѣ нѣтъ». Съ тѣмъ же посланнымъ Борисъ отправилъ къ Мстиславскому, для леченія ранъ, медика и двухъ аптекарей; князю Димитрію Шуйскому съ товарищами царь велѣлъ также *поклониться*, но прибавить: «слухъ насъ дошелъ, что у васъ бояръ нашихъ и воеводъ съ крестопреступники съ Литовскими людьми и съ Ростригою было дѣло; а вы того къ намъ не писали, коимъ у васъ обычаемъ дѣло дѣлалось: и вы то дѣлаете не гораздо, и вамъ было

(1) Тамъ же, стр. 16.
(2) Акты арх. эксп. т. II. № 27.

томъ къ намъ отписать вскорѣ». У дворянъ, дѣтей боярскихъ и всѣхъ ратныхъ людей царь и сынъ его велѣли также спросить о здоровьѣ. Такое благоволѣніе могло быть оказано войску только за самую блистательную побѣду; слѣдовательно, здѣсь обнаружилась вся робость Годунова предъ страшною опасностью, робость, которая заставила его унизиться до ласкательства передъ войскомъ; въ тоже время онъ далъ обѣты итти молиться по монастырямъ, а къ войску послалъ князя Василія Ивановича Шуйскаго, на смѣну больному Мстиславскому. Съ прибытіемъ новаго воеводы царскіе полки двинулись на Лжедимитрія и встрѣтились съ нимъ при селѣ Добрунѣ: несмотря на отчаянную храбрость Отрепьева и его дружины, онъ былъ раздавленъ многочисленнымъ царскимъ ополченіемъ и съ большимъ, относительно числа его войска, урономъ отступилъ сперва къ Рыльску, а потомъ заперся въ Путивлѣ. Отсюда Самозванецъ, отчаявшись въ успѣхѣ своего дѣла, хотѣлъ было уже бѣжать въ Польшу; но русскіе, измѣнившіе для него Борису, знали, что имъ нечего ждать помилованія отъ послѣдняго, и потому удержали Отрепьева, грозя, что если онъ не ободрится, то они выдадутъ его Годунову, чтобы этимъ средствомъ получить отъ царя прощеніе.

Чтожь дѣлало царское войско послѣ своей побѣды? На этотъ разъ воеводы донесли царю о происшедшемъ, за что получили изъ Москвы *золотыя*, а войско деньги; потомъ двинулись осаждать Рыльскъ, пятнадцать дней стояли подъ городомъ и, узнавъ, что отрядъ, посланный Самозванцемъ на помощь осажденнымъ, разбилъ сторожевой полкъ царскій, поспѣшно отступили отъ Рыльска (1), стали въ комарицкой волости и начали страшно мстить несчастнымъ жителямъ за приверженность къ Лжедимитрію: не было пощады ни старикамъ, ни женщинамъ, ни дѣтямъ (2). Такая недѣятельность воеводъ сильно раздражила царя: сколько оробѣлъ онъ отъ успѣховъ Лжедимитрія, столько же вознесся духомъ послѣ побѣды надъ нимъ, и, думая, что все дѣло уже теперь кончено съ Отрепьевымъ, послалъ воеводамъ и всей рати строгій выговоръ за то, что они, разбивъ Самозванца, не умѣли поймать его (3). Войско, получивъ прежде милостивое слово за пораженіе, не могло не оскорбиться выговоромъ послѣ побѣды, и лѣтописецъ прибавляетъ: «Бояре же о томъ и вся рать оскорбишася, въ рати же стало мнѣніе и ужасть отъ Царя Бориса, съ тоежь поры многія начаша думати, какъ бы Царя Бориса избыти, а тому окаянному служити Гришкѣ». Борисъ еще болѣе возбудилъ негодованіе знати поступкомъ своимъ съ Басмановымъ. Мы уже выше

(1) Паерле, стр. 22; Никон. VIII, 62.
(2) Паерле, стр. 23.
(3) Никон. VIII, 63.

упоминали, что царь сильно возвышалъ этого любимца вопреки правамъ родовъ знатнѣйшихъ; смѣлая оборона Новгорода-Сѣверскаго, которой Басмановъ былъ главнымъ виновникомъ, дала Годунову случай осыпать его новыми милостями: когда онъ вызванъ былъ царемъ въ Москву, то на встрѣчу ему были высланы князья и бояре, съ вопросомъ о здоровьѣ отъ имени царскаго; Басмановъ ѣхалъ по городу въ государевыхъ саняхъ до самого дворца, изъ собственныхъ рукъ Бориса получилъ богатые дары, получилъ и боярское достоинство и помѣстья (1). Особенно оскорбительно было здѣсь то, что Басмановъ сидѣлъ въ осадѣ вмѣстѣ съ княземъ Никитою Трубецкимъ, который былъ родовитѣе его, и между тѣмъ Борисъ: «Басманова наипаче Князь Никиты жаловаше своимъ государскимъ жалованьемъ».

Побуждаемые царемъ воеводы двинулись осаждать Кромы, гдѣ засѣло нѣсколько отчаянныхъ казаковъ съ атаманомъ Корѣлою. Воеводы, по словамъ очевидца (2), при осадѣ Кромъ занимались дѣлами, достойными одного смѣха; но лѣтописецъ говоритъ еще о другихъ дѣлахъ, достойныхъ не одного смѣха: «Михайложь Салтыковъ, видя тѣмъ врагомъ тѣсноту, и не поговоря съ бояры, государеву рать сведе, а наровя тому окаянному Гришкѣ» (3). Сюда присоединилась еще сильная смертность въ станѣ царскомъ: Борисъ прислалъ войску нужную лекарственную помощь (4), а между тѣмъ еще разъ попытался отдѣлаться отъ Самозванца тѣмъ же средствомъ, какое уже хотѣлъ употребить прежде, именно отравою: въ Путивль подосланы были монахи съ зеліемъ; но умыселъ ихъ былъ открытъ (5), и скоро разнеслась вѣсть, что самъ Борисъ погибъ отъ яда, собственною рукою приготовленнаго. Уже прежде, какъ только Самозванецъ вступилъ въ московскіе предѣлы, Годуновъ началъ часто припадать и волочилъ ногу, пораженную параличемъ (6); 13 апрѣля 1605 года последовалъ второй ударъ, уже смертельный: Борисъ скончался послѣ двухчасовыхъ страданій, постриженный въ монахи подъ именемъ Боголѣпа.

При спокойномъ состояніи Московскаго государства смерть Бориса могла бы только упрочить престолъ въ его родѣ, потому-что молодой шестнадцатилѣтній сынъ его принималъ вѣнецъ, какъ законный наслѣдникъ, а не какъ бояринъ, опередившій товарищей. Притомъ же писатели современные согласны въ похвалахъ молодому Ѳедору;

(1) Москов. хрон., стр. 47; Никон. VIII, 63.
(2) Маржер. стр. 82.
(3) Никон. VIII, 64.
(4) Тамъ же.
(5) Паерле, 25.
(6) Собр. Гос. Гр. и Дог. т. II, № 81.

отецъ любилъ его страстно (¹), въ минуты горячности называлъ себя его слугою и рабомъ; однако такая любовь не избаловала Θеодора, и видно, что онъ былъ воспитанъ лучше своихъ предшественниковъ, Рюриковичей (²). Заботясь болѣе всего объ утвержденіи престола за своимъ родомъ, Борисъ, подобно Василію Темному и Ивану III, всегда писалъ въ грамотахъ имя сына подлѣ своего такъ: «Божіею милостію, мы Великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Θеодоровичь всеа Руссіи Самодержецъ, и сынъ нашъ Царевичь Князь Θеодоръ всеа Русіи. Желая пріучить сына къ правленію, а народъ къ будущему правителю, Годуновъ употреблялъ Θеодора при всѣхъ важныхъ дѣлахъ; а желая привлечь любовь подданныхъ къ будущему государю, исполнялъ всякую просьбу, поданную на имя царевича (³).

Присяга Θеодору отъ жителей Москвы совершилась спокойно; цаловали крестъ: (⁴) «Государынѣ своей Царицѣ и Великой Княгинѣ Марьѣ Григорьевнѣ всея Русіи, и ея дѣтемъ, Государю своему Царю и В. Князю Θеодору Борисовичу всеа Русіи и Государынѣ своей царевнѣ и В. Княжнѣ Ксеньѣ Борисовнѣ всеа Русіи». Форма присяги таже самая, что и Борису; повторено обязательство — не хотѣть на Московское государство Симеона Бекбулатовича, но прибавлено еще: «и къ вору, который называется княземъ Дмитріемъ Углецкимъ, не приставати, и съ нимъ и съ его совѣтники ни съ кѣмъ не ссылатись ни на какое лихо, и не измѣнити, и не отъѣхати, и лиха никакого не учинити, и государства не подъискивати, и не по своей мѣрѣ ничего не искати, и того вора, что называется княземъ Дмитріемъ Углецкимъ, на Московскомъ государствѣ видѣти не хотѣти». Здѣсь Самозванецъ не названъ Отрепьевымъ не потому, чтобы само правительство перестало признавать его такимъ, но чтобы отнять у измѣнниковъ всякую оговорку въ нарушеніи присяги, чтобъ они не могли сказать: мы не нарушили клятвы, и не присягаемъ Отрепьеву, потому-что царевичь не есть Отрепьевъ (⁵). Любопытна особая прибавка къ присягѣ Θеодору Борисовичу, для дьяковъ: «Также мнѣ, будучи у ея Государынина и у Государева дѣла, всякія дѣла дѣлати въ правду, и тайныхъ и всякихъ государевыхъ дѣлъ и вѣстей никакихъ ни

(¹) Карамз. XI, примѣч. 131.

(²) Такъ извѣстна карта Московскаго государства, начерченная Θеодоромъ.

(³) Собр. гос. гр. и дог. т. II, стр. 177.

(⁴) Тамъ же, № 85.

(⁵) Такъ объясняли это сами измѣнники Самозванцу: «форма присяги инако намъ выдана была, не такъ какъ мы разумѣли, понеже въ оной формѣ имя Гришки не упомянуто, то, дабы мы противнымъ образомъ съ тобою природнымъ государемъ нашимъ Великимъ Царемъ Димитріемъ Ивановичемъ поступали и тебя въ Государя себѣ не избрали». Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 87.

кому не сказывати, и Государынины и Государевы казны всякія и денегъ не красти, и за дѣлы дворянъ и дѣтей боярскихъ и всякихъ челобитчиковъ не волочити, отдѣлывати ихъ вскорѣ, и посуловъ и поминковъ ни у кого не имати никоторыми дѣлы, и никому ни въ чемъ по дружбѣ не норовити и не покрывати, и по недружбѣ ни накого ничего не затѣяти никоторыми дѣлы, посему крестному цалованью, а съ книгъ съ писцовыхъ и изъ отдѣльныхъ и изъ дачь выписывати мнѣ подлинно прямо, и мимо книгъ въ выписи ничего не написати никоторыми дѣлы, и посуловъ и поминковъ отъ того ни у кого не имати, по сему крестному цѣлованью» (¹).

Первое, что останавливаетъ наше вниманіе въ присягѣ, это имя царицы Марьи Григорьевны, поставленное напереди. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что Ѳедоръ вступилъ на престолъ подъ опекою матери, потому-что тогда надобно было бы предположить, что и царевна Ксенія была соправительницею брату: присяга цѣлой семьѣ была въ то время дѣломъ обыкновеннымъ. — Пристрастіе къ древней, освященной уже формѣ, страхъ предъ всякою новизною, всякою перемѣною былъ такъ великъ, особенно въ то смутное время, что въ грамотахъ о молебствіи за новаго царя, разосланныхъ владыкамъ, встрѣчаемъ извѣстіе, будто Ѳедоръ вступилъ на престолъ съ соблюденіемъ тѣхъ самыхъ формъ, какія мы видѣли при воцареніи отца его, Бориса: «И по преставленіи Великаго Государя нашего, святѣйшій Іевъ и съ нимъ о св. Дусѣ мы сынове его, Митрополиты, и Архіепископы и Епископы, и весь освященный вселенскій Соборъ, и боляре, и дворяне и приказные люди и весь царьскій сигклитъ, и гости и торговые люди, и всенародное множество Російскаго государства, великую государыню благочестивую царицу Марью Григорьевну всеа Русіи молили со слезами и милости просили, чтобъ государыня пожаловала положила на милость, не оставила насъ сирыхъ до конца погибнути, въ содержаніи своихъ великихъ государьствъ была на царьствѣ по прежнему, а благороднаго сына своего, великаго государя нашего, Царевича князя Ѳедора Борисовича всеа Русіи на Россійское государьство благословила быти Царемъ и самодержцемъ всей Русской землѣ; такожь и Государю Царевичу били челомъ и милости просили, чтобъ онъ Государь пожаловалъ, по благословенію и по приказу отца своего былъ на Россійскомъ Государьствѣ Царемъ и Самодержцемъ всей Русской земли. И великая государыня наша слезъ и моленіе не презрѣла, сына своего благословила, да и Государь Царевичь по благословенію и по приказу отца своего, по повелѣнію матери своей,

(¹) Поводомъ къ этой прибавкѣ насчетъ дьяковъ послужилъ быть можетъ проступокъ дьяка Смирнаго Васильева, который не исполнилъ царскаго приказа: не отправилъ Отрепьева въ заточеніе.

насъ пожаловалъ, на Московскомъ государьствѣ сѣлъ» (1). Впрочемъ это извѣстіе можно объяснить еще стараніемъ духовенства показать, что кромѣ благословенія отцовскаго Ѳедоръ былъ избранъ всѣмъ народомъ, принялъ престолъ вслѣдствіе единодушнаго желанія и слезнаго моленія подданныхъ. Какъ бы то ни было, новое правительство тотчасъ же объявило, что оно не слишкомъ вѣритъ единодушному согласію подданныхъ: въ грамотахъ, разосланныхъ къ областнымъ воеводамъ съ приказомъ приводить жителей къ присягѣ, было прибавлено: «а тогобъ есте берегли накрѣпко, чтобъ у васъ всякіе люди намъ крестъ цѣловали, а не былъ бы ни одинъ человѣкъ, который бы намъ креста не цѣловалъ» (2); ибо въ тоже время доносили, что въ отдаленныхъ сѣверныхъ областяхъ разносятся слухи о грамотахъ Лжедимитрія, въ которыхъ онъ обѣщаетъ быть въ Москвѣ, «какъ на деревѣ станетъ листъ разметываться» (3).

Новое правительство рѣшилось отозвать подозрительныхъ Шуйскихъ въ Москву для засѣданія въ Думѣ, и на ихъ мѣсто послало уже ознаменовавшаго свою вѣрность и мужество Басманова; но послѣдняго нельзя было назначить главнымъ воеводою, потому-что, вслѣдствіе мѣстничества, надобно было бы смѣнить всѣхъ другихъ воеводъ, которымъ съ Басмановымъ быть не приходилось; вотъ почему первымъ воеводою послали князя Котырева Ростовскаго, человѣка ничтожнаго, а Басманова назначили вторымъ воеводою большого полка (4). Вмѣстѣ съ новыми воеводами отправился и новгородскій митрополитъ Исидоръ для приведенія войска къ присягѣ царю Ѳедору: войско присягнуло; но эту присягу, по выраженію современника, русскіе исполняли такъ точно, какъ голодный песъ наблюдаетъ постъ (5). Басмановъ ясно видѣлъ, что съ войскомъ, въ которомъ господствуетъ шаткость умовъ и нравственная слабость, и съ воеводами, которые явно держатъ сторону Самозванца, ничего сдѣлать нельзя, что дѣло царя Ѳедора проиграно навсегда, что противиться общему расположенію значитъ итти на явную и безполезную гибель, и потому соединился съ врагами Годуновыхъ, двоими братьями, князьями Голицыными, Васильемъ и Иваномъ Васильевичами, и съ бояриномъ Михайломъ Салтыковымъ. 7 мая Басмановъ, узнавъ о движеніи отряда лжедимитріева, объявилъ войску, что истинный царь есть Димитрій, и полки безъ сопротивленія признали Отрепьева своимъ государемъ; главный воевода, князь Ростовскій, и другой — князь Теля-

(1) Акты Арх. Эксп. т. II, № 32.
(2) Собр. гос. гр. и дог. т. II, 83.
(3) Акты историч. II, № 55.
(4) Никон. VIII, 65.
(5) Москов. Хрон. стр. 53.

тевскій спѣшили удалиться къ Москвѣ съ малымъ отрядомъ ратныхъ людей, оставшихся вѣрными Годуновымъ (1). Князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ былъ посланъ въ Путивль объявить Самозванцу о переходѣ войска на его сторону, нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ съ Голицынымъ узнали въ новомъ царѣ монаха Отрепьева, но уже было поздно. Обрадованный Лжедимитрій приказалъ войску ожидать его подъ Орломъ, а самъ двинулся изъ Путивля; къ нему на встрѣчу поѣхали сперва Салтыковъ и Басмановъ, а потомъ князь Василій Голицынъ и Шереметевъ, который прежде другихъ сказалъ, что трудно воевать съ прирожденнымъ государемъ. Въ Орлѣ привѣтствовало Лжедимитрія войско, которое онъ отпустилъ къ Москвѣ съ кн. Василіемъ Голицынымъ, а самъ шелъ за ними съ своею польскою и казацкою дружиною.

Для взволнованія Москвы отправлены были Наумъ Плещеевъ и Гаврила Пушкинъ. Они явились сперва не въ самой столицѣ, но въ Красномъ Селѣ, гдѣ жили богатые купцы и ремесленники, а мы знаемъ, что московское купечество не было прежде расположено къ Годунову: во время борьбы его съ Шуйскими, при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, оно стояло за послѣднихъ. Плещеевъ и Пушкинъ привезли въ Красное Село лжедимитріеву грамоту, написанную на имя князей, Мстиславскаго, Василія и Димитрія Шуйскихъ, и всѣхъ бояръ, окольничихъ и гражданъ московскихъ (2). Лжедимитрій напоминалъ о присягѣ, данной отцу его, Ивану IV, о притѣсненіяхъ, претерпѣнныхъ имъ въ молодости отъ Годунова, о своемъ чудесномъ спасеніи (въ общихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ); извинялъ бояръ и народъ въ томъ, что они присягнули Годунову «не вѣдаючи его злокозненнаго нрава и бояся того, что онъ блаженныя памяти при братѣ нашемъ владѣлъ всѣмъ государствомъ московскимъ, и жаловалъ и казнилъ кого хотѣлъ; а про насъ есте прироженнаго государя своего не вѣдали, а чаяли насъ отъ измѣнниковъ нашихъ убитого». — Далѣе извинялъ войско, сражавшееся противъ него, «потому что есте учинили невѣдомостію и бояся казни». Потомъ напоминалъ объ утѣсненіяхъ, какія были отъ Бориса «бояромъ нашимъ и воеводамъ, и родству нашему укоръ и поношеніе и безчестіе, и наносимыя вамъ, чего и отъ роднаго (т. е. прирожденнаго государя) терпѣти было не возможно». Въ заключеніе Самозванецъ обѣщалъ награды всѣмъ въ случаѣ признанія, и гнѣвъ Божій и свой царскій въ случаѣ сопротивленія.

Красносельцы съ радостію приняли пословъ и собрались шумною

---

(1) Никон. VIII, 65, 66.
(2) Акты Арх. Эксп. II, № 34.

толпою провожать ихъ въ городъ; правительство выслало было противъ нихъ отрядъ войска, но ратные люди, испугавшись, возвратились съ дороги, и послы царевича съ красносельцами достигли безпрепятственно лобнаго мѣста, гдѣ прочли народу грамоту лжедимитріеву: отвѣтомъ были восклицанія: «да здравствуетъ Димитрій!» (¹) Бояре объявили патріарху о мятежѣ; тотъ заклиналъ ихъ вытти къ народу и образумить его; бояре, повидимому, послушались, вышли на лобное мѣсто — и не сдѣлали ничего. Ворота въ Кремль, по удивительной оплошности, не были заперты: толпа народу ворвалась туда, схватила Годуновыхъ во дворцѣ и вывела ихъ въ прежній боярскій домъ борисовъ; родственниковъ царя взяли подъ стражу, имущества ихъ разграбили. Въ это смутное время является на сцену опять тотъ же знаменитый крамольникъ, Богданъ Бѣльскій, возвращенный изъ ссылки по смерти Бориса: врага его уже не было въ живыхъ, на семействѣ борисовомъ уже изливали месть другіе; но у Бѣльскаго оставались еще враги, нѣмцы борисовы, которыхъ онъ ненавидѣлъ и прежде, до опалы своей, которыхъ онъ еще болѣе ненавидѣлъ теперь за позорное наказаніе, которому они его подвергли: Бѣльскій шепнулъ народу, что врачи иноземные были совѣтниками Бориса, получили отъ него несмѣтныя богатства и наполнили погреба свои всякими винами; толпы черни бросились немедленно къ нѣмцамъ, и осушили не только всѣ бочки въ погребахъ, но разграбили все имѣніе, причинивъ убытку отъ двухъ до трехъ тысячъ талеровъ (²).

3 іюня 1605 года отправлены были изъ Москвы въ Тулу, къ Самозванцу, съ повинною, бояринъ князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій и князь Андрей Андреевичъ Телятевскій, тотъ самый, который убѣжалъ въ Москву, увидя измѣну Басманова и войска. Въ тоже время, съ другой стороны, явились къ Лжедимитрію послы отъ донскихъ казаковъ, первыхъ и самыхъ вѣрныхъ его помощниковъ. Лжедимитрій позвалъ донцевъ къ рукѣ прежде бояръ московскихъ, которыхъ встрѣтилъ грозною рѣчью за долгое сопротивленіе законному царю; казаки, хвалясь своею вѣрностію къ сыну Грознаго, также позорили бояръ, а Телятевскаго чуть не убили до смерти за прежнюю вѣрность его къ Годунову. Но въ Москвѣ происходили сцены еще хуже: здѣсь князь Василій Голицынъ, Василій Мосальскій и дьякъ Сутуповъ раздѣлывались съ Годуновыми и ихъ приверженцами. Патріарха Іова съ безчестіемъ вывели изъ Успенскаго собора во время самой службы и какъ простого монаха отослали въ Старицкій монастырь; взятыхъ прежде подъ стражу Годуновыхъ и родственни-

(¹) Никон. VIII, 67.
(²) Москов. хрон. стр. 57.

ковъ ихъ, Сабуровыхъ и Вельяминовыхъ, также разослали въ заточеніе; одинъ изъ Годуновыхъ, Семенъ, говорятъ, былъ задушенъ въ Переяславлѣ-Залѣскомъ: онъ больше другихъ навлекъ на себя ненависть, потому-что ревностнѣе другихъ преслѣдовалъ интересы своего рода. Покончивъ съ патріархомъ и родственниками Годуновыхъ, Голицынъ съ товарищами принялись за прежняго царя и его семейство. Взявши съ собой Молчанова и Шелефединова, да трехъ стрѣльцовъ, оба князя, Голицынъ и Мосальскій пришли въ старый домъ борисовъ, гдѣ нашли царское семейство, ожидавшее своей участи: царицу Марью удавили скоро; но молодой Ѳедоръ боролся отчаянно противъ четверыхъ убійцъ; наконецъ одному изъ нихъ удалось умертвить царевича самымъ отвратительнымъ образомъ (¹). Царевна Ксенія осталась въ живыхъ: мы еще будемъ говорить о ней. Въ тоже время въ Архангельскомъ соборѣ выкопали тѣло царя Бориса, положили въ простой гробъ, и вмѣстѣ съ женою и сыномъ погребли въ бѣдномъ Варсонофьевскомъ монастырѣ, на Срѣтенкѣ.

(¹) Никон. VIII, 69, 70.

СОЛОВЬЕВЪ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ
ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ ЧЕСТИ.

Noblesse oblige!

Западная поговорка.

Il me serait bien difficile de te faire sentir ce que c'est (*le point d'honneur*), car nous n'en avons point précisement l'idée.

Usbeck à Ibben.

(Восточныя письма Монтескьё).

Часто споры бываютъ поводомъ къ поединку; недавно случилось противоположное: какой-то поединокъ подалъ поводъ къ безконечнымъ спорамъ. Одни горячо защищали поединки, другіе предавали ихъ проклятію. «Дерское самоубійство» — говорили одни. «Но кто же лучше меня самого управится въ собственномъ дѣлѣ?» — отвѣчали другіе. — «Убійство» — говорили одни. «Война» — отвѣчали другіе. Между этими противопожными воззрѣніями образовалась благоразумная средина, которая находила, что теоретически оправдать дуэль также невозможно, какъ практически избѣжать ея, основываясь на премудромъ правилѣ, что «такъ должно быть» противоположно съ «тѣмъ, что́ есть на самомъ дѣлѣ». — Разумѣется, что всѣ эти споры кончились, какъ всегда, совершеннымъ затемнѣніемъ вопроса и ожесточенной упорностью каждаго въ своихъ мнѣніяхъ. Главный порицатель дуэлей до того разгорячился, что чуть не вызвалъ рыцарственнаго защитника ихъ.

Возвратившись домой послѣ горячаго пренія и вспоминая на досугѣ все слышанное и говоренное, я увидѣлъ, что вопросъ этотъ несравненно глубже и сложнѣе, и что его не разрѣшишь ни панегирикомъ, ни порицаньемъ.

Новое законодательство всѣхъ европейскихъ государствъ осудило поединки, поставило ихъ почти рядомъ съ убійствомъ, но поединки не искоренились. Несмотря на запрещеніе Густава Адольфа, дрались подъ висѣлицей; несмотря на мѣры Ришельё, дрались передъ плахой. Судьи твердые и нелицепріятные во всѣхъ случаяхъ бываютъ снисходительны къ дуэлистамъ, общественное мнѣніе за нихъ; человѣкъ, защищавшій честь свою поединкомъ, уважается. Всѣ мыслящіе люди отказываютъ не только отдѣльному лицу, но и цѣлому обществу въ правѣ убійства, и бо́льшая часть утверждаетъ въ тоже время, что дуэль — неизбѣжное зло, единое возможное огражденіе неприкосновенности лица отъ оскорбленія. Такое противорѣчіе законодательства съ общественнымъ мнѣніемъ, практическаго приложенія съ теоретическимъ понятіемъ прямо ведетъ къ вопросу: «на какомъ основаніи держится поединокъ въ образованнѣйшихъ странахъ Европы?»

Много было писано о поединкахъ, начиная съ Брантома; но ихъ разсматривали такъ, какъ наши милые спорщики, съ произвольныхъ точекъ зрѣнія и подъ вліяніемъ незыблемыхъ предразсудковъ или готовыхъ понятій. Бранили поединки на основаніи неприлагаемой, мечтательной морали и, вмѣсто обсуживанія дѣла, высказывали холодныя реторическія фразы о смиренномъ прощеніи; бранили ихъ на основаніи юридическомъ, которое требуетъ, чтобъ дѣло обиды было рѣшено не обиженнымъ, а судьей; осуждали ихъ съ точки зрѣнія римскаго права, не отстранивъ предварительно феодальнаго понятія о личности, твердо стоящей за свои права. Вопросъ о томъ, почему римское понятіе о государствѣ единственно истинно, и почему феодальное понятіе о личности, о ея наслѣдственныхъ, семейныхъ и политическихъ правахъ, развитое средними вѣками, неизмѣнно, не былъ рѣшаемъ даже въ такое время, которое, повидимому, отрекалось отъ всего феодальнаго, во время переворотовъ. Лучшее доказательство, что человѣкъ остался при своемъ прежнемъ понятіи о себѣ и о государствѣ. Современный человѣкъ думаетъ, что средніе вѣка далеко отъ него, а они въ немъ: онъ тотъ же рыцарь, но переложенный на другіе нравы.

Не имѣя возможности, по многимъ причинамъ, представить историческую монографію о поединкахъ, я хотѣлъ сколько-нибудь способствовать къ уясненію вопроса, занимавшаго споривших пріятелей, и съ этой цѣлью написалъ сжатый историческій очеркъ развитія

чести, представляя имъ выводить послѣдствія какія угодно. Я нигдѣ не защищаю дуэли и нигдѣ не браню ея.

Бранить или хвалить какой-нибудь всеобщій историческій фактъ дѣло совершенно праздное, извиняемое только благороднымъ увлеченіемъ, въ силу котораго вырываются рѣчи негодованія или восторга. Довѣріе къ роду человѣческому требуетъ на столько уваженія къ вѣковымъ явленіямъ, чтобъ и отрѣшаясь отъ нихъ, не порицать ихъ: въ этомъ много суетности и легкомыслія; дикіе съ честью хоронятъ умершихъ, а не ругаются надъ трупами. Кто бранится, тотъ не выше бранимаго; бранятся тамъ, гдѣ не достаетъ доказательствъ. И какая цѣль подобныхъ разглагольствованій? Исправленіе нравовъ развѣ? Я думаю, выросшаго человѣка мудрено исправить педагогическими средствами и благороднымъ негодованіемъ, когда онъ плохо исправляется уголовными средствами и негодованіемъ палача. Достигайте, чтобъ онъ понялъ истину: это будетъ вѣрнѣе; итти далѣе, хвалить или порицать показываетъ неуваженіе къ его смыслу. Сказать, что поединокъ зло, нелѣпость, преступленіе, легко и справедливо, но недостаточно; неужели же нѣтъ причинъ, почему это *зло*, эта *нелѣпость* сохранилась до сихъ поръ? Если же вмѣсто порицанія и односторонняго сужденія, мы разберемъ и внутреннюю сторону предмета, тогда мы узнаемъ общія основанія, на которыхъ опирался поединокъ, и легко можетъ быть найдемъ связь его съ другими явленіями, ихъ круговую поруку; такой разборъ можетъ насъ привести въ свою очередь какъ бы въ вознагражденіе за то, что мы узнали историческое основаніе факта, отвергаемаго нами, къ раскрытію неразумности фактовъ, незыблемо признаваемыхъ нами; *et c'est autant de pris sur le diable*, какъ говорятъ французы. Рѣзкость одностороннихъ сужденій на первую минуту ослѣпляетъ въ нихъ больше характернаго, опредѣленнаго; но если вглядѣться имъ прямо въ глаза, тощесть ихъ тотчасъ открывается. «Всего рѣзче видятъ одну сторону — сказалъ Аристотель — тѣ, которые видятъ мало сторонъ.»

I.

У человѣка, вмѣстѣ съ сознаніемъ, развивается потребность *кое-что свое* спасти изъ вихря случайностей, поставить неприкосновеннымъ и святымъ, почтить себя уваженіемъ его, поставить его выше жизни своей. Пристально вглядываясь въ длинный рядъ превращеній чтимаго, мы увидимъ, что основа ему нечто иное, какъ чувство соб-

ственнаго достоинства и стремленіе сохранить нравственную самобытность своей личности, и то и другое сначала въ формахъ дѣтскихъ, потомъ отроческихъ, какъ во всякомъ человѣческомъ развитіи. Сначала это чувство выражается въ семейныхъ отношеніяхъ, въ фанатической привязанности къ роду, племени, обычаю, преданію, къ *своимъ* богамъ въ противоположность сосѣдскимъ. Потомъ она является свято-уважаемымъ *общимъ дѣломъ (res publica)*; государство, городъ поглощаетъ еще человѣка, но уже онъ силенъ своимъ гражданскимъ значеніемъ. Неудовлетворенный однакожь общимъ дѣломъ, человѣкъ ищетъ свое дѣло, обращается внутрь себя, въ груди своей начинаетъ открывать нѣчто твердое и незыблемое, въ себѣ находитъ мѣрило своего достоинства и хладнокровно смотритъ на племя, на городъ, на государство: тогда быстро развивается въ немъ понятіе *чести и собственнаго достоинства.* Но это еще не все. Перенося въ грудь свою свое чтимое, человѣкъ переноситъ его на истинную почву; но какова эта грудь? Можетъ быть онъ понимаетъ себя не такимъ, какимъ онъ дѣйствительно есть — ниже и выше, духовнѣе и животнѣе, затеряннымъ въ общинѣ и одинокимъ въ себѣ самомъ; наконецъ, можетъ быть его грудь, въ которую онъ переноситъ кивотъ свой, не его грудь; можетъ быть, свободный отъ прежнихъ узъ, онъ перевязанъ новыми; а какимъ онъ себя понимаетъ, такъ пойметъ онъ и свою честь. «Основа чести можетъ быть нравственна и необходима, можетъ быть случайна и безсмысленна,» но всегда и вѣчно она есть «отраженіе человѣкомъ своей самобытности», (*) сообразно тому, какъ онъ ее понимаетъ, или, вѣрнѣе, какъ ее понимаетъ его эпоха.

Три великія эпохи жизни человѣчества представляютъ намъ тѣ три разныя пониманья человѣческаго достоинства, до которыхъ мы коснулись. Востокъ представляетъ низшую ступень древняго понятія о личности; она почти затеряна въ племени, въ царствѣ. Греко-римскій міръ съ своими гражданами — высшее его развитіе. Основа человѣческаго достоинства обоими была понята внѣ человѣка. Наконецъ средніе вѣка обернули вопросъ: существеннымъ сдѣлалась личность, несущественнымъ — *res publica.* Самая эта исключительность указываетъ на необходимую односторонность послѣдствій. Жизнь общественная — такое же естественное опредѣленіе человѣка, какъ достоинство его личности. Безъ сомнѣнія, личность дѣйствительная вершина историческаго міра: къ ней все примыкаетъ, ею все живетъ; всеобщее безъ личности — пустое отвлеченіе: но личность только и имѣетъ полную дѣйствительность по той мѣрѣ, по которой она въ обществѣ. Аристотель превосходно назвалъ человѣка —

(*) Hegel, Aesthetik. T. II. Romantische Kunst-Ehre.

зоонъ политиконъ. Истинное понятіе о личности равно не можетъ опредѣлиться ни въ томъ случаѣ, когда личность будетъ пожертвована государству, какъ въ Римѣ, ни когда государство будетъ пожертвовано личности, какъ въ средніе вѣка. Одно разумное, сознательное сочетаніе личности и государства приведетъ къ истинному понятію о лицѣ вообще, а съ тѣмъ вмѣстѣ къ истинному понятію о чести. Сочетаніе это — труднѣйшая задача, поставленная современнымъ мышленіемъ; передъ нею остановились, пораженные несостоятельностью разрѣшеній, самые смѣлые умы, самые отважные пересоздатели общественнаго порядка, грустно задумались и почти ничего не сказали. Мы не беремся дотрогиваться до нея, но думаемъ однако, что она не разрѣшена механическими опытами сочетать феодальную личность съ римскимъ понятіемъ государства; это одно перемирье, т. е. такое соединеніе враждебныхъ началъ, при которомъ каждый остается при своей непріязни, но, уступая внѣшнимъ обстоятельствамъ, не дерется, а протягиваетъ руку врагу. Конечно жизнь, несмотря на всѣ ученія о политикѣ и о правѣ, дѣлаетъ свое дѣло, роется кротомъ и вездѣ прорывается къ свѣту; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, иначе мы не дошли бы не только до рѣшеній, но и до положенія вопросовъ, а это дѣло важное; правильно понятый вопросъ — полъ-отвѣта. Однако нельзя не сознаться, что въ самой философіи права, въ самихъ утопіяхъ разныхъ толковъ господствуютъ одни отжившія или отживающія понятія о государствѣ и о личности. Впрочемъ намъ не нужно разрѣшенія этой задачи, цѣль наша ограниченная: мы имѣемъ только въ предметѣ указать круговую поруку поединка съ пониманьемъ правъ личности, отъ восточной непосредственности до щепетильнаго *point d'honneur'а* французскаго дворянина.

II.

Людямъ надобно было все дѣтское довѣріе и всю беззаботность животнаго, всю настойчивость и упорность естественнаго побужденія, чтобы своими разростающимися семьями обжить землю. Жизнь семьями обусловила возможность всего человѣческаго развитія. Конечно семьи не оттого не расходились, что была при этомъ какая-нибудь мысль; разумъ еще дремалъ тогда у человѣка, и ему достаточно было той низшей степени разсудка, которая совпадаетъ съ самимъ органическимъ процессомъ, въ силу которой, напримѣръ, но-

ворожденный ищетъ пищу ртомъ въ первый день своего рожденія. Люди жили семьями, руководствуясь тѣмъ же инстинктомъ, которымъ руководствуются животныя породы, скитающіяся стадами, собирающіяся въ рои. Забытый и неизвѣстный трудъ дикаго человѣка былъ тягостенъ, онъ облегчался одною грубостью обреченнаго на этотъ трудъ. Вѣками, и вѣками усилій приладился человѣкъ къ грозной, безпощадной средѣ и ее приладилъ къ себѣ: казалось, стихіи ежеминутно могутъ, съ мощнымъ безстрастіемъ своимъ, съ непреодолимой силой уничтожить безслѣдно это слабое существо, и вѣроятно не одна тысяча легла, подавленная невнимательной природой, строго исполнявшей законы свои возлѣ нихъ; но это слабое существо имѣло передъ окружавшей его природою большое преимущество—преимущество хитрости, уловокъ, которыми развитое животное достигаетъ своихъ цѣлей, а среда не имѣла ничего враждебнаго противъ его работы. Тысячи темныхъ и неизвѣстныхъ намъ поколѣній удобрили костями своими землю, прежде нежели сознаніе на столько развилось, что стало помнить свое былое, что это *былое* сдѣлалось достойно памяти, и тутъ, черезъ эти тысячелѣтія, какимъ мы встрѣчаемъ человѣка? Онъ еще не можетъ притти въ себя, опомниться; онъ побѣдилъ, но съ робостью въ душѣ, но съ сознаніемъ силы природы и своего безсилія; онъ еще съ ужасомъ смотрѣлъ на стихіи, подкладывая имъ злобныя мысли, повергался въ прахъ передъ ихъ грозной и враждебной мощью и просилъ пощады; дикая молитва его была воплемъ страха, въ которомъ еще не звучали титановскія ноты Прометея.

Одинъ оплотъ, одинъ отдыхъ, одна надежда для человѣка была семья, племя, эта кучка, сросшаяся отъ единства интересовъ и единства опасностей, отстоявшая себя противъ стихій, звѣрей и враговъ, начавшая хранить свое преданіе и свой обычай. Далекій отъ сознанія своей самобытности, человѣкъ поглощался племенемъ, семьею; все чтимое имъ было внѣ его. То были невѣдомыя силы природы, которымъ онъ началъ придавать человѣческія свойства въ уродливыхъ размѣрахъ, и патріархальныя отношенія къ семьѣ, въ которой личность была ничтожна, а родъ неприкосновененъ, святъ. На этихъ-то началахъ развились колоссальныя азіятскія монархіи. Въ самомъ высшемъ гражданскомъ развитіи своемъ азіятецъ считалъ себя несовершеннолѣтнимъ сыномъ, рабомъ; понятіе раба его не унижало, скорѣе его унизило бы названіе вольнаго человѣка: ему бы показалось, что это слово значитъ — бродяга, бездомовникъ, изгнанный измаилъ, непринятый ни въ какое племя; а что же онъ значитъ одинъ? Но какъ бы то ни было, признавая себя рабомъ, несовершеннолѣтнимъ сыномъ, онъ не могъ развить въ себѣ понятія о человѣ-

ческой личности; рабъ — вещь; истинная личность его въ господинѣ, котораго онъ членъ, органъ. Рабу трудно нанести оскорбленіе: онъ или не доросъ до того, чтобъ понять его, или перенесъ уже безусловное оскорбленіе утратою всѣхъ человѣческихъ правъ и примиреніемъ съ этой утратой. Однако, могъ ли восточный человѣкъ оставаться безъ всякаго понятія о чести? Ни подъ какимъ видомъ. Это также невозможно для человѣка, живущаго въ гражданскомъ обществѣ, какъ невозможно бы было себѣ представить дѣйствительное понятіе о достоинствѣ человѣка у азіятца. Такъ на Востокѣ не могли развиться поединки въ нашемъ смыслѣ; но тѣмъ страшнѣе и злобнѣе развилась месть, всего чаще не за собственную обиду, а за обиду семьи, обычая; въ Японіи оскорбленный разрываетъ свой животъ — новое доказательство, что у нихъ не развито ни тѣни истиннаго понятія о безконечномъ достоинствѣ человѣческомъ; японецъ не находитъ въ себѣ средства очищенія, онъ не находитъ того мѣста, которое выше обиды, которое примирится уничтоженіемъ оскорбителя: онъ можетъ смыть обиду только самоубійствомъ. Притомъ азіятцы мелочно раздражительны, у нихъ казуистика чести развилась не хуже средневѣковаго, но все это одинъ пустой формализмъ, что-то условное; такъ въ азіятскихъ царствахъ до смѣшного развились внѣшніе знаки, почести, учтивости, т. е. все негодное или по-крайней-мѣрѣ пустое, сопровождающее понятіе о личномъ достоинствѣ, безъ истиннаго смысла его.

Личность азіятскихъ властелиновъ была единая человѣческая личность на Востокѣ, и дѣйствительно одни они въ Азіи понимали честь и вступались за нее Высоко поставленную личность ихъ было трудно оскорбить; рабами она обидѣться не могла: обида существуетъ собственно между личностями, признающими взаимныя права; цари могли оскорблять другъ друга, и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ царства дрались, опустошались: вотъ поединокъ востока. Отсутствіе сознанія личнаго достоинства, неотрѣшенность отъ физическихъ опредѣленій, несчастія, неразрывныя съ дѣтствомъ, погубили Азію. Взгляните на эти чудовищныя царства, возникающія съ притязаніемъ на покореніе вселенной и удивляющія сперва страшной силой, потомъ страшной слабостью: они сходятъ съ поприща исторіи, дряхлыя въ юности, или остаются въ жалкой дремотѣ: безъ нравственной личности нѣтъ движенія, прочности, развитія. Смутное понятіе чести выражалось у азіятца слѣпой преданностью семьѣ, племени, кастѣ. Помните ли вы, какъ Ксерксъ подвергался опасности на морѣ, и кормчій объявилъ, что корабль грузенъ; царедворцы не задумались погибнуть для спасенія Ксеркса: медленно выходилъ каждый изъ рядовъ, приближался къ царю, склонялся передъ нимъ, потомъ твердыми

шагами шелъ къ борту и кидался въ море. Это восточные термопилы; царедворцы поступили совершенно послѣдовательно. Любимецъ Дарія Истаспа, видя, что онъ хочетъ снять осаду Вавилона, обрубилъ себѣ уши и носъ и въ этомъ жалкомъ видѣ передался вавилонянамъ, прося отмщенія и говоря, что его изуродовалъ Дарій. Вавилоняне сдѣлали его военачальникомъ, и онъ предательски отдалъ ихъ городъ Дарію Истаспу. Сколько тутъ самоотверженія! Это восточный Баярдъ.

Понятіе о личности является сознаннымъ въ отношеніи къ государству въ мірѣ греко-римскомъ. Личность не разрывна съ понятіемъ гражданина, она не свободна еще въ отношеніи къ себѣ: восточное поглощеніе всѣхъ личностей одною повторяется и здѣсь, но мѣсто случайнаго лица занимаетъ нравственное, миѳическое лицо города. Каждый гражданинъ сознавалъ въ самомъ себѣ долю идеальной, царящей личности города или отечества, и эта доля была неприкосновенная, святая святыхъ его души. Патріотизмъ грека и римлянина былъ раздражителенъ и не выносилъ никакой обиды; въ немъ заключался древній *point d'honneur*. Ѳемистоклъ, сказавшій: «бей, но дай высказать», тѣмъ ярче выражаетъ греческое понятіе о чести, что оно въ этомъ случаѣ прямо противоположно средневѣковому понятію. Но *общее*, чтимое, святое было понято опять подъ опредѣленіемъ непосредственности и внѣшности; личность человѣка и его достоинство поглощались достоинствомъ гражданина, а значеніе гражданина было основано на случайности мѣсторожденія; его права были права монополіи; свободы въ древнемъ мірѣ не было; свободенъ былъ Римъ, Аѳины, а не люди. Граждане древняго міра — сказалъ не помню какой-то историкъ — потому считали себя свободными, что всѣ участвовали въ правленіи, лишавшемъ ихъ свободы. Уваженіе къ себѣ, какъ къ гражданину, было недостаточно; оно не помѣшало ни кліентизму, ни обоготворенію цезарей. Римскій гражданинъ, глубоко развращенный невольничествомъ, привычкой считать, сверхъ невольниковъ, всѣхъ иностранцевъ полулюдьми, врагами, варварами, не нашелъ въ душѣ своей никакой нравственной опоры, когда Римъ сталъ падать, да и Римъ, съ своей стороны, не нашелъ опоры въ своихъ гражданахъ. Катонъ и множество другихъ республиканцевъ, консерваторовъ, увидавши, что Римъ падетъ, лишили себя жизни и поступили совершенно послѣдовательно римскому понятію о чести. Что оставалось въ ихъ жизни? Развѣ она имѣла значеніе, независимое отъ Рима? Значеніе не національное, а человѣческое? Нѣтъ. Правда, Сенека сталъ поговаривать о неотъемлемомъ достоинствѣ человѣка, присущемъ ему потому, что онъ человѣкъ, но Сенека родился послѣ смерти республики и въ то время, какъ иной духъ началъ вѣять въ

самомъ Римѣ. — Такъ какъ истинныя личности были въ греко-римскомъ мірѣ — города, то и поединки могли быть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, только между городами или республиками; Аѳины и Спарта всю жизнь провели въ дуэляхъ. Между частными людьми въ Римѣ поединка не могло быть потому, что дѣла чести рѣшались цензурой. Государство имѣло право отнять все нравственное значеніе гражданина. Если и случалось что-нибудь въ родѣ поединковъ, то основа ихъ была непремѣнно патріотическая: такова дуэль между Гораціями и Куріацами. Греческая философія и римская цивилизація приготовили переходъ къ тѣмъ понятіямъ о личности, которая возвѣстилась людямъ евангеліемъ, и если Аристотель былъ на столько грекъ, что дѣлилъ натуру человѣческую на свободную и рабскую; то Юлій Цезарь былъ на столько человѣкъ новаго міра, что жалѣлъ рабовъ и гладіаторовъ; очень понятно, почему первый примѣръ гуманности представляетъ именно тотъ человѣкъ, который нанесъ смертельный ударъ республикѣ. Неблагопристойныя ругательства Цицерона, въ полномъ засѣданіи Сената, противъ Антонія, котораго онъ обвиняетъ, между прочимъ, въ томъ, что онъ пьяный бѣгалъ безъ всякой одежды по улицамъ, вызвали отвѣтъ одного сенатора, который также обругалъ Цицерона и заключилъ, что если Цицеронъ носитъ длинную тогу, то это для прикрытія своихъ отвратительныхъ ногъ. Примѣръ этотъ показываетъ, что уваженіе къ личности мало было развито въ Римѣ, что всего ярче выразилось въ отвратительномъ отношеніи патроната и кліентизма.

III.

Личность христіянина отрѣшается отъ древняго гражданскаго опредѣленія. Спаситель зоветъ мытарей и женщинъ, отворяетъ царство Божіе разбойнику, безщадно казненному закономъ гражданскимъ. Слово: невольникъ, рабъ, становится богохульствомъ, нищета — достоинствомъ, національность теряетъ смыслъ въ отношеніи къ единственной паствѣ, къ единой церкви; любовь къ отечеству уступаетъ первенство любви къ ближнему. Личность христіянина не только освобождалась отъ своего гражданскаго и исключительно національнаго опредѣленія: она стремилась освободиться и отъ всего земного; она совлекла съ себя стараго Адама, т. е. всю сторону непосредственную, тѣлесную, земную любовь, земное семейство, земныя страсти, земную мудрость, земное богатство, даже земное тѣло. Но братственная община, о которой говоритъ Евангелистъ Лука въ Дѣяніяхъ, незнавшая права собственности, имѣвшая одну душу и одно

сердце, распространяясь, встрѣтилась съ государствомъ. Ничего не могло быть противоположнѣе христіанскимъ началамъ, какъ понятіе о государствѣ, развившееся въ римской имперіи того времени. Діоклеціанъ, первый восточный царь римскій замѣтилъ противорѣчіе азіатско-римскаго понятія о государствѣ съ христіанскимъ, онъ съ свирѣпостью человѣка, непонимающаго духъ времени, гналъ огнемъ и мечемъ юную церковь. Но дѣлать было нечего; имъ надобно было помириться. Государство было необходимо для христіянъ: это была доля кесаря, которую надобно было предоставить кесарю. При такомъ противорѣчіи совѣсти съ гражданскимъ порядкомъ, частнаго съ общимъ, нельзя было развиваться, — можно было остановиться, потерять всякую силу и строеніе и держаться потому только, что еще паденіе не совершилось. Это доказываетъ та часть римской имперіи, которая осталась вѣрною древнему государству и которая разлагалась до XV столѣтія. Дѣйствительное примиреніе вышло инде.

Съ своей стороны, ничего не можетъ быть противоположнѣе не только восточному рабу, теряющемуся въ племени, но и римскому гражданину, поглощенному своимъ государственнымъ значеніемъ, какъ германецъ, боящійся всякой централизаціи и предпочитающій дикую независимость удобствамъ гражданской жизни. Германцы жили кучками, общинами, знаменами или дружинами; они почти не принадлежали землѣ, на которой родились, носили родину съ собой и вездѣ были дома. Когда хаотическое броженіе переселеній, завоеваній, перваго устройства, успокоилось, когда германцы приняли христіянство, когда весь этотъ новый міръ началъ слагаться, принимая въ себя и остатки древней цивилизаціи и новую религію, для того, чтобъ ими развивать свою собственную сущность, тогда первымъ полнымъ и органическимъ слѣдствіемъ взаимнаго проникновенія этихъ элементовъ является *рыцарство*. Рыцарствомъ вооруженная ватага кондотьеровъ, наѣздниковъ, необузданныхъ воиновъ поднялась изъ міра грабежей и насилія въ феодальное благоустройство. Ключемъ свода этого готическаго братства, этихъ военныхъ гражданъ, единственныхъ правовѣрныхъ людей того времени, была безпредѣльная самоувѣренность въ достоинствѣ своей личности и личности ближняго, разумѣется, признаннаго ровнымъ по феодальнымъ понятіямъ. Это было нѣчто совершенно новое. Не только каждый клочокъ земли захотѣлъ самобытности — послѣ того, какъ весь міръ жилъ однимъ Римомъ — но каждый непобѣжденный человѣкъ понималъ себя независимымъ, своевольнымъ. Феодализмъ — апотеоза личности воина, монадологія въ гражданскомъ развитіи; въ немъ нѣтъ дѣйствительнаго центра. Понятіе о государствѣ, о городѣ, какъ о единномъ дѣйствительномъ, къ которому отнесенъ человѣкъ, пало; человѣкъ, какъ

воинъ-защитникъ, какъ рыцарь; началъ понимать себя собственнымъ средоточіемъ; понявши это, онъ долженъ былъ высоко поставить свою честь; свою самобытность — гордую и независимую. Не массы сознали эту мысль о достоинствѣ личности: массы были побѣжденные, массы были отсталые горожане, люди римскихъ понятій, массы были несчастные земледѣльцы, для которыхъ часъ сознанія еще не наставалъ; ее поняли доблестнѣйшіе изъ воиновъ, ее поняли духовные. Ничего не можетъ быть пагубнѣе для исторіи, какъ вносить современные вопросы, симпатіи и антипатіи въ разборъ былыхъ событій; если въ нѣкоторыхъ странахъ позволяютъ людямъ судиться перами, то какое же право мы имѣетъ судить прошедшее не по его понятіямъ, а по понятіямъ иного времени. Мы привыкли сопрягать съ словомъ: рыцарство, понятіе угнетенія, несправедливости, касты; но съ тѣмъ самымъ словомъ мы вправѣ сопрягать смыслъ совершенно противоположный. Мы теперь смотримъ на рыцарство, какъ на прошедшій институтъ; его слабыя стороны для насъ раскрыты; насъ оскорбляетъ его гордое чувство безконечнаго достоинства; основанное на безконечномъ униженіи привязаннаго къ землѣ; оно пало отъ своей односторонности, оно наказано; оно до того умерло наконецъ, что пора ему отдать полную справедливость.

Взгляните на рыцарство, отступивши въ VII, VIII столѣтія — и оно представится передовой фалангой человѣчества; оцѣните внутреннюю мысль его о достоинствѣ человѣческой личности, о святой неприкосновенности ея, о строгой чистотѣ — и вы поймете великое начало, внесенное имъ въ исторію. Оттого мы рыцарей можемъ принять за высшихъ представителей среднихъ вѣковъ; истинные представители эпохи — не ариѳметическое большинство; не золотая посредственность, а тѣ, которые достигли полнаго развитія, энергическіе и сильные дѣятельностью; другіе были въ ребячествѣ или въ дряхлости. *Человѣкъ научился уважать человѣка* въ рыцарѣ: этого мы имъ не забудемъ. Гордое требованіе признанія рыцарскихъ правъ было почвою, на которой выросло сознаніе права и достоинства человѣка вообще. Рыцарь далеко не былъ ниже римскаго гражданина. Римскій гражданинъ имѣетъ передъ нимъ то преимущество, что онъ развилъ свое понятіе; но то, чего домогался рыцарь, было выше того, чего достигнулъ римлянинъ. Сущность гражданина — внѣ его; случайность рожденія опредѣляетъ права его; сущность рыцаря — въ немъ самомъ, и онъ становится рыцаремъ, а не родится. Его право не принадлежитъ его личности, какъ случайной; а принадлежитъ ему по развитіи въ случайной личности ея родового значенія (разумѣется такъ, какъ оно понималось въ тѣ времена). Никто не былъ признаваемъ христіяниномъ по одному физическому рожденію;

никто не родился рыцаремъ; для перваго надобно было духовное рожденіе крещеніемъ, для второго искусъ и торжественное признаніе посвященіемъ. Рыцари были единственные свободные люди въ среднихъ вѣкахъ; они составляли между собой братство, разсѣянное по всему католическому міру и сочувствовавшее между собою; ихъ соединяло единство обычаевъ, единство понятій о своемъ достоинствѣ, единство предразсудковъ; каждый рыцарь сознавалъ неприкосновенное величіе своей личности и готовъ былъ доказывать его мечомъ. Но можно ли назвать братствомъ учрежденіе, при которомъ массы были угнетены? А какъ же древнія республики называются республиками, когда въ нихъ одни граждане имѣли права? Низшіе классы въ среднихъ вѣкахъ не только не были признаны высшими, но и собою не были признаны; ихъ признавала одна церковь и передъ алтаремъ они были равны; человѣкъ признается человѣкомъ на столько, на сколько онъ самъ себя признаетъ человѣкомъ. Кровавыя событія временъ Жакри выразили иныя потребности со стороны народа и обнаружили иное сознаніе, и рыцари всѣми ужасами и свирѣпостями того времени не могли ничего сдѣлать. Тоже въ городахъ: по мѣрѣ того, какъ коммуны начинали сознавать свои права, рыцари со скрежетомъ зубовъ должны были уступать; сознаніе это росло, а рыцарство дряхлѣло. Въ 1614 году оно еще протестовало противъ смѣлости средняго состоянія, дерзнувшаго назваться братомъ рыцарства, а въ 1787 году Сіэсъ издалъ свою брошюру *du tiers-état* и увѣрялъ, что среднее состояніе *все*, — мнѣніе, въ которое теперь никто не вѣритъ. *Suum cuique!*

Права личности у рыцарей доказывались и поддерживались оружіемъ; міръ феодальный былъ дикъ и грубъ; кромѣ оружія и матеріальной силы, человѣкъ не находилъ себѣ другого оплота. Рыцарь былъ прежде всего воинъ, побѣдитель; подозрѣніе въ трусости и неумѣньи владѣть мечомъ — было высшимъ оскорбленіемъ. Рыцарство и тутъ въ міръ вѣчной войны и рѣзни внесло свое благотворное вліяніе: свирѣпое и необузданное насиліе облагороживается; враги не бросаются другъ на друга какъ звѣри, а выходятъ торжественно на поединокъ, благородно, открыто, съ равнымъ оружіемъ. Поединокъ былъ совершенно на мѣстѣ у этого военнаго братства. Кто судья надъ рыцаремъ, какъ не онъ самъ, какъ не равный ему противникъ? Для горожанина, для простолюдина существуетъ судебное мѣсто; но развѣ рыцарь подсудимъ кому-нибудь въ дѣлѣ чести, и что государство и его законъ за мѣрило, за возмездникъ его оскорбленію? Онъ самъ себѣ достанетъ право — копьемъ, мечомъ. Онъ признавалъ *самоуправство* естественнымъ неотъемлемымъ правомъ. Зачѣмъ онъ, оскорбленный, пойдетъ искать юридической расправы, когда

онъ не вѣритъ въ ея возможность возстановить честь; онъ ищетъ собственной опасностью, смертью свой судъ и въ немъ оправданіе себя въ чужихъ глазахъ и своихъ, казнь виновнаго согласно съ рѣшеніемъ небеснымъ. Конечно храбрость и ловкость въ управленіи оружіемъ самый жалкій критеріумъ истины, хотя, замѣтимъ мимоходомъ, трусость — вѣчный ошейникъ рабства. Въ наше время странно было бы доказывать истину тѣмъ, чтобъ проткнуть копьемъ того, кто вздумаетъ возражать или кто не согласенъ съ нами въ мнѣніи. Самое требованіе признанія моей личности такъ, какъ *я хочу*, не справедливо; но во время рыцарства, когда чувство чести и самобытности было такъ ново и одушевляло грубыя и съ тѣмъ вмѣстѣ полудѣтскія натуры, понятно и деспотическое требованіе признанія и готовность оружіемъ дать вѣсъ своему требованію. Не надобно забывать сверхъ того, что тогда человѣкъ дѣтски вѣровалъ, что небо поможетъ правому; самые судьи не находили тогда лучшаго средства къ раскрытію истины, какъ Судъ Божій, какъ поединокъ. Поединокъ имѣлъ религіозную основу и нравственную. Нравственный принципъ поединка состоитъ въ томъ, что *истина дороже жизни*, что за истину, мною сознанную, я готовъ умереть, и не признаю правъ на жизнь отвергающаго ее. Мало сознавать достоинство своей личности: надобно, сверхъ того, понимать, что съ утратою его, бытіе становится ничтожно; надобно быть готовымъ испустить духъ за свою истину, — тогда ее уважатъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Человѣкъ, всегда готовый принесть себя на жертву за свое убѣжденіе, человѣкъ, который не можетъ жить, если до его нравственной основы коснулись оскорбительно, найдетъ признаніе. Гражданинъ древняго міра имѣлъ всю святую святыхъ въ объективномъ понятіи своего отечества, онъ трепеталъ за его честь. Рыцарь, безпрестанно сосредоточенный на самомъ себѣ, при всякомъ событіи, думалъ прежде всего о своемъ достоинствѣ; его ни во снѣ, ни на яву не оставляла мысль о его неприкосновенности; ревнивое и раздражительное чувство чести было безпрерывно, лихорадочно возбуждено. Жизнь, имѣющая такую основу, должна была принять характеръ угрюмый, восторженный, пренебегающій суетами и въ тоже время страстный, необузданный. Съ одной стороны католицизмъ освобождалъ человѣка на томъ условіи, чтобъ онъ отрекся отъ всего человѣческаго, съ другой рыцарство давало ему копье и ставило его вѣчнымъ стражемъ своей чести. И онъ былъ величественъ — этотъ стражъ! Да, этотъ человѣкъ съ поднятымъ челомъ, опертый на копье, величаво и гордо встрѣчающій всякаго, увѣренный въ своей самостоятельности по силѣ, которую ощущаютъ въ груди, ничего небоящійся, потому-что презираетъ жизнь, былъ высокъ и полонъ поэзіи. Вся самобытность рыцаря

въ немъ самомъ; это бедуинъ, окруженный степью; онъ едва принадлежитъ какой-нибудь странѣ, онъ воинъ всего міра католическаго, онъ почти чуждъ патріотизма; гдѣ его отечество? Это монада, сознающая себя самобытнымъ средоточіемъ, сознающая все царственное величіе своей личности; онъ безпредѣльно вѣренъ своей присягѣ, его честь — залогъ его вѣрности, его вѣрность — свободный даръ; онъ не можетъ измѣнить, потому-что не могъ отдаваться; онъ не понимаетъ восточнаго хвастливаго самоуниженья; греки смѣялись надъ невѣжествомъ крестоносцевъ; быть человѣкомъ казалось грубостью для византійцевъ. Необразованные воины эти, покрытые желѣзомъ, готовы были за тѣнь оскорбленія лечь костьми; греки считали это предразсудкомъ; они, въ случаѣ нужды, подмѣшивали яду, дѣлали доносы.... ихъ воспитанія были совершенно розны.

Но какъ ни было сильно развитіе рыцарства, какъ оно ни было ярко и поэтично, — оно носило въ себѣ причину быстрой дряхлости: она очевидна.

Мы упомянули, что христіяне первыхъ вѣковъ приняли, какъ неотразимое событіе, римское государство; истиннаго сочувствія между древнимъ порядкомъ вообще и новой религіей не могло быть. Монастыри показывали разомъ внутреннюю соціяльную мысль христіянъ того времени и ихъ отвращеніе отъ языческаго устройства. Мы видѣли такую же несвойственность германскаго характера съ римскимъ понятіемъ государства. Тацитъ въ свое время уже замѣтилъ, что германцы любятъ жизнь въ-разбивку. Шлегель думалъ уколоть германцевъ, говоря: *der Deutschen wahre Verfassung ist Anarchie*, и высказалъ невзначай мысль, которой глубины не предвидѣлъ. Рыцарь — германецъ и христіянинъ вмѣстѣ. Онъ осуществилъ этотъ протестъ личности противъ поглощающаго государственнаго единства, такъ какъ другой протестъ, смиренный и безоружный, являлся въ католическомъ монахѣ, отвергавшемъ гражданскія опредѣленія. Мечта Карла Великаго о сильной имперіи не могла осуществиться: папа, рыцарство и монашескіе ордена составляли оппозицію. Церковь признавала одно единство — единство паствы подъ жезломъ одного пастыря; феодализмъ хотѣлъ жить на каждой точкѣ земли; высасываніе всѣхъ соковъ однимъ городомъ было для него противно; онъ былъ слишкомъ завистливъ, чтобъ помогать централизаціи, у него вездѣ былъ свой центръ; кто же бы его понудилъ уступить монополь одному городу? Польза, происходящая отъ сосредоточенія, отъ единства управленія, мало согласовалась съ его понятіемъ самобытности каждаго мѣстечка и уваженія ко всѣмъ федеральнымъ обычаямъ его. Эту независимую личность германскую рыцарство выразило энергически. — Но во имя чего же былъ этотъ

протестъ? во имя чего освобождалась личность рыцаря? Зачѣмъ она такъ ревниво отстаивала себя противъ государства? — По странному сочетанію противоположностей, составляющему чуть ли не отличительную черту всего средневѣковаго, рыцарь, человѣкъ, развившій въ себѣ чувство самобытности до высшей степени, оставался нравственнымъ рабомъ; этотъ храбрый и непреклонный воинъ, отважный завоеватель, гордый защитникъ своей личности, былъ съ тѣмъ вмѣстѣ трусъ, и если короли и горожане боялись его, то онъ самъ боялся очень многаго. Великій шагъ противъ древняго міра былъ тѣмъ сдѣланъ, что чтимое, неприкосновенное, святое поняли внутри своей груди, а не въ городѣ; но для полнаго развитія личности человѣческой недоставало нравственной самобытности: она была совершенно неизвѣстна въ среднихъ вѣкахъ. Тогда все было несвободно; даже *point d'honneur*, хранитель личныхъ правъ, былъ часто самымъ тяжкимъ игомъ; такъ федерализмъ отстаивалъ самобытность частей государства для того, чтобъ доставить торжество своимъ провинціяльнымъ обычаямъ, нерѣдко подавлявшимъ личную волю вдвое болѣе.

Логика событій неумолима: Рыцарь, свободная личность въ отношеніи къ государству и рабъ внутри, развилъ односторонность свою до нелѣпости; онъ съ каждымъ днемъ дѣлался болѣе и болѣе Донъ-Кихотомъ; не имѣя дѣйствительнаго критеріума чести, онъ весь зависѣлъ отъ обычая и мнѣнія; онъ, вмѣсто живого и широкаго понятія человѣческаго достоинства, разработалъ жалкую и мелочную казуистику оскорбленій и поединковъ. Рыцарство пало жертвою своей односторонности, оно пало жертвою противорѣчія, только формально примиреннаго въ его умѣ. Но наслѣдіе, имъ завѣщанное, было велико; оно искупаетъ и его односторонность и весь временной вредъ, нанесенный ими; лучшаго наслѣдія никто не завѣщалъ людямъ, ни Аѳины, ни Римъ — понятіе о неприкосновенности личности, о ея достоинствѣ, — словомъ, о чести. Честь скоро сдѣлалась неписанной хартіей германо-романскихъ народовъ. «Возлѣ гражданскаго суда учреждается свой трибуналъ, трибуналъ чести» [1], восполняющій недостатокъ юридической расправы. Съ человѣкомъ, который ставитъ свою честь выше жизни, съ человѣкомъ, идущимъ добровольно на смерть, нечего дѣлать: онъ *неисправимо человѣкъ*. Уваженіе къ личности, унаслѣдованное отъ рыцарей, мало-по-малу распространившееся по всѣмъ сословіямъ, трепетъ за ея чистоту, спасли Европу во время революціоннаго противодѣйствія феодализму со стороны ожившей идеи государства и централизаціи; они помѣшали, по превосходному выраженію Монтескьё, «чиновнику сдѣлаться ла-

(¹) *Montesq. Espr. des Lois.*

кеемъ и солдату палачомъ». Людвигъ XI, Генрихъ VIII и самъ Филиппъ II знали очень хорошо, что сгнетаемость лица простирается до извѣстной степени, что его можно ограбить, убить, запутать въ сѣти, сжечь на *auto da fe*, подавить общими мѣрами, но трудно и опасно оскорбить, нанести личную обиду; они знали, что горе дотрогивающемуся до чести; и тоже самое вѣрованіе чести сдѣлалось опорою престола — европейскихъ монархій. Ея нѣтъ во всѣхъ богдыханствахъ, деспотіяхъ и султанатахъ востока ([1]).

По мѣрѣ паденія рыцарства и самого католицизма, возникаютъ въ Западной Европѣ и укрѣпляются монархіи съ своими горожанами, постоянными войсками, съ своими судами и придворными, съ своей религіей — протестантизмомъ, англиканской и галликанской церквями. Римская идея государства является снова, но уже не какъ *общее дѣло*, а какъ дѣло правительства, какъ общественная польза, какъ поземельная неприкосновенность. Непреклонная, независимая личность феодала приносится на жертву государству; напрасно прячется она въ своихъ замкахъ и лѣсахъ — новый порядокъ бьетъ ее вездѣ. Понятіе политической государственной самобытности развивается въ этомъ мірѣ... но на какой-то холодной основѣ мелкаго эгоизма, личность жертвуется не отечеству, не государству, а спокойствію и матеріяльнымъ удобствамъ. Настойчивый въ своихъ правахъ горожанинъ, хитрый легистъ не развили въ себѣ того благороднаго и открытаго характера, какъ рыцарь; гордость, съ которой феодалы смотрѣли на нихъ, понятна. Поле брани, привычка къ оружію, къ опасности удивительно воспитываетъ человѣка; онъ привыкаетъ пренебрегать мелочами, къ которымъ привязываетъ осѣдлая и спокойная жизнь; у него складывается какой-то односторонній, но энергическій взглядъ на вещи, и въ тоже время взглядъ наивно дѣтскій; онъ будетъ грабить, но не будетъ хитрить; онъ будетъ насиловать, но не будетъ подъискиваться; онъ свирѣпо убьетъ, но не изъ-за угла. Совсѣмъ не такъ былъ воспитанъ горожанинъ: онъ былъ умнѣе, дѣльнѣе, ученѣе рыцаря; но онъ былъ робокъ, привыкъ къ скрытности, къ проискамъ, къ уклончивости; онъ силенъ въ корпораціи — и ничтоженъ одинъ; онъ силенъ, опираясь на положительный законъ; опереться на себя ему и въ голову не приходило; словомъ, въ немъ не было той откровенности, которая присуща дѣйствительному со-

([1]) Придется исключить одинъ Багдадскій Халифатъ во время его цвѣтенія и мавровъ вообще. Это составляетъ исключеніе, какое то *nuzzo-termine* между востокомъ и Европой. Зачѣмъ Монтескьё отдѣлилъ честь отъ добродѣтели? — Онѣ расходятся только въ крайностяхъ; напр. добродѣтель, доводящая смиреніе до позволенія бить себя палкой, распадется съ честью, такъ какъ казуистика бретера или *d'un raffiné* распадается съ добродѣтелью.

знанію личности. Этой откровенности вообще не было во всемъ переворотѣ противъ феодализма. Онъ сдѣлался исподоволь; союзники, соединившіеся противъ феодализма, были заклятые враги (Людвигъ XI и чернь). Главнѣйшіе дѣятели его скрывали свои противоборствующія идеи, не только идучи на бой, но и послѣ побѣды (напримѣръ Ришелье). Наружно они сохраняли старыя формы, наружно они выдавали себя не только за консерваторовъ, но и за историческую всегдашность, призывали лжесвидѣтельствовать въ свою пользу исторію, обманывали, коварствомъ побѣждали врага и только наружно хранили видъ чести и доблести.

IV.

. . . .

. . . .

. . . .

ИСКАНДЕРЪ.

С. Соколово.
Сентябрь 1847.

ОБЗОРЪ СОБЫТІЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ,

ОТЪ КОНЧИНЫ ЦАРЯ ӨЕОДОРА ІОАННОВИЧА ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

ГЛАВА IV.

ЛЖЕДИМИТРІЙ.

Еще прежде убійства Годуновыхъ, едва только вѣсть объ нихъ низложеніи достигла Лжедимитрія, какъ уже во всѣ концы Московскаго государства разосланы были отъ него грамоты съ извѣщеніемъ, что сынъ Грознаго признанъ царемъ въ Москвѣ, и съ требованіемъ, чтобъ другіе города слѣдовали примѣру столицы, — и они послѣдовали этому примѣру, нигдѣ не оказалось ни малѣйшаго сопротивленія: таково было сосредоточеніе сѣверо-восточныхъ русскихъ областей, совершенное московскими князьями! Всѣ области *тянули* къ Москвѣ, въ полномъ значеніи этого стариннаго слова; Москва одна рѣшала судьбу государства, что̀ не было однако дѣломъ насилія: послѣ увидимъ, что когда враги овладѣли Москвою, области напрягли всѣ силы для ея освобожденія, и тѣмъ доказали, какъ необходима она была для нихъ. Лжедимитрій писалъ въ города, что Богъ поручилъ ему Московское государство, что патріархъ Іовъ, духовенство и люди всѣхъ чиновъ, «узнавъ прирожденнаго государя своего, въ своихъ винахъ добили челомъ. И вы бъ — заключаетъ грамота — о нашей матери и о нашемъ многолѣтнемъ здоровьѣ по всѣмъ церквамъ велѣли Бога молить, и намъ служили и прямили во всемъ и того берегли накрѣпко,

чтобъ въ людяхъ шатости и убійства и грабежу не было, а о всякихъ дѣлахъ писали бы къ намъ» ([1]). Изъ послѣднихъ словъ видно, что Димитрій опасался сопротивленія въ областяхъ, колебанія нѣкоторой части народонаселенія и необходимаго отсюда междоусобія. Новый царь опасался также, чтобы въ такое смутное время отдаленныя области не воспользовались случаемъ и не освободили себя отъ государственныхъ повинностей: вотъ почему вслѣдъ за первою грамотою онъ отправилъ другую съ предписаніемъ не выпускать денегъ изъ казны, беречь ее накрѣпко и не позволять никакого замедленія въ сборахъ ([2]). Потомъ былъ разосланъ приказъ приводить народъ къ присягѣ ([3]). Присяга бралась, по установленной уже формѣ, на имя царицы Марѳы Ѳедоровны и сына ея Димитрія: указаніемъ на мать царицу скрѣплялось право сына на престолъ. Присяжная запись Лжемитрію гораздо кратче, умѣреннѣе, благоразумнѣе годуновской: въ ней нѣтъ исчисленія всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ посягновеній на особу царя, какое видѣли мы въ послѣдней; о Годуновыхъ сказано: «Съ измѣнниками, съ Ѳедкою Борисовымъ сыномъ Годуновымъ, и съ его матерью, и съ ихъ родствомъ, и съ совѣтниками, не ссылаться письмомъ и никакими мѣрами».

Въ Серпуховѣ узналъ Димитрій о гибели Годуновыхъ и двинулся впередъ къ столицѣ; подойдя къ ней, онъ еще остановился на нѣсколько дней въ селѣ Коломенскомъ, дабы узнать вѣрнѣе расположеніе умовъ въ городѣ, и свѣдавъ, что въ Москвѣ съ торжествомъ готовятся принять прирожденнаго государя, вступилъ въ нее 20 іюня 1605 года. На Лобномъ мѣстѣ духовенство встрѣтило царя съ крестами; благовѣщенскій протопопъ Терентій, въ витіеватой рѣчи, умолялъ его о помилованіи народа, по невѣдѣнію преступившаго клятву. «Когда слышимъ похвалы нашему преславному царю, говорилъ ораторъ, то разгараемся любовію къ произносящему эти похвалы; мы были воспитаны во тмѣ, и привлекли къ себѣ свѣтъ. Уподобляясь Богу, подвигнись принимать, благочестивѣйшій царь, наши мольбы, и не слушай людей, влагающихъ въ уши твои слухи неподобные, подвигающихъ тебя на гнѣвъ: ибо если кто явится тебѣ врагомъ, то Богъ будетъ тебѣ другомъ, Богъ, который освятилъ тебя въ утробѣ матерней, сохранилъ невидимою силою отъ всѣхъ враговъ, и устроилъ на престолѣ царскомъ; Богъ укрѣпилъ тебя и утвердилъ и поставилъ ноги твои на камнѣ своего основанія: кто можетъ тебя поколебать? Воздвигни милостивыя очи свои на насъ, пощади насъ, отврати

([1]) Акты арх. эксп. II, № 35; Собр. гос. гр. и дог. II, № 89.
([2]) Акты арх. эксп. II, № 36.
([3]) Тамъ же, № 38.

отъ насъ праведный гнѣвъ свой» (1). Любопытно, что въ этой рѣчи ораторъ не одинъ разъ упоминаетъ о людяхъ, которые хотятъ поссорить царя съ его народомъ: вѣроятно онъ разумѣлъ подъ этими людьми поляковъ, окружавшихъ Димитрія. Народу, и особенно духовенству, не могло быть пріятно, что около новаго царя тѣснились давніе враги русскаго имени, враги русской вѣры, которые, въ самый день въѣзда, успѣли уже оскорбить москвитянъ презрѣніемъ къ ихъ обрядамъ религіознымъ: когда царь слушалъ молебенъ на Лобномъ мѣстѣ, польскіе музыканты не переставали играть. Лѣтописецъ говоритъ, что въ день въѣзда нѣкоторые граждане узнали въ царѣ чудовскаго монаха, но не смѣли объявить громко о своемъ открытіи (2); и въ самомъ дѣлѣ, кто бы послушалъ ихъ, когда въ тотъ же день Богданъ Бѣльскій, которому порученъ былъ надзоръ за младенцемъ Димитріемъ, и который слѣдовательно болѣе другихъ могъ знать истину, явился на Лобномъ мѣстѣ, славилъ Бога за спасеніе государя и убѣждалъ москвитянъ быть вѣрными новому царю (3). Послѣднему оставалось освятить свое торжество царскимъ вѣнчаніемъ, но русская церковь не имѣла тогда патріарха; на мѣсто свергнутаго Іова былъ возведенъ архіепископъ рязанскій Игнатій, родомъ грекъ, прежде бывшій архіепископъ кипрскій, пришедшій въ Россію при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ. Когда Димитрій былъ въ Тулѣ, Игнатій, къ епархіи котораго принадлежалъ этотъ городъ, встрѣтилъ царя, признаваемаго всѣми за истиннаго сына Ивана Грознаго: за это онъ получилъ сперва патріаршеское достоинство, за это же послѣ свергнутъ, какъ еретикъ, и осыпанъ укорами отъ современниковъ и потомковъ. Новый патріархъ разослалъ по всѣмъ областямъ грамоты съ извѣщеніемъ о восшествіи Димитрія на престолъ, о возведеніи его, Игнатія, въ патріаршеское достоинство, по царскому изволенію, при чемъ предписывалъ молиться за царя и царицу-мать, между прочимъ: «возвысилъ бы Господь Богъ ихъ царскую десницу надъ латинствомъ и бесерменствомъ» (4).

Но прежде еще царскаго вѣнчанія, Димитрію нужно было, для народнаго и собственнаго удостовѣренія, свидѣться съ матерью и возвратить ей царскія почести: мы видѣли, что присяга была взята на ея имя. Великій мечникъ (новое званіе, учрежденное Димитріемъ)

(1) Акты арх. эксп. II, № 224.

(2) Никон. VIII, 70, 71. Быть можетъ нѣкоторые спросятъ: почему Лжедимитрій не объявилъ прямо, что онъ извѣстное время скрывался подъ монашескою рясою? — Онъ не могъ этого сдѣлать, боясь соблазна: народъ не могъ бы съ удовольствіемъ видѣть на престолѣ разстригу, хотя и сына Грознаго.

(3) Москов. хрон. стр. 61.

(4) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 92.

князь Михайла Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій былъ посланъ за инокинею Мареою Өедоровною и привезъ ее въ Москву; царь встрѣтилъ ее въ селѣ Тайнинскомъ и имѣлъ съ нею свиданіе наединѣ, въ шатрѣ, раскинутомъ близь большой дороги; Мареа, по свидѣтельству одного иностранца ([1]), очень искусно представляла нѣжную мать. Здѣсь мы должны сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія насчетъ этого явленія. По убіеніи Лжедимитрія, новый царь, Василій Ивановичъ Шуйскій, разослалъ грамоты отъ имени царицы Мареы, въ которыхъ она отрекалась отъ Лжедимитрія: по словамъ грамоты, онъ «вѣдовствомъ и чернокнижествомъ назвалъ себя сыномъ Царя Ивана Васильевича, и омраченіемъ бѣсовскимъ прельстилъ въ Польшѣ и Литвѣ многихъ людей, и насъ самихъ (Мареу) и родителей нашихъ устрашилъ смертію; а язъ бояромъ и дворяномъ и всѣмъ людемъ, о томъ объявила прежъ сего тайно, а нынѣ всѣмъ явно, что онъ не нашъ сынъ царевичъ Дмитрей, воръ, богоотступникъ, еретикъ. А какъ онъ своимъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ пріѣхалъ изъ Путивля къ Москвѣ, и онъ, вѣдая свое воровство, по насъ не посылалъ многое время, а прислалъ къ намъ *своихъ совѣтниковъ, а велѣлъ того беречи накрѣпко, чтобы къ намъ никто не приходилъ, и съ намибъ объ немъ никто не разговаривалъ;* а какъ велѣлъ насъ къ Москвѣ привести, и онъ на встрѣчѣ былъ у насъ одинъ, а бояръ и иныхъ никакихъ людей съ собою пускать къ намъ не велѣлъ, и говорилъ намъ съ великимъ прещеньемъ, чтобъ мнѣ его не обличити, претя намъ и всему нашему роду смертнымъ убивствомъ, чтобъ намъ тѣмъ на себя и на весь родъ свой злыя смерти не навести, и посадилъ меня въ монастырь, и приставилъ ко мнѣ потомужъ *своихъ совѣтниковъ,* и остерегати того велѣлъ накрѣпко, чтобъ его воровство было не явно, а я, для его пристрастья, объявити въ народѣ его воровство явно не смѣла» ([2]). — Мареа говоритъ, или за нее говорятъ, что Лжедимитрій прислалъ за нею своихъ совѣтниковъ, но кого именно, объ этомъ ни слова, тогда какъ это всего важнѣе: кто были именно совѣтники лжедимитріевы, которые знали объ его самозванствѣ и между тѣмъ дѣйствовали въ его пользу? или этихъ совѣтниковъ не существовало вовсе, а если существовали, то теперь были такъ могущественны, что именъ ихъ нельзя было открыть народу; намъ извѣстно только то, что Димитрій посылалъ за Мареою князя Михайла Васильевича Скопина-Шуйскаго!!! Слѣдовательно, Скопинъ былъ главнымъ изъ этихъ совѣтниковъ Лжедимитрія, которому приказано было беречь накрѣпко, чтобъ къ Мареѣ никто не приходилъ и не разговаривалъ

([1]) Москов. хрон. стр. 62.

([2]) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 146.

съ нею о царѣ... Далѣе Мароа говоритъ, что по пріѣздѣ ея въ Москву Лжедимитрій посадилъ ее въ монастырь и приставилъ къ ней своихъ совѣтниковъ, и опять молчитъ, кто были эти совѣтники.

Черезъ три дня по пріѣздѣ матери, Лжедимитрій вѣнчался на царство; это торжество, по обыкновенію, было ознаменовано милостями: Нагіе — мнимые родственники царя, - Романовы и другіе вельможи, потерпѣвшіе гоненія отъ Бориса, были призваны ко двору; старецъ Филаретъ Никитичъ Романовъ посвященъ въ санъ ростовскаго митрополита, жена же его съ сыномъ остались жить въ костромскомъ ипатьевскомъ монастырѣ (построенномъ предками Годунова). Бывшій царь касимовскій и великій князь тверской, Симеонъ былъ также вызванъ изъ ссылки и явился при дворѣ съ прежнею честію: сынъ Ивана Грознаго не боялся его совмѣстничества, какъ боялся бояринъ Годуновъ; не боялся онъ и родственниковъ послѣдняго, и не хотѣлъ мстить имъ: Годуновы остались при воеводскихъ мѣстахъ. Думу новаго царя составили четыре разряда сановниковъ: 1) сановники духовные: патріархъ, четыре митрополита, семь архіепископовъ и три епископа; вѣроятно духовные члены думы должны были являться въ нее только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, потому-что нельзя же было навсегда отлучить ихъ отъ епархій. 2) Бояре; изъ нихъ первое мѣсто занималъ князь Өеодоръ Ивановичъ Мстиславскій, за нимъ слѣдовали братья Василій и Димитрій Ивановичи Шуйскіе, четвертое мѣсто занималъ мнимый дядя царя, конюшій Михайла Өеодоровичъ Нагой; восемнадцатое Петръ Өеодоровичъ Басмановъ, двадцать пятое Иванъ Никитичъ Романовъ, двадцать девятое Бѣльскій и послѣднее князь Михайла Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. 3) Окольничіе, между которыми съ удивленіемъ видимъ дьяковъ — Василія Щелкалова и Аөанасія Власьева. 4) Думные дворяне (¹).

Не проходило дня, когда бы Димитрій не присутствовалъ въ думѣ. Иногда слушая долговременныя, безплодныя пренія членовъ, онъ смѣялся и говорилъ: «Столько часовъ вы разсуждаете, а все безъ толку! Такъ я вамъ скажу: дѣло вотъ въ чемъ!» — и въ минуту, ко всеобщему удивленію, рѣшалъ такія дѣла, надъ которыми сановитые бояре сильно призадумывались. Онъ былъ краснорѣчивъ, любилъ приводить примѣры изъ исторіи разныхъ народовъ или разсказывать случаи собственной жизни; нерѣдко, впрочемъ всегда ласково, упрекалъ членовъ думы въ невѣжествѣ, говоря, что они ничего не видали, ничему не учились; обѣщалъ дозволить имъ посѣщать чужія земли, гдѣ могли бы они хотя нѣсколько образоваться. Димитрій велѣлъ объявить народу, что два раза въ недѣлю, по середамъ и субботамъ,

(¹) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 93.

будетъ самъ принимать на крыльцѣ челобитья, а для облегченія бѣдныхъ, изнуряемыхъ долговременными и дорого стоющими тяжбами, предписалъ приказамъ рѣшать дѣла безъ всякихъ посуловъ; какъ русскимъ, такъ и чужеземцамъ, далъ свободу въ торговлѣ и промышленности (1). Есть извѣстіе, будто на совѣтъ приближенныхъ къ себѣ поляковъ о предпринятіи строгихъ мѣръ противъ подозрительныхъ людей, Димитрій отвѣчалъ, что онъ прежде далъ обѣтъ Богу не проливать христіанской крови, что есть два средства удерживать подданныхъ въ повиновеніи: одно — быть мучителемъ, другое — расточать награды, не жалѣя ничего, и что онъ избралъ послѣднее. Такъ онъ велѣлъ заплатить всѣ тѣ суммы, которыя были взяты еще при Грозномъ въ видѣ государственнаго займа, и не отданы; жалованье служилымъ людямъ было удвоено (2); духовенству подтверждены старыя льготныя грамоты и даны новыя (3); мало того, Димитрій послалъ на триста рублей соболей во Львовъ для сооруженія тамъ православной церкви, при чемъ въ грамотѣ къ тамошнему духовенству пишетъ: «Видя васъ несумнѣнныхъ и непоколебимыхъ въ нашей истинной правой христіанской вѣрѣ Греческаго закона, мы послали къ вамъ отъ нашей царской казны» и проч. (4). Касательно низшихъ сословій въ правленіе Димитрія сдѣланы два слѣдующія распоряженія: во-первыхъ, запрещено брать кабалы на холопство отцу вмѣстѣ съ сыномъ, брату съ братомъ и дядѣ съ племянникомъ (5). Второй замѣчательный боярскій приговоръ касается бѣглыхъ крестьянъ (6) и состоитъ въ слѣдующемъ: если землевладѣлецъ будетъ бить челомъ на крестьянъ, сбѣжавшихъ съ его земли за годъ до бывшаго голода, то бѣглецовъ сыскивать и отдавать старымъ землевладѣльцамъ. Если крестьяне бѣжали къ другимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ въ голо-

(1) Москов. хрон. стр. 62; Акты ист. II, № 56.

(2) Собр. гос. гр. и дог. II, № 121.

(3) Акты историч. II, №№ 58, 59, 60, 64, 347; Акты арх. эксп. II, № 42; Сборн. Мухан. № 135, 136, 137.

(4) Собр. гос. гр. и дог. II, № 130.

(5) Акты истор. II, № 63: «Приговорили бояре: которые дѣти боярскіе, и приказные люди, и гости и торговые всякіе люди, учнутъ имати на людей кабалы, а въ кабалахъ напишутъ, занялъ у него да у сына его денги и кабалу имъ на себя даетъ, и тѣхъ кабалъ, отцу съ сыномъ, писати и въ книги записывати не велѣти, а велѣти писати кабалы порознь, отцу опроченная кабала, а сыну опроченная кабала, и сыну съ отцомъ, и брату съ братомъ, и дядѣ съ племянникомъ, на людей кабалъ писати и въ книги записывати не велѣти. А которые люди, отецъ съ сыномъ, или братъ съ братомъ, на которыхъ людей, по служилымъ кабаламъ, учнутъ холопьства искати, и тѣмъ истцомъ по тѣмъ кабаламъ отказывати; а тѣхъ людей, на кого они кабалы положатъ, освободити отъ нихъ на волю».

(6) Акты арх. эксп. II, № 40.

дные годы, но съ имуществомъ, которымъ прокормиться имъ было можно, такихъ велѣно было также сыскивать и отдавать старымъ помѣщикамъ и вотчинникамъ. Если крестьяне бѣжали далеко, напр. изъ подмосковныхъ городовъ на Украйну, и обратно, и пошли отъ старыхъ помѣщиковъ съ имѣніемъ, но растеряли его дорогою и пришли къ другимъ помѣщикамъ въ бѣдности, про такихъ велѣно было спрашивать окольныхъ людей стараго помѣстья, и если окольные люди скажутъ, что крестьянинъ былъ прежде не бѣденъ и сбѣжалъ отъ помѣщика или вотчинника съ имѣніемъ, достаточнымъ для прокормленія, въ такомъ случаѣ бѣглеца отдать прежнему помѣщику или вотчиннику; если же окольные люди скажутъ, что крестьянинъ бѣжалъ отъ помѣщика въ голодные годы, отъ бѣдности, нечѣмъ было ему прокормиться, въ этомъ случаѣ бѣглецу жить за тѣмъ, кто кормилъ его въ голодные годы, а истцу отказать: «не умѣлъ онъ крестьянина своего кормить въ тѣ голодныя лѣта, а нынѣ его не пытай». — Если крестьяне, въ голодные годы, перешли въ холопы къ своимъ или стороннимъ помѣщикамъ или вотчинникамъ и дали на себя служилыя кабалы, а потомъ старые помѣщики или вотчинники станутъ ихъ опять вытягивать къ себѣ въ крестьяне, въ такомъ случаѣ сыскивать накрѣпко: «будетъ сошелъ отъ бѣдности и животовъ у него не было ничего, и тѣмъ истцамъ отказывать: въ голодныя лѣта тотъ помѣщикъ или вотчинникъ прокормить его не умѣлъ, а собою ему прокормиться не въ мочь, и отъ бѣдности, не хотя голодною смертью умереть, билъ челомъ въ холопи, а тотъ его принялъ, въ голодные годы прокормилъ и себя истощилъ, проча себѣ, и нынѣ того крестьянина изъ холопства въ крестьяне не отдавать, а быть ему у того, кто его въ голодныя лѣта прокормилъ, *а не отъ самыя бы нужи, въ холопи онъ не пошелъ»*. Это выраженіе показываетъ большую разницу, существовавшую между состояніемъ холопей и крестьянъ, при чемъ послѣднее было несравненно лучше, выгоднѣе перваго: крестьянинъ былъ относительно человѣкъ вольный и хозяинъ самостоятельный, онъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ, но не былъ слугою помѣщика или вотчинника. Димитрію, при его положеніи, совершенно невозможно было возстановить по прежнему Юрьевъ день: это повело бы къ сильнымъ волненіямъ и безпорядкамъ, при чемъ военное, служилое сословіе, въ которомъ царь имѣлъ такую нужду, затѣвая борьбу съ турками, могло не явиться подъ знамена, отозвавшись опустѣніемъ помѣстій, покинутыхъ крестьянами; до новаго, лучшаго военнаго устройства нельзя было и думать о перемѣнѣ годуновскаго закона; правительство могло только убѣждать помѣщиковъ и вотчинниковъ въ томъ, что ихъ собственныя выгоды тѣсно связаны съ благосостояніемъ крестьянъ, у нихъ живущихъ, — что землевладѣ-

лецъ, отказавшійся помочь крестьянину въ нуждѣ, прокормить его во время голода, лишается всякаго на него права. — Далѣе въ приговорѣ сказано: если кабальный человѣкъ станетъ оттягиваться, будетъ говорить, что помѣщикъ взялъ его во дворъ съ пашни насильно, а ему прокормиться было нечѣмъ, въ такомъ случаѣ сыскивать по крѣпостямъ: если крѣпости будутъ записаны въ книги, въ Москвѣ или другихъ городахъ, то холопъ утверждается за господиномъ, потому что если бы кабала была взята насильно, то крестьянинъ долженъ бить челомъ у записки; если же кабалы въ книги не записаны, то тѣмъ и вѣрить нечего. Если же крестьяне бѣжали за годъ до голоду или годъ спустя послѣ него, такихъ сыскивать и отдавать прежнимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, въ случаѣ же спора давать судъ; равно, если крестьяне пошли въ холопы до голода, то обращать ихъ снова въ крестьянство. Приговоръ заключается подтвержденіемъ стараго указа: на бѣглыхъ крестьянъ далѣе пяти лѣтъ суда не давать. — Милости новаго царя достигли и отдаленныхъ остяковъ: притѣсненные верхотурскими сборщиками ясака, остяки просили царя, чтобъ велѣлъ сбирать съ нихъ ясакъ по-прежнему, изъ Перми Великой; Димитрій сдѣлалъ болѣе: онъ освободилъ ихъ совершенно отъ сборщиковъ, приказавъ самимъ отвозить ясакъ въ Верхотурье (¹).

Окончательно убѣжденный въ своемъ царственномъ происхожденіи радушнымъ пріемомъ и ликованіемъ народа, Димитрій отпустилъ польское войско, выдавъ должное ему за походъ жалованье; но этотъ сбродъ, привыкшій жить и у себя на чужой счетъ, хотѣлъ подолѣе повеселиться на счетъ царя московскаго: взявши деньги, поляки остались въ Москвѣ, начали держать по десяти слугъ, нашили имъ дорогого платья, а пропировавши и проигравши все, снова обратились къ царю съ просьбами; когда же тотъ отказалъ имъ, они возвратились въ отечество, громко жалуясь на неблагодарность Димитрія (²).

Но дѣйствуя такимъ образомъ на поприще правительственномъ, Димитрій хотѣлъ быть свободенъ въ своей частной жизни, слѣдовать привычкамъ, полученнымъ на чужбинѣ, во время жизни страннической, исполненной опасностями всякаго рода; съ такими привычками, и еще болѣе съ природою, склонною къ такимъ привычкамъ, природою пылкою, страстною, легко увлекающеюся и дѣятельною, Димитрій не могъ подчиниться обычаямъ тогдашняго московскаго двора; кромѣ того, при дворѣ Сигизмунда и при маленькихъ дворахъ польскихъ магнатовъ онъ не могъ не прельститься роскошными, приманчивы-

---

(¹) Акты истор. II, № 62.
(²) Собр. гос. гр. и дог. II, № 121. Карамз. XI, примѣч. 372.

ми плодами внѣшней цивилизаціи : все это разрознило его потребности съ потребностями людей, его окружавшихъ , отчудило его понятія отъ понятій народа , надъ которымъ судьба дала ему господство. За столомъ царскимъ Димитрій ввелъ музыку и пѣніе , отмѣнилъ древніе обряды , не молился иконамъ передъ обѣдомъ , не умывалъ рукъ при концѣ , послѣ стола не ложился спать , но употреблялъ это время для осмотра казны и для посѣщенія ремесленниковъ , при чемъ уходилъ изъ дворца самъ-другъ, безъ всякой пышности. Иностранцы отзывались о немъ , что это былъ герой , воспитанный въ доброй школѣ, много видѣвшій и много испытавшій ([1]) ; не такъ думали москвитяне : то , что быть можетъ они терпѣливо снесли бы отъ истиннаго сына Грознаго , среди нихъ взросшаго и воспитаннаго , то самое теперь повело ихъ къ мысли , что человѣкъ , измѣнившій обычаямъ предковъ , не можетъ быть государемъ прирожденнымъ на царствѣ русскомъ. Для достиженія своихъ цѣлей принявши тайно католицизмъ , Димитрій , какъ мы видѣли уже и еще болѣе увидимъ впослѣдствіи , вовсе не хотѣлъ его распространенія въ Московскомъ государствѣ , какъ дѣла невозможнаго и безсмысленнаго : здѣсь онъ дѣйствовалъ болѣе по расчетамъ ума , потому-что , какъ видно , не былъ привязанъ сердечно къ православію ; однако , съ другой стороны считалъ вреднымъ разорвать вдругъ связь съ западомъ , навлечь непріязнь папы и Сигизмунда, преданнаго іезуитамъ : папа, и вообще пособіе запада были нужны Димитрію для замышляемой войны съ Турціею ; пріязнь Сигизмунда была нужна ему еще по другой причинѣ : онъ былъ влюбленъ въ его подданную, Марину Мнишекъ, которую хотѣлъ какъ можно скорѣе видѣть въ Москвѣ , при чемъ зналъ, что семейство Мнишекъ сильно предано католицизму; слѣдовательно, открытое нерасположеніе къ послѣднему могло помѣшать желанному браку. Всѣ эти причины могли заставить Димитрія не разрывать пока связи съ латинскимъ духовенствомъ, и іезуиты получили помѣщеніе въ Кремлѣ , гдѣ позволено было имъ служить латинскую обѣдню ([2]); говорятъ, что на вопросъ одного изъ русскихъ вельможъ, правда ли, что онъ хочетъ построить для поляковъ въ Москвѣ церковь ? Димитрій отвѣчалъ: почему мнѣ этого не сдѣлать; они христіяне и оказываютъ мнѣ вѣрныя услуги ; вы позволили же имѣть свою церковь и школу еретикамъ? ([3]). Какъ бы то ни было, презрѣніе къ народнымъ обычаямъ, и посылки въ Польшу за невѣстою , безбожною латинкою и луторкою , особенно же безразсудное поведеніе поляковъ въ Мос-

---

([1]) Москов. хрон. 63, 64, 65.
([2]) Demy, въ Сказ. Соврем. 147.
([3]) Adelung, Übers. der Reis. II, стр. 168.

кв҃ (1) возбудили негодованіе; имъ спѣшили воспользоваться, явились обличители: какой-то монахъ сказалъ всенародно, что Димитрій извѣстенъ ему съ дѣтства подъ именемъ Отрепьева, учился у него грамотѣ и жилъ съ нимъ вмѣстѣ въ одномъ монастырѣ (2); говорятъ, будто этого монаха умертвили тайно въ темницѣ. Тогда-то Шуйскіе съ товарищами, отдѣлавшись отъ Годунова посредствомъ Самозванца, начали думать, что пришло время отдѣлаться и отъ послѣдняго. Мы видѣли, что Шуйскіе всегда имѣли сильную сторону въ торговыхъ людяхъ московскихъ: и теперь старшій въ семьѣ, князь Василій Ивановичъ, съ братомъ Димитріемъ, начали распускать слухъ между купцами, что новый царь самозванецъ; эти слухи съ именемъ ихъ виновника дошли до Басманова, который донесъ о нихъ Димитрію; Шуйскихъ схватили (3). При этомъ случаѣ царь возобновилъ обычай мнимаго отца своего, Ивана Грознаго, и должно сказать, что обычай этотъ былъ употребленъ чрезвычайно умно и прилично. Димитрій созвалъ Соборъ (4) для суда надъ Шуйскимъ: т. е. отдалъ дѣло свое на судъ всего Московскаго государства: все государство признало его истиннымъ Димитріемъ, пусть же теперь подтвердитъ это избраніе и разсудитъ между нимъ и Шуйскимъ, который виновенъ не столько передъ царемъ, сколько передъ царствомъ, потому-что не Димитрій только обличенъ въ обманѣ, но вся земля, признавшая его истиннымъ сыномъ Грознаго. Соборъ единогласно осудилъ Шуйскаго на смертную казнь, которая однако не была исполнена: Шуйскаго помиловали при самой плахѣ и сослали, вмѣстѣ

---

(1) Объ этомъ свидѣтельствуютъ сами польскіе писатели: Io. Inno. Petricii — Historiae Moschoviticae, l. p. 84: Ea inter, orta ex otio et secundis rebus, in nostris militibus insolentia, propè res fortunamque Demetrii afflixit: Ut domi, ac inter suos cum formido abest, et vis tunc virtusque in injuria et lingua sita est, perinde premere et divexare suos hospites, quamquam aliquibus copiae familiares tenues aut nullae, quicquid tamen liberet indicere, praeter alimenta, vinum ac cupedias, aes quandoque extorquere, negantibus, in oculis carissima abducere, rapere, trahere. Neque in copia modestius se gerere, pecuniam profundere, per turpitudinem abuti, luxu consumere, potare, amare, nihil pensi aut moderati habere, mero turbidi per urbem vagari ac diffundi, lupanaria pererrare, obviis vulnera inferre, adversus laesos et conquerentes, arma velut ad proelia hostesque expedire. Queis vulgus concitatum, questus in Demetrium verterat transtuleratque tanquam juberet, quicquid auctoritate sua non vetaret.

(2) Карамз. XI, примѣч. 404.

(3) Сказаніе и повѣсть, еже содѣяся. Въ Чтеніяхъ Москов. Истор. Общ. 1847 № 9, стр. 17.

(4) Никон. VIII, 71. — Ciampi, Bibliogr. Crit. Андрей Лавицкій, въ письмѣ ol padre provinciale di Polonia, говоритъ, что Димитрій на Соборѣ обличилъ Шуйскаго въ клеветѣ, доказавши, что онъ, царь, никогда не думалъ объ истребленіи православія.

съ братьями, въ галицкіе пригороды, отобравъ имѣніе въ казну; но не успѣли еще осужденные достигнуть мѣста своего заточенія, какъ ихъ возвратили опять въ Москву, отдали имущество и прежнее значеніе при дворѣ и въ думѣ. Но такая милость не много помогла; обличенія продолжались: въ Галичѣ Отрепьевы, мать, братъ и дядя Лжедимитрія, объявляли гласно о настоящемъ происхожденіи царя; дядю сослали въ Сибирь, мать и брата не тронули: ([1]) могъ ли Димитрій жестоко поступить съ тою, которую долго называлъ своею матерью, и которой странное для него упорство быть можетъ возбуждало въ немъ такія же подозрѣнія, какія возбуждало оно и въ его подданныхъ. Изъ среды московскихъ гражданъ были схвачены и казнены еще двое обличителей: дворянинъ Петръ Тургеневъ и мѣщанинъ Ѳедоръ Калачникъ. Такія явленія не могли внушить Димитрію довѣренности къ московскому народонаселенію, и потому онъ учредилъ стражу изъ нѣмцевъ. Несмотря однако на это, Димитрій не хотѣлъ приносить интересы своихъ подданныхъ въ жертву иноземцамъ. Такъ однажды поляки затѣяли ссору съ русскими; отъ насмѣшекъ и брани дѣло дошло до драки. Самозванецъ прислалъ сказать полякамъ, чтобы выдали зачинщиковъ; тѣ, вмѣсто послушанія, начали еще больше шумѣть, и дѣло грозило кончаться кровопролитіемъ; въ такой крайности Димитрій повѣстилъ полякамъ, что если они выдадутъ зачинщиковъ, то онъ обѣщается не казнить ихъ. Виновные были выданы и засажены въ тѣсную тюрьму, изъ которой послѣ отпущены къ своимъ ([2]).

Между тѣмъ какъ все это происходило въ Москвѣ, дѣятельно шли сношенія внѣшнія, преимущественно съ Польшею и Римомъ; двѣ были главныя цѣли этихъ сношеній: бракъ царя съ Мариною Мнишекъ и союзъ христіанскихъ державъ противъ Турокъ, котораго Димитрій хотѣлъ быть главою. Римъ и Польша преслѣдовали другія цѣли, болѣе интересныя; но Димитрій не думалъ уступить чуждымъ интересамъ, какъ будетъ видно изъ подробностей.

Скоро послѣ воцаренія Димитрія, нареченный тесть его Юрій Мнишекъ прислалъ къ боярамъ и всему московскому *рыцарству* надменное, оскорбительное письмо, въ которомъ называлъ себя началомъ и причиною возвращенія димитріева на престолъ предковъ, и обѣщался, какъ скоро прибудетъ въ Москву, способствовать увеличенію правъ для бояръ и дворянъ ([3]). Бояре Мстиславскій и Воротынскій съ товарищами отвѣчали воеводѣ просто, но съ соблюденіемъ достоинства своего и государева: «Въ грамотѣ своей къ намъ

([1]) Палиц. 24.

([2]) Petricii, Hist. Moschov. I. 1, p. 86.

([3]) Собр. гос. гр. и дог. II, № 94.

писалъ ты и рѣчью приказывалъ съ посланцемъ своимъ, что ты великому государю нашему въ дохожденьи прирожденныхъ государствъ его служилъ и промышлялъ съ великимъ радѣньемъ, и впередъ служить и во всемъ добра хотѣть будешь: и мы тебя за то хвалимъ и благодаримъ» ([1]). Димитрій, какъ уже выше было замѣчено, влюбленный въ дочь Мнишка, не думалъ отказываться отъ своего обѣщанія и немедленно отправилъ прежняго дьяка, теперь окольничаго, Аѳанасія Власьева въ Краковъ испросить согласіе короля Сигизмунда на бракъ его подданной съ государемъ московскимъ. Любопытны два наказа, данные Димитріемъ секретарю своему Яну Бучинскому касательно переговоровъ со Мнишкомъ и встрѣчи невѣсты: изъ нихъ можно усмотрѣть уступчивость его требованіямъ и обычаямъ своего народа, неспособность его къ предпріятію крутыхъ, насильственныхъ мѣръ относительно послѣдняго; такъ, напримѣръ, Димитрій домогался у Мнишка, чтобъ тотъ выпросилъ у легата позволеніе Маринѣ причаститься у обѣдни изъ рукъ патріарха, безъ чего не будетъ коронована, — чтобъ ей позволено было ходить въ русскую церковь, хотя впрочемъ тайно можетъ удерживать прежній законъ, — чтобъ по субботамъ ѣла мясо, а по середамъ постилась, какъ велитъ церковь русская, — чтобъ въ головномъ уборѣ наконецъ сообразовалась также съ русскимъ обычаемъ ([2]).

Сигизмундъ согласился на бракъ Марины съ Димитріемъ; говорятъ однако, будто прежде, въ частной аудіенціи, онъ предложилъ Власьеву, что не лучше ли было бы царю не спѣшить бракомъ съ Мариною, а подождать невѣсты болѣе знаменитой, которую онъ, король, берется ему высватать; Власьевъ отвѣчалъ, что государь его принялъ крѣпкое намѣреніе сдержать данное слово. Увѣряли, что Сигизмундъ хотѣлъ женить Димитрія на одной изъ своихъ родственницъ ([3]). Но скоро король получилъ причину радоваться отказу Власьева: въ Краковъ явился какой-то шведъ и привезъ Сигизмунду извѣстіе отъ царицы Мароы, что Димитрій не есть ея сынъ; говорятъ, будто бы къ этому побудило Мароу намѣреніе Самозванца выкинуть тѣло царевича Димитрія изъ царской гробницы и похоронить на общемъ кладбищѣ ([4]); Сигизмундъ тотчасъ объявилъ Мнишку объ этомъ извѣстіи. Послѣдній хотя, повидимому, не обратилъ на него вниманія, однако необыкновенная медленность его въ сборахъ къ путешествію и въ самой дорогѣ, медленность, выводившая изъ

([1]) Тамъ же.

([2]) Собр. гос. гр. и дог. II, № 105.

([3]) Giraldi, Neri, Lettere al G. Duca di Toscana, y Ciampi — Bibliogr. Critica.

([4]) Рукопись Жолкѣвскаго, стр. 17 и 18.

терпѣнія Димитрія, свидѣтельствуетъ, что Мнишекъ чего-то опасался, ждалъ подтвержденія своихъ опасностей и, не видя его, рѣшился кончить дѣло, столь увлекательное для его честолюбія. Обрученіе совершено было въ Краковѣ, съ большою пышностію, въ присутствіи короля ([1]). Власьевъ, представитель Димитрія при обрученіи, никакъ не могъ понять своего положенія и смѣшилъ всѣхъ своими выходками: такъ, напримѣръ, на обыкновенный вопросъ кардинала, совершавшаго обрядъ обрученія, не давалъ ли царь обѣщанія другой невѣстѣ, Власьевъ отвѣчалъ: «А мнѣ какъ знать? о томъ мнѣ ничего не наказано!» и потомъ, когда настоятельно требовали рѣшительнаго отвѣта, сказалъ: «Если бы обѣщалъ другой невѣстѣ, то и не слалъ бы меня сюда.» Благоговѣя передъ особою будущей царицы, онъ никакъ не хотѣлъ взять Марину просто за руку, но обвертывалъ прежде свою руку въ чистый платокъ и всячески старался, чтобъ платье его никакъ не прикасалось къ платью Марины. Когда послѣ обѣда король приглашалъ его танцовать съ послѣднею, то онъ отказался, говоря, что недостоинъ дотронуться до царицы; за столомъ отказывался ѣсть, отвѣчая на приглашенія королевскія, что не годится ѣсть холопу съ монархами, довольно ему и смотрѣть на нихъ. Ясно послѣ того, съ какимъ негодованіемъ долженъ былъ смотрѣть Власьевъ, когда Марина стала на колѣни предъ королемъ, чтобъ благодарить его за всѣ милости: посланникъ громко жаловался на такое униженіе будущей царицы московской ([2]).

Исполняя желаніе Димитрія, Власьевъ требовалъ, чтобы Мнишекъ съ дочерью ѣхалъ немедленно въ Москву; но воевода медлилъ, отзываясь недостаткомъ въ деньгахъ для уплаты долговъ, хотя изъ Москвы пересланы къ нему огромныя суммы, и Димитрій просилъ спѣшить пріѣздомъ, несмотря на великіе расходы ([3]): мы замѣтили уже, что не одинъ недостатокъ въ деньгахъ могъ быть причиною медленности Мнишка; такъ въ письмѣ своемъ къ Димитрію онъ говоритъ, что въ Польшѣ много людей ему преданныхъ, но также много и злодѣевъ, которые распускаютъ о немъ разные нелѣпые слухи, и потомъ намекаетъ на одну изъ причинъ своего замедленія, именно на

([1]) Чилли пишетъ, что Сигизмундъ не хотѣлъ совершить обрученія Марины съ Власьевымъ въ собственномъ дворцѣ — forse per degni rispetti da tutti non penetrati. Чьямпи доказываетъ при этомъ, что король и прежде предлагалъ Власьеву обождать обрученіемъ съ Мариною для того, чтобъ избавить послѣднюю отъ незавидной участи раздѣлять ложе съ Самозванцемъ; но слова Джиральди прямо противорѣчатъ этой догадкѣ. См. выше.

([2]) Porradek, albo wypisanie Slubin Posla, W. K. Dimitra Iwanowicza, z Woiewodzianką Sandomirską. — У Нѣмцевича, т. II, стр. 361.

([3]) Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 110.

связь царя съ дочерью Годунова, Ксеніею, и проситъ ея удаленія (1). Димитрій поспѣшилъ исполнить требованіе нареченнаго тестя, и Ксенія была пострижена, подъ именемъ Ольги (2). Несмотря на то однако, Мнишекъ медлилъ; Димитрій сердился; особенно досадовалъ онъ на невѣсту, которая не отвѣчала ему на письма, сердясь на него за связь съ Ксеніею; несчастный Власьевъ, который дожидался на границѣ пріѣзда Марины, писалъ къ отцу ея: «Сердцемъ и душею скорблю и плачу о томъ, что все дѣлается не потому, какъ вы сами договорились, и какъ къ цесарскому величеству, по вашему договору, писано; и великому государю нашему въ томъ великая кручина; и чаю, велитъ за то надо мною опалу свою и казнь учинить, что вы замешкались. А по цесарскаго величества указу, на рубежѣ для великой государыни нашей цесаревы и вас присланы ближніе бояре и дворяне и многій дворъ царскій; и живучи со многими людьми и лошадьми, проѣдаются» (3). Самъ царь писалъ къ нареченному тестю; выговаривалъ ему, что онъ не только не даетъ о себѣ никакого извѣстія, но даже задерживаетъ гонцовъ московскихъ. Наконецъ Власьевъ, ждавшій понапрасну цѣлый мѣсяцъ Мнишковъ въ Слонимѣ, рѣшился самъ ѣхать къ нимъ въ Самборъ; его увѣщанія подѣйствовали, и Марина выбралась въ дорогу съ огромною свитою родныхъ и близкихъ знакомыхъ; по дорогѣ и въ Москвѣ встрѣчали ее съ необыкновенною пышностію; бракъ совершился по стариннымъ обрядамъ русскимъ, но къ нему присоединилась новость неслыханная: Марина была коронована.

Но вмѣстѣ съ переговорами относительно брака шли другіе, касавшіеся дѣлъ государственныхъ. Еще до отъезда Власьева въ Краковъ прибылъ въ Москву посолъ Сигизмунда, Александръ Гонсѣвскій, поздравить Димитрія съ восшествіемъ на престолъ. Казалось, что Димитрій, въ благодарность за оказанныя услуги, будетъ сохранять вѣчную и тѣсную дружбу съ Польшею; но вышло иначе, и по самой естественной причинѣ: польское правительство, надѣясь на благодарность Димитрія, въ требованіяхъ своихъ переходило границы, что необходимо раздражало его. Неудовольствіе началось за тотъ же самый предметъ, который постоянно былъ источникомъ несогласій и споровъ между обоими дворами, именно за титулъ государя московскаго. Сигизмундъ хотѣлъ отнять у Димитрія царскій титулъ и въ грамотахъ своихъ къ нему велѣлъ надписывать просто: великому князю и господарю; притомъ, чтобъ испугать Димитрія и сдѣлать его

(1) Тамъ же, № 110.

(2) Говорятъ, будто она имѣла сына отъ Димитрія. Pierre de Laville, у Аделунга, Uebersicht der Reis. II, 224.

(3) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 117.

уступчивѣе, Гонсѣвскій извѣстилъ его, что въ Польшѣ пронесся слухъ, будто Борисъ Годуновъ живъ и скрывается въ Англіи, и что на этомъ основаніи Сигизмундъ, какъ вѣрный другъ московскаго государя, велѣлъ пограничнымъ воеводамъ быть на-готовѣ и при первомъ движеніи непріятелей Димитрія спѣшить на помощь послѣднему. Далѣе посолъ требовалъ, чтобъ Димитрій не обходился съ Густавомъ шведскимъ, какъ съ сыномъ королевскимъ, но посадилъ бы его въ заключеніе, потому-что этотъ принцъ можетъ быть соперникомъ Сигизмунду относительно шведскаго престола; требовалъ также, чтобъ Димитрій отослалъ къ Сигизмунду шведскихъ пословъ, которые будутъ къ нему отъ Карла IX, — требовалъ отпуска посольскихъ военныхъ людей съ полнымъ вознагражденіемъ за ихъ услуги, — для польскихъ купцовъ свободной торговли въ Московскомъ государствѣ, — просилъ позволенія для Хрипуновыхъ, отъѣхавшихъ въ Польшу при Годуновѣ, возвратиться опять въ отечество, — наконецъ просилъ розыскать о сношеніяхъ виленскаго посадника Гольшаницы съ Годуновымъ (¹).

Кротко, учтиво, съ полнымъ соблюденіемъ своего достоинства, но съ замѣтною холодностію отвѣчалъ Димитрій на каждый пунктъ рѣчи Гонсѣвскаго: «Хотя мы ни мало не сомнѣваемся въ смерти Бориса Годунова, и потому не боимся съ этой стороны никакой опасности, однако съ благодарностію принимаемъ предостереженіе королевское, потому-что всякій знакъ его расположенія для насъ пріятенъ; усердно благодаримъ также короля за приказъ, данный старостамъ украинскимъ. Карлу шведскому мы пошлемъ суровую отповѣдь, однако подождемъ еще, въ какихъ отношеніяхъ будемъ сами находиться съ королемъ, потому что сокращеніе нашихъ титуловъ, сдѣланное его величествомъ, возбуждаетъ въ душѣ нашей подозрѣніе на счетъ его искренней пріязни. Густава хотимъ держать у себя не какъ князя или королевича шведскаго, но просто какъ человѣка ученаго. Если Карлъ шведскій отправитъ пословъ въ Москву, то я дамъ знать королю, съ чѣмъ они къ намъ будутъ, а потомъ уже снесусь съ его величествомъ, что должно будетъ предпринять далѣе. Воиновъ, которые намъ до сихъ поръ служили, какъ и прежде не задерживали, такъ и теперь всѣхъ отпускаемъ свободно. Свободную торговлю купцамъ польскимъ повсюду въ государствѣ нашемъ позволимъ (²) и отъ обидъ ихъ оборонимъ. Хрипуновымъ, по желанію

(¹) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 96. — Извѣстительное письмо Лжедимитрія къ Сигизмунду о своемъ восшествіи на престолъ, равно наказъ послу, какъ говорить съ королемъ насчетъ войны съ турками и брака царя съ Мариною см. у Niemcewicza, Dzieie panowania Zygmunta III, t. II. p. 357 et squ.

(²) Еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, 17 числа, 1605 года смоленскій воевода, кн. Ромада-

королевскому, позволяемъ возвратиться на родину, и обѣщаемъ нашу благосклонность. О Гольшаницѣ прикажемъ развѣдать, и о томъ, что окажется, дадимъ знать королю съ гонцомъ нашимъ (¹). Димитрій не только не хотѣлъ отказаться отъ титула своихъ предшественниковъ, но еще вздумалъ перевести руское *Царь* словомъ, понятнымъ всей Европѣ, именно словомъ Цесарь или Императоръ, да еще прибавилъ къ нему эпитетъ *непобѣдимый*. Ясно, что это новое требованіе могло повести только къ новымъ неудовольствіямъ. Однако Димитрій зналъ, что Сигизмунда еще нельзя раздражать, пока Марина въ Польшѣ, и потому просилъ папскаго посла графа Рангони сказать королю, что онъ очень удивляется сомнѣнію, обнаруженному Сигизмундомъ касательно его расположенія къ нему и ко всему королевству польскому,— что сильно оскорбляетъ его также и умаленіе его титуловъ, сдѣланное королевскою канцеляріею. Если онъ, Димитрій, обнаружилъ холодность къ королю и къ Польшѣ, то это единственно изъ опасенія возбудить нелюбье и измѣну подданныхъ своихъ, среди которыхъ уже идутъ слухи, что царь хочетъ отдать королю часть Московскаго государства и даже объявить себя вассаломъ Польши. Димитрій просилъ Рангони увѣрить Сигизмунда, что онъ не забылъ его благодѣяній, чтитъ его не столько братомъ, сколько отцомъ, и согласенъ исполнить всѣ его желанія; но что касательно титуловъ никогда не откажется отъ своихъ требованій, хотя впрочемъ за это и не начнетъ войны съ королемъ. Очень любопытны послѣднія слова наказа, даннаго Рангони Димитріемъ: изъ нихъ ясно видно, что послѣдній льститъ королю только для того, чтобъ какъ можно скорѣе выманить изъ Польши свою возлюбленную Марину: «Мы хотѣли, велѣлъ сказать Димитрій Сигизмунду, отправить нашихъ великихъ пословъ на большой сеймъ, но теперь отсрочили это посольство на иное время, потому что прежде хотимъ поговорить о вѣчномъ мирѣ съ вельможнымъ паномъ Юріемъ Мнишкомъ». Повѣренный царя Бучинскій объяснилъ королю, что нѣкоторые поляки задержаны Димитріемъ единсвенно изъ опасенія, что не выпустятъ Марины изъ Польши; Бучинскому былъ данъ наказъ — согласиться на все, лишь бы выпустили панну (²). Касательно Густава шведскаго Рангони долженъ былъ сказать королю; что царь держитъ его и ждетъ, что велитъ сдѣлать съ нимъ Сигизмундъ (³).

Но если Димитрій хитрилъ съ Сигизмундомъ, то около него нахо-

---

новскій писалъ оршинскому старостѣ Сапегѣ о свободной торговлѣ между обоими государствами. Акты Историч. т. II, № 56.

(¹) Собр. гос. грам. и дог. т. II, № 97.

(²) Собр. гос. гр. и дог. II, № 121.

(³) Тамъ же, № 103.

дились люди, которые поступали еще хитрѣе: то были Шуйскіе и Голицыны съ товарищи, свергнувшіе Годунова вовсе не для того, чтобъ кланяться Отрепьеву. Видя, что интересы короля тѣсно связаны съ интересами Димитрія, бояре спѣшили разорвать эту связь. Когда Димитрій, узнавъ объ обрученіи Марины, выбиралъ человѣка, котораго бы могъ послать съ благодарственными письмами къ Мнишку и королю, Шуйскіе обратили его вниманіе на своего клеврета Ивана Безобразова, и Безобразовъ былъ отправленъ въ Краковъ съ письмами отъ Димитрія и съ тайнымъ порученіемъ отъ бояръ. Онъ требовалъ тайнаго свиданія съ литовскимъ канцлеромъ Сапѣгою; но король нашелъ, что важность сана Сапѣги обращала на него всеобщее вниманіе, и потому трудно бы было скрыть переговоры его съ Безобразовымъ отъ Бучинскаго и русскихъ, находившихся въ Краковѣ. Уговорились, чтобы вмѣсто Сапѣги Безобразовъ открылся возвратившемуся изъ Москвы Гонсѣвскому. Посланецъ объявилъ послѣднему, что Шуйскіе и Голицыны жалуются на короля, зачѣмъ онъ навязалъ имъ человѣка низкаго, легкомысленнаго, распутнаго тирана, ни въ какомъ отношеніи недостойнаго своего мѣста; объявилъ о намѣреніи бояръ свергнуть его и возвести на престолъ царскій королевича Владислава. Этимъ предложеніемъ бояре достигали своей цѣли какъ нельзя лучше: Сигизмундъ, который теперь въ низложеніи Димитрія видѣлъ не ущербъ, но выгоду для себя и для Польши, велѣлъ отвѣчать боярамъ, что онъ очень жалѣетъ, обманувшись насчетъ Димитрія, и не хочетъ препятствовать имъ промышлять о самихъ себѣ. Что же касается королевича Владислава, то король не увлекается властолюбіемъ, хочетъ внушить и сыну своему такую же умѣренность, предоставляя все дѣло волѣ Божіей [1]. Между тѣмъ объявленіе бояръ подтверждалось дурными слухами изъ Москвы, которые все чаще и чаще доходили до Кракова; Бучинскій доносилъ царю, что дѣла его идутъ плохо въ Польшѣ, что требованія его касательно титула произвели всеобщее негодованіе между панами, что тѣ изъ нихъ, которые и прежде ему не благопріятствовали, подняли теперь снова головы и

[1] Рукопись Жолкѣвскаго, стр. 15, 16, 17. Это извѣстіе Жолкѣвскаго подтверждается письмомъ польскихъ пановъ московскимъ боярамъ отъ 9 іюня 1613 года; здѣсь читаемъ: «то намъ добрѣ вѣдомо, что еще при князѣ Димитріѣ Ивановичѣ, котораго вы зовете Гришкою Отрепьевымъ, Князь Василій Ивановичъ Шуйской съ браты и со многими бояры думными, въ ту пору, коли разстрига Гришка Отрепьевъ, какъ вы его зовете, на Государствѣ Московскомъ сидѣлъ, черезъ нѣкоторые Польскіе и Литовскіе и Московскіе люди всказывали и били челомъ Королю его милости Государю нашему, чтобъ его королевская милость пожаловалъ отъ разстриги Гришки Отрепьева ихъ самихъ и Государство Московское очистилъ, а на Государство Московское далъ сына своего Владислава Жигимонтовича». Собр. гос. грам. и дог. т. III, № 13.

голоса; такъ воевода познанскій упрекалъ короля въ неблагоразумномъ поведеніи касательно Димитрія, говорилъ, что, отказавши послѣднему въ помощи, можно было бы за то много выторговать у Годунова, а теперь отъ Димитрія вмѣсто благодарности однѣ только досады: требуетъ такого титула, какого не имѣетъ ни одинъ государь христіянскій; за это самое, продолжалъ воевода, Богъ лишитъ Димитрія престола, да и въ самомъ дѣлѣ пора уже показать всему свѣту, что это за человѣкъ, а подданные его должны и сами о томъ догадаться. Сюда присоединялись еще жалобы польскихъ ратниковъ, пріѣхавшихъ ни съ чѣмъ изъ Москвы, потому-что пропировали тамъ все жалованье (1). Въ заключеніе Бучинскій доносилъ о слухахъ изъ Москвы, что Димитрій не есть истинный царевичъ и не долго будетъ признаваться такимъ.

Несмотря на все это, вслѣдъ за Мнишками, Сигизмундъ отправилъ къ Лжедимитрію великихъ пословъ своихъ — Николая Олесницкаго и бывшаго уже въ Москвѣ Александра Гонсѣвскаго. При ихъ пріемѣ неудовольствія возобновились съ новою силою, несмотря на усердное посредничество стараго Мнишка, потому-что обѣ стороны доходили до крайности въ своихъ поступкахъ: Димитрій требовалъ новаго и страннаго титула, Сигизмундъ отказывалъ ему даже въ титулѣ предшественниковъ, называя просто княземъ. Это упорство со стороны Димитрія объясняется желаніемъ показать подданнымъ своимъ, что онъ не только не умалилъ чести Московскаго государства, не только не унижается передъ королемъ, но еще увеличилъ блескъ своего титула, слѣдовательно очень далекъ былъ отъ мысли признать себя вассаломъ Польши, какъ распускали о немъ слухъ люди неблагонамѣренные; упорство же со стороны короля объясняется извѣщеніемъ, полученнымъ отъ бояръ чрезъ Безобразова: король зналъ непрочность Димитрія на тронѣ, и потому не думалъ уступать ему ни въ чемъ; этимъ объясняется и поведеніе пословъ — Олесницкаго и Гонсѣвскаго (2). Когда Димитрій не хотѣлъ взять письма королевскаго, потому-что въ немъ не давалось ему цесарскаго титула, то Олесницкій твердо и гордо отвѣчалъ ему упрекомъ въ неблагодарности; онъ сказалъ: «Вы оскорбляете короля и республику, сидя на престолѣ, который достался вамъ дивнымъ промысломъ Божіимъ, милостію Королевскою, помощію польскаго народа; и вы скоро забыли это благодѣяніе». Димитрій не выдержалъ, по своей страстной природѣ, и, увлеченный словоохотливостію, которою могъ напоминать нѣкоторымъ мнимаго отца своего, самъ отвѣчалъ послу: «Мы не мо-

(1) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 121.
(2) Histor. Russ. Monum. II, № LXXVII.

жемъ удовольствоваться ни титуломъ княжескимъ, ни господарскимъ, ни царскимъ, потому что мы Императоръ на своихъ обширныхъ государствахъ и пользуемся этимъ титуломъ не на словахъ только, *какъ то дѣлаютъ другіе*, но на самомъ дѣлѣ; ибо никакіе монархи, ни ассирійскіе, ни мидійскіе, ни цезари римскіе не имѣли на него большаго, чѣмъ мы, права. Намъ нѣтъ никого ровнаго въ полночныхъ краяхъ касательно власти: кромѣ Бога и насъ здѣсь никто не повелѣваетъ». Этими словами Димитрій намекалъ на неограниченную власть московскаго государя и на безвластіе короля польскаго, который именемъ былъ только государь. Олесницкій отговаривался тѣмъ, что царь не присылалъ къ королю особыхъ пословъ съ требованіемъ императорскаго титула, и что Сигизмундъ не можетъ уступить послѣдняго безъ согласія сейма. Димитрій возражалъ, что уже сеймъ конченъ и послы отправились съ сейма, но что нѣкоторые поляки совѣтуютъ королю не давать ему, Димитрію, должнаго титула. Олесницкій требовалъ отпуску и хотѣлъ удалиться; Димитрій, будучи хорошо знакомъ съ нимъ въ Польшѣ, звалъ его къ рукѣ, какъ частнаго человѣка и стараго пріятеля; посолъ отвѣчалъ, что не можетъ принять этой чести: «Какъ вы, сказалъ онъ царю, знали меня въ Польшѣ усерднымъ своимъ пріятелемъ и слугою, такъ теперь пусть король дознаетъ во мнѣ вѣрнаго подданнаго и добраго слугу». Тогда Димитрій не выдержалъ и уступилъ; онъ сказалъ Олесницкому: «подойди вельможный панъ, какъ посолъ»; Олесницкій отвѣчалъ: «подойду тогда, когда вы согласитесь взять письмо королевское»; и Димитрій согласился взять письмо. Послѣ этого оба посла подошли къ рукѣ царской; дьякъ взялъ грамоту и прочитавъ отвѣчалъ, что царь беретъ ее только для своей свадьбы, но что послѣ никогда ни отъ кого не приметъ грамоты, въ которой не будетъ прописано его полнаго титула. Но этимъ споры и неудовольствія не кончились: послы сперва отказались участвовать въ брачныхъ пирахъ Димитрія, потому-что онъ не хотѣлъ посадить ихъ за одинъ столъ съ собою; въ этомъ случаѣ уступили поляки, благодаря посредничеству Мнишка.....

Гораздо серьёзнѣе шли дѣла съ римскимъ дворомъ. Кромѣ прямыхъ сношеній съ новымъ царемъ московскимъ, римскій дворъ внимательно слѣдовалъ за отношеніями Димитрія къ Польшѣ, потому-что отъ нихъ зависѣло, въ извѣстной степени, дѣло католицизма, введеніе котораго въ Московское государство обѣщалъ Димитрій папѣ; еслибъ царь вздумалъ разорвать пріязнь съ Польшею, то уже тѣмъ меньше обратилъ бы вниманіе на прежнія обязательства свои относительно двора римскаго. Вотъ почему кардиналъ Боргезе писалъ къ папскому нунцію въ Польшѣ, Рангони, что его святѣйшество очень безпокоится насчетъ неудовольствія московскаго посла Власьева на поляковъ,

хотя должно надѣяться, прибавляетъ кардиналъ, что в. князь не раздѣлитъ мнѣнія своего посла, и не забудетъ услугъ, оказанныхъ ему Сигизмундомъ (1). Вотъ почему нунцій Рангони писалъ къ Димитрію, что онъ всего болѣе старается объ усиленіи любви и укрѣпленіи союза между нимъ и Сигизмундомъ. Извѣщая Димитрія о восшествіи на престолъ Павла V, Рангони проситъ его, чтобъ онъ послалъ поздравить новоизбраннаго папу, къ которому уже отправленъ портретъ его. Посылая къ Димитрію, между прочими подарками, латинскую библію послѣдняго изданія, Рангони изъявляетъ желаніе, чтобъ царь особенно обратилъ вниманіе свое на глаголъ Божій къ израильтянамъ: «Нынѣ аще послушаніемъ послушаете гласа моего и снабдите завѣтъ мой, будете мои людіе суще отъ всѣхъ языкъ». Текстъ этотъ нунцій примѣняетъ къ Димитрію, намекая, что ему остается, въ благодарность за благодѣяніе Божіе, исполнить обѣщаніе свое, именно ввести католицизмъ въ Московское государство; но при этомъ Рангони совѣтуетъ, чтобы царь началъ это дѣло мудро и бережно, дабы, въ противномъ случаѣ, не потерпѣть какого-либо вреда (2). Димитрій немедленно исполнилъ просьбу нунція, отправилъ къ новому папѣ поздравительное письмо, въ которомъ съ признательностію упоминаетъ о расположеніи къ себѣ покойнаго папы Климента VIII; извѣщая о счастливомъ окончаніи борьбы своей съ Годуновымъ, Димитрій говоритъ, что въ надеждѣ на помощь и покровительство Божіе, столь явно ему оказанное, онъ не хочетъ проводить время въ праздности, но будетъ всѣми силами заботиться о благѣ христіянства; для этого онъ намѣренъ соединить свои войска съ императорскими противъ турокъ и проситъ папу убѣдить императора не заключать мира съ послѣдними (3). О введеніи католицизма между своими подаными ни слова, и хотя пишетъ, что о нѣкоторыхъ дѣлахъ сообщитъ папѣ посланный изъ Москвы іезуитъ Лавицкій, однако въ инструкціи, данной послѣднему, также ничего не говорится о введеніи католицизма (4). Новый папа отвѣчалъ Димитрію (5) также поздравленіемъ съ побѣдою надъ тираномъ Годуновымъ, при чемъ особенно благодарилъ Бога за то, что Димитрій взошелъ на престолъ предковъ, уже принявши католицизмъ: это обстоятельство, по словамъ папы, и было

(1) Histor. Russ. Monum, II, № 36.

(2) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 98.

(3) Тамъ же, № 107.

(4) Изъ нея узнаемъ только о желаніи царя, чтобъ папа склонилъ императора и короля польскаго къ войнѣ съ турками, чтобы папа склонилъ также Сигизмунда дать Димитрію императорскій титулъ, наконецъ, чтобы папа возвелъ въ кардиналы пріятеля димитріева, Рангони. — Adelung, Uebersicht der Reisenden. т. II, стр. 172.

(5) Histor. Russ. Monum. II, № 37.

главною причиною его торжества; письмо заключается увѣщаніемъ сохранить принятое ученіе. Между тѣмъ кардиналъ Валенти писалъ къ нунцію въ Польшу, что должно розыскивать всѣми средствами и вести переписку со многими особами, чтобъ имѣть надлежащее свѣдѣніе о московскихъ событіяхъ, особенно нужно знать мнѣніе, какое имѣютъ о нихъ люди умные и опытные (1). Въ письмѣ къ Сигизмунду III папа благодаритъ короля за помощь, оказанную Димитрію, особенно потому, что эта помощь полезна церкви Божіей; ибо если Димитрій, принявши во время изгнанія своего католицизмъ, сохранитъ это ученіе и по возвращеніи къ своему народу, то нѣтъ сомнѣнія, что оно распространится современемъ и между москвитянами (2). О похожденіяхъ Димитрія папа знаетъ общеизвѣстную сказку, какъ онъ былъ спасенъ въ Угличѣ и малюткою отвезенъ въ Польшу, гдѣ и принялъ католицизмъ; вотъ почему папа пишетъ къ полякамъ, что Димитрій, изгнанный изъ отечества, изъ дѣтства у васъ былъ напитанъ католическою религіею (3). Папа писалъ къ кардиналу Мацеевскому, чтобъ тотъ уговорилъ Мнишка воспользоваться своимъ вліяніемъ на Димитрія и поддерживать въ немъ расположеніе къ католицизму; въ такомъ случаѣ, прибавляетъ папа, москвитяне современемъ приведены будутъ въ лоно римской церкви, потому-что народъ этотъ, какъ слышно, отличается необыкновенною привязанностію къ своимъ государямъ. Въ томъ же духѣ писалъ Павелъ V къ самому Мнишку, убѣждая его содѣйствовать всѣми силами въ трудномъ дѣлѣ обращенія москвитянъ. Кардиналъ Валенти наказывалъ, именемъ папы, нунцію Рангони, чтобъ тотъ обращался какъ можно ласковѣе съ московскимъ посломъ Власьевымъ, чтобъ послѣдній остался имъ вполнѣ доволенъ и расположенъ къ продолженію дружелюбныхъ сношеній (4). Вскорѣ послѣ тотъ же кардиналъ писалъ къ тому же нунцію, что папа въ восхищеніи отъ успѣшныхъ дѣлъ Димитрія, и воздаетъ благодарность Богу, который, среди трудовъ, предпринятыхъ для блага общаго, соблаговолилъ утѣшить его надеждою видѣть во время своего первосвященства обращеніе московскихъ отщепенцевъ къ религіи католической. Увѣдомляетъ также, что папа очень доволенъ обращеніемъ нунція съ московскимъ посломъ, который уласканъ учтивостями Рангони, и проситъ послѣдняго продолжать подобное обращеніе, могущее служить очень полезнымъ средствомъ для уловленія умовъ, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ

(1) Histor Russ. Monum. II, № 39.
(2) Тамъ же, № 41: Non dubitemus, quin etiam apud Moschovitas Catholicae religionis professio locum aliquando habitura sit.
(3) Тамъ же, № 42, 43.
(4) Тамъ же, № 45.

ласковость очень дорого цѣнится (¹). Узнавъ о коронованіи Димитрія, папа писалъ къ нему: «Мы увѣрены, что католическая религія будетъ предметомъ твоей горячей заботливости (²), потому-что только по одному нашему обряду люди могутъ поклоняться Господу и снискивать Его помощь; убѣждаемъ и умоляемъ тебя стараться всѣми силами о томъ, чтобы желанныя наши чада, народы твои приняли римское ученіе; въ этомъ дѣлѣ обѣщаемъ тебѣ нашу дѣятельную помощь, посылаемъ монаховъ, отличныхъ чистотою жизни, а если тебѣ будетъ угодно, то пошлемъ и епископовъ.

Между тѣмъ Сигизмундъ III, недовольный поведеніемъ Димитрія относительно Польши, не очень охотно видѣлъ тѣсную связь царя съ римскимъ дворомъ, и потому противился отправленію графа Рангони, племянника нунціева, посломъ въ Москву. Рангони поѣхалъ къ Димитрію противъ воли королевской, за что римскій дворъ сильно негодовалъ на стараго нунція, какъ видно изъ двухъ писемъ кардинала Боргезе къ послѣднему: папа боялся, чтобъ это посольство не увеличило смуты, подозрѣнія москвитянъ, и такимъ образомъ не повредило дѣлу католицизма, пользы которому папа всего болѣе надѣялся отъ брака димитріева на воеводенкѣ сендомирской: кардиналъ Боргезе писалъ къ нунцію, что его святѣйшество ожидаетъ и духовныхъ плодовъ отъ этого брака для блага всего христіянства (³). Самъ папа писалъ къ Димитрію, что бракъ его на Маринѣ есть дѣло въ высокой степени достойное его великодушія и благочестія, что этимъ поступкомъ Димитрій удовлетворилъ всеобщему ожиданію. «Мы не сомнѣваемся, продолжаетъ папа, что такъ какъ ты хочешь имѣть сыновей отъ этой превосходной женщины, рожденной и свято воспитанной въ благочестивомъ католическомъ домѣ, то хочешь также привести въ лоно римской церкви и народонаселеніе Московскаго государства, потому-что народы необходимо должны подражать своимъ государямъ и вождямъ. Вѣрь, что ты предназначенъ отъ Бога къ совершенію этого спасительнаго дѣла, причемъ большимъ вспоможеніемъ будетъ для тебя твой благороднѣйшій бракъ (⁴)». Тоже самое писалъ папа къ Маринѣ (⁵) и къ отцу ея (⁶). Однако Павелъ V-й счелъ нужнымъ напомнить Димитрію о письмѣ, которое тотъ отправилъ къ предше-

---

(¹) Histor. Russ. Monum. II, № 46: In simili occasioni V. S. procuri sempre di cattivarsi gli animi con la solita sua cortesia, che molte volte si fanno buoni progressi con questi mezzi, massime in paesi, dove si stimano principalmente queste dimostrationi.

(²) Тамъ же, № 49.

(³) Тамъ же, № 54.

(⁴) Histor. Russ. Monum. II. № 56.

(⁵) Тамъ же, № 57.

(⁶) Тамъ же, № 58.

ственнику его, Клименту VIII, 30 іюля 1604 года, съ извѣщеніемъ, что принялъ католицизмъ, и не только самъ сохранитъ это ученіе во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, но явно передъ всѣми будетъ исповѣдовать его и постарается обратить къ нему и народъ свой. Напомнивъ о письмѣ, папа повторяетъ увѣщанія свои просвѣтить свѣтомъ католическаго ученія народъ, до сихъ поръ сидѣвшій во мракѣ и сѣни смертной, причемъ снова обѣщается прислать благочестивыхъ мужей и даже епископовъ на помощь великому дѣлу, если царь признаетъ это нужнымъ (1). Польскій дворъ такъ спѣшилъ бракомъ Самозванца съ Мариною, что уполномочивалъ патера Савицкаго обвѣнчать ихъ тайно въ великій постъ (2). Папѣ была непріятна распря между Димитріемъ и Сигизмундомъ за титулъ; съ своей стороны онъ наказывалъ чрезъ кардинала Боргезе нунцію удовлетворять въ этомъ отношеніи московскаго посла и показывать готовность исполнять всѣ требованія Лжедимитрія касательно почетныхъ названій; въ самомъ дѣлѣ Рангони даетъ Димитрію требуемый титулъ: «Serenissimo et invictissimo Monarchae Demetrio Joannis, Caesari ac Magno Duci totius Russiae, atque universorumTartariae regnorum aliorumque plurimorum dominiorum, Monarchiae Moscoviticae subjectorum, Domino et Regi.» — Не считая приличнымъ прямо требовать отъ Сигизмунда, чтобъ тотъ уступилъ желаніямъ Димитрія, папа косвеннымъ образомъ намекалъ королю, какъ бы важенъ былъ союзъ Москвы съ Польшею для дружнаго нападенія на общихъ враговъ — татаръ (3). Кардиналъ Боргезе, въ письмѣ своемъ къ нунцію, говоритъ, что такъ какъ великій князь московскій показываетъ сильное расположеніе къ союзу съ Польшею противъ татаръ, то на будущемъ сеймѣ не должно быть никакого затрудненія насчетъ предложеннаго союза; причемъ требуетъ отъ нунція, чтобъ тотъ устремилъ всѣ свои мысли для приведенія этого дѣла къ желанному концу. Въ тоже самое время кардиналъ писалъ другое письмо къ Рангони, въ которомъ отъ имени папы уполномочивалъ его убѣждать короля къ уступкѣ требованіямъ Димитрія, если только онъ, Рангони, думаетъ, что посредничество папы можетъ подѣйствовать на короля, и если уступка послѣдняго склонитъ царя къ союзу противъ татаръ (4); къ Сигизмунду же писалъ самъ папа, умоляя его поддержать и усилить союзъ съ Димитріемъ (5).

---

(1) Тамъ же, № 62.

(2) Тамъ же, № 63.

(3) Histor. Russ. Monum. II, № LXVII.

(4) Тамъ же, LXXIII.

(5) Petimus a te etiam, atpue etiam, ac in visceribus Christi rogamus, ut totus in hoc incumbas, id mediteris, id cures, ut quotidie mutuus amor inter vos augeatur, et novis semper officiis charitatis et benevolentiae foveatur. Тамъ же, № LXXV.

Но въ то самое время, какъ римскій дворъ употреблялъ всѣ усилія для скрѣпленія союза между Москвою и Польшею, возникли затрудненія въ собственныхъ сношеніяхъ его съ Димитріемъ: папа надѣялся, что бракъ царя на католичкѣ будетъ сильно содѣйствовать распространенію латинства въ московскихъ областяхъ; но Димитрій требовалъ, чтобъ Марина содержала католицизмъ втайнѣ, наружно же исполняла обряды закона греческаго, ходила въ греческую церковь, постилась въ дни, предписанные православіемъ. Нунцій Рангони, къ которому Димитрій обратился съ этими требованіями, отвѣчалъ, что, несмотря на пламенное желаніе услужить ему, онъ не имѣетъ никакой возможности удовлетворить означеннымъ требованіямъ, ибо такое важное и трудное дѣло требуетъ для своего рѣшенія власти высшей и разсужденія болѣе зрѣлаго. Не желая, чтобъ это дѣло пошло далѣе, Рангони пишетъ къ Димитрію: «Я не сомнѣваюсь, что когда ваше величество разсмотрите это дѣло съ своею обычною мудростію и извѣстнымъ благочестіемъ, то, помощію самодержавной власти, которой никто противиться не долженъ; отстраните всѣ затрудненія, не потерпите, чтобъ закону дано было неприличное истолкованіе, и не сдѣлаете никакого принужденія вашей невѣстѣ въ столь важномъ дѣлѣ; въ противномъ случаѣ могутъ произойти большія непріятности. При томъ же это дѣло не новое: повсюду видимъ, что женщины греческаго закона выходятъ за-мужъ за латиновъ, и наоборотъ; причемъ каждый изъ супруговъ сохраняетъ прежнее исповѣданіе, прежніе обряды; этотъ обычай имѣетъ силу не только для частныхъ людей, но и для государей: говорятъ, что одинъ изъ вашихъ предковъ, задумавъ жениться на королевнѣ польской, именно предлагалъ, чтобъ она удержала всѣ обряды церкви латинской [1].» — Однако Димитрій не склонился на увѣщанія нунція, и дѣло было отослано на рѣшеніе папы [2]. 4 марта 1606 года Боргезе увѣдомилъ нунція, что пункты, предложенные царемъ, рѣшены не согласно съ его желаніемъ, ибо конгрегація изъ кардиналовъ и теологовъ, послѣ тщательнаго обсужденія предмета, произнесла приговоръ, что престолъ апостольскій не разрѣшаетъ въ подобныхъ случаяхъ, и не бывало примѣра, чтобъ когда-нибудь разрѣшалъ. Въ такихъ же точно обстоятельствахъ находился и нынѣ царствующій король польскій, когда отправился въ Швецію для принятія престола: однако ему не позволено было сообразоваться съ лютеранскими обычаями». — Но когда дали знать въ Москву объ этомъ рѣшеніи, то на него не обратили тамъ большого вниманія: послѣ долгихъ совѣщаній съ русскимъ духовенствомъ старый Мнишекъ уступилъ и согласился, чтобъ дочь его ходила въ гре-

[1] Соб. гос. гр. и дог. II, № 124.
[2] Histor. Russ. Monum. II, № LXXIV.

ческія церкви, приняла причастіе изъ рукъ патріарха и постилась въ среду вмѣсто субботы.

Между тѣмъ прибылъ въ Римъ Лавицкій; папа извѣстилъ Димитрія о пріѣздѣ этого іезуита въ слѣдующихъ выраженіяхъ (1): «Мы съ такимъ нетерпѣніемъ ждали отъ тебя писемъ, что даже упрекали въ небрежности Андрея Лавицкаго, человѣка самаго тщательнаго: когда сильно чего-нибудь желаешь, то всякое замедленіе нестерпимо. Наконецъ онъ пришелъ, отдалъ намъ твои письма, разсказалъ о тебѣ вещи достойныя: мы жалѣли только объ одномъ, отчего онъ не могъ сказать намъ всего вдругъ, какъ бы намъ хотѣлось. Такое наслажденіе доставилъ онъ намъ своими рѣчами, что мы не могли удержать радостныхъ слезъ; мы твердо увѣрены теперь, что апостольскій престолъ сдѣлаетъ самыя великія пріобрѣтенія, когда ты будешь твердо и мудро управлять тѣми странами. Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, соблаговолившій утѣшить насъ въ безпокойствахъ! У тебя поле обширное, сади, сѣй, пожинай на немъ; повсюду проводи источники благочестія, строй зданія, которыхъ верхи касались бы небесъ; воспользуйся удобностію мѣста и, какъ второй Константинъ, первый утверди на немъ римскую церковь».—Мы и прежде видѣли, что римскій дворъ основывалъ успѣхъ своего дѣла на самодержавіи московскихъ царей; и теперь Павелъ V-й пишетъ къ Димитрію: «Такъ какъ ты можешь дѣлать въ землѣ своей все, что захочешь, то повелѣвай. Пусть народы твои услышатъ гласъ истиннаго пастыря, Христова на землѣ намѣстника! Несмотря однако на восторженный тонъ папскихъ писемъ, въ нихъ проглядываетъ безпокойство, видно, что Лавицкій принесъ папѣ не однѣ только утѣшительныя вѣсти; Павла V-го безпокоило то, что Димитрій составилъ гвардію изъ иностранцевъ, исповѣдывавшихъ протестантизмъ, и приблизилъ къ себѣ двоихъ поляковъ, братьевъ Бучинскихъ, которые не были католиками (2); вотъ почему онъ пишетъ въ заключеніе: «Посылаемъ къ тебѣ обратно Лавицкаго, который много кой-о-чемъ объявитъ тебѣ отъ нашего имени; особенно внемли увѣщаніямъ не ввѣрять себя и своихъ еретикамъ и не удаляться отъ совѣта мудрыхъ и благочестивыхъ людей». Подъ послѣдними папа разумѣетъ Мнишка съ товарищи, и особенно католическихъ духовныхъ; изъ этихъ же словъ видно, что царь не слишкомъ преклонялся къ совѣтамъ мудрыхъ и благочестивыхъ и нуждался въ увѣщаніяхъ по этому случаю. Гораздо болѣе могъ надѣяться папа отъ Марины; онъ писалъ къ ней: «Мы оросимъ тебя своими благословеніями, какъ новую лозу, посаженную въ виноградникѣ господнемъ; да будешь дщерь, Бо-

(1) Тамъ же, № LXXVI.
(2) Adelung — Uebersicht der Reisenden, II, 181.

гомъ благословенная, да родятся отъ тебя сыны благословенные, каковыхъ надѣется, каковыхъ желаетъ святая матерь наша церковь, каковыхъ обѣщаетъ благочестіе родительское, т. е. самыхъ ревностныхъ распространителей вѣры христовой». Потомъ папа увѣщеваетъ Марину воспитывать будущихъ дѣтей своихъ въ строгости и благочестіи, съ младенчества напитать ихъ мыслію, что на нихъ лежитъ обязанность распространять истинную религію. Въ заключеніе Павелъ V-й поручаетъ расположенію московской царицы Андрея Лавицкаго и весь орденъ іезуитовъ, полезный всему свѣту (1). Къ воеводѣ Сендомирскому папа писалъ, что онъ всего болѣе полагается на его благочестіе и нуждается въ его совѣтѣ и помощи. Павелъ V-й изъявляетъ надежду, что народъ московскій легко обратится въ католицизмъ, потому-что отъ природы кротокъ и до сихъ поръ еще не былъ зараженъ ересями (2).

Несмотря однако на всю эту переписку, Димитрій не думалъ слушаться папскихъ увѣщаній и поддаваться вліянію іезуитовъ: какъ онъ уважалъ мнѣніе русскаго народа относительно латиновъ, доказательствомъ служитъ то, что онъ не пригласилъ папскаго посла Александра Рангони къ столу и прямо объявилъ ему самому, что онъ поступилъ такъ для русскихъ (3). Не ревность къ католицизму заставляла его поддерживать дружелюбныя сношенія съ папою и Польшею: и тотъ и другая нужны были ему, во-первыхъ, по его связи съ семействомъ Мнишекъ, во-вторыхъ, по сильному желанію его воевать съ турками. Страсть къ воинской дѣятельности питалась природою его, энергическою и безпокойною; сюда присоединялось еще естественное желаніе отличить себя, начать царствованіе блестящимъ дѣломъ, показать себя достойнымъ отцовскаго престола. Но Димитрій хорошо зналъ, что Московское государство одно не въ состояніи бороться съ Турціею, особенно при тогдашнемъ состояніи ратныхъ силъ у насъ: вотъ почему царь обратилъ вниманіе съ одной стороны на улучшеніе войска, съ другой стороны на укрѣпленіе себя союзомъ съ Польшею, Имперіею и Персіею. Пославъ приказы ратнымъ людямъ собираться отовсюду и, отправивъ уже огнестрѣльный снарядъ къ Ельцу, съ цѣлію похода на Азовъ, царь между тѣмъ хотѣлъ ознакомить воеводъ своихъ съ осаднымъ искусствомъ, для чего дѣлалъ примѣрныя осады ледяныхъ крѣпостей; этимъ упражненіямъ однако помѣшала взаимная ненависть между дворянами русскими и

(1) Eumque, ejusque toti orbi terrarum utilem societatem tantum dilige nostra causa, quantum nos te amamus in Domino, hoc est summé. — Histor. Russ. Monum. № LXXVI.

(2) Тамъ же.

(3) Adelung — Uebersicht der Reisenden, II, 183.

нѣмецкими тѣлохранителями царя, ненависть, которая едва было не дала кровавой развязки воинскимъ потѣхамъ (1). Столь же неудачно кончились сношенія съ Польшею и римскимъ дворомъ по поводу войны турецкой. Нунцій Рангони писалъ къ Димитрію, что хотя онъ, по приказу папы, и говорилъ съ королемъ Сигизмундомъ о тройномъ союзѣ между Москвою, Польшею и Имперіею, однако къ заключенію этого союза встрѣчаются неодолимыя препятствія, а именно уже въ одной народной враждѣ между нѣмцами и поляками; король можетъ согласиться на союзъ съ Имперіею только съ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ имперскіе князья на это согласились и дали клятву не оставлять поляковъ во все продолженіе войны съ невѣрными; но при тогдашнемъ состояніи дѣлъ въ Германіи отъ князей нельзя ожидать подобнаго обязательства. Поэтому папа хотѣлъ ограничиться союзомъ Москвы съ Польшею противъ однихъ крымскихъ татаръ, истребленіемъ которыхъ оба государства отняли бы у Порты сильное пособіе и дали бы императору съ большимъ успѣхомъ дѣйствовать противъ нея въ Венгріи (2). Но ясно, что война съ крымцами была вмѣстѣ и войною съ Турціею, которая не могла оставить безъ помощи своихъ подданныхъ, и если Сигизмундъ отговаривался отъ войны съ турками, то не могъ начать и похода на Крымъ. Это несогласіе на союзъ, равно какъ упорство дать требуемый титулъ, раздражили Димитрія, и когда послы—Олесницкій и Гонсѣвскій, въ переговорахъ съ боярами, подали бумагу, заключавшую вопросъ: когда и съ какими силами царь намѣренъ ополчиться противъ невѣрныхъ, то бояре грубо отвѣчали: «Нашъ цесарь намѣренъ воевать съ погаными единственно по ревности къ славѣ божіей и святой вѣрѣ, безо всякихъ другихъ видовъ. Если же король поручилъ вамъ только вывѣдать наши мысли, чтобы послѣ самому ничего не дѣлать, то это будетъ коварствомъ и обманомъ (3)». На это послы отвѣчали: «Вамъ самимъ извѣстенъ порядокъ договоровъ: кто предлагаетъ какое-либо важное дѣло и требуетъ чего-либо отъ другого, тотъ самъ прежде объявляетъ свои способы и средства». Тогда бояре пошли переговорить съ царемъ и, возвратившись, отвѣчали, что самъ Димитрій скоро будетъ говорить съ послами въ присутствіи ближнихъ бояръ; но эти переговоры не могли уже имѣть мѣста. — Намъ можетъ показаться страннымъ, что во всѣхъ переговорахъ съ Польшею не было рѣчи объ исполненіи обѣщанія, даннаго Димитріемъ касательно земель Смоленской и Сѣверской, изъ которыхъ одну уступалъ онъ Сигизмунду,

---

(1) Москов. хрон. 69, 70.
(2) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 126.
(3) Дневникъ пословъ, въ Сказ. Соврем. 167, 168.

а другую Мнишку. Царь, по свидѣтельству лѣтописи ([1]), объявилъ своимъ подданнымъ, что онъ ни одной пяди московской земли не отдастъ Литвѣ. Что это объявленіе не было сдѣлано только для успокоенія своихъ, доказательствомъ служатъ условія, предложенныя ему польскимъ правительствомъ въ 1605 году, и отвѣты его на нихъ. Поляки требовали во 1) чтобъ Димитрій отдалъ Польшѣ землю сѣверскую; 2) заключилъ вѣчный союзъ съ Польшею; 3) чтобъ позволилъ іезуитамъ и прочему католическому духовенству войти въ Московское государство и строить тамъ церкви; 4) чтобъ помочь Сигизмунду возвратить шведскій престолъ. На первый пунктъ Димитрій отвѣчалъ: земли сѣверской отдать не хочу, но хочу дать за нее денежную сумму; на второй: союза съ Польшею и самъ чрезвычайно желаю; на третій: церквей латинскихъ и іезуитовъ не хочу; на четвертый: для возвращенія Швеціи буду помогать деньгами ([2]).

Торжество Димитрія надъ Годуновымъ перемѣнило отношенія московскаго двора къ шведскому: тѣсный союзъ новаго царя съ Сигизмундомъ необходимо дѣлалъ перваго врагомъ Карлу; притомъ же Димитрій видѣлъ между Сигизмундомъ и Карломъ такія же отношенія, въ какихъ самъ находился прежде къ Годунову. Вотъ почему въ 1605 году похититель шведскій получилъ отъ Димитрія письмо, въ которомъ тотъ объявлялъ ему о своемъ воцареніи и увѣщевалъ возвратить похищенный престолъ Сигизмунду, въ противномъ случаѣ грозилъ войною ([3]).

Таковы были внѣшнія сношенія при Димитріи. Между тѣмъ въ юго-восточныхъ областяхъ Московскаго государства произошло явленіе, которое обнаружило опасное состояніе государственнаго организма и предвѣщало бѣдствія продолжительныя и ужасныя. Было уже упомянуто о происхожденіи и природѣ старинныхъ казаковъ, бездомовныхъ отверженниковъ общества, которыхъ интересы находились въ прямой противоположности съ интересами государства; и для которыхъ необходимы были самозванцы. Казаки терскіе, оберегавшіе южныя прикавказскія границы Россіи, тяготились этою службою и искали средствъ, какъ бы освободиться изъ-подъ государственной опеки. Сперва думали они итти на рѣку Куру и грабить турецкія области, а въ случаѣ неудачи предложить услуги свои персидскому шаху Аббасу; таковъ былъ постоянный обычай казаковъ: грабить, пока можно, безъ всякаго видимо-законнаго предлога, и при

([1]) Никон. VIII, 73.

([2]) Чтенія Импер. Общ. Истор. и Древ. Рос. при Москов. Универс. № 1, 1846, статья О. Бодянскаго: О поискахъ моихъ въ познанской публичной библіотекѣ.

([3]) Histor. Ross. Monum. II, № LXVI.

первой неудачѣ отдаваться въ покровительствѣ какому бы то ни было обществу. Но скоро терскихъ казаковъ кто-то надоумилъ, что гораздо выгоднѣе, подъ знаменами сомозванца, пустошить Московское государство; триста самыхъ удалыхъ изъ нихъ, подъ начальствомъ атамана Өедора Бодырина, условились выставить искателя престола, для чего стали разглашать, что въ 1592 году царица Ирина родила сына Петра, котораго Годуновъ подмѣнилъ дѣвочкою Өедосіею, скоро послѣ того умершею: выдумка, по всѣмъ вѣроятіямъ, московская, а не терекская: кажется, тѣже самые бояре, свергнувшіе Годунова Отрепьевымъ, захотѣли испытать такое же средство и противъ послѣдняго, по-крайней-мѣрѣ появленіемъ новаго самозванца затруднить Димитрія, отвлечь его вниманіе отъ ихъ заговора. Какъ бы то ни было, для молодыхъ казаковъ астраханецъ Димитрій и муромецъ Илья признаны способными играть роль царевича; но первый отказался, говоря, что въ Москвѣ онъ никогда не бывалъ и не знаетъ тамошнихъ дѣлъ, ни царскихъ обычаевъ; тогда положили Ильѣ быть царевичемъ. Этотъ молодой человѣкъ былъ побочный сынъ муромскаго жителя Ивана Коровина. По смерти отца и матери, Илью взялъ нижегородскій купецъ Грозильниковъ въ сидѣльцы, и сидѣлъ онъ въ лавкѣ съ яблоками да съ горшками. Оставаясь три года въ этой должности, Илья имѣлъ случай съѣздить въ Москву, гдѣ прожилъ пять мѣсяцовъ. Отъ Грозильникова нанимался онъ у разныхъ торговыхъ людей въ кормовыхъ казакахъ (для стряпни) и ходилъ съ судами по Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ; въ 1603 году онъ является уже казакомъ при войскѣ, ходившемъ въ Тарки, здѣсь перешелъ изъ казаковъ въ стрѣльцы, а по возвращеніи изъ похода въ Терскій городъ, вступилъ въ услуженіе къ Григорію Елагину, у котораго и зимовалъ. Лѣтомъ 1604 года поѣхалъ въ Астрахань, тамъ опять вступилъ въ казаки и отправился на Терекъ въ отрядѣ казачьяго головы Аөанасія Андреева (¹). Всѣ эти похожденія показываютъ, что Ильѣ не могло быть меньше двадцати лѣтъ отъ роду, тогда какъ царевичу Петру не могло быть болѣе четырнадцати; но такая несообразность не остановила казаковъ; они говорили: «Государь де насъ хотѣлъ пожаловать, да лихи де бояре, переводятъ де жалованье бояре, да не дадутъ жалованья (²)». Они твердо положили исполнить свое намѣреніе и отвезли Илью къ казачьему атаману Гаврилѣ Пану. Терскій воевода, Петръ Головинъ, узнавъ о появленіи Самозванца, послалъ къ казакамъ съ предложеніемъ отослать его къ нему въ городъ; но мятежники не послушались и спустились на стругахъ до моря, гдѣ остановились на островѣ, противъ устья Терека. Напрасно Головинъ уговаривалъ ихъ не

(¹) Акты арх. эксп. т. II, № 81.
(²) Тамъ же.

покидать границы беззащитною и оставить, по-крайней-мѣрѣ, половину казаковъ на Терекѣ: казаки не хотѣли ничего слушать и всѣ, въ числѣ 4,000, отправились къ Астрахани. Не будучи впущены въ городъ, они миновали его и поплыли вверхъ по Волгѣ, занимаясь разбойничествомъ. Димитрій, который по собственному опыту зналъ, какъ опасно высылать войска противъ прирожденныхъ государей, послалъ звать царевича Петра въ столицу, объявивъ, что приказано взять нужныя мѣры для обезпеченія его продовольствія на пути. Посланный засталъ его въ Самарѣ; казаки приняли предложеніе и двинулись съ Ильею къ Москвѣ; но дядя не могъ уже свидѣться съ племянникомъ.

Вовсе не желая, какъ мы видѣли, жертвовать интересами своего государства интересамъ дворовъ иностранныхъ, римскаго и польскаго, Димитрій вмѣстѣ съ тѣмъ однако не могъ, не умѣлъ показаться своему народу царемъ, сохраняющимъ его интересы, именно потому, что явно пренебрегалъ внѣшностію, которою всего болѣе руководствуется толпа въ своихъ сужденіяхъ, ибо внутренняго не знаетъ, и если знаетъ, то не разумѣетъ. Димитрій думалъ, что, удовлетворивъ низшимъ классамъ народонаселенія соблюденіемъ старыхъ обычаевъ, онъ можетъ позволить себѣ внутри дворца образъ жизни, который своими удобствами и разгульемъ обольстилъ его въ странѣ чуждой: но внутри дворца, около трона стояли заклятые враги царя, слѣдившіе за каждымъ его движеніемъ и проносившіе каждое движеніе его въ толпахъ народа, разумѣется съ преувеличеніями. Иногда впрочемъ Димитрій явно, передъ всѣми поступалъ необдуманно, оскорблялъ народъ: такъ онъ велѣлъ вывести арбатскихъ и чертольскихъ священниковъ изъ занимаемыхъ ими домовъ, въ которые перевелъ своихъ нѣмецкихъ тѣлохранителей. Говорятъ также, будто онъ велѣлъ осмотрѣть монастыри, представить вѣдомость ихъ доходамъ, оцѣнить ихъ вотчины, и, оставивъ только необходимое для содержанія монаховъ, все прочее отобралъ въ казну на жалованье войску, сбиравшемуся въ походъ противъ турокъ. Но мы не можемъ принять этого извѣстія, во-первыхъ потому, что, какъ мы видѣли, Димитрій подтверждалъ монастырямъ жалованныя грамоты и давалъ новыя; во-вторыхъ потому, что это извѣстіе находится только у троихъ иностранныхъ писателей — автора Московской Хроники, Гревенбруха и автора Легенды: еслибъ оно было справедливо, то какъ могло статься, что до насъ не дошло никакого акта объ этомъ важномъ событіи, что о немъ не было упомянуто ни въ какомъ позднѣйшемъ актѣ, наконецъ какъ могло случиться, что лѣтописцы русскіе, которые стараются всячески чернить память Димитрія, пропустили безъ вниманія такой важный поступокъ? Впрочемъ вѣроятно,

что, подобно Ивану Грозному, Димитрій потребовалъ у духовенства сильнаго вспоможенія для наступающей войны съ невѣрными, а это ревностнымъ протестантамъ показалось отобраніемъ имущества у монаховъ. Вообще надобно замѣтить, что хотя и были причины къ народному неудовольствію, которое иногда и обнаруживалось, однако это неудовольствіе далеко не было такъ сильно и всеобще, какъ обыкновенно представляютъ; увѣренность въ царскомъ происхожденіи Димитрія и усердіе къ его особѣ далеко не у всѣхъ были поколеблены. Такъ однажды Басмановъ донесъ царю, что нѣкоторые стрѣльцы распускаютъ о немъ дурные слухи; Димитрій какъ прежде отдалъ дѣло Шуйскаго на рѣшеніе всей земли, такъ теперь отдалъ дѣло семерыхъ обличенныхъ стрѣльцовъ на рѣшеніе ихъ товарищей; тогда голова стрѣлецкій, Григорій Микулинъ, грубо выразилъ свое усердіе: «освободи, государь, мнѣ — сказалъ онъ — я у тѣхъ твоихъ государевыхъ измѣнниковъ не только что головы поскусаю, и черева изъ нихъ своими зубами повытаскаю»; и тутъ же, по знаку Микулина, стрѣльцы бросились на обвиненныхъ товарищей и изрубили ихъ въ куски. Но зато гораздо поразительнѣе былъ въ противоположномъ смыслѣ поступокъ дьяка Тимоѳея Осипова: постившись и причастясь св. Таинъ, Осиповъ пришелъ во дворецъ и передъ всѣми началъ говорить Димитрію: «ты воистину Гришка Отрепьевъ, рострига, а не цесарь непобѣдимый, ни царевъ сынъ Димитрій, но грѣху рабъ и еретикъ» (1). Это вывело царя изъ терпѣнія: онъ велѣлъ немедленно казнить Осипова. Вольная, нарушавшая обычаи предковъ жизнь Димитрія также находила усердныхъ и явныхъ порицателей среди самыхъ царедворцевъ: такъ однажды, когда въ четвергъ на шестой недѣлѣ великаго поста за столомъ царскимъ подали жареную телятину, то князь Василій Шуйскій замѣтилъ Димитрію, что въ постъ русскіе не могутъ ѣсть мяса; послѣдній, охотникъ до споровъ, началъ возражать князю; тогда думный дворянинъ, извѣстный уже намъ Татищевъ, взялъ сторону Шуйскаго и наговорилъ царю такихъ вещей, что тотъ долженъ былъ выгнать его изъ-за стола и хотѣлъ было сослать въ Вятку, но былъ упрошенъ Басмановымъ. Неудовольствія усилились съ прибытіемъ Марины въ Москву. Димитрій, страстно влюбленный въ свою невѣсту, не хотѣлъ принуждать ее въ дѣлахъ вѣры, требуя только отъ нея наружнаго соблюденія православныхъ обрядовъ въ глазахъ народа; но этою уступкою онъ не могъ угодить послѣднему: знали царедворцы, слѣдовательно зналъ и народъ, что Марина остается латинкою. Грекъ Игнатій согласился совершить бракъ и вѣнчать Марину на

(1) Палиц. стр. 29

царство, но архіереи русскіе — Гермогенъ казанскій и Іоасафъ коломенскій, говорили, что если невѣста не перемѣнитъ исповѣданія, то бракъ не будетъ законнымъ; Гермогенъ былъ удаленъ въ свою эпархію и тамъ заключенъ въ монастырь, Іоасафа оставили въ покоѣ, неизвѣстно по какимъ причинамъ. Бракъ и царское вѣнчаніе были совершены, и здѣсь новый соблазнъ, новая причина къ неудовольствію: сватьба была на девятое мая, на пятницу и на Николинъ день, что запрещено уставомъ православной церкви. Но не одни духовные интересы были затронуты съ прибытіемъ Марины: для помѣщенія родственниковъ невѣсты вывели изъ кремлевскихъ домовъ не только купцовъ и духовныхъ, но даже бояръ, и въ томъ числѣ мнимыхъ родственниковъ царя — Нагихъ; притомъ спутники Мнишекъ, поляки, вели себя въ Москвѣ съ безразсудною кичливостію (1); вѣроятно Димитрію нарочно не доносили объ этомъ для большаго раздраженія народа, ибо мы прежде видѣли, что Димитрій не потакалъ полякамъ, хотѣвшимъ насильничать въ Москвѣ. Народъ волновался; купцы исправно обирали расточительныхъ гостей, но въ душѣ скрывали тоску и злобу (2). Казаки, вѣрные союзники Димитрія, также не упускали случая ругаться надъ гражданами, называли ихъ жидами. Тогда Шуйскій съ товарищами увидѣли, что приспѣло время приступить къ дѣлу. Начальниками заговора были князья: Василій Ив. Шуйскій и Василій Вас. Голицынъ, оба хотѣвшіе престола для себя; князь Мстиславскій, первый въ думѣ, былъ послѣднимъ при каждомъ движеніи, по недостатку энергіи. Шуйскій и Голицынъ стояли теперь дружно, потому-что имѣли общую цѣль — сверженіе Самозванца; соперничество ихъ начиналось по ея достиженіи. Къ нимъ присоединилось много бояръ и людей думныхъ. Подозрительность сильно повредила Годунову, довѣрчивость погубила Димитрія: онъ не только простилъ Шуйскихъ, но снова далъ имъ прежнія мѣста, снова обходился съ ними какъ съ ближними и пріятелями. Мы упоминали, что Годуновъ не позволялъ жениться ни Шуйскому, ни Мстиславскому, думая, что безпотомственность положитъ преграду ихъ честолюбивымъ замысламъ: но сѣдины и старость уже преклонная не потушили въ Шуйскомъ ни честолюбія, ни желанія имѣть наслѣдника; вмѣстѣ съ Мстиславскимъ онъ просилъ у царя позволеніе жениться — и получилъ его: Мстиславскій женился на двоюродной сестрѣ царицы Маѳы, Шуйскій былъ помолвленъ на княжнѣ Буйносовой-Ростовской, также родственницѣ Нагихъ; но это не помѣшало ему дѣйствовать

(1) Petricii, Histor. Moscov. l. II, p. 108: Nos certe non omiserim, securius corruptiusque, quam media in pace, et non in alieno et hostili solo, libidinem, insolentiam, cupidinem, avaritiam intendentes etc.

(2) Палиц. стр. 28.

противъ мнимаго родственника своей невѣсты. Еще прежде свадьбы царской между боярами было все улажено: для сохраненія единства между собою, столь необходимаго въ такомъ дѣлѣ, главные заговорщики — Шуйскіе, В. В. Голицынъ и Ив. Сем. Куракинъ, положили прежде всего убить Разстригу, «а по немъ изъ нихъ кому царемъ быти и никому за прежнія досады не мстити, но общимъ совѣтомъ россійское царство управляти» ([1]). Эти важныя слова лѣтописи объясняютъ намъ послѣдующія явленія въ царствованіе Шуйскаго, именно ограниченіе власти царя совѣтомъ боярскимъ. Условившись съ своею братьею, Шуйскій началъ дѣйствовать на народъ; мы уже упоминали прежде о расположеніи, какое питали къ нему торговые люди московскіе; кромѣ того онъ привлекъ на свою сторону восьмнадцатитысячный отрядъ войска, стоявшаго подлѣ Москвы и назначеннаго къ походу на Крымъ ([2]); и тутъ, когда дѣло доходило до народнаго возстанія, граждане старыхъ вѣчевыхъ городовъ, новгородцы и псковитяне заняли первое мѣсто ([3]); новгородцы не измѣнили и тутъ прежнимъ связямъ: Шуйскій былъ послѣднимъ воеводою вольныхъ людей, за Шуйскаго стояли новгородцы всѣмъ городомъ противъ Бѣльскаго въ малолѣтство Грознаго, и теперь первые пришли на призывъ Шуйскаго. Ночью собрались къ послѣднему бояре, купцы, сотники и пятидесятники. Шуйскій объявилъ имъ о страшной опасности, которая грозитъ Москвѣ отъ царя, преданнаго полякамъ ([4]), прямо открылся, что Самозванца признали истиннымъ Димитріемъ только для того, чтобы избавиться отъ Годунова и думая найти въ молодомъ человѣкѣ, одаренномъ блестящими качествами, защитника вѣры и отеческихъ обычаевъ, но что жестоко обманулись въ своей надеждѣ: новый царь любитъ только иноземцевъ, презираетъ святыню, оскверняетъ храмы, изгоняетъ священниковъ изъ домовъ, которые отдаетъ иновѣрцамъ, наконецъ женится на полькѣ поганой. «Если мы — продолжалъ Шуйскій — не возьмемъ заранѣе своихъ мѣръ, то испытаемъ еще бо́льшія бѣдствія. Я, съ своей стороны, для спасенія православной вѣры, снова готовъ рѣшиться на все, лишь бы вы помогли мнѣ усердно: каждый сотникъ долженъ объявить своимъ подчиненнымъ о самозванствѣ царя и злыхъ умыслахъ его съ поляками, пусть ратные люди совѣтуются съ гражданами о томъ, какъ отклонить бѣду; въ случаѣ единодушія успѣхъ несомнѣненъ: за насъ нѣсколько сотъ тысячъ, за Димитрія пять тысячъ поляковъ, и то разсѣянныхъ по разнымъ частямъ города». Нашлась

([1]) Степ. кн. Латух.
([2]) Histor. Russ. Monum. p. 173.
([3]) Сказаніе еже содѣяся, въ Чтеніяхъ М. И. О. т. IX.
([4]) Москов. Хрон. стр. 74.

толпа людей, готовыхъ стать орудіемъ для исполненія замысла; однако боялись приверженности многихъ гражданъ къ Димитрію, и потому условились по первому набату броситься во дворецъ съ крикомъ: «Поляки губятъ царя», чтобъ этимъ возбудить и доброжелателей послѣдняго, а потомъ уже, окруживъ Димитрія какъ будто для защиты, предать его смерти; положено было ворваться въ тоже время въ жилища поляковъ, означенныя наканунѣ русскими буквами, и перебить ненавистныхъ гостей; нѣмцевъ положено не трогать, потому-что знали уже равнодушіе этихъ честныхъ наемниковъ, которые храбро сражались за Годунова, вѣрны Димитрію до его смерти, а потомъ будутъ также вѣрны новому царю изъ бояръ. Если заговорщики условились разглашать въ народѣ о самозванствѣ Димитрія и вредныхъ его замыслахъ, то ясно, что эти слухи должны были медленно обнаружиться: если трезвые были осторожны, зато пьяные громко проклинали царя еретика и поганую царицу. Нѣмецкіе алебардщики схватили одного изъ такихъ крикуновъ и привели во дворецъ; но бояре сказали Димитрію, что не слѣдуетъ обращать вниманія на бредни пьянаго человѣка и слушать доносы нѣмецкихъ наушниковъ, особенно когда у него столько силы, что легко задавитъ всякой мятежъ, еслибъ даже кто-нибудь и вздумалъ его затѣять. Такія рѣчи какъ нельзя лучше приходились по характеру Димитрія, который больше всего боялся показаться трусливымъ и недовѣрчивымъ. Вотъ почему, когда начальники иноземной стражи, съ нѣмецкою аккуратностію, на бумагѣ три дня сряду доносили ему о замышляемомъ возстаніи, то сначала Димитрій спряталъ ихъ донесеніе, сказавши: «все это вздоры»; наконецъ это ему такъ наскучило, что онъ велѣлъ наказывать доносчиковъ. Въ тоже время готовилась воинская потѣха: Димитрій хотѣлъ сдѣлать примѣрный приступъ къ деревянному городку, выстроенному за срѣтенскими воротами. Заговорщики воспользовались этими приготовленіями и распустили слухъ, что Димитрій, во время потѣхи, хочетъ истребить всѣхъ знаменитыхъ бояръ и потомъ уже безпрепятственно подѣлиться съ Польшею московскими областями и ввести латинство. Народъ, все сильнѣе и сильнѣе подстрекаемый, и не видя никакого препятствія, никакихъ мѣръ со стороны правительства, не могъ долѣе сдерживаться; по ночамъ многочисленныя толпы бродили по улицамъ, ругая поляковъ; доходило и до драки: квартира князя Вишневецкаго была разъ осаждена толпою, состоявшею тысячъ изъ четырехъ человѣкъ. Димитрій смотрѣлъ на все это, какъ на необходимое столкновеніе между двумя враждебными народами; ему донесли однажды, что одинъ полякъ обезчестилъ боярыню, ѣхавшую въ повозкѣ; Димитрій нарядилъ слѣдствіе во дворцѣ, изъ кото-

раго однако, по увѣренію поляковъ, ничего не оказалось (1). Поляки впрочемъ не раздѣляли безпечности Димитрія, который долженъ былъ двукратно посылать къ посламъ съ увѣреніемъ, что нечего бояться, ибо онъ такъ хорошо принялъ въ руки государство, что безъ воли его ничего произойти не можетъ. Несмотря на то, послы поставили у себя на дворѣ стражу, а Мнишки расположили на своихъ квартирахъ всю польскую пѣхоту, которую привели съ собою. Эти ратники донесли воеводѣ, что москвитяне не продаютъ имъ болѣе пороху и оружія; встревоженный Мнишекъ тотчасъ пошелъ сказать объ этомъ Димитрію, но тотъ отвѣчалъ ему смѣхомъ, удивляясь малодушію поляковъ; однако для успокоенія тестя велѣлъ разставить по улицамъ стрѣлецкую стражу. Въ ночь съ шестнадцатаго на семнадцатое мая вошелъ въ городъ восемьнадцатитысячный отрядъ, назначенный въ Елецъ противъ крымцевъ; между тѣмъ заговорщики заняли всѣ двѣнадцать воротъ и не пускали уже никого ни въ Кремль, не изъ Кремля. Нѣмецкіе стражи, которыхъ обыкновенно находилось во дворцѣ по сту человѣкъ, получили именемъ царскимъ приказъ отъ бояръ разойтись по домамъ, такъ-что при дворцѣ осталось только тридцать алебардщиковъ. Поляки ничего не знали объ этихъ распоряженіяхъ, и спали спокойно, тѣмъ болѣе, что пятница, шестнадцатое число, прошла безъ всякаго шуму и приключенія; но не спали заговорщики, дожидаясь условленнаго знака. Около четырехъ часовъ утра ударили въ колоколъ у Ильи Пророка близь гостинаго двора, и разомъ заговорили всѣ колокола московскіе. Толпы народу, между прочимъ и преступники, освобожденные изъ темницъ (2), вооруженные чѣмъ ни попало, хлынули на Красную площадь; тамъ уже сидѣли на коняхъ бояре и дворяне, числомъ до двухъ сотъ, въ полномъ вооруженіи; на тревогу выбѣжали изъ домовъ и тѣ изъ москвитянъ, которые не знали о заговорѣ; на вопросы о причинѣ смятенія имъ отвѣчали, какъ было условлено, что Литва бьетъ бояръ, хочетъ умертвить и царя; тогда всѣ спѣшили на защиту своихъ. Понятно, что для бояръ было важно поскорѣе, безъ объясненій кончить дѣло съ Димитріемъ внутри Кремля и дворца, среди своихъ, безъ многочисленныхъ свидѣтелей изъ народа; вотъ почему Шуйскій, не дожидаясь, пока много народу соберется на площадь, въ сопровожденіи однихъ приближенныхъ заговорщиковъ въѣхалъ въ Кремль чрезъ Спасскія ворота, держа въ одной рукѣ крестъ, въ другой мечь. Подъѣхавъ къ Успенскому собору, онъ сошелъ съ лошади, приложился къ образу владимірскія Богоматери и сказалъ

---

(1) Histor. Russ. Monum. p. 173.
(2) Petricii, Histor. Moschov. l. II, p. 111, 112.

толпившемуся около церкви народу: «во имя Божіе идите на злого еретика!» и толпы двинулись ко дворцу. Набатъ и тревога разбудили Димитрія; онъ послалъ Басманова узнать о причинахъ смятенія: встрѣченные бояре отвѣчали, что они сами не знаютъ, но вѣроятно случился гдѣ-нибудь пожаръ. Димитрій сначала было успокоился; но потомъ, когда шумъ становился все сильнѣе и сильнѣе, выслалъ вторично Басманова освѣдомиться обстоятельнѣе. На этотъ разъ любимецъ Димитрія былъ встрѣченъ неприличными ругательствами и воплемъ: «выдай самозванца!» Басмановъ бросился назадъ, приказалъ стражѣ не впускать ни одного человѣка, а самъ въ отчаяніи прибѣжалъ къ Димитрію и увѣдомилъ его о возстаніи. Стража оробѣла и позволила одному изъ заговорщиковъ ворваться въ царскій покой и закричать Димитрію: «ну, безвременный царь, проспался ли ты? зачѣмъ не выходишь къ народу и не даешь ему отчета?» Басмановъ, схвативъ царскій палашъ, отрубилъ голову крикуну; это ободрило Димитрія: онъ выхватилъ мечъ у одного изъ тѣлохранителей и началъ грозить имъ толпѣ, крича: «я вамъ не Годуновъ!» однако выстрѣлы принудили его удалиться. Басмановъ былъ смѣлѣе: онъ подошелъ къ боярамъ и началъ уговаривать ихъ не выдавать народу Димитрія: тогда Татищевъ, тотъ самый, который былъ спасенъ Басмановымъ отъ ссылки, обругалъ его какъ нельзя хуже и ударилъ своимъ длиннымъ ножомъ такъ, что тотъ палъ мертвый; трупъ его сбросили съ крыльца. Смерть Басманова придала духу толпѣ, потому-что, какъ обыкновенно бываетъ при возстаніяхъ, народъ ждетъ первой крови; заговорщики стали смѣлѣе напирать на тѣлохранителей; Димитрій снова вышелъ, хотѣлъ разогнать народъ палашомъ, но увидѣлъ, что сопротивленіе безполезно; отчаяніе овладѣло имъ, онъ кинулся въ покои жены сказать ей, чтобъ спасалась отъ мятежниковъ, а самъ поспѣшилъ пробраться въ каменный дворецъ; здѣсь выскочилъ изъ окна на подмостки, устроенныя для брачнаго празднества, съ однихъ подмостковъ хотѣлъ перепрыгнуть на другія, но оступился, упалъ съ пятнадцатисаженной вышины на житный дворъ, вывихнулъ себѣ ногу и разбилъ грудь. Между тѣмъ заговорщики, обезоруживъ стражу, бѣгали изъ одной комнаты въ другую, ища Димитрія, наконецъ достигли покоевъ Марины. Послѣдняя, узнавъ отъ мужа объ опасности, спустилась сперва внизъ, въ одинъ изъ подваловъ; но потомъ, когда ей отсовѣтовали тутъ оставаться, опять взошла на верхъ, при чемъ была столкнута съ лѣстницы неузнавшею ее толпою, и едва успѣла пробраться въ свою комнату, какъ заговорщики явились у дверей ея. Тутъ встрѣтилъ ихъ служитель Марины, Янъ Осмульскій, и долго одинъ сдерживалъ натискъ толпы; наконецъ палъ подъ ударами; подстрѣлили и одну старую панну Хмѣлов-

скую, которая скоро послѣ того умерла отъ ранъ; однако сопротивленіе Осмульскаго дало Маринѣ время спрятаться подъ юбку своей гофмейстерины. Заговорщики ворвались въ комнату и съ ругательствами спрашивали у женщинъ, гдѣ царь и царица? Имъ отвѣчали, что о царѣ не знаютъ, а царицу отправили въ домъ къ отцу ея. Прибытіе бояръ, главъ заговора, положило конецъ отвратительнымъ сценамъ грабежа и безстыдства [1]; они выгнали толпу и приставили стражу, чтобъ не пускать никого къ женщинамъ; Марину, которая вышла изъ своего убѣжища, проводили въ другую комнату. Распорядившись насчетъ Марины, бояре спѣшили предотвратить страшную опасность, которая начинала было грозить имъ: стрѣльцы, стоявшіе на караулѣ близь того мѣста, куда упалъ Димитрій, услышали стоны раненаго, узнали Димитрія, отлили его водою и перенесли на каменный фундаментъ сломаннаго дворца борисова. Придя въ себѣ, Димитрій сталъ умолять стрѣльцовъ, чтобъ они приняли его сторону, обѣщая имъ въ награду женъ и имѣніе измѣнниковъ бояръ. Стрѣльцамъ понравилось обѣщаніе, и они рѣшились стоять за Димитрія, такъ что когда заговорщики приблизились къ нему, то были встрѣчены ружейными выстрѣлами. Главы заговора поняли всю опасность, которая грозила имъ въ томъ случаѣ, еслибъ заступничествомъ стрѣльцовъ Димитрій остался живъ и на престолѣ; вотъ почему князь В. И. Шуйскій горячо убѣждалъ своихъ докончить начатое дѣло убійствомъ самозванца; онъ говорилъ: «мы имѣемъ дѣло не съ такимъ человѣкомъ, который бы могъ забыть малѣйшую обиду (какъ это хорошо въ устахъ Шуйскаго, послѣ того, какъ поступилъ съ нимъ Димитрій!), только дайте ему волю, онъ запоетъ другую пѣсню: передъ своими глазами погубитъ насъ въ жесточайшихъ мукахъ! Мы имѣемъ дѣло не просто съ коварнымъ плутомъ, но съ свирѣпымъ чудовищемъ, задушимъ его, пока оно въ ямѣ. Горе намъ, горе женамъ и дѣтамъ нашимъ, если бестія выползетъ изъ пропасти!» Эти слова произвели свое дѣйствіе; заговорщики придумали самое вѣрное средство испугать стрѣльцовъ и заставить ихъ покинуть Димитрія; они закричали: «Пойдемъ въ стрѣлецкую слободу, истребимъ семейства стрѣльцовъ, если они не хотятъ выдать намъ измѣнника, плута, обманщика». Стрѣльцы точно испугались этой угрозы и предали Димитрія на жертву врагамъ его, которые потащили его въ новый деревянный дворецъ, уже разграбленный и опустошенный. Въ передней Димитрій прослезился, увидѣвъ вѣрныхъ своихъ алебардщиковъ, стоявшихъ безъ оружія, съ поникшими головами. Принесшіе его заговорщики, съ ругательствомъ и съ побо-

---

(¹) Москов. Хрон. стр 263.

ями спрашивали его: «кто ты, кто твой отецъ, откуда ты родомъ?» Онъ отвѣчалъ: «вы всѣ знаете, что я царь вашъ, сынъ Ивана Васильевича. Спросите обо мнѣ мать мою или выведите меня на лобное мѣсто и дайте объясниться». Но ясно, что бояре не могли допустить его до этого объясненія; о чемъ далѣе говорили они съ Димитріемъ, неизвѣстно, потому-что ливонецъ Фирстенбергъ, который изъ состраданія къ Димитрію прокрался было близко къ нему, былъ убитъ, какъ свидѣтель опасный; на трогательное обращеніе къ матери, князь Ив. Вас. Голицынъ отвѣчалъ, что онъ уже былъ у нея, спрашивалъ, и что она отрекается отъ мнимаго сына, утверждая, что истинный убитъ въ Угличѣ; тоже самое было повѣщено народу, съ прибавкою, что самъ Димитрій винится въ своемъ самозванствѣ, и что Нагіе подтверждаютъ показаніе Мароы; тогда отовсюду раздались крики: «бей его, руби его!» Изъ толпы выскочилъ сынъ боярскій, какой-то Григорій Валуевъ, и выстрѣлилъ въ Димитрія, сказавъ: «Что толковать съ еретикомъ, я благословлю польскаго свистуна!» Другіе дорубили несчастнаго и бросили трупъ его съ крыльца на тѣло Басманова, приговаривая: «Ты любилъ его живого, не разставайся и съ мертвымъ». Тогда чернь овладѣла трупами и, обнаживъ ихъ, потащила черезъ Спасскія ворота на Красную площадь; поровнявшись съ Вознесенскимъ монастыремъ, толпа остановилась и спрашивала у Мароы: «твой ли это сынъ?» Старуха, одинаково притворная въ печали и радости, отвѣчала: «Вы бы спрашивали меня объ этомъ, когда онъ еще былъ живъ; теперь уже онъ, разумѣется, не мой [1]». На красной площади выставлены были оба трупа, при чемъ не пощадили никакого рода ругательствъ. Но въ то время, какъ однѣ толпы народа ругались надъ обезображеннымъ трупомъ того, кого незадолго величали краснымъ солнцемъ Руси, другія раздѣлывались съ ненавистными гостями польскими. Прежде всего были убиты польскіе музыканты, найденные во дворцѣ; потомъ бросились къ домамъ, занятымъ ихъ единоземцами: мужчинъ били, женщинъ уводили къ себѣ; но воевода Сендомирскій, сынъ его и князь Вишневецкій отражали силу силою до тѣхъ поръ, пока имъ на помощь не подоспѣли бояре, которые, имѣя только въ виду раздѣлаться съ Самозванцемъ, вовсе не хотѣли заводить войны съ Польшею безполезнымъ убійствомъ ея пановъ. Пословъ польскихъ не тронули; бояре послали сказать Олесницкому и Гонсѣвскому, что имъ, какъ посламъ, опасаться нечего: жизнь ихъ будутъ тщательно сберегать; но, съ своей стороны, послы и люди ихъ не должны мѣшаться съ другими поляками, которые пріѣхали съ воеводою сендо-

---

(1) Petricii, II, 116.

мирскимъ въ надеждѣ завладѣть Москвою и надѣлали много зла русскимъ». Гонсѣвскій отвѣчалъ: «Вы сами признали Димитрія царевичемъ, сами посадили его на престолъ; теперь же, узнавъ, какъ говорите, о его самозванствѣ, убили его. Намъ нѣтъ до того никакого дѣла, и мы совершенно покойны насчетъ нашей безопасности, потому-что не только въ христіянскихъ государствахъ, но даже и въ бусурманскихъ особа пословъ неприкосновенна. Что же касается до остальныхъ поляковъ, то они пріѣхали не на войну, не для того, чтобъ овладѣть Москвою, но на свадьбу, по приглашенію вашего государя, и если кто-нибудь изъ людей ихъ обидѣлъ кого-нибудь изъ вашихъ, то на это есть судъ; и потому просимъ бояръ не допускать до пролитія крови подданныхъ королевскихъ, потому-что если станутъ бить ихъ передъ нашими глазами, то не только люди наши, но и мы сами не будемъ равнодушно смотрѣть на это, и согласимся лучше всѣ вмѣстѣ погибнуть; о слѣдствіяхъ же предоставимъ судить самимъ боярамъ думнымъ». Для охраненія пословъ было поставлено около дома ихъ пятьсотъ стрѣльцовъ. За часъ до полудня прекратилась рѣзня, продолжавшаяся семь часовъ; по однимъ извѣстіямъ (1) поляковъ было убито 1,200 человѣкъ, а русскихъ 400, по другимъ (2), однихъ поляковъ 2,135 человѣкъ; иные же полагаютъ 1,500 поляковъ и 2,000 москвитянъ (3).

Были однако люди, которые осмѣлились забыть прошедшее для честолюбивыхъ замысловъ о будущемъ, которые осмѣлились думать, что и другіе точно также забудутъ прошедшее. За Годунова было прошедшее: умъ и прежнее блистательное правленіе выдвигали его изъ толпы; по смерти Θеодора онъ необходимо для каждаго являлся на первомъ планѣ, былъ царемъ, давно уже ознаменованнымъ; Годунова можно было свергнуть только Лжедимитріемъ, только тѣнью сына Іоаннова; но чѣмъ выдвигались изъ толпы Шуйскій и Голицынъ, какое прошедшее могли выставить за себя? Несмотря на то однако, Шуйскій и Голицынъ стояли въ челѣ заговора, имѣя ввиду престолъ; каждый изъ нихъ имѣлъ свою сторону; сторона Шуйскаго естественно была сильнѣе, во-первыхъ уже потому, что онъ болѣе выдавался изъ толпы чѣмъ Голицынъ, особенно въ послѣднее время; во-вторыхъ потому, что онъ имѣлъ сильную партію между жителями Москвы: тѣ, которые имѣли силу и отвагу свергнуть Лжедимитрія, не могли не воспользоваться этою силою и отвагою для возведенія на престолъ своего вождя, своего любимаго боярина. Противники Шуйскаго знали это, и потому хотѣли противопоставить голосу москов-

---

(1) Де Ту, въ Сказ. Соврем.
(2) Москов. Хрон., тамъ же.
(3) Petricii, l. II., p. 127, 129.

скихъ сторонниковъ князя Василія голосъ выборныхъ изо всей земли русской, созванія которыхъ они требовали. Но Шуйскій не хотѣлъ дожидаться земской думы и рѣшился захватить престолъ точно такимъ же образомъ, какъ недавно свергнулъ съ него Лжедимитрія, т. е. скопомъ и заговоромъ. 19 мая, въ 6 часовъ утра, купцы, разнощики и ремесленники толпились на Красной площади точно такъ какъ 17 числа; бояре, придворные сановники, вмѣстѣ съ знатнѣйшимъ духовенствомъ, вышли также на площадь: они предложили избрать патріарха, который долженъ былъ стоять во главѣ временного правленія, и разослать между тѣмъ повсюду грамоты для созванія земской думы; они хотѣли сперва избрать патріарха, потому-что еслибъ имъ удалось избрать его изъ своихъ, то Шуйскому было бы трудно получить согласіе думы: изъ опыта было извѣстно, какое могущественное вліяніе на рѣшеніе выборныхъ имѣлъ глава церкви. Но на предложеніе бояръ въ толпѣ закричали, что патріархъ не такъ нуженъ, какъ царь, которымъ долженъ быть князь Василій Ивановичъ. Бояре не смѣли противиться, и Шуйскій былъ провозглашенъ царемъ. Итакъ, повторяю опять, Шуйскій былъ избранъ точно также, какъ былъ свергнутъ Лжедимитрій, скопомъ и заговоромъ, не только безъ согласія всего государства, но даже безъ согласія всѣхъ жителей Москвы; умѣренная, спокойная масса народонаселенія не была довольна въ обоихъ случаяхъ, по крайней-мѣрѣ не сказала своего *да*: самое гибельное предзнаменованіе для новаго царя, потому-что когда усердіе клевретовъ его охладѣетъ, то кто поддержитъ его? Такимъ образомъ на московскомъ престолѣ явился царь партіи; но партія противная существовала: озлобленная неудачею, она не теряла надеждъ; къ ней присоединились, т. е. объявили себя противъ Шуйскаго, всѣ тѣ, которымъ были выгодны перемѣны, и всякая перемѣна могла казаться теперь законною, ибо настоящаго, установленнаго, освященнаго ничего не было. Масса людей умѣренныхъ молчала, потому-что не питала сочувствія ни къ одному явленію, ни къ новому порядку вещей, ни къ движеніямъ противъ него направленнымъ; произволу людей безпокойныхъ открывалось свободное поприще, а представители общества, люди, неразрознившіе своихъ интересовъ съ интересами послѣдняго, должны были сносить все буйство этого произвола, не имѣя на что опереться, во имя чего ратовать, не имѣя сочувствія къ человѣку, который провозгласилъ себѣ главою государства.

ПРОФЕССОРЪ С. СОЛОВЬЕВЪ.

II.

ОБЗОРЪ СОБЫТІЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ,

ОТЪ КОНЧИНЫ ЦАРЯ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

ГЛАВА VII.

ОКОНЧАНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА ШУЙСКАГО.

Въ то время, какъ Московское государство раздиралось усобицами, когда Шуйскій полагалъ спасеніе свое въ нѣсколькихъ тысячахъ иноземцевъ, — въ это время Польша оставалась спокойною, не хотѣла воспользоваться его бѣдственнымъ состояніемъ, чтобъ возвратить земли, отнятыя московскими государями у Александра и Сигизмунда I-го. Неужели Польша довольствовалась только тѣмъ, что могла кормить своихъ авантюристовъ въ сосѣдней державѣ? Что была за причина такой недѣятельности? Причина эта лежала въ самомъ строѣ Польскаго государства, который давно уже заставилъ его потерять вліяніе на сосѣднія страны. Въ началѣ царствованія Шуйскаго Сигизмунду было не до Москвы: онъ былъ въ открытой войнѣ съ своими подданными, не былъ въ состояніи ни объявить войны Шуйскому, ни выполнить мирный договоръ воспрепятствованіемъ Лисовскому, Сапѣгѣ и другимъ служить Лжедимитрію; съ другой стороны, занимала его война со шведами въ Лифляндіи; такъ-что онъ долженствовалъ быть доволенъ уже и тѣмъ, что появленіе Самозванца мѣшало Шуйскому

объявить себя противъ Польши. Но скоро обстоятельства нѣсколько перемѣнились: внутреннія смуты въ Польшѣ пріутихли; королю было болѣе досуга заняться дѣлами внѣшними, а между тѣмъ въ дѣла Московскаго государства вмѣшалась чуждая и враждебная Польшѣ держава. Сигизмундъ могъ ждать спокойно развязки дѣлъ, пока Шуйскій боролся съ Самозванцемъ: если бы послѣднему удалось свергнуть перваго и сѣсть на московскомъ престолѣ, то этимъ не прекратились бы смуты въ государствѣ; слѣдовательно Польшѣ бояться было нечего. Но когда Шуйскій завелъ переговоры съ шведами, съ Карломъ IX, заклятымъ врагомъ Сигизмунда и Польши; когда слѣдовательно во внутреннія дѣла Московскаго государства вмѣшалась чужая держава и притомъ враждебная Польшѣ, вмѣшалась съ явною цѣлію усилить свое вліяніе и пріобрѣсть выгоды, тогда уже для Сигизмунда оставаться въ покоѣ было крайнею безразсудностію (1); и какъ скоро въ Польшѣ узнали о переговорахъ Шуйскаго съ шведами, то уже и начали думать о войнѣ съ Москвою. Сначала Сигизмундъ хотѣлъ, чтобъ дѣло обошлось безъ сейма, но этому воспротивились; впрочемъ король напрасно опасался сейма: онъ встрѣтилъ противорѣчіе только въ трехъ или четырехъ сенаторахъ; всѣ остальные были за походъ (2); о нарушеніи перемирія толковать было нечего: польское правительство нарушило его, позволивъ своимъ подданнымъ, вопреки договору, помогать Самозванцу, и Шуйскій, заключая оборонительный и наступательный союзъ съ шведами противъ Польши, считалъ уже перемиріе нарушеннымъ. Король, выступая въ походъ, долженъ былъ повѣстить сенаторамъ, что онъ отправляется въ Литву для наблюденія за войною съ шведами въ Лифляндіи и за ходомъ дѣлъ въ Россіи, обѣщаясь имѣть въ виду только однѣ выгоды республики (3). Это обѣщаніе важно для насъ, ибо показываетъ, съ какой точки зрѣнія должны мы смотрѣть на поведеніе Сигизмунда относительно нашего отечества. Упрекаютъ Сигизмунда въ близорукости, въ безразсудномъ упрямствѣ, упрекаютъ его въ томъ, что онъ непремѣнно хотѣлъ взять Смоленскъ, не послалъ тотчасъ сына своего Владислава въ Москву, раздражилъ тѣмъ русскихъ и произвелъ возстаніе, кончившееся избраніемъ Михаила Феодоровича. Но мы должны обратить вниманіе на положеніе Сигизмунда, который не смѣлъ преслѣдовать своихъ династическихъ цѣлей, обязавшись думать только о выгодахъ республики: какъ бы онъ могъ возвратиться въ Польшу, явиться предъ сеймомъ, потративши польскую кровь и деньги для

(1) Naruszewicz-Historia Iana Karola Chodkiewicza, I, IV, 255 et squ.

(2) Рукопись Жолкѣвскаго, стр. 30.

(3) Narusz. Chodk I, VI. примѣч. 114. — Москѣвичъ, въ Сказ. Соврем., стр. 16.

того только, чтобы посадить сына своего на московскій престолъ, при чемъ Польша не получала ни одной пяди русской земли? Другое дѣло покореніе Москвы ему, Сигизмунду, т. е. присоединеніе Московскаго государства къ Польшѣ: это было выгодно для послѣдней, слѣдовательно этого Сигизмундъ могъ добиваться; но прежде онъ долженъ былъ овладѣть какою-нибудь областію для Польши, чтобы достигнуть цѣли своего похода, доставить рѣчи посполитой что-нибудь вѣрное, тогда-какъ овладѣніе Москвою было такимъ предпріятіемъ, котораго успѣхъ былъ очень сомнителенъ. Возразятъ, что возведеніе Владислава на престолъ московскій было такъ же выгодно для Польши: но, прежде всего не должно упускать изъ виду, что престолъ польскій былъ избирательный, что по смерти Сигизмунда сынъ его Владиславъ, царь московскій, могъ быть избранъ королемъ польскимъ и нѣтъ; что прежніе цари московскіе бывали такъ же кандидатами на польскій престолъ, но не достигали его по невозможности согласить интересы московскіе съ польскими; а эта невозможность должна была существовать и при Владиславѣ, потому-что если бы королевичъ, сидя на московскомъ престолѣ, вздумалъ быть полезенъ Польшѣ, то ему не миновать бы участи Лжедимитрія. Однимъ словомъ, Сигизмундъ, связанный безнарядным строемъ Польши, не могъ иначе дѣйствовать, какъ дѣйствовалъ. Издавна Смоленскъ былъ предметомъ спора между Москвою и Литвою; наконецъ первой удалось овладѣть имъ. Но Литва не могла позабыть такой важной потери, ибо этотъ городъ, ключъ днѣпровской области, считался твердынею неприступною: если его брали, то брали измѣною. Сигизмунда увѣдомляли, что воевода смоленскій Шеинъ и жители охотно сдадутся ему; король не хотѣлъ упускать такого удобнаго случая и двинулся къ Смоленску, вопреки совѣтамъ гетмана Жолкѣвскаго, который хотѣлъ вести войско въ сѣверскую землю, гдѣ худо укрѣпленные городки не могли оказать упорнаго сопротивленія (¹). Для подтвержденія сказанному выше о положеніи Сигизмунда, приведу письмо какого-то Отоевскаго изъ Польши къ какому-то Вашійскому въ Лифляндію отъ 12 декабря 1608 года.

Отоевскій извѣщаетъ о наймѣ шведами полковъ на помощь Шуйскому, при чемъ прибавляетъ: «И намъ нынѣ положитися во всемъ на всемогущаго Бога и упованіе все держати на тѣхъ, которые нынѣ въ русской землѣ *пасутся*, потому что имъ по ся мѣста все счастливо на руки шло... что нынѣ мірская молва здѣсь, что наши мало не всею русскою землею обладали, опронѣ Москвы и Новгорода и иныхъ невеликихъ городовъ. И аще бы тако воисти-

(¹) Рукоп. Жолкѣв., стр. 31, 32.

нѣ, и чтобъ намъ.... тѣми обычьи овладѣти, и я вашей ласкѣ надежно и тайно объявляю, что его королевское величество и всѣ польскіе владѣльцы на будущемъ съѣздѣ однолично положатъ на томъ.... чтобъ посадити нашихъ земель добрыхъ людей, на которыхъ бы мочно въ нужномъ времени надежи держати: и тако бы нынѣ *ранѣе, поколѣ тѣ иноземцы, которыхъ Карлусъ Король нанялъ, на Русь придутъ*, тѣмъ бы промыслити, чтобъ того Шуйскаго со всѣми его пріятели раззорити и искоренити до основанія, какъ мы однолично чаемъ и есть мое мнѣніе, что мы потомъ будемъ имѣть верхъ» (¹). Это письмо любопытно для насъ, показывая, во-первыхъ, какъ переговоры Шуйскаго съ шведами вывели Польшу изъ бездѣйствія; во-вторыхъ, показывая цѣль похода сигизмундова для поляковъ — покореніе Московскаго государства, овладѣніе его областями, а не династическій интересъ короля, который находился въ прямой противоположности съ означенными ожиданіями народа, и о которомъ слѣдовательно Сигизмундъ не могъ думать прежде удовлетворенія народному ожиданію (²).

Было сказано, что интересъ поляковъ не совпадалъ съ династическимъ интересомъ короля: поляки хотѣли воспользоваться смутнымъ состояніемъ Московскаго государства для завоеванія, для присоединенія областей. Но это завоеваніе не могло быть легко, если поляки вступали въ московскія области съ явно враждебнымъ видомъ, съ явно высказанною цѣлію завоеванія. Москва была раздѣлена между двумя искателями престола; чтобъ облегчить себѣ завоеваніе русскихъ областей, Польша должна была выставить также искателя, должна была выставить королевича Владислава, на котораго еще при жизни перваго Лжедимитрія указывали бояре, о которомъ нѣкоторые изъ нихъ думали и теперь, какъ доносили Сигизмунду (³); итакъ, посаженіе Владислава на престолъ московскій было только предлогомъ для достиженія цѣли, но не могло быть цѣлію сигизмундова похода.

Обо всѣхъ зачинаніяхъ въ Польшѣ зналъ Шеинъ, смоленскій воевода, который посылалъ въ Литву за рубежъ своихъ лазутчиковъ или *лазучниковъ*; лазутчики приносили ему вѣсти, слышанныя ими отъ своихъ *сходниковъ*, т. е. людей подкупленныхъ, которые,

(¹) Акты арх. экспед. т. II, № 92.

(²) Подтвержденіемъ сказанному служитъ также письмо Жолкѣвскаго къ королю, гдѣ гетманъ пишетъ, что всѣ думаютъ, будто король выступилъ въ походъ для собственныхъ выгодъ, а не для выгодъ республики: отсюда не только простой народъ, но и сенаторы неохотно объ этомъ говорятъ; необходимо слѣдовательно увѣрить сенаторовъ въ противномъ. Zrzódła do dziejów Polskich, I, стр. 83.

(³) Рукоп. Жолкѣв., стр. 24, 25.

сходясь съ нашими лазутчиками, увѣдомляли ихъ обо всемъ, что у нихъ дѣлалось ([1]). Но не отъ однихъ лазутчиковъ крестьянъ узнавалъ Шеинъ польскія новости: у него былъ подкупленъ въ Польшѣ какой-то Янъ Войтеховъ, который подробно доносилъ ему обо всемъ: такъ въ мартѣ 1609 года онъ писалъ ему ([2]), что по окончаніи сейма королевичъ хотѣлъ-было итти на Москву, но что пріѣхалъ воевода Сендомирскій и посолъ отъ Лжедимитрія вмѣстѣ съ послами отъ тушинскихъ поляковъ съ просьбою къ королю и панамъ, чтобъ королевича на Московское царство не слали, ибо они присягнули царику головы свои положить, хотябъ и противъ своей братьи. Войтеховъ сообщаетъ также вѣсти изъ тушинскаго лагеря, «что тотъ Крути-голова Димитрій хочетъ оставить Тушинъ и утвердиться на новомъ мѣстѣ, потому-что весною смрадъ задушитъ войско, тогда же хочетъ непремѣнно добыть Москвы; потомъ увѣдомлялъ, что воевода Сендомирскій присягнулъ королю на сеймѣ отъ имени Лжедимитрія, который обязывался отдать Польшѣ Смоленскъ и Сѣверскую землю, и еслибъ, прибавляетъ Войтеховъ, Сендомирскій не присягнулъ, то поляки непремѣнно хотѣли посадить королевича на царство московское. Изъ этихъ словъ также видно, что въ Польшѣ имѣли въ виду одно пріобрѣтеніе земель, и какъ скоро Сендомирскій присягнулъ, что можно пріобрѣсть земли и съ помощію Лжедимитрія, то къ намѣренію отправить Владислава охладѣли. Войтеховъ писалъ также, что много купцовъ польскихъ возвратилось въ отечество, и сказываютъ, будто царикъ хочетъ бѣжать, боясь Ружинскаго и казаковъ, что у него нѣтъ денегъ на жалованье польскимъ жолнерамъ, которые будто бы говорятъ: если бы царь московскій заплатилъ намъ, то мы воровъ выдали бы и изъ земли московской выступили; что Шуйскому стоитъ только привлечь къ себѣ Заруцкаго и Донскихъ казаковъ, и тогда можно сжечь таборы. Любопытны слѣдующія слова Войтехова о самомъ себѣ: «Пожалуйте пришлите мнѣ бобра добраго чернаго самороднаго, бо меня слово обошло за письмо прежнее до васъ отъ меня, ино надобѣ въ очи закинуть». Любопытны также слухи, ходившіе въ Литвѣ о нашихъ самозванцахъ: въ апрѣлѣ 1609 Шеину доносили» ([3]): который де воръ стоитъ подъ Москвою, и тотъ де воръ пришелъ съ Бѣлыя на Велижъ, а зовутъ де его Богдашкомъ, и жилъ онъ на Велижи шесть недѣль. А пришелъ де онъ съ Бѣлыя, какъ убили Разстригу вскорѣ, и сказывалъ на Велижи, что онъ былъ у Разстриги писаремъ ближнимъ; и съ Велижи де съѣхалъ съ Литвиномъ въ

([1]) Акты Историч. II, № 96.
([2]) Тамъ же, № 174.
([3]) Акты Историч. II, № 199.

Витепскъ, и изъ Витепска де онъ съѣхалъ въ Польшу, а изъ Польши объявился въ воровское имя. А который де Петрушка сидѣлъ на Тулѣ, а у васъ де его сказали казнили, и тотъ де Петрушка нынѣ живъ, у нихъ въ Литвѣ.... А Борисовъ де сынъ царевичь Ѳедоръ живъ, и нынѣ де онъ у Цесаря Хрестьянскаго.»

Между тѣмъ пограничные литовскіе жители, узнавъ о непріязненныхъ намѣреніяхъ своего правительства, уже начали вторгаться и грабить Смоленскую область ([1]); отсюда пошли взаимныя жалобы пограничныхъ правителей — велижскаго старосты Гонсѣвскаго (бывшаго посломъ въ Москвѣ) и смоленскаго воеводы Шеина; Гонсѣвскій звалъ Шеина на порубежный съѣздъ для рѣшенія спорныхъ дѣлъ; Шеинъ, въ такое смутное время, боялся принять на себя отвѣтственость, особенно когда ему доносили, что Гонсѣвскій нарочно для того пріѣхалъ въ Велижъ, чтобы подговаривать смолянъ къ сдачѣ полякамъ ([2]). Негодованіе съ обѣихъ сторонъ возрастало: Шеинъ упрекалъ Гонсѣвскаго въ томъ, что онъ не сдержалъ условій договора, заключеннаго имъ въ Москвѣ, что поляки не выведены изъ Московскаго государства, и оттого происходитъ страшное кровопролитіе ([3]). Гонсѣвскій отвѣчалъ: «Хочешь, чтобъ Польскіе и Литовскіе люди были выведены изъ Московскаго государства, но какимъ образомъ это сдѣлать? Грамотами королевскими? Грамоты были посланы къ нимъ; король хотѣлъ послать еще гонца, и велѣлъ мнѣ обо всемъ этомъ переговорить съ тобою: и вы сами отъ того бѣгаете, держася своего обычая московскаго: братъ брату, отецъ сыну, сынъ отцу не вѣрите; и тотъ обычай такую великую теперешнюю погибель на царство Московское навелъ. И я, вѣдаючи то, что у васъ отъ вашихъ государей и въ народѣ вашемъ вѣры такой, какъ у насъ, нѣтъ, и тебѣ, собою, по обычаю московскому, нельзя было со мною на съѣздъ выслать, потому и въ листѣ своемъ приписалъ тебѣ, чтобы о томъ обвѣстилъ святѣйшему Архіепископу и инымъ Смолнянамъ, и съ ихъ вѣдома съѣздъ учинилъ: ажно и то не помогло. И я, расчитываючи у себя дѣла московскія, къ которымъ, будучи въ Москвѣ, приглядѣлся и прислухался, также и нынѣшнюю вашу справу видячи, дивуюся тому: что ни дѣлаете, то на большее кроволитье и на згубу государства своего». Гонсѣвскій былъ правъ на словахъ, но вовсе неправъ на дѣлѣ, потому-что онъ-то и извѣстилъ короля о желаніи бояръ имѣть царемъ Владислава, онъ-то и теперь всѣхъ больше хлопоталъ о сдачѣ Смоленска, какъ

([1]) Тамъ же № 186, 188, 192, 194, 209.
([2]) Тамъ же, № 199.
([3]) Тамъ же, № 219.

прямо самъ король сказалъ Жолкѣвскому ([1]); слѣдовательно, извѣстія, полученныя Шеинымъ о замыслахъ Гонсѣвскаго, были вполнѣ справедливы, и слѣдовательно Шеинъ въ своихъ поступкахъ и въ своей недовѣрчивости къ несвижскому старостѣ совершенно былъ правъ.

Въ то время, какъ въ самой Смоленской волости происходили смуты и неустройства, стрѣлецкіе сотники и дѣти боярскіе отказывались стоять на-сторожѣ противъ поляковъ, — въ это время Шеинъ получалъ изъ-за-границы вѣсти одна другой страшнѣе о движеніяхъ Сигизмунда. Въ маѣ 1609 года лазутчики донесли воеводѣ ([2]), что король строго запретилъ Сендомирскому и всѣмъ вообще полякамъ ходить къ Москвѣ. Въ іюлѣ доносили ([3]), что Гонсѣвскій идетъ съ нарядомъ (артиллеріею) подъ Смоленскъ, что туда же, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, ждутъ самого Сигизмунда, что Гонсѣвскій приводилъ жителей пограничныхъ русскихъ областей къ присягѣ на имя королевское. Вѣсти были справедливы: въ Минскѣ съѣхался съ королемъ гетманъ Жолкѣвскій. Послѣдній дѣлалъ вопросы касательно предпринятаго похода, хотѣлъ знать, что ручается королю за успѣхъ его ([4]). Тѣ, которые обнадеживали Сигизмунда, говорили, что пока онъ находится далеко, то боярамъ московскимъ трудно отзываться въ его пользу, и потому, чтобъ заставить ихъ высказать свое расположеніе, королю необходимо спѣшить къ границамъ; въ Минскъ пришло письмо и отъ Гонсѣвскаго, который настаивалъ, чтобъ король какъ можно скорѣе выступалъ подъ Смоленскъ, откуда войско вышло на-помощь къ Скопину, и потому городъ долженъ непремѣнно сдаться. Все это заставило Сигизмунда ускорить путь; въ Оршѣ явился другой подстрѣкатель, литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, получившій ненависть къ Москвѣ во время своего посольства туда при Годуновѣ, желавшій на ея счетъ расширить предѣлы своей Литвы. Сапѣга спѣшилъ съ войскомъ къ Смоленску передъ королемъ, безпрестанными записками побуждая къ скорости и Жолкѣвскаго, которому очень не нравилась вся эта поспѣшность и, какъ ему казалось, необдуманность похода, ибо опытному полководцу странно было предположить, что такая неприступная крѣпость, какъ Смоленскъ, захочетъ сдаться войску, въ которомъ было только 5,000 пѣхоты. Несмотря на то, 19 сентября нетерпѣливый Сапѣга уже стоялъ подъ Смоленскомъ, 21 прибылъ туда и король.

Перейдя границу, Сигизмундъ отправилъ въ Москву складную

([1]) Рукопись Жолкѣв., стр. 32.
([2]) Тамъ же № 220.
([3]) Тамъ же № 246.
([4]) Рукоп. Жолкѣв., стр. 44.

грамоту, а въ Смоленскъ универсалъ, въ которомъ говорилъ, что по смерти послѣдняго Рюриковича, Ѳедора, стали московскими государями люди не царскаго рода, и не по Божію изволенію, но собственною волею, насиліемъ, хитростію и обманомъ; вслѣдствіе этого возстали братъ на брата, пріятель на пріятеля; что многіе изъ большихъ, меньшихъ и среднихъ людей Московскаго государства и даже изъ самой Москвы, видя такую гибель, били челомъ ему, Сигизмунду, чтобъ онъ, какъ царь христіянскій и наиближайшій родичъ Московскаго государства, вспомнилъ свойство и братство съ природными, старинными государями московскими, сжалился надъ гибнущимъ государствомъ ихъ. И онъ, Сигизмундъ, самъ идетъ съ великимъ войскомъ не для того, чтобъ проливать кровь русскую, но чтобъ оборонять ихъ, стараясь болѣе всего о сбереженіи православной русской вѣры. Вслѣдствіе этого смоляне должны встрѣтить его съ хлѣбомъ и солью, и тѣмъ положить всему дѣлу доброе начало; въ противномъ же случаѣ войско королевское не пощадитъ никого (1). «Смоляне отвѣчали королю, что у нихъ обѣтъ положенъ въ дому у Пречистыя Богородицы — за православную вѣру, за св. церкви, за царя и за царское крестное цѣлованіе всѣмъ помереть, а Литовскому Королю и его панамъ отнюдь не поклониться (2)». Посады были пожжены, жоны и дѣти служилыхъ людей, бывшихъ далеко, въ войскѣ Скопина, перебрались изъ уѣзда въ крѣпость... Тщетно смоляне посылали челобитныя въ Москву, прося помощи (3): Шуйскій не могъ подать имъ ее и утѣшалъ ихъ только милостивыми грамотами. Несмотря на то, осажденные защищались отчаянно и если вступали въ переговоры съ королемъ, то единственно для того, чтобъ выиграть время. При этихъ переговорахъ смоляне прямо объявляли посланнымъ королевскимъ, что они хвалятъ Сигизмунда за его доброе къ нимъ расположеніе, но опасаются литовцевъ, на которыхъ положиться нельзя: еслибъ король и обѣщался въ чемъ подъ присягою, то подданные его не сдержатъ слова, по примѣру стоявшихъ подъ Москвою, которые, увѣряя, что сражаются за русскихъ, сами забираютъ семейства послѣднихъ и пустошатъ волости. Эти отзывы очень важны для историка: они показываютъ намъ, какъ Польша была ослаблена въ своей внѣшней дѣятельности раздвоеніемъ, господствовавшимъ между королемъ и такъ называемою республикою; это раздвоеніе не только препятствовало всякому внутреннему отправленію государственнаго тѣла, успѣшному исполненію всякаго плана, но лишало такъ же Польшу вся-

(1) Niemcewiza-Dzieie panowania Zygmunta III; t. II, Nota № VII, p. 240.
(2) Акты Истор, II, № 267.
(3) Niemcewicz, II, Nota № VIII.

кой довѣренности извнѣ; королю не вѣрили, еслибъ даже онъ и присягнулъ, ибо знали, что короля не послушаютъ. Недостатокъ ручательства противъ насилія поляковъ былъ одною изъ главныхъ причинъ отчаяннаго сопротивленія смолянъ: нѣкоторые изъ нихъ прямо объявили, что не хотятъ терпѣть отъ поляковъ того же, что потерпѣли отъ нихъ москвитяне во время перваго Лжедимитрія, и скорѣе собственными руками умертвятъ женъ своихъ, чѣмъ согласятся видѣть ихъ въ рукахъ поляковъ ([1]). Другою причиною одушевленія смолянъ была вѣра: духовенство, съ своимъ могущественнымъ вліяніемъ на народъ, стояло за Москву ([2]), ибо знало, къ чему поведетъ владычество Сигизмунда, который главною причиною московской войны выставилъ славу Божію, распространеніе католической религіи и общее благо христіянства; ибо въ разрушеніи Московскаго государства отъ усобицъ король, по его словамъ, видѣлъ страшную опасность для христіянста: турки или татары или другіе заклятые враги католицизма, островитяне (англичане), проникнувшіе морскимъ путемъ въ Московію, могутъ овладѣть сю ([3]). Къ двумъ означеннымъ причинамъ сопротивленія смолянъ можно присоединить еще ту, что бо́льшая часть ратныхъ людей смоленскихъ была въ станѣ Скопина, а семейства ихъ остались въ Смоленскѣ: эти семейства, безъ сомнѣнія, должны были всѣми силами противиться сдачѣ города Сигизмунду, ибо отцы, сыновья, мужья и братья ихъ были въ рукахъ Шуйскаго, который такимъ образомъ обладалъ хорошимъ залогомъ вѣрности смолянъ; съ другой стороны, это самое присутствіе смоленскихъ ратниковъ въ станѣ Скопина одушевляло осажденныхъ надеждою, что сограждане ихъ, рано или поздно, непремѣнно явятся на помощь къ нимъ, на выручку семействъ своихъ: такимъ образомъ и у смолянъ были хорошіе залоги относительно помощи изъ Москвы. Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, произвели то, что большинство, по-крайней-мѣрѣ, рѣшилось на отчаянное сопротивленіе.

Сигизмундъ, увидавъ разсѣяніе надеждъ своихъ насчетъ скорой сдачи Смоленска, долженъ былъ позаботиться о подкрѣпленіи своей вовсе немногочисленной рати. Съ этою цѣлію онъ отправилъ въ тушинскій лагерь посольство склонить тамошнихъ поляковъ къ оставленію Лжедимитрія и соединенію съ войскомъ королевскимъ. Послы должны были внушить тушинскимъ полякамъ, что гораздо приличнѣе служить природному своему государю, чѣмъ иноземному

([1]) Histor. Russiae Monum. II, № XC. Дневникъ осады Смоленска, припеч. къ III т. Истор. Смутн. врем., стр. 143.
([2]) Тамъ же, № LXXXIX.
([3]) Histor. Russiae Monum. II, № XCII.

искателю приключеній, и что они прежде всего должны заботиться о выгодахъ Польши и Литвы. Король обѣщалъ имъ вознагражденіе изъ казны московской въ томъ случаѣ, когда соединенными силами Москва будетъ покорена, и притомъ они будутъ получать жалованье съ того времени, какъ соединятся съ полками его; начальникамъ же отрядовъ, — знатнымъ панамъ, сулилъ богатыя награды не только въ Московскомъ государствѣ, но и въ Польшѣ. Касательно русскихъ тушинцевъ Сигизмундъ уполномочилъ пословъ обѣщать имъ сохраненіе вѣры, обычаевъ, законовъ, имущества, и богатое вознагражденіе, если они предадутся ему. Съ другой стороны, послы должны были войти въ сношенія съ самимъ Шуйскимъ и съ правительственными лицами въ Москвѣ: упорство смолянъ, плохая надежда на согласіе тушинцевъ, равно какъ плохая надежда на ревностное содѣйствіе и со стороны республики, заставляли Сигизмунда желать скорѣйшаго окончанія дѣлъ съ Москвою, если Шуйскій согласится пожертвовать ему нѣсколькими областями своего государства. Съ этою цѣлію, послы должны были войти въ тайныя сношенія съ Шуйскимъ и требовать у него высылки въ станъ королевскій уполномоченныхъ, для заключенія вѣчнаго мира; но въ тоже время Сигизмундъ далъ посламъ грамоту къ патріарху и гражданамъ московскимъ, въ которой увѣщевалъ отдаться въ его покровительство на выгодныхъ для нихъ условіяхъ ([1]).

Означенное раздвоеніе въ Польшѣ между властію и народомъ обнаружилось и въ этомъ случаѣ и показало, что Польшѣ, повидимому могущественной, не осилить Московскаго государства, повидимому растерзаннаго и близкаго къ погибели. Едва узнали въ Тушинѣ о вступленіи Сигизмунда подъ Смоленскъ, какъ началось тамъ сильное волненіе. Поляки говорили, что Сигизмундъ пришелъ съ цѣлію лишить ихъ заслуженныхъ наградъ и воспользоваться выгодами, пріобрѣтенными ихъ кровію и трудами. Гетманъ Рожинскій былъ первый противъ короля, ибо въ Тушинѣ онъ былъ полновластнымъ хозяиномъ, а въ войскѣ королевскомъ долженъ былъ подчиниться коронному гетману Жолкѣвскому. Онъ собралъ *коло* и, разумѣется, легко уговорилъ ратниковъ не отказываться отъ цѣли, уже столь близкой, и дать другъ другу присягу не оставлять Димитрія, но, посадивъ его на престолъ, требовать всѣмъ вмѣстѣ награжденія, и если онъ станетъ медлить, то захватить области Сѣверскую и Рязанскую и кормиться доходами съ нихъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ полнаго вознагражденія. Всѣ поляки охотно подписали конфедераціонный актъ ([2]); Рожинскій хотѣлъ уговорить къ тому же

([1]) Niemcewicz.. II, p. 256.
([2]) Niemcewiez, II, p. 243.

и Сапѣгу, и потому поѣхалъ къ нему самъ въ лагерь подъ Троицкій монастырь. Но Сапѣгѣ не понравилось такое открытое сопротивленіе волѣ королевской: онъ не хотѣлъ ссориться съ Сигизмундомъ въ то время, когда приближеніе Скопина дѣлало опаснымъ положеніе всѣхъ тушинцевъ.

Соединившись снова съ Делагарди, Скопинъ двинулся изъ Колязина на Александровскую слободу, откуда передовой отрядъ его, подъ начальствомъ Волуева и Сомма, вытѣснилъ поляковъ. Скопинъ остановился въ Слободѣ, дожидаясь Шереметева и обѣщанныхъ подкрѣпленій изъ Швеціи: какъ видно, онъ боялся съ своимъ немногочисленнымъ и необученнымъ войскомъ прямо напасть на Сапѣгу, зная, что на немъ теперь всѣ надежды Москвы и царя, что онъ составляетъ единственную грозу враговъ государства, и слѣдовательно неудача его будетъ имѣть страшныя послѣдствія: въ такомъ положеніи трудно быть скорымъ и предпріимчивымъ. Скопинъ медлилъ, и Москва терпѣла голодъ: крестьянинъ Салковъ, съ толпою русскихъ разбойниковъ, не пускалъ обозовъ изъ Коломны въ столицу, разбилъ двухъ воеводъ Шуйскаго, но не устоялъ въ третій разъ противъ князя Димитрія Михайловича Пожарскаго [1]. Между тѣмъ Сапѣга отправился изъ-подъ Троицкаго монастыря къ Слободѣ, разбилъ высланный противъ него Скопинымъ отрядъ, но не могъ осилить самого Скопина и послѣ жаркаго бою съ послѣднимъ возвратился опять подъ Троицу. Въ такихъ обстоятельствахъ онъ уговаривалъ Рожинскаго дѣйствовать вмѣстѣ противъ Скопина, но тотъ, раздосадованный отказомъ Сапѣги приступить къ конфедераціи, отрекся помогать ему и уѣхалъ въ Тушино. Когда силы тушинцевъ такимъ образомъ раздѣлились, въ Слободу къ Скопину прибылъ Шереметевъ, разбитый Лисовскимъ подъ Суздалемъ; прибыли къ нему и воеводы царскіе изъ Москвы — князья Куракинъ и Лыковъ. Съ такими силами онъ могъ отважиться на освобожденіе Москвы, которая ждала его съ нетерпѣніемъ. Уже прежде было сказано, какъ недостатокъ точки опоры произвелъ страшное колебаніе, шаткость въ народонаселеніи Московскаго государства. Василій Шуйскій, нелюбимый, не могъ быть этою точкою опоры: для этого нуженъ былъ иной человѣкъ; такимъ, казалось, былъ Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Если необходимо было возвести на престолъ одного изъ бояръ московскихъ, если фамилія Шуйскихъ была виднѣе другихъ, то въ толпѣ бояръ и въ фамиліи Шуйскихъ достойнѣе всѣхъ казался Скопинъ: несмотря на молодость, онъ уже выставлялся впередъ; молодость спасла его отъ соучастія въ крамолахъ, не дала ему здѣсь

---

[1] Никон. VIII, 126.

виднаго мѣста, однако молодость не помѣшала ему отличиться въ подвигахъ ратныхъ. Казалось, что изо всего рода Шуйскихъ Богъ благословилъ его одного удачею, счастьемъ; а удача, счастіе, Божіе благословеніе въ страшныя времена могущественно дѣйствуютъ на воображеніе народа; указываютъ ему на счастливца какъ на ходатая, умилостивителя, котораго само небо избрало быть спасителемъ страны; и при упомянутой жаждѣ опоры, сосредоточенія, ясно, какая любовь, какія ожиданія должны были возбудиться относительно Скопина; но эта любовь, это напряженное ожиданіе опять, въ свою очередь, возвышало Михаила въ глазахъ народа, необходимо преувеличивало его достоинства. Скопинъ, какъ видно изъ его поступковъ, отличался большою скромностію, осторожностію, недовѣрчивостію къ самому себѣ: это заставляло его избѣгать рѣшительныхъ дѣйствій, предпочитать медленность отважности. Но такой характеръ и поведеніе были для Скопина чрезвычайно выгодны, ибо только осторожностію онъ могъ спастись отъ пораженія: его новонабранные на сѣверѣ полки не могли держаться противъ опытныхъ бойцовъ Сапѣги, Лисовскаго, Рожинскаго. Съ другой стороны, означенная осторожность Скопина заставляла предполагать въ немъ необыкновенный по молодости умъ; но если энергія увлекаетъ скорѣе, зато уму, осторожности болѣе вѣрятъ; особенно горячо должны были вѣрить имъ въ то время, когда потеряли вѣру въ людей, которые обезславили себя; Болотникову, Ляпунову, Шаховскому, Голицыну, Салтыкову нельзя было отказать въ энергіи, но какой же былъ результатъ этой энергіи? Скопинъ не былъ дерзокъ, не искалъ битвъ, но если бился, то рѣдко выходилъ непобѣдителемъ. Не должно такъ же упускать изъ виду смысла описываемой борьбы: борьба эта не была слѣдствіемъ стремленія къ новому; напротивъ, народъ стремился поддержать старое, возстановить Московское государство, сосредоточивающее Русь, хранящее нарядъ, возстановить его какъ оно было до пресѣченія рюриковой династіи, — вотъ что составляло единственное желаніе добрыхъ граждань. Скопинъ, съ своею разумною, счастливою медленностію, осторожностію, былъ именно человѣкомъ времени, именно тою точкою опоры, сосредоточенія, которой жаждала московская Русь. Присоедините къ тому скромность, мягкость характера, которая привлекаетъ всѣхъ, ибо не оскорбляетъ никого своими преимуществами: Скопинъ умѣлъ ужиться въ мирѣ съ вождями шведскими; кто только зналъ его, всѣ лестно отзывались о немъ (¹); но для того, чтобъ не возбудить зависти, нужно или вовсе не имѣть слишкомъ выдающихся до-

(¹) Рукопись Жолкѣв., стр. 11.

стоинствъ, или обладать необыкновеннымъ умѣньемъ скрывать ихъ. Наконецъ прибавьте еще выгодную наружность Скопина, которая должна была пріятно дѣйствовать на народъ, особенно въ сравненіи съ очень некрасивою наружностію дяди его Василія. Итакъ, Скопинъ былъ желаннымъ избавителемъ всѣхъ добрыхъ гражданъ, возстановителемъ государственнаго наряда; юноша чистый отъ крамолъ и мужъ ума зрѣлаго, онъ былъ въ глазахъ всѣхъ достойнымъ престола царей московскихъ. Таково было общее желаніе; но для блага государства, для сохраненія наряда, для блага самого Скопина нужно было до времени утаить это желаніе, пока смерть Василія не очиститъ престола достойному его племяннику. Но если граждане спокойные могли утаить до времени свое желаніе видѣть Скопина на престолѣ, то примѣру ихъ не могли подражать тѣ люди, которые неспособны были сносить нерѣшительное положеніе, неспособны были долѣе терпѣть Шуйскаго на престолѣ, когда являлся преемникъ достойный; тѣ, которые, изъ ненависти къ Шуйскому, рѣшились даже стать подъ знамена Самозванца, тѣ не могли не броситься къ Скопину, не могли не выразить громко свое желаніе видѣть его на престолѣ. И тутъ является первымъ на сцену роковое лицо Ляпунова, выборнаго земли рязанской. Недаромъ въ лѣтописяхъ находимъ мы жалобы на дерзость, на буйство рязанцевъ; недаромъ наблюдательный Герберштейнъ хвалитъ ихъ отвагу: въ смутахъ Московскаго государства у рязанцевъ большая роль. Еще при послѣднемъ Рюриковичѣ, въ возстаніи противъ Годунова, рязанцы являются на первомъ планѣ: Ляпуновы, Кикины и др. Прокофій Ляпуновъ поднялъ знамя противъ Шуйскаго, человѣкъ, котораго безпокойная дѣятельность имѣла самое себя цѣлію, который дѣйствовалъ чтобъ только удовлетворить жгучей жаждѣ дѣятельности. Еще буйнѣе былъ братъ его Захаръ: лѣтописецъ разсказываетъ, какъ однажды этотъ Захаръ проигралъ битву противъ тушинцевъ потому только, что вышелъ на битву въ пьяномъ видѣ, съ пьяными товарищами. Мы еще увидимъ этого Захара въ достойномъ его положеніи.

Итакъ, теперь, когда всѣ удерживались отъ обнаруженія своего желанія видѣть Скопина на престолѣ, Ляпуновъ не могъ удержаться и послалъ въ Слободу поздравить его царемъ, прибавя въ своихъ грамотахъ укорныя рѣчи на дядю его Василія. Скопинъ, по своему характеру, менѣе другихъ былъ способенъ принять предложеніе Ляпунова, ибо между нимъ и Ляпуновымъ не было совершенно ничего общаго: это были двѣ совершенно противоположныя природы, люди изъ двухъ особыхъ міровъ. Въ первомъ пылу негодованія Скопинъ разорвалъ письмо Ляпунова и велѣлъ схватить присланныхъ; но по-

томъ, по мягкости своей природы, позволилъ имъ умолить себя и отослалъ ихъ назадъ въ Рязань, не донесши въ Москву. Этимъ воспользовались, чтобъ заподозрить Скопина въ глазахъ дяди: последнему внушили, что если бы Михаилу не было пріятно предложеніе Ляпунова, то онъ прислалъ бы въ Москву рязанцевъ, привезшихъ грамоту: это онъ собственно и долженъ былъ сдѣлать по смыслу присяги, которая требовала именно доносить о всякомъ лихѣ и о всякихъ неподобныхъ рѣчахъ на царя. Съ тѣхъ поръ, прибавляетъ лѣтописецъ ([1]), царь и его братья начали держать мнѣніе на князя Скопина. Будемъ ли мы упрекать въ этомъ Василія? Подозрѣніе было очень естественно, ибо нарушеніе присяги со стороны Скопина было явно.

Между тѣмъ въ Тушинѣ дѣла шли плохо: Рожинскому не удалось приманить къ себѣ запорожцевъ, которые обратились на службу королевскую. Тушинскіе поляки отправили къ Сигизмунду подъ Смоленскъ пословъ, которые сказали королю, что если захотятъ лишить ихъ пріобрѣтеннаго трудомъ и кровію, то они не будутъ признавать ни государя за государя, ни брата за брата, ни отечество за отечество. Въ тоже время и королевскіе послы прибыли въ Тушино, но не со всею свитою, вслѣдствіе представленія самозванцевыхъ воеводъ, что тушинскій лагерь и безъ нихъ нуждается въ продовольствіи ([2]). Начались переговоры, сопровождаемые сильными волненіями. Что же дѣлалъ во все это время Самозванецъ? Его время прошло, на него не обращали никакого вниманія; мало того, вожди тушинскихъ поляковъ срывали на немъ свое сердце съ тѣхъ поръ, какъ вступленіе короля въ московскія области поставило ихъ въ непріятное положеніе: такъ панъ Тишкевичъ ругалъ его въ глаза, называя обманщикомъ, мошенникомъ. Лжедимитрій хотѣлъ уѣхать изъ лагеря съ своими русскими приверженцами, которымъ непріятно было такое обращеніе поляковъ съ ихъ царемъ прирожденнымъ; несмотря на то, что всѣ лошади его были заперты поляками, царику удалось-было выйти изъ стана съ 400 донскихъ казаковъ; но Рожинскій догналъ его и привелъ назадъ въ Тушино, гдѣ онъ былъ съ того времени подъ строгимъ надзоромъ ([3]). Когда 27 декабря Лжедимитрій спросилъ у Рожинскаго, о чемъ идутъ у нихъ переговоры съ послами, то гетманъ, бывшій въ нетрезвомъ видѣ, отвѣчалъ ему: «Какое тебѣ дѣло до того, зачѣмъ послы пріѣхали ко мнѣ? Кто знаетъ, кто ты таковъ! Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видимъ!» Пьяный Рожинскій грозился даже прибить царика; то-

([1]) Никон. VIII, 14.
([2]) Акты Истор. II, № 270.
([3]) Дневн. осады Смол. стр. 162, 166.

гда послѣдній рѣшился, во что бы то ни стало, бѣжать изъ лагеря, и въ тотъ же день вечеромъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, сѣлъ въ навозныя сани и уѣхалъ въ Калугу самъ-другъ съ шутомъ своимъ Кошелевымъ (¹). Послѣ отъѣзда Самозванца, оскорбленнаго тушинскими поляками, разрознившаго свои интересы съ ихъ интересами, Рожинскому съ товарищами ничего болѣе не оставалось, какъ вступить въ соглашенія съ королемъ, умѣривъ свои, сначала безразсудныя, требованія. Ничего болѣе не оставалось и русскимъ приверженцамъ Самозванца, въ челѣ которыхъ стояли Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ и дьякъ Грамотинъ. Странно было бы имъ просить помилованія у Шуйскаго, промѣнять роль первостепенную на участь, еще неизвѣстную даже и въ случаѣ помилованія, ибо Салтыковъ помнилъ объ участи князя Шаховского, заточеннаго послѣ тульскаго взятія; а Грамотинъ зналъ, что измѣнникамъ одинакаго съ нимъ происхожденія грозитъ плаха въ Москвѣ; всѣ знали, что на нихъ московское правительство не будетъ смотрѣть такъ снисходительно, какъ смотрѣло оно на тѣхъ отъѣзжиковъ изъ Тушина, которые оставляли Самозванца во время его могущества; русскіе тушинцы знали, что на нихъ будутъ смотрѣть теперь въ Москвѣ, какъ на враговъ ожесточенныхъ, вовсе не по доброй волѣ оставившихъ Самозванца, но имъ самимъ оставленныхъ; наконецъ, еслибъ даже русскіе тушинцы и рѣшились покориться Шуйскому, то они не могли надѣяться, чтобъ поляки позволили имъ сдѣлать это безнаказанно. Вотъ почему королевскимъ посламъ нетрудно было войти въ соглашенія съ русскими тушинцами: замѣтивъ расположеніе послѣднихъ поддаться Сигизмунду, послы просили ихъ собраться въ *коло*. Собрались — нарѣченный патріархъ Филаретъ съ духовенствомъ, Заруцкій съ военными людьми, Салтыковъ съ людьми думными и придворными чиновниками, пришелъ и царь Касимовскій съ своими татарами. Одинъ изъ пословъ, панъ Пржемыскій, въ рѣчи своей доказывалъ благія намѣренія короля относительно Московскаго государства, говорилъ о готовности Сигизмунда принять его въ свою защиту для освобожденія отъ тирановъ безправныхъ. Въ этой неопредѣленной рѣчи не было еще выражено явнаго посяганія на покорность москвитянъ, слѣдовательно совѣсть многихъ могла быть еще спокойна; всѣ охотно слушали и рѣчь посла и грамоту королевскую, цаловали сигизмундову подпись и превозносили республику за скорую помощь. Нѣкоторые изъ русскихъ впрочемъ, вѣроятно духовные, принимая покровительство короля, требовали неприкосновенности православія, и послы поручились имъ въ этомъ. Тогда русскіе

(¹) Авторъ Москов. Хрон. въ Сказ. Соврем., стр. 158, 159.

тушинцы вступили въ конфедерацію съ польскими, обязавшись взаимно не оставлять другъ друга и не приставать ни къ бѣжавшему царику, ни къ Шуйскому и его братьямъ. Но тайно многіе изъ нихъ спѣшили выйти изъ нерѣшительнаго положенія и цаловали прямо крестъ Сигизмунду (1). Рѣшено было также, чтобъ русскіе и польскіе тушинцы отправили отъ себя пословъ къ королю для окончательныхъ переговоровъ.

Между тѣмъ Марина оставалась въ лагерѣ. Мы выпустили изъ виду эту женщину съ тѣхъ поръ, какъ она принуждена была признать своимъ мужемъ второго самозванца. Я сказалъ: *принуждена* была признать, ибо это принужденіе видно ясно изъ положенія ея въ Тушинѣ и изъ переписки ея съ отцемъ. Такъ изъ одного письма узнаемъ (2), что старый Мнишекъ уѣхалъ въ гнѣвѣ на дочь и не далъ ей благословенія. Изъ этого же письма узнаемъ объ ужасномъ положеніи Марины, которая отъ такого мужа, какимъ былъ для нея первый самозванецъ, должна была перейти къ человѣку грубому, неимѣвшему къ ней, какъ видно, никакой любви и никакого вниманія. Такъ она проситъ отца, чтобъ тотъ напомнилъ Лжедимитрію о ней, напомнилъ о любви и уваженіи, какое онъ долженъ былъ оказывать женѣ своей. Въ другомъ письмѣ (3) Марина такъ увѣдомляетъ отца о дѣлахъ своихъ: «О дѣлахъ моихъ не знаю, что писать, кромѣ того, что въ нихъ одно отлагательство со дня на день: нѣтъ ни въ чемъ исполненія; со мною поступаютъ такъ же, какъ и при васъ, а не такъ, какъ было обѣщано при отъѣздѣ вашемъ. Я хотѣла послать къ вамъ своихъ людей, но имъ надобно дать денегъ на пищу, а денегъ у меня нѣтъ.» Самая великость жертвъ, принесенныхъ Мариною для достиженія блестящей цѣли своей, возвысила духъ этой энергической женщины. Претерпѣть болѣе того, что она уже претерпѣла, Марина не могла; всѣ физическія лишенія и терзанія были ничто для нея въ сравненіи съ тѣми душевными терзаніями, какія она уже испытала; она не могла отказаться отъ своихъ цѣлей, для которыхъ принесено было въ жертву все, чѣмъ красится жизнь человѣка.... Вотъ почему, когда послы предложили Маринѣ, отъ имени короля, землю Саноцкую съ доходами экономіи Самборской, она отвѣчала между прочимъ родственнику своему Сталницкому, сообщившему ей это предложеніе: «Солнце, заслоненное темнымъ облакомъ, не перестаетъ быть лучезарнымъ....» и пр. Замѣчательно письмо ея къ королю, гдѣ она прибѣгаетъ къ его защитѣ и желаетъ счастливаго окончанія его предпріятію. Марина

(1) Днев. осады Смол., стр. 170.
(2) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 171.
(3) Тамъ же, № 178.

пишетъ (¹): «Ни съ кѣмъ не играло такъ счастіе, какъ со мною: изъ шляхетскаго рода возвысило оно меня на престолъ великой имперіи и съ престола ввергнуло въ мрачную темницу. Послѣ этого, желая какъ-будто усладить меня нѣкоторою свободою, привело меня въ такое состояніе, которое хуже самого рабства, и теперь я нахожусь въ такомъ положеніи, въ какомъ не могу жить спокойно....» и пр. Изъ этого письма видно ужасное положеніе Марины въ Тушинѣ, при второмъ Самозванцѣ,— положеніе, которому она предпочитаетъ рабство.... Марина какъ-будто отдѣляетъ свое дѣло отъ дѣла второго Самозванца: онъ могъ быть обманщикъ, какимъ признаетъ его польское правительство, но она чрезъ это не лишается правъ своихъ.

Но Марина напрасно такъ рано отчаялась въ дѣлѣ своего второго мужа: его положеніе вовсе не было такъ дурно, какъ слѣдовало ожидать. Отдѣленіе отъ поляковъ имѣло для него свою выгодную сторону, ибо до сихъ поръ главный упрекъ ему состоялъ въ томъ, что онъ опустошаетъ Русь съ помощію ляховъ, до сихъ поръ смотрѣли на него какъ на орудіе послѣднихъ; но теперь ссора съ поляками освобождала его отъ этого нареканія. Прибывъ подъ Калугу, Самозванецъ остановился въ подгородномъ монастырѣ и послалъ монаховъ въ городъ съ извѣщеніемъ, что онъ выѣхалъ изъ Тушина, спасалсь отъ гибели, которую готовилъ ему король польскій, злобившійся на него за отказъ уступить ляхамъ Смоленскъ и Сѣверскую землю; что онъ готовъ, въ случаѣ нужды, положить голову за православіе и отечество. Воззваніе оканчивалось словами: «Не дадимъ торжествовать ереси, не уступимъ королю ни кола, ни двора!» Калужане спѣшили въ монастырь съ хлѣбомъ и солью, проводили Лжедимитрія съ торжествомъ въ городъ и дали ему средства окружить себя царскою пышностію (²). Но ясно, что и по отлученіи отъ поляковъ Самозванецъ долженъ былъ оставаться воровскимъ царемъ, ибо сила его основывалась не на полякахъ, а на казакахъ. Князь Шаховской, всей крови заводчикъ, остался вѣренъ Самозванцу и привелъ къ нему казаковъ, съ которыми стоялъ въ Царевѣ Займищѣ; Шаховской не хотѣлъ поступить подобно Салтыкову, ибо Салтыковъ уже воспользовался передъ нимъ честью перваго отступничества, и слѣдовательно оставилъ ему второстепенную роль; притомъ Шаховской начальствовалъ довольно сильнымъ отрядомъ казаковъ, которые бы не допустили его предаться

(¹) Подлинныя Свидѣтельства о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши, изд. П. Мухановымъ, стр. 241.

(²) Авторъ Московск. Хрон., стр. 159.

королю; въ Калугу же манила Шаховского надежда первой роли при Лжедимитріи, ибо тамъ не было болѣе Рожинскаго.

Несмотря однако на свое еще вовсе неотчаянное положеніе, Самозванецъ долженъ былъ безпокоиться насчетъ движеній тушинскаго лагеря, которыя теперь ближе всего могли быть направлены противъ Калуги. Чтобъ отнять силу у Рожинскаго, Лжедимитрій хотѣлъ поселить разногласіе въ Тушинѣ, гдѣ находилось все нужное къ тому; притомъ, злобясь особенно на русскихъ тушинцевъ, показавшихъ мало къ нему усердія, онъ хотѣлъ вооружить противъ нихъ поляковъ. Съ этою цѣлію Лжедимитрій отправилъ въ Тушино шляхтича Казимирскаго съ письмами къ Маринѣ и другимъ лицамъ, увѣряя, что готовъ возвратиться въ станъ, если поляки обяжутся новою присягою служить ему, и если будутъ казнены отложившіеся отъ него русскіе; но письма были отняты у Казимирскаго, и самъ онъ получилъ запретъ, подъ смертною казнію, возмущать войско. Рожинскій хотѣлъ отплатить Самозванцу за крамолу крамолою; онъ далъ Казимирскому письмо къ прежнему воеводѣ калужскому, поляку Скотницкому, гдѣ убѣждалъ послѣдняго, съ помощію бывшихъ въ Калугѣ поляковъ, схватить Лжедимитрія и переслать назадъ въ Тушино; но Казимирскій, пріѣхавъ въ Калугу, отдалъ письмо Самозванцу, который тотчасъ велѣлъ бросить въ Оку Скотницкаго, хотя онъ вовсе не могъ быть убѣжденъ, что этотъ несчастный исполнитъ порученіе Рожинскаго; той же участи подвергся и окольничій Иванъ Ивановичъ Годуновъ; окруженный двойною измѣною, не вѣря болѣе ни полякамъ, ни знатнымъ русскимъ, Самозванецъ рѣшился жестокостію предупреждать вредные для себя замыслы (¹). Я сказалъ, что Самозванецъ не вѣрилъ знатнымъ русскимъ; холопамъ и казакамъ онъ вѣрилъ: интересы ихъ были тѣсно связаны съ его собственными. Такъ донскіе казаки не послушались Млоцкаго, убѣждавшаго ихъ вступить въ королевскую службу, и отправились въ Калугу (²). Такъ и въ Тушинѣ (³), когда Марина, блѣдная, рыдающая, съ распущенными волосами ходила изъ ставки въ ставку и умоляла воиновъ снова принять сторону ея мужа, то поляки хотя сначала и тронулись слезами очаровательницы, однако чары скоро потеряли свою силу, и рыцари удержались при прежнемъ намѣреніи; казаки же, въ числѣ 3,000, отправились въ Калугу, подъ предводительствомъ Трубецкого и Засѣкина, вопреки вождю своему Заруцкому, державшему сторону поляковъ. Ушедшіе казаки, потерпѣвъ двойное пораженіе, сперва отъ Рожинскаго, потомъ отъ

(¹) Днев. осады Смол., стр. 171; Авторъ Москов. Хрон., стр. 163.
(²) Днев. осады Смол. стр. 172.
(³) Niemcewicz, II, 280, 281. Днев. осады Смол., стр. 179.

Млоцкаго, въ небольшомъ числѣ успѣли достигнуть Калуги. Такимъ образомъ поляки, во имя короля, уже начали войну съ Самозванцемъ, слѣдовательно въ пользу Московскаго государства, но не въ пользу того, кто назывался московскимъ царемъ, не въ пользу Шуйскаго. Тѣ, которые изъ нелюбья къ послѣднему приняли сторону Самозванца, и тѣ, которые приняли его сторону изъ ненависти къ царизму, равно не хотѣли Шуйскаго; предвидя неминуемое торжество государства, необходимость покориться ему, они не хотѣли, по-крайней-мѣрѣ, покоряться Шуйскому, ибо, покорясь сопернику его, они надѣялись получить милость вмѣсто наказанія за прежнее противогосударственное поведеніе. Но кто же былъ этотъ соперникъ Шуйскаго, которому могло покориться и государство?

Уже прежде было сказано, почему Сигизмундъ не смѣлъ преслѣдовать своихъ династическихъ интересовъ, которые стояли въ противоположности съ интересами республики; и при этомъ было сказано такъ же, что Сигизмундъ не могъ надѣяться на добровольное покореніе Московскаго государства прямо ему, отъявленному католику и государю державы вѣчно враждебной и теперь болѣе, чѣмъ когда-либо. Замышляемое покореніе могло быть произведено только чрезъ посредство сына его Владислава, который могъ быть особымъ царемъ московскимъ, и на котораго уже указывали бояре еще при первомъ Лжедимитріи. Такъ не удалась попытка пословъ польскихъ, которымъ поручено было волновать Москву изъ Тушина противъ Шуйскаго въ пользу Сигизмунда. Купцы изъ южной православной Руси, находившіеся въ Москвѣ, дали знать жителямъ, чтобъ они не вѣрили обѣщаніямъ человѣка, введшаго Унію ([1]). Видя невозможность дѣйствовать именемъ Сигизмунда, начали дѣйствовать именемъ Владислава, и получили успѣхъ. Самозванцевы воеводы, поставленные во Ржевѣ Володимеровѣ и Зубцовѣ — Гаврила Хрипуновъ и князья Левъ Шаховской и Черкаскій присягнули Владиславу. 31 января имѣло мѣсто торжественное представленіе пословъ отъ русскихъ тушинцевъ; явились люди всякаго чина и приняли на себя представительство всего Московскаго государства: М. Г. Салтыковъ съ сыномъ Иваномъ, князь Василій Михайловичъ Рубецъ-Мосалской, князь Юрій Хворостининъ, Левъ Плещеевъ, Никита Вельяминовъ, дьяки: Грамотинъ, Чичеринъ, Соловецкій, Витовтовъ, Апраксинъ и Юрьевъ; явился и Михайло Молчановъ, и Тимоѳей Грязный, и Ѳедоръ Андроновъ, московскій купецъ гостиной сотни. Михайло Салтыковъ началъ рѣчь ([2]), говорилъ о расположеніи мос-

([1]) Днев. осады Смол., стр. 165.

([2]) Тамъ же, стр. 173; Niemcewicz, II, p. 269.

ковскаго народа къ королю и отъ имени народа благодарилъ короля за милость. Сынъ Михайлы, Иванъ Салтыковъ билъ челомъ королю отъ имени Филарета, нареченнаго патріарха, и отъ имени всего духовенства, и такъ же благодарилъ Сигизмунда за стараніе водворить миръ въ Московскомъ государствѣ. Наконецъ дьякъ Грамотинъ, отъ имени думы, двора и всѣхъ людей, объявилъ, что въ Московскомъ государствѣ желаютъ имѣть царемъ королевича Владислава, если только король сохранитъ ненарушимо греческую вѣру, и не только не коснется древнихъ правъ и вольностей московскаго народа, но еще прибавитъ такія права и вольности, какихъ прежде не бывало въ Московскомъ государствѣ. Изъ этого видно, что долгое пребываніе русскихъ и поляковъ въ одномъ лагерѣ произвело свое дѣйствіе; но тутъ же обнаружилось непреодолимое препятствіе къ слитію Московскаго государства съ Польшею, обнаружилась основа русской самобытности: предводитель павшихъ чадъ Московскаго государства, М. Г. Салтыковъ заплакалъ, когда началъ просить короля о соблюденіи греческой вѣры; забывши все, пожертвовавъ всѣмъ, Салтыковъ не могъ оставаться равнодушнымъ только при мысли о той опасности, которая ждетъ православіе со стороны фанатика Сигизмунда; слезы Салтыкова были для короля страшнымъ вызовомъ, который онъ получилъ отъ Руси, вызовомъ на смертельный бой за основу ея быта и народности. Такъ, когда начались перетоворы между сенаторами и послами объ условіяхъ, на которыхъ Владиславу быть царемъ московскимъ, русскіе прежде всего требовали сохранія православія. Наконецъ согласились на слѣдующихъ условіяхъ (¹): 1) Владиславъ долженъ былъ короноваться въ Москвѣ отъ руки патріарха, по старому обычаю; король прибавилъ сюда, что это условіе будетъ исполнено, когда водворится совершенное спокойствіе въ государствѣ. Изъ этой прибавки явно намѣреніе Сигизмунда не посылать сына въ Москву, но, подъ предлогомъ неустановившагося спокойствія, домогаться подчиненія государства ему, королю. 2) Чтобъ святая вѣра греческаго закона оставалась неприкосновенною и абы учители римскіе и люторскіе и иныхъ вѣръ разорванья церковнаго не чинили. А которые римскіе вѣры захочутъ приходити до церкви греческіе, тые або приходили зо страхомъ, якъ пристоитъ православнымъ христіаномъ, а не гордостію...» — Сюда король прибавилъ, что для поляковъ въ Москвѣ былъ выстроенъ костелъ, въ который русскіе должны входить съ благоговѣніемъ; король и сынъ его обѣщались не отводить никого отъ греческой вѣры, — «пото-

(¹) Сборникъ Муханова, № 104.

шу что вѣра есть даръ Божій, и силою отводить и притѣснять за нее не годится». — Жидамъ запрещенъ въѣздъ въ Московское государство. 3) Король и сынъ его обязались чтить гробы и тѣла святыхъ, чтить русское духовенство наравнѣ съ католическимъ и не вмѣшиваться въ дѣла и суды церковные. 4) Обязались не только не трогать прежнихъ имѣній и правъ духовенства, но и распространять ихъ. 5) Тоже самое условіе имѣетъ силу и относительно бояръ, окольничихъ и всякихъ думныхъ и ближнихъ и приказныхъ людей. 6) Служилымъ людямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ жалованье будетъ выдаваемо, какъ при прежнихъ законныхъ государяхъ. 7) Тоже условіе имѣетъ силу относительно ружниковъ и оброчниковъ. 8) Старина удерживается и относительно судовъ; перемѣна же законовъ зависитъ отъ бояръ и всей земли. 9) Оборонительный и наступательный союзъ Москвы и Польши противъ всѣхъ непріятелей. 10) На татарскихъ украйнахъ держать обоимъ государствамъ людей сообща, о чемъ должно переговорить думнымъ боярамъ съ чинами королевства. 11) Повторено обѣщаніе Шуйскаго: никого не казнить, не осудя сперва съ боярами и думными людьми; имѣніе казненныхъ отдается наслѣдникамъ; король не долженъ никого вызывать насильно въ Литву и въ Польшу. Въ этой статьѣ замѣчательны еще два условія: a) великихъ становъ невинно не понижати, а менщей станъ подносити водлугъ заслугъ.» Здѣсь видно вліяніе дьяковъ и людей, подобныхъ Андронову; столпленіе около Самозванца людей всѣхъ сословій произвело свое дѣйствіе: выхваченные бурею междуцарствія снизу наверхъ, люди неродовитые хотятъ удержать свое положеніе, требуютъ, чтобъ новое правительство подносило низшій станъ. b) «А для науки вольно каждому з народу московскаго людямъ ѣздити въ иншія государьства христіанскія, опричь бусурманскихъ поганскихъ, а господарь его милость отчизны и маетности и дворовъ у нихъ за то отнимовати не будетъ.» 12) Русскихъ плѣнниковъ, отведенныхъ въ Польшу, возвратить. 13) Польскимъ и литовскимъ панамъ не давать правительственныхъ мѣстъ въ Московскомъ государствѣ; тѣхъ пановъ, которые останутся при Владиславѣ, награждать денежнымъ жалованьемъ, помѣстьями и вотчинами, однако съ общаго совѣта обоихъ государствъ; также король долженъ переговорить съ думными боярами о томъ, чтобы въ пограничныхъ крѣпостяхъ польскіе люди могли остаться до совершеннаго успокоенія государства. Это условіе было выгодно для Сигизмунда, который, въ случаѣ сопротивленія восточныхъ областей, могъ, по-крайней-мѣрѣ, удержать въ своихъ рукахъ пограничныя мѣста. 14) Старина удерживалась относительно денежныхъ сборовъ; король не могъ прибавлять никакой новой подати безъ согласія думныхъ лю-

дей; податямъ подлежатъ только мѣста заселенныя. 15) Вольная торговля между обоими государствами; русскіе купцы могутъ ѣздить и въ чужія страны черезъ Польшу и Литву; тамги остаются старыя. 16) Крестьянскій переходъ запрещенъ на Руси, и между Русью и Литвою. Причины этого условія могли быть слѣдующія: а) опасность возстановленія перехода при тогдашнемъ состояніи давно уже уничтоженной возможности перехода, боялись увеличить число людей бездомовныхъ. Должно замѣтить при этомъ, что Шуйскій хотя не одобрялъ этой мѣры Годунова, однако подтвердилъ ее. b) Мѣра Годунова была выгодна для мелкихъ помѣщиковъ и отчинниковъ; уничтоженіе ея теперь могло раззорить ихъ, ибо, послѣ страшнаго опустошенія, богатые отчинники и монастыри, нуждаясь въ крестьянахъ, дали бы большія льготы послѣднимъ, и такимъ образомъ переманили бы ихъ отъ помѣщиковъ мелкихъ; послѣдніе, какъ было замѣчено, имѣли большую силу при переговорахъ съ Сигизмундомъ; разумѣется, они постарались внести это выгодное для себя условіе. 17) Холоповъ невольниковъ боярскихъ оставить въ прежнемъ положеніи, чтобъ служили панамъ своимъ по прежнему, а воли имъ не давать. 18) Относительно казаковъ волжскихъ, донскихъ, яицкихъ и терскихъ король долженъ будетъ держать совѣтъ съ боярами и думными людьми: будутъ ли они надобны, или нѣтъ!

Въ приведенномъ договорѣ насъ поражаетъ особенно то, что на первомъ планѣ король его милость, а не королевичъ; ясно было, что имя Владислава служило здѣсь только прикрытіемъ для замысловъ Сигизмунда, который спѣшилъ сдѣлать и второй шагъ впередъ для ихъ исполненія: онъ потребовалъ отъ пословъ, и послы согласились повиноваться ему до прибытія Владислава, въ чемъ и дали ему присягу: «А пока Богъ намъ дастъ его государя (Владислава) на Московское государство, буду служить и прямить и добра хотѣть его государскому отцу, нынѣшнему наияснѣйшему королю польскому и великому князю литовскому, Жигимонту Ивановичу (¹).» Достигши этого, король отправилъ къ польскимъ сенаторамъ письмо, изъ котораго ясно оказывается намѣреніе его насчетъ Московскаго государства. Увѣдомивъ сенаторовъ о пріѣздѣ тушинскихъ пословъ и объ ихъ просьбѣ насчетъ Владислава, король продолжаетъ: «Хотя при такомъ усильномъ желаніи этихъ людей мы, по совѣту здѣшнихъ пановъ нашихъ, и не разсудили вдругъ опровергнуть надежды ихъ на сына нашего, дабы не упустить случая привлечь къ себѣ и москвитянъ, державшихъ сторону Шуйскаго, и дать дѣламъ нашимъ выгоднѣйшій оборотъ: но такъ-какъ мы предприняли походъ не

(¹) Niemcewicz, II, 275.

для собственной пользы нашей и потомства нашего, а для общей выгоды республики, то мы безъ соизволенія всѣхъ чиновъ ея не хотѣли постановить съ ними ничего положительнаго.» Отстранивъ такимъ образомъ отъ себя нареканіе въ томъ, что онъ преслѣдуетъ только свои династическія цѣли, король обращается къ сенаторамъ съ просьбою о помощи войскомъ и деньгами, ибо, пишетъ онъ, только недостатокъ въ деньгахъ можетъ помѣшать такому цвѣтущему положенію дѣлъ нашихъ, когда открывается путь къ умноженію славы рыцарства, къ расширенію границъ республики и даже къ совершенному овладѣнію цѣлою Московскою монархіею ([1]).

Русскіе тушинцы, заключивъ отдѣльный договоръ съ королемъ, тѣмъ самымъ нарушили обѣщаніе не отдѣлять своего дѣла отъ дѣла польской конфедераціи. Польскіе тушинцы сильно негодовали на нихъ за это и, несмотря однако на отпаденіе союзниковъ, не умѣряли своихъ требованій: они хотѣли не только обезпеченія жалованья и наградъ казною московскою въ случаѣ удачи похода, и экономическими имѣніями и староствами въ Польшѣ въ случаѣ неудачи, равно какъ выдачи не въ зачетъ службы четверти жалованья: они хотѣли такъ же удѣла для Марины и мужа ея. Король обѣщалъ удовлетворить ихъ требованіямъ касательно будущихъ наградъ, вмѣсто же выдачи четвертного жалованья впередъ обѣщалъ сдѣлать нѣкоторое вспоможеніе деньгами, оружіемъ и воинскими снарядами, но и то послѣ переговоровъ, для которыхъ отправлялъ въ Тушино Яна Потоцкаго. Между тѣмъ Марина, видя, что трудно убѣдить тушинскихъ поляковъ снова принять сторону мужа ея, и боясь, чтобъ Рожинскій не выдалъ ее королю, убѣжала изъ Тушина ночью верхомъ въ гусарскомъ платьѣ, самъ-третей съ двумя слугами. Она хотѣла пробраться прямо въ Калугу, но сбилась съ дороги и попала сперва въ Дмитровъ къ Сапѣгѣ, и оттуда уже отправилась въ Калугу. Когда узнали въ лагерѣ о бѣгствѣ Марины, то возсталъ такой же мятежъ, какой имѣлъ мѣсто и послѣ отъѣзда самозванцева. Приверженцы Марины разносили по лагерю оставленное ею письмо, въ которомъ она жаловалась на измѣну, писала, что удаляется, желая избѣжать стыда быть выданною королю, и увѣщевала рыцарство не забывать своей присяги, не забывать, что отъ нея, Марины, они могутъ только ожидать наградъ. Послѣднее напоминаніе поражало тушинскихъ поляковъ всего болѣе: они очень хорошо знали, что отъ короля ожидать нечего, что онъ вырвалъ у нихъ изъ рукъ награду, и потому пришли въ страшную ярость. Они приступили къ Рожинскому съ обнаженными саблями, называли его измѣнникомъ,

([1]) Niemcewicz, II, Nota № IX.

требовали возвращенія Лжедимитрія, единственнаго главы выгоднаго предпріятія, которое безъ него рушилось. Рожинскій долженъ былъ скрыться отъ разъяренной толпы, хотѣвшей немедленно отправиться въ Калугу; на-силу остальные вожди уговорили шляхту подождать обѣщанныхъ королемъ денегъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Рожинскій написалъ письмо къ Сигизмунду, гдѣ, увѣдомляя его о бѣгствѣ Марины и мятежѣ войска, говорилъ, что если въ положенный срокъ не получится извѣстія, могущаго удовлетворить рыцарство, то трудно будетъ удержать его отъ дальнѣйшаго безпорядка. Чтобъ избавиться отъ опасностей, грозившихъ ему со всѣхъ сторонъ — и отъ своей шляхты, и отъ Лжедимитрія изъ Калуги, и отъ войскъ московскихъ — Рожинскому необходимо было немедленное прибытіе короля на-помощь: вотъ почему онъ старается убѣдить Сигизмунда къ скорому походу въ Тушино увѣдомленіемъ, что москвичи сильно желаютъ этого, что Василій Шуйскій въ распрѣ съ Скопинымъ; Рожинскій прибавляетъ, что не мѣшалобъ написать письмо къ Скопину, котораго, по словамъ лазутчиковъ, нетрудно будетъ преклонить на польскую сторону; что русскіе тушинцы, вмѣстѣ съ патріархомъ Филаретомъ, оскорблены невниманіемъ короля, который не прислалъ къ нимъ еще ни одной грамоты, равно разбойничествомъ запорожцевъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ (1). Но ни король, ни даже обѣщанный Потоцкій не тронулись изъ-подъ Смоленска къ Тушину, и потому Рожинскій принужденъ былъ, зажегши лагерь, выступить по дорогѣ къ Іосифову Волоколамскому монастырю: немногіе изъ русскихъ тушинцевъ послѣдовали за нимъ, большая часть поѣхали съ повинною или въ Москву, или въ Калугу.

Между тѣмъ Скопинъ, по своему обычаю, медленно, выжидая и поджидая, все болѣе и болѣе приближался къ Москвѣ. Одною изъ главныхъ причинъ медленности его было несогласіе съ шведами, которые, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ Шуйскаго, вынуждали новые договоры, новыя уступки; несмотря на сопротивленіе жителей, Корѣла была отдана шведамъ; мало того, Шуйскій долженъ былъ обязаться; «Нашему царскому величеству вамъ любительному государю Каролусу королю, противъ вашіе любви и дружбы и вспоможенья и проторей, которые вамъ учинились и впередъ учинятся, полное воздаяніе воздати, чтобъ тѣхъ проторей стоило, чего вы у нашего царскаго величества, по достоянію попросишь, города, или земли, или уѣзда» (2). Этою уступкою еще куплена была помощь

(1) Niemcewicz, II, 266, 281—285.

(2) Истор. Смут. врем. III, прилож. № V.

4,000 отряда шведовъ. Несмотря на то, что отрядъ скопинскаго войска былъ разбитъ Лисовскимъ подъ Суздалемъ, Сапѣга не могъ долѣе оставаться подъ Троицкимъ монастыремъ и отступилъ въ Дмитровъ. Такъ кончилась знаменитая троицкая осада! Въ тоже время ожидаемое шведское подкрѣпленіе прибыло, и Скопинъ двинулся впередъ; Сапѣга принужденъ былъ выйти изъ Дмитрова и, оставя въ Іосифовомъ монастырѣ безпокойную шляхту свою, которая вошла въ сношенія съ Самозванцемъ, самъ отправился въ лагерь къ королю для переговоровъ. Дѣла Шуйскаго видимо принимали благопріятный оборотъ: тушинскій полякъ Вильчекъ, начальствовавшій въ Можайскѣ, продалъ этотъ городъ царю за 100 рублей (¹) (333½ нынѣшнихъ серебряныхъ). Когда Скопинъ узналъ, что и Тушино оставлено Рожинскимъ, то, не имѣя болѣе причины опасаться съ кѣмъ-нибудь рѣшительнаго боя, тотчасъ двинулся къ Москвѣ.

Уже выше было замѣчено, какъ сильное исканіе точки опоры возвысило Скопина въ глазахъ народа. Онъ не одержалъ ни одной рѣшительной побѣды, не прогналъ ни Сапѣги, ни Лжедимитрія, ни Рожинскаго: прогналъ ихъ Сигизмундъ; но Скопинъ не былъ самъ побѣжденъ въ рѣшительномъ бою, его имя такъ долго было неразлучно съ надеждою избавленія Москвы: вотъ почему, когда Рожинскій бѣжалъ изъ Тушина, а Сапѣга снялъ осаду Троицкаго монастыря, и Скопинъ вступалъ въ Москву непобѣжденнымъ, то восторженный народъ принялъ его какъ побѣдителя, ему приписалъ свое освобожденіе. Въ то время, какъ Василій Шуйскій оказывалъ видимую недѣятельность, сидя въ Москвѣ, подвергаясь поруганіямъ отъ возмутителей, что болѣе и болѣе унижало его въ глазахъ народа, Скопинъ былъ далеко и дѣйствовалъ для спасенія отечества, былъ на самомъ дѣлѣ тѣмъ, чего государство требовало отъ царя; справедливо сказано, что слава растетъ въ удаленіи, близость уменьшаетъ славу (²). Всѣ стороны положенія дяди и племянника были не къ выгодѣ Василія и къ выгодѣ Михаила, и народъ принялъ послѣдняго какъ царя. По приказу Василія, вельможи встрѣтили Скопина у городскихъ воротъ; но граждане предупредили ихъ, падали ницъ и со слезами били челомъ за избавленіе (³). Современный писатель сравниваетъ пріемъ Скопина съ торжествомъ Давида, котораго израильтяне чтили болѣе, чѣмъ Саула. Это сравненіе Палицына повторено и въ Псковской лѣтописи. Для Василія было довольно оскорбительнаго въ народномъ восторгѣ къ Скопину; однако онъ не

(¹) Дневникъ осады Смол., стр. 182.
(²) Fama crescit eundo, minuit praesentia famam.
(³) Никон. VIII, 131.

показался оскорбленнымъ и принялъ племянника какъ слѣдовало признательному государю и любящему родственнику. Иначе велъ себя братъ царскій, князь Димитрій Шуйскій: царь Василій имѣлъ только одну или двухъ дочерей, которыя умерли въ младенчествѣ; слѣдовательно, братъ его Димитрій считалъ себя наслѣдникомъ престола; но вдругъ увидѣлъ старшаго соперника въ Михаилѣ, которому сулило вѣнецъ согласіе народа, при неутвержденномъ еще порядкѣ престолонаслѣдія; за Скопина же еще было право происхожденія отъ старшей линіи Шуйскихъ-Суздальскихъ. Вотъ почему, если Василій Шуйскій имѣлъ причины сердиться на Скопина за своевольный поступокъ съ ляпуновскими посланцами, если имѣлъ причины завидовать ему, то Димитрій имѣлъ причины ненавидѣть Михаила. Онъ явился самымъ ревностнымъ навѣтникомъ на племянника передъ царемъ: послѣдній, или будучи увѣренъ въ скромности Скопина, не опасаясь видѣть въ немъ соперника и не имѣя причины желать отстраненія его отъ наслѣдства, или, по-крайней-мѣрѣ, побуждаемый благоразуміемъ не начинать вражды съ любимцемъ народа, сильно осердился на брата за его докучные навѣты, и даже, говорятъ, прогналъ его однажды отъ себя палкою. Говорятъ также, что онъ имѣлъ искреннее объясненіе съ Скопинымъ, при чемъ послѣдній постарался показать свою невинность и опасность вражды въ такое опасное время (¹). Несмотря на то однако, что царь не показывалъ ни малѣйшей непріязни къ Скопину, народъ, нелюбившій Василія, привыкшій обвинять его, толковалъ уже о враждѣ дяди съ племянникомъ. Эти слухи разносились далеко, черезъ Тушино доходили и въ станъ смоленскій. Делагарди, слыша о зависти и ненависти, преувеличенной любовію народа къ Скопину и нелюбьемъ къ Василію, остерегалъ Михаила, уговаривалъ его какъ можно скорѣе оставить дворъ и двинуться къ Смоленску. Въ это время послѣдовалъ окончательный ударъ судьбы для несчастнаго Василія: Скопинъ внезапно занемогъ и послѣ двухъ-недѣльной болѣзни умеръ. Пошелъ общій слухъ объ отравѣ; знали ненависть къ покойному дяди его, князя Димитрія, и указали на него, какъ на отравителя: толпа народа двинулась-было къ дому царскаго брата, но была отогнана войскомъ. Теперь мы должны заняться вопросомъ объ основательности народнаго слуха. Современникъ Палицынъ и современные лѣтописцы далеки отъ рѣшительнаго обвиненія. Въ лѣтописи читаемъ: «Мнози же на Москвѣ говоряху то, что испортила ево тетка ево княгиня Катерина князь Дмитреева Шуйсково, а подлинно то единому

(¹) Карамз. XII, примѣч. 522.

Богу вѣдомо» (1). Палицынъ (2) говоритъ почти тѣми же словами: «Невѣмы, како рещи, Божій ли судъ нань постиже, или злыхъ человѣкъ умышленіе совершися? единъ создавый насъ се вѣсть». Жолкѣвскій, которому пріятели его бояре, враги Шуйскаго, не преминули бы разсказать подробно объ отравленіи, еслибъ оно въ самомъ дѣлѣ имѣло мѣсто, Жолкѣвскій отвергаетъ обвиненіе, приписывая смерть Скопина болѣзни (3). Этимъ важнымъ свидѣтельствомъ опровергается голословное свидѣтельство другого иноземца, автора московской хроники, нерасположеннаго къ Шуйскому. Псковскій лѣтописецъ, по извѣстнымъ намъ причинамъ такъ же нелюбившій Шуйскаго, говоритъ утвердительно объ отравѣ, обстоятельно разсказывая, какъ жена Димитрія Шуйскаго на пиру сама поднесла Скопину чашу, заключавшую отраву. Но въ этомъ разсказѣ встрѣчаемъ смѣшное искаженіе, отнимающее у него вѣру: въ извѣстной рукописи Филарета сказано, что Скопинъ разболѣлся на крестинномъ пиру у князя Ивана Мих. Воротынскаго; у псковскаго лѣтописца вмѣсто крестиннаго пира вышла Христина отравительница (4).

Какъ бы то ни было однако, я уже сказалъ, что смерть Скопина была самымъ тяжелымъ ударомъ для Шуйскаго: любовь народная ревнива и подозрительна, и потому пріятно было вѣрить слуху объ отравленіи Скопина и объ участіи Василія въ этомъ злодѣйствѣ; отсюда усиленіе народнаго нелюбья къ нему. Съ другой стороны, страшный ударъ, постигшій государство именно въ ту минуту, когда оно начинало только надѣяться на умилостивленіе небесное, долженъ былъ отнять у народа послѣдній духъ, послѣднія силы; не было болѣе точки опоры, нечего было ждать болѣе отъ Шуйскихъ: Василій при дверяхъ гроба, наслѣдникъ — братъ его Димитрій, который и и безъ обвиненія въ отравѣ племянника не могъ быть любимъ и уважаемъ въ народѣ. Можно сказать, что смертію Скопина домъ Шуйскихъ пересталъ царствовать: Михаилъ былъ, собственно говоря, послѣдній изъ Рюриковичей, вѣнчанный въ сердцахъ народа, и народъ, говорятъ, плакалъ по немъ, какъ плакалъ по царѣ Θеодорѣ Ивановичѣ (5); въ другой разъ домъ Рюрика пресѣкался на престолѣ московскомъ.

Но что же дѣлали враги Москвы, когда она торжествовала приходъ своего излюбленника, и потомъ оплакивала преждевременную его

(1) Никон. VIII, 132.
(2) Стр. 231.
(3) Стр. 63.
(4) См. № 111 приложеній къ рукописи Жолкѣвскаго, изд. Мухановымъ.
(5) Никон. VIII, 132.

кончину? Тушинскіе поляки, раздосадованные тѣмъ, что походъ короля виною всѣхъ ихъ неудачъ, отправили въ смоленскій станъ новыхъ пословъ съ упреками Сигизмунду; на эти упреки отвѣчали имъ тоже, что и прежнимъ посламъ, нимало не склоняясь къ уступкамъ; между тѣмъ Рожинскій умеръ въ Волоколамскѣ, еще очень молодъ, 35 лѣтъ. Тогда войско его, оставя отрядъ въ Іосифовомъ монастырѣ, подвинулось поближе къ королевскому лагерю и остановилось въ селеніи Хлепенъ. Здѣсь то нашли его послы, отправленные къ Сигизмунду, и увѣдомили о неудачѣ своего посольства. Тогда поляки раздѣлились: одни, подъ начальствомъ Зборовскаго, остались въ Хлепенѣ съ цѣлію не разрывать совершенно связи съ королемъ; другіе же двинулись къ Калугѣ съ цѣлію соединиться съ Самозванцемъ; къ нимъ присталъ и Сапѣга. Но этотъ хитрецъ видимо только принялъ ихъ сторону, тайно же сносился съ королемъ и принялъ отъ него порученіе наблюдать за движеніями Самозванца. Поляки, явившіеся въ Калугу къ Лжедимитрію, нашли здѣсь уже не тѣ отношенія, что прежде, не то расположеніе царика и не то цвѣтущее состояніе дѣлъ его. Въ такихъ обстоятельствахъ они хотѣли купить бо́льшія уступки у короля головою Самозванца и предложили Сигизмунду убить вора. Но кромѣ гнусности предложенія, Сигизмундъ понималъ, какъ повредило его дѣлу обезсиленіе Лжедимитрія, и потому никакъ не хотѣлъ конечной гибели этого пугала Москвы: онъ запретилъ полякамъ покушаться на убійство мужа Марины (¹).

Между тѣмъ король, на всякой случай, хотѣлъ овладѣть сѣверскою страною, чтобы при неудачѣ дѣлъ московскихъ и смоленскихъ указывать рѣчи посполитой по-крайней-мѣрѣ на это пріобрѣтеніе. Онъ велѣлъ двинуться туда семитысячному отряду запорожскихъ казаковъ. Здѣсь обнаружилась и та внутренняя, духовная связь, которая существовала между частями Московскаго государства... Сѣверская страна, съ торжествомъ принявшая обоихъ Самозванцевъ, теперь выставила отчаянное, геройское сопротивленіе противъ казаковъ, хотѣвшихъ покориться подъ державу иновѣрной Польши, этимъ геройскимъ сопротивленіемъ, которое не должно терять своего блеска и достоинства ни предъ сопротивленіемъ Троицкаго монастыря, ни предъ сопротивленіемъ Смоленска, погибшая и оскверненная Украйна загладила свой грѣхъ предъ Русью, предъ Московскимъ государствомъ. Первую очистительную жертву принесли стародубцы (²), которые прежде всѣхъ про-

(¹) Рукопись Жолкѣвск., стр. 62, 67.
(²) Днев. осады Смоленска, стр. 184.

возглашеніи вора: они ожесточенно рѣзались съ запорожцами, и когда городъ ихъ былъ охваченъ пламенемъ, бросили въ огонь сперва имущество, а потомъ кинулись и сами; только малое количество пушекъ и малое количество жителей, въ томъ числѣ воевода князь Андрей Хованскій, достались въ плѣнъ казакамъ и были отправлены къ Сигизмунду. Такое же мужество оказали и жители Почепа: 4,000 изъ нихъ погибли при упорной защитѣ; но и ихъ городъ, охваченный пламенемъ, принужденъ былъ сдаться. Въ Черниговѣ непріятель встрѣтилъ менѣе сопротивленія; Новгородъ-Сѣверскъ такъ же присягнулъ Владиславу; Мосальскъ былъ взятъ приступомъ; Бѣлая, послѣ шестимѣсячной осады, принуждена голодомъ къ сдачѣ. Смоленскъ все держался, и имѣлъ причины къ такому упорному сопротивленію: поляки, и особенно запорожцы, несмотря на королевскія увѣщанія, страшно свирѣпствовали противъ народонаселенія городовъ, сдававшихся на имя Владислава. Но у смольнянъ было еще другое, высшее побужденіе; борьба ихъ съ Сигизмундомъ имѣла смыслъ религіозный; вотъ почему въ этой священной борьбѣ архіепископъ получаетъ особенное значеніе. Смоленскіе перебѣжчики увѣряли въ польскомъ лагерѣ, что въ городѣ голодъ и моровое повѣтріе, что самъ воевода Шеинъ хотѣлъ-было сдать крѣпость королю, но архіепископъ Сергій не допустилъ до того. Однажды міръ съ воеводою ходилъ уговаривать архіепископа къ сдачѣ, но тотъ, снявъ съ себя облаченіе и положивъ посохъ, объявилъ, что готовъ принять муку, но церкви своей не предастъ, и охотнѣе допуститъ умертвить себя, чѣмъ сдать крѣпость. Народъ, увлеченный этими рѣчами, отложилъ намѣреніе свое и, надѣвъ на Сергія опять святительское облаченіе, поклялся стоять противъ ляховъ до послѣдней капли крови. Воевода предлагалъ сдѣлать вылазку; но и на это архіепископъ не согласился, подозрѣвая Шеина въ намѣреніи вывести людей изъ города и ударить челомъ королю. (1) Послѣдній находился въ довольно затруднительномъ положеніи: онъ вошелъ въ предѣлы Московскаго государства, думая воспользоваться его смутами, и теперь видѣлъ, что его непріязненное движеніе всего болѣе способствовало прекращенію этихъ смутъ, и онъ, съ малочисленнымъ войскомъ, долженъ былъ бороться противъ соединенныхъ силъ Москвы и Швеціи. Въ королевскомъ совѣтѣ рѣшено было отправить въ Москву съ мирными предложеніями; но царь Василій, видя, что счастіе обратилось на его сторону, запретилъ своимъ воеводамъ пропускать польскихъ пословъ до тѣхъ поръ, пока король

(1) Дневн. осады Смол., стр. 187.

не выйдетъ изъ московскихъ предѣловъ. (1) Между тѣмъ Горнъ съ 4,000 отрядомъ переступилъ рускую границу изъ Финляндіи, соединился въ Старицѣ съ княземъ Хованскимъ, истребилъ много запорожцевъ у Ржева, занялъ Зубцовъ; тогда предводители тушинцевъ, вступившихъ въ королевскую службу, — Зборовскій и Заруцкій, принуждены были отступить; Лисовскій также оставилъ Суздаль и перешелъ въ Великіе-Луки, — какъ вдругъ весь этотъ благопріятный оборотъ дѣлъ былъ испорченъ смертію Скопина; государство снова замутилось, и снова роковой человѣкъ явился на сценѣ.

Смертію Скопина окончательно разрывалась связь между Шуйскимъ и народомъ; но, какъ въ первый разъ, тотчасъ по избраніи Василія, хотя сердца народа были далеки отъ него, однако масса людей спокойныхъ не двигалась и ждала человѣка, который бы произнесъ роковое слово, указалъ какой-нибудь выходъ изъ мучительнаго, нерѣшительнаго положенія: однимъ изъ первыхъ двигателей явился тогда Ляпуновъ. И теперь, когда большинство было вооружено противъ Василія, приписывая ему смерть Михаила, другіе, хотя и не вѣрили отравленію, однако, видя, что Шуйскій не могъ дать никакого ручательства за будущее, готовы были отречься отъ него, — и въ эту важную минуту, когда всѣ были готовы, всѣ ждали, является опять Ляпуновъ. Мы видѣли, какъ онъ не выдержалъ и предложилъ вѣнецъ Скопину. Потерпѣвъ неудачу, зная, что царю открыты его замыслы, Ляпуновъ не могъ ожидать милости изъ Москвы, и потому ждалъ только предлога отложиться отъ Василія. Смерть Скопина и молва объ отравленіи послужила Ляпунову какъ нельзя лучше; земля рязанская опять встала на голосъ своего *властеля*, обвиняющій Шуйскаго; опять Ляпуновъ не сталъ разбирать средствъ для достиженія своей цѣли и завелъ переговоры съ царикомъ калужскимъ, а между тѣмъ послалъ возмущать города, вѣрные московскому правительству, между прочими и Зарайскъ, гдѣ воеводою тогда былъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Здѣсь впервые эти два лица — Ляпуновъ и Пожарскій, приходятъ въ столкновеніе другъ съ другомъ, и тотчасъ же обнаруживается разница между ними. Ляпуновъ былъ готовъ на все, чтобы только удовлетворить снѣдающей жаждѣ.... Цѣль возстанія Ляпунова и ему подобныхъ есть само возстаніе, а не возстановленіе мира и порядка. Совершенно инымъ характеромъ отличался Пожарскій. Потомки князей Стародубскихъ, происходившихъ отъ младшаго сына Всеволода III, князья Пожарскіе, *захудали* и были от-

(1) Рукоп. Жолкѣвскаго, стр. 65.

тѣснены отъ высшихъ мѣстъ въ государствѣ. Дмитрій Михайловичъ является при дворѣ Годунова вмѣстѣ съ матерью. Необыкновенно скромный, свято чтившій существующій порядокъ вещей, смотрѣвшій на всякое отступленіе отъ него, какъ на ересь, совѣстливый въ исполненіи своего долга, буквально исполнившій присягу, разъ данную, Пожарскій былъ образцомъ и представителемъ спокойной массы народонаселенія, котораго единственнымъ желаніемъ было возстановленіе порядка вещей: вотъ почему, когда эта масса людей возстала, оскорбленная въ самыхъ святыхъ своихъ интересахъ, Пожарскій такъ пришелся по ней, явился естественнымъ ея предводителемъ, вполнѣ сочувствующимъ смыслу, цѣли возстанія. Что было прежде сказано о Скопинѣ, то должно быть повторено и о Пожарскомъ: это былъ безцѣнный начальникъ общаго ополченія, при отсутствіи власти, блюдущей порядокъ, сохраняющей подчиненность; ибо своею скромностію, уступчивостію, малымъ мнѣніемъ о самомъ себѣ, онъ ни кого не оскорблялъ, не возбуждалъ сильной зависти и нелюбья. Вѣрный Борису, вѣрный и Лжедимитрію, Пожарскій былъ вѣренъ и Шуйскому, давши разъ ему присягу. Какъ видно, и Шуйскій разгадалъ характеръ Пожарскаго, ибо употреблялъ его въ важныхъ случаяхъ, и Пожарскій оправдывалъ довѣренность царскую: гдѣ ни встрѣчался съ врагомъ, тамъ побѣждалъ. Довѣренность Шуйскаго къ князю Дмитрію видна еще изъ того, что онъ поручилъ ему воеводство въ Зарайскѣ, въ пунктѣ важномъ, въ странѣ безпокойной, между Рязанью и Калугою. И тутъ Пожарскій оправдалъ довѣренность царя: когда Ляпуновъ прислалъ къ зарайскому воеводѣ племянника своего, Ѳедора Ляпунова, убѣждать его соединиться съ землею рязанскою противъ Шуйскаго, то Пожарскій не присталъ къ его совѣту, отправилъ его грамоту въ Москву и требовалъ помощи у царя; при такомъ буквальномъ исполненіи присяги трудно заподозрить себя у человѣка самаго подозрительнаго; Василій тотчасъ отправилъ въ Зарайскъ отрядъ войска. Тогда Ляпуновъ кинулся на другую сторону, чтобъ ссадить Шуйскаго, по выраженію лѣтописца: онъ вошелъ въ думу съ бояриномъ кн. Вас. Вас. Голицынымъ «и отъ Москвы отложися, и не нача царя Василья слушати». Такъ, когда послѣдній, слыша о пораженіи кн. Мосальскаго самозванцевымъ воеводою, кн. Черкаскимъ, послалъ къ первому подкрѣпленіе, то Ляпуновъ не пропустилъ его, «повелѣ имъ быти у себя».

Между тѣмъ нужно было двинуть войско противъ поляковъ; начальство надъ нимъ было поручено брату царскому, Димитрію. Король, узнавъ, что въ Можайскѣ собирается большое царское войско,

отправилъ на встрѣчу къ нему гетмана Жолкѣвскаго. Дѣло началось у Царева Займища, гдѣ засѣли царскіе воеводы — князь Елецкій и Волуевъ. Несмотря на то, что у Жолкѣвскаго, по соединеніи съ Зборовскимъ, было 11,000 человѣкъ, и что слѣдовательно онъ былъ сильнѣе Елецкаго и Волуева, гетманъ не хотѣлъ приступомъ брать ихъ окоповъ, зная природу народонаселенія сѣверной Руси, слабаго въ чистомъ полѣ, по неимѣнію воинскаго искусства, но неодолимаго при защитѣ мѣстъ: «Московскій народъ очень стоекъ при защитѣ», говоритъ гетманъ въ своихъ запискахъ (¹). Видя, что Жолкѣвскій намѣренъ голодомъ принудить ихъ къ сдачѣ, Елецкій и Волуевъ послали въ Можайскъ къ кн. Д. Шуйскому съ просьбою о немедленномъ освобожденіи. Шуйскій двинулся и сталъ у Клушина. Жолкѣвскій, узнавъ объ этомъ, рѣшился, несмотря на малочисленность своего войска въ сравненіи съ войскомъ царскимъ, напасть на послѣднее: онъ расчитывалъ на выгоду, какую можетъ дать внезапное, стремительное нападеніе, — выгоду, которую такъ цѣнили военныя знаменитости позднѣйшаго времени — Суворовъ и Наполеонъ. Царское войско проиграло битву; причинами были, во-первыхъ, неискуство русской конницы, которая никакъ не шла въ сравненіе съ польскою, и которую Шуйскій неблагоразумно выставилъ впередъ; несмотря однако на разбитіе конницы, дѣло еще не было проиграно, и Шуйскій съ пѣхотою, засѣвши въ деревнѣ Клушинѣ, былъ готовъ на сильный отпоръ, какъ дѣло было проиграно на другомъ пунктѣ шведскимъ военачальникомъ Делагарди, который былъ обращенъ въ бѣгство. За бѣгствомъ Делагарди послѣдовала измѣна наемныхъ иноземцевъ, перешедшихъ на сторону гетмана. Это послѣднее обстоятельство отняло духъ у Шуйскаго: онъ также обратился въ бѣгство; весь обозъ его достался побѣдителю. Изъ наемниковъ — французы, нѣмцы и англичане вступили въ польскую службу; Делагарди и Горнъ, съ малочисленнымъ отрядомъ шведовъ, заключили договоръ съ Жолкѣвскимъ, по которому получили позволеніе отступить на сѣверъ, къ границамъ своего государства.

Изъ-подъ Клушина гетманъ возвратился опять подъ Царево Займище и увѣдомилъ Елецкаго и Волуева о своей побѣдѣ. Воеводы долго не вѣрили, и когда узнали страшную истину, то все еще не хотѣли сдаваться на имя королевича, а говорили Жолкѣвскому: «Ступай подъ Москву: будетъ Москва ваша, и мы будемъ готовы присягнуть королевичу». Гетманъ отвѣчалъ: «Когда возьму я васъ,

(¹) Стр. 83.

тогда и Москва будетъ за нами (¹)». Тогда воеводы неволею поцаловали крестъ Владиславу; но гетманъ, съ своей стороны, долженъ былъ присягнуть: христіянской вѣры у московскихъ людей не отнимать, престоловъ Божіихъ не разорять, костеловъ римскихъ въ Московскомъ государствѣ не строить; быть Владиславу государемъ какъ и прежніе природные государи; боярамъ и всякихъ чиновъ людямъ быть такъ же по прежнему; въ московскіе города не посылать на воеводство польскихъ и литовскихъ людей, и въ староство городовъ не отдавать; у дворянъ боярскихъ и всякихъ служилыхъ людей жалованья, помѣстій и вотчинъ не отнимать; вообще московскимъ людямъ никакого вреда не дѣлать; противъ тушинскаго царика промышлять за-одно; важна послѣдняя статья: «А какъ дастъ Богъ, добьетъ челомъ государю наияснѣйшему королевичу Владиславу Жигимонтовичу городъ Смоленскъ, и Жигимонту королю польскому и в. князю литовскому итти отъ Смоленска прочь со всѣми ратными польскими и литовскими людьми, и порухи и насильства на посадѣ и въ уѣздѣ никакіе не дѣлать, и помѣстья и вотчины смолнянамъ и въ иныхъ городахъ, которые государю королевичу добили челомъ, очистити, и городамъ всѣмъ рубежнымъ быть къ московскому государству по прежнему (²)».

Жолкѣвскій понималъ, что овладѣть Москвою можно только именемъ Владислава, который долженъ былъ владѣть въ государствѣ, какъ владѣли прежніе природные государи; что малѣйшій намекъ на униженіе Московскаго государства предъ Польшею, на нарушеніе его цѣлости, можетъ возстановить всю землю. Вотъ почему гетманъ соглашается на условія, обезпечивающія самостоятельность и цѣлость Московскаго государства, ибо его цѣль — какъ можно скорѣе свергнуть Шуйскаго и возвести на его мѣсто королевича. Этимъ онъ славно оканчивалъ походъ, который былъ начатъ при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, въ который онъ вступилъ съ ничтожнымъ отрядомъ, какъ жертва, обреченная на гибель. Жолкѣвскій долженъ былъ выбирать изъ двухъ одно: или, уступая требованіямъ русскихъ, отнять Москву у Шуйскаго и отдать ее Владиславу; или, неуступая ихъ требованіямъ, преслѣдуя своекорыстныя цѣли короля, видѣть противъ себя всю землю, стать между двумя огнями, между Москвою и Калугою. Ясно, что Гетманъ долженъ былъ выбрать первое.

(¹) Никон. VIII, 135.
(²) Сборникъ Муханова, № 105.

Послѣ присяги Елецкаго и Волуева Владиславу, и когда, по ихъ примѣру, присягнули ему Можайскъ, Борисовъ, Боровскъ, Іосифовъ монастырь, Погорѣлое Городище и Ржевъ, то войско Гетмана увеличилось 10,000 русскихъ. Самъ Жолкѣвскій говоритъ (1), что эти новые подданные королевича остались довольно вѣрными и доброжелательными, часто приносили ему изъ столицы извѣстія, входя въ сношенія съ своими, и переносили письма, которыя гетманъ писалъ въ Москву къ нѣкоторымъ лицамъ, равно какъ и универсалы, писанные съ намѣреніемъ низложить Шуйскаго. Къ этимъ универсаламъ гетманъ присоединялъ и запись, данную имъ воеводамъ при Царевѣ-Займищѣ, думая, что она послужитъ для московскихъ жителей полнымъ ручательствомъ за ихъ будущее при Владиславѣ. Но вотъ что отвѣчали гетману изъ Москвы смоленскіе и брянскіе ратные люди, которымъ онъ чрезъ ихъ земляковъ подослалъ грамоты и запись: «Мы тѣ грамоты и отвѣтныя рѣчи и запись сами прочитавши, давали читать въ Москвѣ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и многихъ разныхъ городовъ всякимъ людямъ; и они, прочитавъ, говорятъ: что де въ записи не написано, чтобы Господарю нашему, Королевичу Владиславу Сигизмундовичу окреститися въ нашу христіанскую вѣру, и крестившись, сѣсть на Московскомъ господарствѣ (2)». Гетманъ отвѣчалъ (3), что крещеніе королевича есть дѣло духовное, патріаршеское и всего духовенства; но въ Москвѣ считали это дѣло не патріаршескимъ только, а всей земли, и потому многіе, видя, что Шуйскому не усидѣть на престолѣ ни въ какомъ случаѣ, склоннѣе были къ царику калужскому, чѣмъ къ Владиславу. Самозванецъ расчитывалъ на это расположеніе, и потому, узнавъ, что при Клушинѣ дѣло Шуйскаго проиграно, приманилъ къ себѣ деньгами войско Сапѣги и двинулся къ Москвѣ. На дорогѣ ему должно было взять Пафнутіевъ Боровскій монастырь, гдѣ засѣлъ московскій воевода, князь Михайлъ Волконскій съ двумя товарищами. Послѣдніе, видя непреклонность старшаго воеводы, рѣшили сдать монастырь тайно и отворили острожныя ворота, куда устремилось войско Лжедимитрія; Волынскій, увидавъ измѣну, бросился въ церковь. Тщетно измѣнившіе товарищи звали его выйти съ челобитьемъ къ побѣдителямъ; Волконскій отвѣчалъ: «Умру у гроба Пафнутія Чудотворца», сталъ въ церковныхъ дверяхъ и до тѣхъ поръ бился со врагомъ, пока из-

---

(1) Стр. 108.
(2) Сборн. Мух., № 106.
(3) Тамъ же, № 107.

немогъ отъ ранъ, и палъ у лѣваго клироса, гдѣ и былъ добитъ (1). Раззоривъ монастырь, Самозванецъ пошелъ на Серпуховъ: этотъ городъ сдался; крымскіе татары, пришедшіе на-помощь къ царю Василію, не устояли передъ дружиною Сапѣги; сдались Коломна и Кошира; но не сдался Зарайскъ, потому-что тамъ воеводствовалъ Пожарскій. Жители Зарайска пришли къ воеводѣ всѣмъ городомъ просить его, чтобъ цаловалъ крестъ Самозванцу; Пожарскій отказался и съ немногими людьми заперся въ Кремлѣ. И здѣсь честь подвига раздѣлило съ Пожарскимъ духовное лицо: «Никольскій же протопопъ Дмитрей, говоритъ лѣтопись, крѣпляше его, и благословляше умрети за истинную православную вѣру, онъ же наипаче крѣпляшесь (2)». Пожарскій видѣлъ ясно, что Шуйскому недолго царствовать; однако хотѣлъ остаться вѣренъ ему до конца, и въ случаѣ сверженія Василія хотѣлъ остаться вѣренъ Москвѣ, представительницѣ государства; съ этою цѣлію онъ сдѣлалъ такой уговоръ съ жителями Зарайска: «Будетъ на Московскомъ государствѣ по старому царь Василій — ему и служить, а будетъ кто иной — и тому такъ же служить; и на томъ укрѣпися крестнымъ цѣлованіемъ, и начаша быти въ Зарайскомъ городѣ безъ колебанія, и утвердишася межъ себя, и на воровскихъ людей начаша ходить и побивать, и градъ Коломну опять обратиша».

Лжедимитрій однако шелъ впередъ и сталъ у села Коломенскаго. У Шуйскаго было еще тысячь тридцать войска; но кто хотѣлъ сражаться за него? Мы видѣли, что ратные люди переписывались съ Жолкѣвскимъ объ условіяхъ, на которыхъ долженъ царствовать Владиславъ; бояре крамолили; Голицынъ ссылался съ Ляпуновымъ, братъ котораго, извѣстный буйствомъ Захаръ, уже волновалъ народонаселеніе столицы. Начали сноситься съ поляками Лжедимитрія, однако не для того, чтобъ принять Самозванца на мѣсто Шуйскаго: не хотѣли ни того, ни другого, и потому условились, чтобъ тушинцы отстали отъ своего царя, а москвитяне сведутъ своего. Тушинцы обѣщали, и указывали на Сапѣгу, какъ на человѣка достойнаго быть московскимъ государемъ (3). Шуйскій видѣлъ, что трудно будетъ ему удержаться на престолѣ, и потому хотѣлъ вступить въ переговоры съ гетманомъ Жолкѣвскимъ; но когда предстоитъ намъ тяжкое дѣло, то мы любимъ отсрочивать его подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, и Шуйскій отложилъ посольство къ гетману, думая,

(1) Никон. VIII, 137.
(2) Тамъ же, 138.
(3) Никон. VIII, 139.

что выгоднѣе будетъ дождаться, пока самъ гетманъ пришлетъ къ нему ([2]), а между тѣмъ Богъ вѣсть, что случится. . .

. . . .

Наконецъ однакожь обстоятельства побудили Шуйскаго сложить съ себя царское званіе. Потомъ онъ принужденъ былъ постричься и вступить въ Вудовъ монастырь. Постриглась также и жена его.

([2]) Рукоп. Жолкѣв., стр. 115.

С. СОЛОВЬЕВЪ.

О НАЗНАЧЕНІИ РУССКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ

И

УЧАСТІИ ИХЪ ВЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ ОБРАЗОВАНІИ (*).

Съ недавняго времени въ обществѣ начали обращаться мысли о преобразованіяхъ по части народнаго просвѣщенія, въ особенности университетовъ. На западѣ страсть къ преобразованіямъ, недовольство своимъ состояніемъ, пренебреженіе къ преданіямъ — общій недугъ людей безъ прошедшаго и будущаго, живущихъ для одного настоящаго. Для такихъ людей не существуютъ ни вѣра, ни законъ, ни права, ни обязанности: они пользуются смутами, въ чаду властолюбія и своекорыстія. Но въ православной и боголюбимой Руси благоговѣніе къ Провидѣнію, преданность Государю, любовь къ Россіи — эти святыя чувствованія никогда не преставали питать всѣхъ и каждаго; ими спасены мы въ годины бѣдствій; ими возвышены на степень могущественнѣйшей державы, какой не было въ мірѣ историческомъ. Въ благодарственномъ умиленіи къ Подателю всѣхъ благъ и Самодержцу, намъ остается лишь только наслаждаться этими благами. Ложныя лишь только понятія о томъ, что совершается въ нашихъ глазахъ, производятъ недовольство существующимъ и несбыточныя мечты о нововведеніяхъ. Достаточно показать *назначеніе* и благотворное *участіе русскихъ университетовъ въ обществен-*

(*) Эта прекрасная статья только на дняхъ получена Редакціею «Современника», и мы спѣшимъ подѣлиться ею съ нашими читателями. *Ред. Совр.*

номъ образованіи, чтобы обнаружить легкомысліе поверхностныхъ мечтателей и уличить ихъ въ несправедливости. За правое дѣло будутъ говорить исторія и статистика.

За сто безъ малаго предъ симъ лѣтъ, просвѣщенный русскій вельможа И. И. Шуваловъ, незабвенный по любви къ наукамъ и покровительству ученымъ, разумѣвшій, что науками всѣ образованные народы превознесены *надъ живущими во тьмѣ невѣдѣнія*, представилъ въ Правительствующій Сенатъ достопамятное мнѣніе объ учрежденіи въ Москвѣ университета (*). Всеподданнѣйшій докладъ Государынею Императрицею Елисаветою Петровною Высочайше утвержденъ. Хранить небесный огнь науки и проливать благотворный свѣтъ ея въ отечественномъ словѣ — таково было призваніе перваго русскаго университета.

И Московскій университетъ достойно исполнилъ свое назначеніе. Отсюда знанія стали обтекать общества столицы и другихъ городовъ, расширять предѣлы мышленія, озарять всѣхъ своимъ свѣтомъ. Профессоры начали составлять учебныя руководства, переводить полезныя сочиненія, учреждать ученыя и литературныя общества, издавать періодическія сочиненія и вѣдомости: отъ этого образовался вкусъ къ чтенію, книги введены въ число необходимыхъ житейскихъ потребностей, учреждены университетскія гимназіи и благородный пансіонъ; отъ изложенія наукъ на отечественномъ языкѣ безчисленныя проявленія духа получили правильныя формы въ словахъ. Изъ перваго университета вышелъ рядъ новыхъ писателей: Костровъ, Петровъ, Фонъ-Визинъ, князь Долгорукій, Муравьевъ. Между питомцами своими университетъ считалъ въ государственной службѣ славныхъ сановниковъ: Потемкина, Шереметева, Салтыкова, Чернышева, Булгакова, Теплова, Лопухина, Татищева, князя Волконскаго, князя Хованскаго, Васильчиковыхъ. Всѣ они принесли на алтарь отечества сокровища, въ университетѣ пріобрѣтенныя.

Екатерина II оживила и возвеличила твореніе Петра и Елисаветы. «*Мы думаемъ*—говорила монархиня—*и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы живемъ для нашего народа.*» И первымъ народнымъ воспитателемъ въ вѣкѣ Екатерины II видимъ Московскій уни-

(*) Высочайше утвержденный проектъ объ учрежденіи Московскаго университета 1755, января 12.

верситетъ: питомцы его были первыми наставниками въ народныхъ училищахъ, распространенныхъ Екатериною II во всей Россіи; они же издавали и первыя учебныя для училищъ руководства. По повелѣнію Императрицы, профессоръ Барсовъ составилъ первый сводъ Россійскихъ лѣтописей.

Чрезъ полъ-столѣтіе Императоръ Александръ I, желая поставить на незыблемомъ основаніи это общеполезное учрежденіе и преподать ему новые способы къ ознаменованію дѣятельности, даровалъ ему новый и пространнѣйшій составъ. Обращая особенное вниманіе на Московскій Университетъ, который чрезъ цѣлые полъ-вѣка имѣлъ столь *великое участіе въ образованіи людей способныхъ для государственной службы*, *въ распространеніи знаній* и въ *усовершенствованіи отечественнаго языка*, Государь Императоръ, во изъявленіе торжественной признательности первому въ Россіи университету, Всемилостивѣйше даровалъ ему новыя права и преимущества (*). Тогда же учреждены университеты: Харьковскій, Казанскій, С. Петербургскій. Если сообразимъ состояніе просвѣщенія нашего во время учрежденія Московскаго университета и въ эпоху преобразованія его при Александрѣ, то не полъ-вѣкомъ, а нѣсколькими столѣтіями должны будемъ измѣрять неимовѣрные успѣхи въ наукахъ. — Тамъ, гдѣ за пятьдесятъ лѣтъ не было высшаго училища, подъ скипетромъ Благословеннаго уже образовалось министерство народнаго просвѣщенія въ обширной системѣ. Благодатный свѣтъ наукъ проникалъ въ отдаленнѣйшія страны государства; науки преподавались въ объемѣ современномъ, по всѣмъ округамъ первыми наставниками явились питомцы перваго университета. Въ царствованіе Александра уже привыкли уважать университетскіе дипломы на-равнѣ съ дворянскими грамотами. Къ этому періоду университета и университетскаго пансіона принадлежатъ знаменитые писатели, наша гордость и слава: Карамзинъ, Мерзляковъ, Дашковъ, Жуковскій, Гнѣдичъ, Грибоѣдовъ; краснорѣчивые проповѣдники слова Божія, митрополиты: Михаилъ, Серафимъ, Евгеній. — Если раскроемъ каталоги русскихъ книгъ учебныхъ по части словесности, исторіи, статистики, математики, физики, астрономіи, естественной исторіи, правовѣдѣнія, медицины, то увидимъ труды университетскихъ питомцевъ и профессоровъ. Въ жизнеописаніяхъ чиновниковъ имперіи и писателей нашихъ найдемъ вліяніе университетовъ: они или питомцы ихъ, или ученики профессоровъ.

Въ настоящее царствованіе дѣятельность университетовъ еще болѣе усилена. Государь Императоръ, наблюдая съ постояннымъ вни-

(*) Утвердительная грамота Императорскаго Московскаго университета, 1804 г., ноября 5.

ніемъ за ходомъ народнаго образованія и усматривая стремленіе всѣхъ состояній къ просвѣщенію, на истинныхъ, здравыхъ началахъ основанному, изъявилъ Высочайшую волю (*) содѣйствовать порыву вѣрноподданныхъ усиленіемъ дѣятельности университета на существенную пользу наукъ и народнаго воспитанія. И тамъ, гдѣ впервые пролился свѣтъ божественнаго ученія, разливается свѣтъ науки, въ юнѣйшемъ университетѣ Св. Владиміра. Соединеніе польскаго юношества съ русскимъ, основательное изученіе русскаго языка и словесности, знакомство съ учрежденіями и установленіями русскими — таково его назначеніе. Къ этому времени отнести должно водвореніе русскаго образованія и въ литовскихъ губерніяхъ. Весьма важнымъ дѣйствіемъ министерства почитаемъ приведеніе частныхъ учебныхъ заведеній въ-уровень съ казенными и распространеніе женскаго воспитанія въ западныхъ губерніяхъ. Столь же благодѣтельно было распространеніе русскаго образованія и въ остзейскихъ губерніяхъ. Мысль сдѣлать и евреевъ причастными благъ просвѣщенія осуществилась водвореніемъ между ними правильной системы обученія. Министерство просвѣщенія нынѣ считаетъ университетовъ, съ Главнымъ Педагогическимъ институтомъ и лицеями, въ имперіи 10; дворянскихъ институтовъ и гимназій съ благородными пансіонами 79; уѣздныхъ и приходскихъ училищъ 1461; частныхъ учебныхъ заведеній 597; пансіоновъ при лицеяхъ и гимназіяхъ съ конвиктами 77; всѣхъ учащихся 119,045. Въ Царствѣ Польскомъ гимназій и училищъ 1,464, учащихся 85,002. Стоитъ обратить вниманіе хоть на послѣднія пятнадцать лѣтъ, чтобы удостовѣриться, сколько въ продолженіе этого времени произошло улучшеній, преобразованій, распространенія заведеній, возвышенія ихъ во внутреннемъ значеніи и объемѣ преподаванія. Учреждено вновь учебныхъ заведеній 784; число учащихся въ имперіи увеличилось 35 тысячами, а число учащихъ двумя тысячами; ученыхъ экспедицій совершено 40; русскихъ книгъ напечатано болѣе 7 милліоновъ томовъ.

А какою благодарностію Министерству Просвѣщенія обязаны мы за ученыя изслѣдованія по разнымъ предметамъ академиками и профессорами университетовъ, путешествія по обширному нашему отечеству, за изданіе Славяно-Русскаго Словаря, Актовъ, собранныхъ въ библіотекахъ и архивахъ Россійской Имперіи Археографическою Коммиссіею, актовъ юридическихъ, актовъ историческихъ, полнаго собранія Россійскихъ лѣтописей.

(*) Высочайшіе указы 25 іюня и 26 іюля 1835 г.

Вотъ бѣглый очеркъ участія русскихъ университетовъ въ общественномъ образованіи. Не смотря на столь очевидныя и осязательныя указанія на благотворныя дѣйствія ихъ, люди легкомысленные обвиняютъ университеты въ образованіи, будто поверхностномъ и ничтожномъ. То, что за сто почти лѣтъ считалось необходимымъ, что въ продолженіе почти вѣка произвело столь благодѣтельное вліяніе на всю Россію, то нынѣ считаютъ преждевременнымъ! Полагаютъ, что у насъ можно съ пользою имѣть одни только спеціальныя училища, каковы: Военная Академія, Инженерное и Артиллерійское, Морской Корпусъ, Институтъ Путей Сообщенія, Горный Институтъ, всѣ военно-учебныя заведенія, Главный Педагогическій Институтъ, Училище Правовѣдѣнія. Но кѣмъ дышатъ и питаются всѣ эти заведенія? Профессорами и наставниками университетовъ. Да иначе и быть не можетъ: наука во всей обширности преподается только въ университетахъ; профессорское преподаваніе, какъ общее образованіе, приготовляетъ учащихся ко всѣмъ частнымъ занятіямъ; безъ универсальнаго ученія не можетъ быть и спеціальнаго. Самые факультеты университетскіе развѣ не спеціальныя училища правовѣдѣнія, медицины, математики, филологіи? Эти спеціальныя заведенія предъ прочими имѣютъ еще то преимущество, что устроены въ одномъ духѣ, снабжены первоклассными преподавателями и представляютъ учащимся возможность обогащаться разнообразными знаніями. Указываютъ на нѣкоторыя публичныя лекціи въ спеціальныхъ заведеніяхъ; но истинно живое преподаваніе наукъ въ современномъ состояніи, во всей обширности и изящнымъ русскимъ языкомъ, не слышится ли въ университетахъ? Каждая лекція профессора, читаемая въ аудиторіи, есть таже публичная лекція, полное разсужденіе о какой-либо части науки. Писатели по всѣмъ отраслямъ наукъ и словесности или профессоры, или ихъ питомцы. Мы нарушили бы скромность дѣйствователей на поприщѣ просвѣщенія и словесности, если бы стали исчислять всѣ наши современныя знаменитости. Можетъ быть, между писателями нашлись бы немногіе, воспитывавшіеся не въ университетахъ, а въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ или въ своихъ семействахъ; но это развѣ можетъ омрачить университеты? При правильномъ развитіи способностей, во всякомъ заведеніи и въ домашнемъ воспитаніи могутъ возникать таланты, изъ каждаго училища выходить полезные слуги государю и отечеству.

Иные возстаютъ на обученіе въ университетахъ и университетскихъ заведеніяхъ греческому и латинскому языкамъ. Новая борьба тьмы со свѣтомъ! Осмѣливаются увѣрять несвѣдущихъ, будто самые кровожадные изверги французской революціи были слу-

боко-ученые латинисты и располагали свои замыслы и дѣйствія по урокамъ, вычитаннымъ ими въ римскихъ писателяхъ, — что въ этихъ писателяхъ почерпается лишь безбожіе, безначаліе, мятежъ, развратъ! Такъ могутъ говорить не читавшіе латинскихъ писателей: для нихъ Робеспьеры, Мараты, Равальяки кажутся глубоко-учеными латинистами! Нынѣшніе заговоры и смуты на западѣ представляютъ намъ въ числѣ кровожадныхъ мятежниковъ и философовъ, и юристовъ, и историковъ, и медиковъ, и астрономовъ, и химиковъ; но станемъ ли осуждать за это и ученіе вѣры и науку? Развѣ виновна религія или наука въ томъ, что фанатики, во зло употребляя ихъ имя, безтрепетно попираютъ ногами все для человѣка священное?

Остановимся нѣсколько на этомъ предметѣ, въ воспитаніи и образованіи общественномъ весьма важномъ, даже существенномъ. Древніе писатели, по которымъ образовались Василіи Великіе, Іоанны Златоусты, Григоріи Назіанзины, Августины, Дантъ, Аріостъ, Тассъ, Шекспиръ, Юмъ, Ньютонъ, Лейбницъ, Лапласъ, Гёте, Шиллеръ, Ломоносовъ, Платонъ, Сперанскій и всѣ великіе двигатели просвѣщенія, — эти писатели, по словамъ гасителей свѣта наукъ, преподаютъ уроки разврата и смутъ! Въ общественныхъ заведеніяхъ изучаютъ Гомера, Пиндара, Эсхила, Софокла, Эврипида, Димосѳена, Виргилія, Цицерона: ктожъ когда-либо читалъ въ этихъ писателяхъ уроки безбожія, безначалія и кровопролитія? Если мы въ Аристофанѣ и Ювеналѣ видимъ живую картину Аѳинъ и Рима, въ Саллюстіи и Тацитѣ неистовыхъ Катилинъ, грозныхъ Тиверіевъ, то это достояніе исторіи. Развѣ она можетъ скрыть этихъ чудовищъ на скрижаляхъ своихъ? Напротивъ, исторія повѣствуетъ равно о Маркѣ Аврелiѣ и Траянѣ, Неронѣ и Калигулѣ. И кто изъ древнихъ писателей можетъ сравниться въ униженіи человѣческаго достоинства съ новыми французскими и нѣмецкими, которыми думаютъ замѣнить греческихъ и римскихъ классиковъ? Какой ядъ ужаснѣе того, который подносятъ въ позлащенныхъ чашахъ Викторъ Гюго и Кабе, Штраусъ и Фейербахъ? Для этого однако никто не подумаетъ истребить въ училищахъ языки нѣмецкій и французскій? Міръ новый столь тѣсно связанъ съ древнимъ, что жизни новыхъ народовъ нельзя объяснить безъ жизни древнихъ, нынѣшнихъ успѣховъ наукъ, искусствъ и словесности — безъ началъ ихъ, таящихся въ древнемъ мірѣ. Хотимъ ли мы основательно уразумѣть Державина, Озерова, Карамзина: мы должны обратиться къ Пиндару и Горацію, Софоклу и Эврипиду, Геродоту и Ѳукидиду. Точно такимъ же образомъ, изучая Лапласа и Лагранжа, Ньютона и Лейбница, обращаемся къ Архимеду и Эвклиду. Но Архимеда и Эвклида

можно изучать на всякомъ языкѣ, потому-что науки общее достояніе человѣчества; словесныя же произведенія творческія суть цвѣтъ родной страны, который блекнетъ на чужой почвѣ, подъ чуждымъ небомъ. Какъ живописецъ изучаетъ Рафаэля, Рубенса, такъ филологъ сродняется съ Гомеромъ, Виргиліемъ на ихъ языкахъ; ему переводы Гнѣдича и Жуковскаго не могутъ замѣнить Иліады и Одиссеи.

Кромѣ этого въ воспитаніи и образованіи представляются двѣ обязанности: во-первыхъ, не останавливать въ юной душѣ ни одного врожденнаго стремленія, не ослаблять ни одной полезной силы, ни одной изъ способностей, необходимыхъ въ цѣломъ организмѣ; во-вторыхъ, противодѣйствовать направленію одностороннему, способствовать постепенному и совокупному развитію всего духовнаго организма; отраженіе цѣлаго въ одной какой-либо силѣ душевной и есть то, что называютъ геніемъ. Какимъ же ученіемъ выполнимъ мы эти двѣ обязанности: раскрытіемъ ли природы и примѣненіемъ ея къ потребностямъ жизни — науками физико-математическими, или изслѣдованіемъ самого человѣка и его ума, воли и чувства, науками историко-филологическими? Вѣка, просвѣщенные народы и опытъ давно рѣшили этотъ вопросъ: всѣ единогласно признаютъ классическое ученіе лучшимъ и дѣйствительнѣйшимъ способомъ всесторонняго развитія, какъ ученіе, занимающееся самимъ человѣкомъ. Одно ученіе есть частное, специальное, другое—общее; для надежнѣйшаго развитія всего духовнаго организма, общее должно предшествовать частному. Всякая наука, по выраженію Бакона, есть могущество; но самое высшее могущество состоитъ въ мысли, и та наука даетъ намъ наибольшую силу, которая усиливаетъ мысль и развиваетъ нравственныя чувствованія. Это преимущество принадлежитъ филологіи древней и новой. Притомъ прежде, нежели Провидѣніе назначитъ каждому изъ насъ дѣйствованіе по способностямъ и знаніямъ, мы обязаны научиться одинаково мыслить и чувствовать; въ противномъ случаѣ мы можемъ быть способными дѣлателями, каждый по своей части, но не составимъ одной великой семьи съ одною мыслію, съ одною волею, съ однимъ чувствомъ. Такое умственное и вмѣстѣ нравственное образованіе отрываетъ человѣка отъ вещественныхъ выгодъ и корысти, возноситъ душу надъ низкимъ эгоизмомъ, располагаетъ насъ къ самопожертвованію пользѣ общей. Чтожъ необходимо намъ для такого развитія всѣхъ силъ духа? Намъ всѣмъ необходимы однѣ и тѣже идеи, для вступленія въ жизнь общественную; необходимо питать душу ученіемъ, развивающимъ умственныя и вмѣстѣ нравственныя способности. Всѣ разнообразныя знанія, приносимыя въ жертву другимъ, по разнымъ от-

раслямъ государственнымъ, должны истекать изъ такого храма науки, изъ котораго истекаютъ всѣ свѣдѣнія, какъ артеріи изливаются изъ сердца. Средоточіе этого рода образованія и составляютъ университеты, къ которымъ, какъ части къ цѣлому, принадлежатъ заведенія, одною отраслью наукъ преимущественно занимающіяся. Университеты даютъ всѣмъ прочимъ училищамъ профессоровъ и наставниковъ, учебники и методы преподаванія, содержаніе и форму науки. Безъ университетовъ науки въ короткое время остановились бы, погасъ бы ихъ свѣтъ благотворный. Всѣ учебныя заведенія министерства просвѣщенія предназначены преимущественно для распространенія образованія общаго, равно пригоднаго во всѣхъ положеніяхъ общества, дѣйствующаго на умъ, волю и чувство, и дающаго жизнь образованію частному или спеціальному, согласному съ тѣмъ или другимъ родомъ занятій.

Возстающіе противъ русскихъ университетовъ не имѣютъ о нихъ надлежащаго понятія, называя ихъ подражаніемъ нѣмецкимъ университетамъ. Между нашими университетами и германскими нѣтъ никакого сходства, кромѣ того только, что науки преподаются въ въ одинакомъ объемѣ, по одинакимъ способамъ. Это сходство, общее всѣмъ университетамъ, и Оксфордскому, и Берлинскому, и Гёттигенскому. По управленію же своему, внутреннему составу, назначенію и самобытности русскіе университеты не походятъ ни на одинъ иностранный, всего менѣе на германскіе. Такъ у насъ ученіе православнаго исповѣданія и отечественныхъ законовъ составляетъ общій предметъ всѣхъ факультетовъ; а въ германскихъ университетахъ одно относится къ богословскому факультету, другое къ юридическому; прочіе студенты этими предметами не занимаются. Въ нашихъ университетахъ надъ студентами наблюдается надзоръ инспекторами съ нѣсколькими чиновниками, имъ подчиненными; а въ германскихъ университетахъ студенты внѣ всякаго надзора. Въ нашихъ университетахъ студенты по экзамену переходятъ изъ одного курса въ другой; а въ германскихъ университетахъ никакой отчетливости отъ студентовъ не требуется. Въ нашихъ университетахъ студенты носятъ однообразную одежду, ихъ всякой въ обществѣ узнаетъ; а въ германскихъ университетахъ студенты одѣваются въ блузы; ихъ нельзя различить въ толпѣ отчаянныхъ пролетаріевъ. Въ нашихъ университетахъ профессоры въ чтеніяхъ своихъ подлежатъ отвѣтственности; въ германскихъ университетахъ профессоры читаютъ на лекціяхъ, что имъ вздумается. Въ благополучное нынѣшнее царствованіе, проникнутые чувствомъ народности, мы умѣемъ заимствовать у нѣмецкихъ и другихъ ученыхъ все полезное для науки, оставаясь Русскими. Мудрые не-

полнители священной воли Монарха, не щадящаго царственныхъ щедротъ и милостей для наукъ, и блюстители народнаго просвѣщенія, доставляя намъ всѣ способы къ усвоенію знаній, руководствуютъ насъ къ самобытности. Ученые изъ природныхъ русскихъ, обогащенные современною наукою, распространяютъ ея живительный свѣтъ на отечественномъ языкѣ. Уже мы не довѣряемъ сказаніямъ о насъ иностранцевъ, но сами изслѣдуемъ свою природу, свое небо, изслѣдуемъ нравы и обычаи предковъ нашихъ, законы, языкъ, искусство. Университетамъ, имѣющимъ дѣло съ идеями, элементомъ, непрерывно измѣняющимся, предстоитъ непрестанная съ ними борьба. Для идей нѣтъ ни стѣнъ, ни таможенъ: при всей бдительности, онѣ, неудержимыя и неуловимыя, переносятся чрезъ моря и горы; противъ нихъ одинъ оплотъ — народное образованіе, основанное на благоговѣніи къ православной Вѣрѣ, преданности къ православному Государю и любви къ православной Россіи. Университеты и ихъ учебныя заведенія этими священными чувствованіями глубоко проникнуты.

Порицатели университетовъ не знаютъ даже и того, изъ какого состоянія нынѣшніе студенты въ нихъ обучаются. За двадцать пять лѣтъ предъ симъ еще поступали въ университеты воспитанники духовныхъ семинарій и академій, и составляли большинство студентовъ; но въ наше время ежегодные отчеты Министерства Просвѣщенія показываютъ, что бо́льшая часть студентовъ дворяне и дѣти чиновниковъ. Такъ въ здѣшнемъ, Петербургскомъ, университетѣ изъ 653 студентовъ 405 дворянъ, 77 сыновей чиновниковъ, и лишь только 19 изъ духовнаго званія. Точно также въ Казанскомъ университетѣ изъ числа 325 студентовъ дворянъ 141, сыновей чиновниковъ 78, изъ духовнаго званія 18. Во всѣхъ университетахъ студентовъ 3937: въ этомъ числѣ дворянъ и сыновей чиновниковъ 2,506, а изъ духовнаго званія 279. Лучшіе студенты нынче въ университетахъ не воспитанники духовныхъ семинарій и академій, а питомцы гимназій, лицеевъ, дворянскихъ институтовъ. Между профессорами даже половина дворянъ. Уже студенты обучаются не для одного только аттестата, а остаются въ университетахъ для полнаго образованія и охотно трудятся для полученія ученыхъ степеней магистра и доктора. Университеты и ихъ учебныя заведенія, производя столь благотворныя улучшенія по всѣмъ отраслямъ государственной службы своими питомцами, и сами согласуются съ современностью. Въ настоящее время происходятъ улучшенія въ гимназіяхъ, институтахъ, лицеяхъ, вызываемыя потребностями умственной жизни.

Итакъ—мысли объ университетахъ, пускаемыя въ общественное обращеніе людьми поверхностными, уничтожаются историческими

доводами и статистическими выводами. Разливать благотворный свѣтъ современной науки, немеркнущій въ вѣкахъ и народахъ, хранить во всей чистотѣ и богатить отечественный языкъ, органъ нашего православія и самодержавія, содѣйствовать развитію народной самобытной словесности, этого самопознанія нашего и цвѣта жизни, передавать юному поколѣнію сокровища мудрости, освященной любовью къ вѣрѣ и престолу:—вотъ *назначеніе Русскихъ университетовъ и участіе ихъ въ общественномъ образованіи*. Они, какъ міръ Божій, которому служатъ зерцаломъ, никогда не старѣютъ, а лишь только обновляются и совершенствуются. Подъ ихъ сѣнію воспитываются и ученые, и писатели, и мужи государственные. Отъ каѳедръ университетскихъ разливается свѣтъ народнаго образованія въ училища всѣхъ вѣдомствъ. Отсюда образованные, благородные юноши ежегодно исходятъ на вѣрное служеніе обожаемому Монарху.

ОБЗОРЪ СОБЫТІЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ

ОТЪ КОНЧИНЫ ЦАРЯ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

ГЛАВА VIII (*).

МЕЖДУЦАРСТВІЕ.

Думали, что скоро объявится преемникъ Шуйскому, ибо знали, что въ челѣ замысловъ противъ него стоялъ князь Василій Васильичъ Голицынъ, что главными дѣйствователями были его клевреты. Въ-самомъ-дѣлѣ, если нужно было дать Шуйскому въ преемники также кого-нибудь изъ бояръ, то это мѣсто безспорно принадлежало Голицыну, потому-что, послѣ Шуйскаго, онъ былъ послѣдній изъ старинныхъ московскихъ бояръ, бояръ съ преданіемъ, съ извѣстнымъ стремленіемъ: при новой династіи мы уже не увидимъ подобныхъ бояръ. Притомъ Голицынъ славился умомъ, способностями, зналъ старину, наконецъ имѣлъ сильную партію, самъ патріархъ стоялъ за него. Казалось, было много условій для успѣха, — и, однакожь, успѣха не было. Примѣръ Шуйскаго открылъ глаза. Шуйскій имѣлъ тѣже права на престолъ, что̀ и Голицынъ, еще гораздо больше, — и, однако, былъ сверженъ: избрать Голицына значило повторить тоже самое явленіе. Послышался голосъ,

---

(*) См. Современникъ 1848 года (№№ I, II, III и IV, отд. II) и 1849 года (№№ I, II, III).

дотолѣ неслыханный, голосъ перваго боярина въ думѣ — князя Мстиславскаго: Мстиславскій объявилъ, что самъ онъ не хочетъ быть царемъ, но не хочетъ также видѣть царемъ и кого-нибудь изъ своихъ собратій, что должно избрать государя изъ царскаго племени. Это объявленіе Мстиславскаго приходилось какъ нельзя лучше по мысли и по сердцу народу; дѣло Голицына было проиграно; боярина больше не хотѣли; но гдѣ было взять царскаго племени? Правда, одинъ королевичъ былъ уже указанъ давно боярами; но народу страшно было подумать о нерусскомъ царѣ: свергнули Годунова, какъ скоро заслышали о сынѣ Грознаго, а теперь, обманутые и растерзанные должны были для спасенія своего принять иноземца! Никто не смѣлъ вымолвить о Владиславѣ; въ нерѣшительности присягнули временному боярскому правительству; въ присягѣ было сказано (1), что «всѣ люди били челомъ князю Мстиславскому съ товарищи, чтобъ пожаловали приняли Московское государство, докуды намъ дастъ Богъ государя; клялись слушать бояръ и судъ ихъ любить — что̀ они кому за службу или вину приговорятъ; за Московское государство и за нихъ стоять, и съ измѣнниками биться до смерти, вора, кто называется царевичемъ Димитріемъ, не хотѣть, и другъ на друга зла не мыслить и не дѣлать, а выбрать государя на Московское государство боярамъ и всякимъ людямъ всею землею. А боярамъ всѣхъ праведнымъ судомъ судить, и государя выбирать съ нами, со всякими людьми, всею землею, сослався съ городами; а бывшему государю Василью Ивановичу на государевѣ дворѣ не быть, и впередъ на государствѣ не сидѣть; а князю Дмитрею, да князю Ивану Шуйскимъ съ боярами въ приговорѣ не сидѣть».

Въ этой присягѣ замѣчательно, во-первыхъ, отреченіе отъ вора, кто называется Димитріемъ: знакъ, что царство Самозванцевъ кончилось для Москвы и государства, ибо Москва узнала, чье это порожденіе; во-вторыхъ, требованіе, чтобъ выборъ былъ всею землею: примѣръ Шуйскаго показалъ гибельность противнаго..... Жолкѣвскому хотѣлось достать Шуйскихъ въ свои руки, чтобы послѣ ихъ именемъ мутить государство и стращать бояръ, если они вздумаютъ противиться Владиславу; съ этою цѣлію гетманъ прислалъ грамоту князю Мстиславскому, въ которой писалъ (2): «Дошли до насъ слухи, что князь Василій Шуйскій сложилъ съ себя правленіе, постригся, и братья его находятся подъ крѣпкою стражею: мы отъ этого въ досадѣ и кручинѣ великой, и опасаемся, чтобъ съ ними не случилось чего худого. Сами вы вѣдаете, и намъ

---

(1) Акты историч. II, № 287.
(2) Сборн. Муханова, № 108.

всѣмъ въ Польшѣ и Литвѣ извѣстно, что князья Шуйскіе въ Русскомъ государствѣ издавна бояре большіе, и природнымъ своимъ господарямъ вѣрою и правдою служили и головъ своихъ за нихъ не щадили. Князь Петръ Ивановичъ Шуйскій славно защищалъ Псковъ, и князь Михаилъ Васильевичъ Шуйскій-Скопинъ сильно стоялъ за государство. А всѣ великія государства стоятъ своими великими боярами. Находящихся въ рукахъ вашихъ князей Шуйскихъ, братьевъ вашихъ, какъ людей достойныхъ, вы должны охранять, не дѣлая никакого покушенія на ихъ жизнь и здоровье, и не попуская причинять имъ никакого насильства, раззоренія и притѣсненія: ибо и ихъ наияснѣйшій господарь король его милость съ сыномъ своимъ, королевичемъ его милостію, равно какъ и всѣхъ васъ великихъ бояръ, когда вы будете служить господарямъ вѣрою и правдою, готовъ содержать во всякой чести и довѣріи и жаловать господарскимъ жалованьемъ». Эта грамота была отправлена 22 іюля, а 20 Жолкѣвскій уже выступилъ изъ Можайска, держа путь черезъ Звѣнигородъ къ Москвѣ, посылая въ столицу грамоты, въ которыхъ извѣщалъ, что приближается съ цѣлію защитить москвитянъ отъ Самозванца. Гетманъ былъ уже въ 8 миляхъ отъ Москвы, когда принесли ему отвѣтъ отъ бояръ, гдѣ отписали, что не нуждаются въ помощи, и требовали, чтобъ польское войско не приближалось къ столицѣ (1). Въ самомъ-дѣлѣ, хотя многіе въ Москвѣ были убѣждены въ необходимости признать царемъ Владислава, хотя это ясно было выражено Мстиславскимъ, однако дѣло было такъ страшно, что ждали крайней необходимости для его оправданія въ чужихъ и собственныхъ глазахъ. Такъ въ разосланныхъ по городамъ грамотахъ отъ 20 іюля ни слова не говорится о Владиславѣ (2); напротивъ, Москва извѣщаетъ, что «видя усобицу между православными христіанами, польскіе и литовскіе люди пришли въ землю Московскаго государства и многую кровь пролили, церкви и монастыри раззорили, святынѣ поругались, и хотятъ православную вѣру въ латынство превратить; что польскій король стоитъ подъ Смоленскомъ, а гетманъ Жолкѣвскій въ Можайскѣ, а воръ въ Коломенскомъ; и литовскіе люди, по ссылкѣ съ Жолкѣвскимъ, хотятъ государствомъ Московскимъ завладѣть, православную вѣру раззорить, а свою латинскую учинить. И мы, продолжаютъ москвитяне, поговоря межъ себя, и услыша украинскихъ городовъ отъ всякихъ людей, что государя царя Василья Ивановича на Московскомъ государствѣ не стало, и кровь христіанская междусобная льется многое время, и всталъ отецъ на сына, и сынъ на отца,

---

(1) Рукопись Жолкѣв., стр. 120, 121.
(2) Акты арх. эксп. II, № 162.

другъ на друга, и видя всякіе люди Московскому государству такое конечное раззоренье, били челомъ ему государю всею землею, всякіе люди, чтобъ государь государство оставилъ для междоусобныя брани и для того, которые отъ него государя боясь опалы, или которые его государя не любя, и къ нему государю и ко всему Московскому государству не обращаются, и тѣбъ всѣ были въ соединеньи и стоялибъ за православную христіанскую вѣру всѣ за одно. И государь государство оставилъ, и съѣхалъ на свой старый дворъ, и нынѣ въ чернецахъ. И мы цѣловали крестъ на томъ, что намъ всѣмъ противъ воровъ стояти всѣмъ государствомъ за одно и вора на государство не хотѣть, и вамъ бы всѣмъ, всякимъ людемъ, стоять съ нами вмѣстѣ за одно и быть въ соединеньи, чтобъ наша православная христіанская вѣра не раззорилась, и матери бы наши и жены и дѣти въ латинской вѣрѣ не были».

Изъ этихъ словъ видно, что Москва вовсе не думала приготовлять области къ избранію Владислава, повторяя, что гетманъ Жолкѣвскій хочетъ истребить православную вѣру, и умоляя соединиться дружно для отпора, чтобы матери, жены и дѣти въ латинской вѣрѣ не были. Ясно было, повторяю, что въ Москвѣ хотя многіе и видѣли необходимость признать Владислава, но боялись явно высказаться на этотъ счетъ и ждали побужденія отъ обстоятельствъ, какъ оправданія. Дожидались не долго. 24 числа гетманъ сталъ лагеремъ въ 7 верстахъ отъ Москвы, на лугахъ Хорошовскихъ; съ другой стороны, Самозванецъ хотѣлъ занять мѣсто Шуйскаго, думая, что народъ, изъ усердія къ православію, предпочтетъ его Владиславу. Но въ Москвѣ знали хорошо тушинскаго сосѣда: позорное названіе *вора*, вора по преимуществу, вполнѣ выражало его характеръ, и если кто-нибудь изъ черни московской хотѣлъ Самозванца, то лучшіе люди были всѣ противъ него, и когда онъ подступилъ къ городу, то встрѣтилъ сильный отпоръ. Видя это, и зная, что москвитяне, въ случаѣ крайности, могутъ признать Владислава и получить помощь отъ Жолкѣвскаго, Самозванецъ хотѣлъ отстранить послѣдняго отъ вмѣшательства въ дѣло: съ этою цѣлію онъ далъ Сапѣгѣ запись, въ которой обѣщалъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, дать королю польскому 300,000 золотыхъ, а въ казну республики, въ продолженіи 10 лѣтъ, выплачивать ежегодно по 300,000 злотыхъ; сверхъ того королевичу также ежегодно, въ теченіи означеннаго времени, по 100,000 злотыхъ. Даже обѣщался завоевать для Польши всю Ливонію и для войны шведской выставлять по 15,000 войска. Касательно земли сѣверской дано уклончивое обѣщаніе, что онъ не-прочь вести объ этомъ переговоры, и если дѣйствительно будетъ что-либо кому слѣдовать, то почему же и не

отдать должнаго; однако лучше каждому остаться при своемъ (¹). Съ этою записью изъ стана Сапѣги отправились послы въ станъ Сигизмунда уговаривать послѣдняго въ пользу Самозванца. Прибывъ сперва въ полки Жолкѣвскаго, они объявили гетману о цѣли своего посольства, и о томъ, что Лжедимитрій хочетъ послать и къ нему съ подарками; но гетманъ, давъ посламъ свободный путь къ королю, самъ уклонился отъ всякихъ сношеній съ воромъ (²). Чего опасался послѣдній, то и случилось: временное московское правительство вошло въ сношенія съ Жолкѣвскимъ. Еще во время сраженія съ Самозванцемъ, Мстиславскій, чтобъ завязать сношенія, послалъ спросить гетмана: врагомъ или другомъ является онъ подъ стѣнами Москвы? Жолкѣвскій отвѣчалъ, что готовъ помогать имъ, если они признаютъ Владислава. Вслѣдъ за тѣмъ Мстиславскій прислалъ письмо къ гетману; но тотъ не далъ письменнаго отвѣта, выразившись, что письменныя сношенія только затянутъ дѣло, которому не будетъ конца. Жолкѣвскій не безъ причины такъ торопился: я уже сказалъ, какъ тяжело было для народа избраніе Владислава, вынуждаемое и оправдываемое только необходимостію; между чернью слышались голоса въ пользу Лжедимитрія; духовенство, во имя православія, сильно стояло противъ иновѣрнаго королевича; но бояре и лучшіе люди были противъ Самозванца, слѣдовательно были за Владислава, ибо о выборѣ царя изъ русскихъ думать было нельзя. Лучшіе люди знали, какой порядокъ вещей настанетъ съ воцареніемъ Лжедимитрія, и потому говорили: «лучше служить королевичу, чѣмъ быть побитыми отъ своихъ холопей, и въ вѣчной работѣ у нихъ мучиться». Патріархъ настаивалъ на избраніе царя изъ русскихъ и убѣждалъ народъ примѣрами изъ исторіи....

Гермогенъ, настаивая на избраніе царя изъ русскихъ, указывалъ на князя Василья Васильича Голицына; но уже прежде объяснены были причины, почему не хотѣли боярина; потомъ, видя нерасположеніе къ Голицыну, патріархъ указалъ на человѣка, способнаго удовлетворить потребности — на юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова, сына ростовскаго митрополита Филарета. Съ одной стороны, Михаилъ имѣлъ большія права на престолъ, какъ ближайшій родственникъ царя Ѳеодора; съ другой — постриженіе отца, безвѣстная жизнь въ удаленіи отъ двора отрывала его совершенно отъ смутнаго времени: Михаилъ былъ русскій, въ родствѣ съ царскимъ корнемъ Рюрика, и вмѣстѣ совершенно чистъ отъ всего того, чѣмъ запятнали себя русскіе люди въ это страшное время.... Не избрали

(¹) Прилож. XII къ III т. Истор. Смутн. врем.
(²) Рукоп. Жолкѣв., стр. 122, 123.

брата Филаретова, Ивана Никитича, мужа совершеннолѣтняго, и слѣдовательно болѣе способнаго управлять государствомъ, чѣмъ шестнадцатилѣтній юноша, но избрали послѣдняго.....

Совѣтъ патріарха на этотъ разъ не могъ быть приведенъ однакожь въ исполненіе: съ одной стороны грозилъ Самозванецъ, съ другой Жолкѣвскій; необходимость требовала признать или Самозванца, или Владислава. Однако, указаніе Гермогена не могло остаться безъ слѣдствій, и сильно должно было содѣйствовать избранію Михаила въ то время, когда Москва освободилась и отъ Самозванца и отъ поляковъ.....

Эти волненія въ Москвѣ, шаткость умовъ затавляли, повторяю, Гетмана торопиться переговорами; временное московское правительство также не имѣло причинъ медлить; начались съѣзды, но дѣла и тутъ затянулись: сильнымъ препятствіемъ къ соглашенію было иновѣріе Владислава. Бояре знали, что народъ ни за что не согласится имѣть царемъ явнаго латынца; съ своей стороны гетманъ боялся уступить требованіямъ московскаго правительства, ибо не получалъ отъ короля никакой инструкціи. Личные переговоры Мстиславскаго съ Жолкѣвскимъ, имѣвшіе мѣсто 2 августа, противъ Дѣвичьяго монастыря, были прерваны извѣстіемъ, что Самозванецъ приступаетъ къ столицѣ: на этотъ разъ воръ былъ отбитъ съ помощію Ивана Михайлыча Салтыкова (сына знаменитаго Мих. Глѣбовича), который, съ соизволенія гетмана, приспѣлъ на-помощь къ городу съ русскими людьми, находившимися при королевскомъ войскѣ. Торжество Самозванца было равно гибельно и для бояръ московскихъ и для Жолкѣвскаго; надобно было скорѣе согласиться, тѣмъ болѣе, что поляки, не получая жалованья, грозили возвратиться къ границамъ. Несмотря на то однако, гетманъ объявилъ, что онъ принимаетъ только тѣ условія, которыя были утверждены королемъ, и на которыхъ цаловалъ крестъ Салтыковъ съ товарищами подъ Смоленскомъ; прибавки же, сдѣланныя временнымъ московскимъ правительствомъ, и между прочимъ, что Владиславъ перемѣнитъ вѣру въ Можайскѣ, должны быть переданы на рѣшеніе короля. Бояре согласились; съ своей стороны гетманъ согласился также на нѣкоторыя измѣненія и прибавки къ салтыковскому договору. Такъ мы видѣли, что русскіе тушинцы признали необходимость выѣзда въ западныя государства для науки; но въ Москвѣ этого желанія не оказалось, и въ московскомъ договорѣ, составленномъ при участіи духовенства, означенное условіе выпущено. Мы видѣли также, что при составленіи статей салтыковскаго договора имѣли сильное вліяніе дьяки и вообще люди неродовитые, которыхъ смутное время выдвинуло впередъ, и которые, разумѣется, не могли сочувствовать

мѣстничеству; но статьи московскаго договора составляли люди родовитые, старые бояре, и потому они внесли условіе: «Московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцы въ отечествѣ и въ чести не тѣснити и не понижати». Прибавлено, чтобъ не мстить за убійство поляковъ при Лжедимитріи; Сапѣгу отвести отъ вора; помогать Москвѣ противъ послѣдняго, и, по освобожденіи столицы отъ него, Жолкѣвскій долженъ былъ отступить съ польскими войсками въ Можайскъ и тамъ ожидать конца переговоровъ съ Сигизмундомъ; Марину отослать въ Польшу и запретить ей предъявлять свои притязанія на московскій престолъ; города Московскаго государства, занятые поляками и воромъ, очистить, какъ было до смутнаго времени; что же касается до вознагражденія короля и польскихъ ратныхъ людей за военные убытки, то объ этомъ должны говорить съ Сигизмундомъ великіе послы московскіе; наконецъ гетманъ обязывается писать къ королю, бить ему челомъ, чтобы снялъ осаду Смоленска (¹). Условіе объ очисткѣ городовъ очень важно, ибо ставило Сигизмунда въ затруднительное положеніе касательно отвѣтственности передъ республикою въ цѣли похода; но временное московское правительство также должно было отвѣчать за каждую пядь русской земли, уступленную Польшѣ; бояре требовали, отказать имъ было слишкомъ неловко: это значило показать корыстные виды короля, тогда-какъ онъ до сихъ поръ выставлялся благонамѣреннымъ и безкорыстнымъ избавителемъ и умирителемъ Московскаго государства; Жолкѣвскій болѣе другихъ могъ чувствовать эту неловкость и согласился тѣмъ болѣе, что войско рѣшительно отказывалось продолжать службу, если не получитъ въ срокъ жалованья.

27 августа происходила торжественная присяга московскихъ жителей королевичу Владиславу; гетманъ, съ своей стороны, именемъ Владислава, присягнулъ въ соблюденіи договора; эти присяги происходили на половинѣ дороги отъ польскаго стана до города: здѣсь присягнули 10,000 человѣкъ (²). На другой день присяга происходила въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи патріарха; сюда явились и русскіе тушинцы — Михаилъ Салтыковъ, князь Мосальскій съ товарищами; они подошли подъ благословеніе къ патріарху; тотъ встрѣтилъ ихъ грознымъ словомъ: «Будетъ вы пришли правдою, а не лестію, и въ вашемъ умыслѣ не будетъ нарушенія православной вѣрѣ, то буди на васъ благословеніе отъ всего вселенскаго собора и отъ меня грѣшнаго; если же вы пришли съ лестію, съ злымъ умысломъ противъ вѣры, то будьте прокляты». Салтыковъ зналъ, какая

(¹) Собр. гос. гр. и дог. II, № 391.
(²) Рукоп. Жолк., стр. 129.

опасность грозитъ вѣрѣ предковъ отъ ихъ умысла; мы видѣли, какъ онъ со слезами просилъ короля не трогать православія; теперь также слезы выступили на глазахъ его, когда онъ услыхалъ отъ патріарха грозное *если;* онъ сталъ увѣрять Гермогена, что будетъ у нихъ прямой, истинный государь, и тогда патріархъ благословилъ его. Но когда подошелъ ко кресту Михайло Молчановъ, то Гермогенъ не вытерпѣлъ и закричалъ на него: «Окаянный еретикъ! тебѣ не должно быть въ церкви», и велѣлъ его выгнать вонъ (¹).

Разосланы были грамоты по городамъ съ приказомъ присягать Владиславу; въ этихъ грамотахъ временное правительство писало, что такъ-какъ выборные изъ городовъ для избранія царя еще не бывали въ Москвѣ, то послѣдняя цаловала крестъ королевичу Владиславу на томъ, что ему государю быть въ нашей православной христіянской вѣрѣ греческаго закона (²). Многіе города повиновались приказу и присягнули королевичу; гетманъ и бояре угощали, дарили другъ друга; но дѣло было далеко отъ скораго и мирнаго окончанія: царство боярина кончилось, царство Самозванца приходило къ концу, нужно было порѣшить и съ царемъ иноземнымъ, и тогда только Московское государство могло успокоиться.

Черезъ два дня послѣ торжественной присяги съ обѣихъ сторонъ, къ гетману явился изъ-подъ Смоленска извѣстный Ѳедоръ Андроновъ съ письмомъ отъ короля, гдѣ тотъ требовалъ, чтобъ Московское государство было упрочено за нимъ самимъ, а не за сыномъ его; вслѣдъ за Андроновымъ прибылъ также извѣстный намъ Гонсѣвскій съ подробнѣйшею инструкціею для гетмана; но не только Жолкѣвскій, но даже и самъ Гонсѣвскій почелъ невозможнымъ нарушить договоръ и исполнить желаніе короля, котораго одно имя, по собственному сознанію поляковъ, было ненавистно московскому народу (³). Оба вождя рѣшились исполнять въ точности договоръ; начались условія относительно Сапѣги и Самозванца. Гетманъ послалъ къ первому съ увѣщаніемъ не препятствовать дѣламъ короля и республики и уговорить Самозванца къ изъявленію покорности Сигизмунду, въ какомъ случаѣ Жолкѣвскій обѣщалъ выпросить ему у правительства Самборъ или Гродно въ кормленіе; въ случаѣ же несогласія Самозванца, Сапѣга долженъ былъ выдать его гетману или, по-крайней-мѣрѣ, отступить отъ него. Жолкѣвскому очень хотѣлось получить и Лжедимитрія въ свои руки, какъ онъ уже получилъ троихъ Шуйскихъ — бывшаго царя съ братьями. Самъ Сапѣга готовъ былъ выполнить требованія гетмана; но буйные това-

(¹) Никон. VIII, стр. 142.
(²) Акты арх. эксп. II, № 164.
(³) Рукоп. Жалкѣв. стр. 133.

рищи его никакъ не согласились и остались вѣрны вору. Жолкѣвскій увидалъ тогда необходимость употребить сильнѣйшія мѣры; онъ двинулся ночью изъ своего стана и на разсвѣтѣ стоялъ уже передъ лагеремъ Сапѣги въ боевомъ порядкѣ; князь Мстиславскій вывелъ къ нему также на помощь пятнадцатитысячный отрядъ московскаго войска, оставивъ, по распоряженію гетмана, сильный отрядъ въ столицѣ для сдержанія приверженцевъ Лжедимитрія. Мстиславскій, при встрѣчѣ съ гетманомъ, поступилъ подъ его начальство. Войско Сапѣги испугалось, увидя передъ собою соединенные полки Жолкѣвскаго и Мстиславскаго; русскіе, замѣтивъ эту робость, хотѣли тотчасъ же ударить на поляковъ; но гетманъ не хотѣлъ проливать крови своихъ и дождался мирной покорности, которая и не замедлила: Сапѣга явился на личное свиданіе къ гетману и обѣщался или уговорить Самозванца къ покорности королю, или отступить отъ него (1). Лжедимитрій, или, лучше сказать, жена его, находившіяся тогда въ Угрѣшскомъ монастырѣ, не хотѣли слышать объ условіяхъ; имъ придавало надежды несогласіе нѣкоторыхъ городовъ на избраніе Владислава: Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Галичъ и Ростовъ тайно пересылались съ Самозванцемъ, изъявляя готовность передаться ему. Такъ въ это время одинъ интересъ, сильнѣйшій, смѣнялъ для народа другой, менѣе сильный. Мы видѣли, какъ эти самые города встали противъ Лжедимитрія, ибо въ его сподвижникахъ признали воровъ, отверженниковъ общества, нарушителей наряда; но теперь вѣра предковъ пересилила всѣ другіе интересы, и они предпочитаютъ Самозванца ляху Владиславу.

Узнавъ объ упрямствѣ Лжедимитрія, гетманъ объявилъ боярамъ свое намѣреніе — пройдя ночью черезъ Москву, подступить къ монастырю и захватить тамъ въ-расплохъ Самозванца. Бояре согласились, позволили польскому войску, въ ночное время, пройти черезъ городъ, почти пустой, потому-что бояре еще прежде гетмана вывели тридцать тысячь войска въ поле. Впрочемъ поляки не сдѣлали на этотъ разъ никакого вреда и прошли поспѣшно черезъ городъ, не сходя съ коней. Польское и московское войска соединились у Коломенской заставы и пошли къ Угрѣшскому монастырю; но одинъ перелетъ московскій успѣлъ увѣдомить Лжедимитрія о грозящей ему опасности, и тотъ поспѣшно оставилъ монастырь и уѣхалъ въ Калугу, вмѣстѣ съ женою и Заруцкимъ, который опять ратовалъ подъ его знаменами, разсорившись съ Жолкѣвскимъ за то, что гетманъ не хотѣлъ дать ему главнаго начальства надъ русскимъ войскомъ, передавшимся на имя королевича. Не надѣясь нагнать

(1) Рукоп. Жолкѣв. стр. 134 и слѣд.

Самозванца, гетманъ возвратился въ лагерь, а бояре въ городъ. На другой день русскіе приверженцы Лжедимитрія, остававшіеся въ его войскѣ, пріѣхали къ гетману, объявляя желаніе присягнуть Владиславу; но требовали, чтобъ имъ оставили тѣ званія, которыя получили они отъ Самозванца. Я уже упоминалъ о роли, которую играетъ воръ тушинскій въ нашей исторіи; упоминалъ, что люди, которымъ при прежнемъ порядкѣ вещей нельзя было возвыситься до извѣстныхъ степеней, возвысились до нихъ посредствомъ Самозванца; теперь, оставя послѣдняго, они хотятъ удержать его пожалованія; но могли ли позволить это бояре московскіе? Разумѣется, нѣтъ, ибо такое втѣсненіе новопожалованныхъ сановниковъ запутало бы служебный распорядокъ. Жолкѣвскій не понималъ московскихъ отношеній и просилъ бояръ исполнить требованія тушинцевъ, представляя, что этимъ исполненіемъ можно привлечь на сторону Владислава и остальныхъ приверженцевъ Самозванца; но бояре, уступая во всемъ гетману, не уступили ему только въ этомъ; вотъ какъ они повѣстили городамъ о послѣднихъ событіяхъ (1): «Литовскіе люди — Янъ Сапѣга съ товарищи, и рускіе люди — бояре князь Мих. Туренинъ да князь Өедоръ Долгорукій, и воровскіе совѣтники, князь Ал. Сицкій, Олександръ Нагой, Григорій Сунбуловъ, Өед. Плещеевъ, князь Өед. Засѣкинъ, да дьяки Петръ Третьяковъ, и всякіе служилые и не служилые люди, вину свою государю королевичу принесли.» Здѣсь любопытно отдѣленіе двухъ бояръ—Туренина и Долгорукова—отъ остальныхъ сановниковъ тушинскихъ, которые называются воровскими совѣтниками, какъ-будто бы двое означенныхъ бояръ не были также воровскими совѣтниками. Чтó предвидѣлъ гетманъ, то и случилось: нѣкоторые изъ тушинцевъ, недовольные московскимъ пріемомъ, опять отъѣхали къ Самозванцу (2).

Отогнавъ Лжедимитрія, гетманъ началъ настаивать на скорѣйшее отправленіе пословъ къ Сигизмунду, чтó давало ему случай удалить изъ Московскаго государства подозрительныхъ людей, на которыхъ указано было народу, какъ на преемниковъ Шуйскаго. Съ этою цѣлію Жолкѣвскій началъ уговаривать Голицына принять на себя посольство, представляя ему, что такое великое дѣло должно быть совершено такимъ знаменитымъ мужемъ, какимъ былъ онъ, Голицынъ; притомъ увѣрялъ его, что чрезъ предлагаемое посольство онъ будетъ имѣть первое мѣсто и ближайшій доступъ къ милости короля и королевича. Голицынъ принялъ предложеніе: и, въ-самомъ-дѣлѣ, первый изъ бояръ по уму, онъ имѣлъ право сказать: если я останусь, то кто пойдетъ; если я пойду, то кто останется? Жолкѣв-

(1) Акты арх. эксп. т. II, № 165.
(2) Рукоп. Жолкѣв. стр. 144.

скій отъ удаленія Голицына получалъ двойную выгоду: во-первыхъ, онъ удалялъ изъ Москвы, отдавалъ въ руки королевскія искателя престола; во-вторыхъ, удалялъ изъ Москвы самаго умнаго, самаго дѣятельнаго боярина; съ остальными же легко было управиться. Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ былъ еще очень молодъ, не имѣлъ никакого служебнаго значенія, никакой должности, и потому его нельзя было включить въ посольство. Тогда гетманъ постарался, чтобъ посломъ отъ духовенства назначили отца Михаилова, митрополита Филарета; для этого Жолкѣвскій представлялъ, что на такое важное дѣло нужно послать человѣка, не только по званію, но и по происхожденію знаменитаго, а послѣднему условію вполнѣ удовлетворялъ только одинъ Филаретъ (1). Гетманъ достигъ своей цѣли: Голицынъ и Филаретъ отправлялись во главѣ посольства; между остальными членами его были: окольничій князь Мезецкій, думный дворянинъ Сукинъ, думный дьякъ Томила Луговской, и дьякъ Сыдавный Васильевъ; изъ духовныхъ — спасскій архимандритъ Евфимій и троицкій келарь, извѣстный Авраамій Палицынъ, и др.; къ нимъ присоединены были выборные изъ сословій; число лицъ посольства простиралось до 1,146 человѣкъ (2). Посламъ данъ былъ наказъ изъ слѣдующихъ статей (3): 1) требовать, чтобъ Владиславъ принялъ греческую вѣру въ Смоленскѣ отъ митрополита Филарета и смоленскаго архіепископа Сергія, и чтобъ пришелъ въ Москву православнымъ; 2) чтобъ Владиславъ, будучи на престолѣ, не сносился съ папою о дѣлахъ вѣры, а только о дѣлахъ государственныхъ; 3) если кто-нибудь изъ людей Московскаго государства похочетъ своимъ малоуміемъ отступить отъ греческой вѣры, таковыхъ казнить смертію, а имущество ихъ отбирать въ казну. Слѣдовательно, здѣсь сдѣлано исключеніе изъ того пункта договора, по которому имущество у преступниковъ не отбиралось, но шло къ наслѣдникамъ. 4) Чтобъ королевичъ взялъ съ собою изъ Польши и Литвы немногихъ необходимыхъ людей; 5) прежняго титула московскихъ государей не умалять; 6) жениться Владиславу въ Московскомъ государствѣ, на невѣстѣ греческаго закона; 7) города и мѣста, занятые поляками и приверженцами Лжедимитрія, очистить къ Московскому государству, какъ было до смуты, и какъ условлено съ гетманомъ; 8) полякамъ и литовцамъ, которые пріѣдутъ съ Владиславомъ, давать помѣстья внутри государства, а не въ порубежныхъ городахъ. Цѣль условія ясна: поляки, владѣя порубежными мѣстами, легко могли присоединить ихъ къ Польшѣ. 9) Всѣхъ плѣнниковъ, взятыхъ въ

(1) Рукоп. Жолкѣв. стр. 146 и слѣд.
(2) Голикова Допол. къ Дѣян. Петра Великаго, т. II, стр. 20, 21.
(3) Тамъ же, стр. 22 и слѣд.

Московскомъ государствѣ во время смутъ, возвратить безъ выкупа; 10) король долженъ отступить отъ Смоленска, и на посадѣ и въ уѣздѣ никакого насилія не дѣлать; 11) на будущій сеймъ должны прибыть московскіе послы, въ присутствіи которыхъ вся рѣчь посполитая должна подкрѣпить великое утвержденіе между двумя государствами.

На случай неодолимаго сопротивленія съ польской стороны, посламъ дозволено было умѣрить свои требованія; касательно перваго пункта: если королевичъ на исполненіе его не согласится и отложитъ перемѣну вѣры до прибытія своего въ Москву, гдѣ приметъ рѣшеніе, которое постановитъ духовный чинъ обоихъ исповѣданій, то послы должны отвѣчать, что у нихъ на такой случай нѣтъ наказу, просить позволенія переписаться съ патріархомъ, боярами и всею землею, а королевича просить итти немедленно въ Москву; тутъ же включено, чтобъ послы не спорили о вѣрѣ съ панами или учителями латинскими. Касательно четвертой статьи послы должны были настоять, чтобъ Владиславъ не приводилъ съ собою болѣе пяти сотъ человѣкъ поляковъ. Касательно титула послы могли согласиться, что Владиславъ сдѣлаетъ о немъ окончательное рѣшеніе въ Москвѣ съ приговору патріарха, бояръ и всѣхъ думныхъ людей. На-счетъ женитьбы послы могли измѣнить статью такъ: Владиславъ не можетъ жениться безъ совѣта патріарха, всего духовенства, бояръ и думныхъ людей. Послы не должны были соглашаться на вознагражденіе короля за подъемъ и на уплату жалованья польскому войску, бывшему при ворѣ съ Сапѣгою; не должны были соглашаться на построеніе костела въ Москвѣ, на оставленіе польскихъ чиновниковъ въ порубежныхъ русскихъ городахъ до совершеннаго успокоенія государства; должны были уклониться отъ переговоровъ касательно порубежныхъ спорныхъ дѣлъ: «чтобъ за тѣмъ большому дѣлу мешкоты не было.» Въ случаѣ же упорнаго настаиванія съ польской стороны на-счетъ означенныхъ послѣднихъ пунктовъ, послы должны были отвѣчать, что они не имѣютъ на то наказа, и потому рѣшеніе этихъ дѣлъ должно отнести къ послѣдующимъ переговорамъ между Сигизмундомъ и его сыномъ, когда уже Владиславъ будетъ государемъ московскимъ. Въ Москвѣ надѣялись, что какъ-скоро Владиславъ станетъ царемъ, то будетъ по необходимости блюсти интересы своего государства: вотъ почему послы должны были прежде всего настаивать на скорѣйшій отъѣздъ Владислава въ Москву.

Патріархъ отправилъ съ послами отъ себя письмо къ Сигизмунду, въ которомъ умолялъ короля отпустить сына въ греческую вѣру: «Любви ради Божіей смилуйся, великій государь, не презри нашего прошенія, да не и вы сами Богу погрубите, и насъ богомольцевъ и

толикихъ неисчетныхъ народовъ оскорбится. Что же дѣлалъ Сигизмундъ въ то время, когда Московское государство присягало сыну его? Сигизмундъ, поставленный въ необходимость возвратиться въ Польшу или съ цѣлымъ Московскимъ государствомъ, или по-крайней-мѣрѣ съ частію его, продолжалъ осаду Смоленска. Съ другой стороны, Янъ Потоцкій, главный начальникъ надъ осаждающими войсками, завидуя успѣху Жолкѣвскаго въ Москвѣ, хотѣлъ непремѣнно взять Смоленскъ, его желаніе соотвѣтствовало и желанію войска, раздраженнаго долгою осадою. Несмотря однако на ревность и мужество осаждающихъ, ихъ приступы были постоянно отбиваемы осажденными, хотя между послѣдними свирѣпствовала заразительная болѣзнь. Когда получили извѣстіе о договорѣ между Жолкѣвскимъ и московскимъ правительствомъ, то вступили въ переговоры; но какъ-скоро король объявилъ Шеину, что Смоленскъ, древнее достояніе Польши, долженъ сдаться не королевичу, а самому королю, то воевода никакъ не согласился отдѣлиться отъ Москвы безъ согласія всей земли. Окончаніе переговоровъ было отложено до пріѣзда великихъ московскихъ пословъ. И въ этомъ случаѣ городъ раздѣлился, если вѣрить перебѣжчикамъ: дворяне, которыхъ было около двухъ сотъ человѣкъ, стрѣльцы, числомъ около двѣнадцати тысячъ, даже духовенство и воевода желали сдать крѣпость на имя короля, полагая, что имъ все равно жить, подъ властію ли Сигизмунда, или его сына, коль скоро вѣра и права будутъ сохранены; но торговые и посадскіе люди никакъ не хотѣли отложиться отъ Москвы и настаивали, чтобъ дожидаться пословъ (*).

Между тѣмъ на сѣверо-западѣ шведы также не хотѣли выйти изъ Россіи безъ добычи: они взяли Ладогу, но не имѣли никакого успѣха подъ Ивангородомъ, жители котораго, несмотря на крайность, оставались вѣрны Самозванцу; Горнъ разбилъ Лисовскаго подъ Ямами; Лисовскій вмѣстѣ съ Просовецкимъ отступили ко Пскову, но разсорились потому-что Лисовскій хотѣлъ служить Владиславу, а Просовецкій Самозванцу: вслѣдствіе этого Лисовскій пошелъ въ Островъ, а Просовецкій съ своими донцами остановился въ двадцати верстахъ отъ Пскова. Самозванецъ укрѣпился въ Калугѣ, надѣясь, что связь между Москвою и Польшею не будетъ продолжительна. Жолкѣвскому, послѣ многихъ переговоровъ, удалось отдѣлаться отъ сапѣгиной шайки; взявши деньги, выданныя имъ изъ царской казны, эти бродяги, прогулявшіе все награбленное во время войны, выступили въ сѣверскую землю для отнятія ея у Самозванца. Важнѣе были дѣла въ Москвѣ. Гетманъ ясно видѣлъ, что русскіе

(*) Дневн. ос. Смол. стр. 239.

вслѣдствіе только крайней необходимости пожертвовали своимъ народнымъ чувствомъ и призвали на престолъ иноземца; самая великость этой жертвы дѣлала уже ихъ раздражительными, требовательными; уступивъ слишкомъ много, они тѣмъ крѣпче держались за остальное; принесши жертву, горькую для народнаго чувства, они тѣмъ болѣе стали держаться за православіе, какъ основу своей народности; вопросъ религіозный сталъ теперь главнымъ, господствующимъ: все остальное подчинилось ему. Одно слово патріарха — и вся Русь могла встать какъ одинъ человѣкъ, и еслибъ пришлось выбирать между Владиславомъ-католикомъ и Самозванцемъ, то соборъ не могъ быть въ пользу перваго. Жолкѣвскій видѣлъ это, и зная, что вѣсти изъ-подъ Смоленска касательно обращенія Владислава въ православіе не могли быть благопріятны, трепеталъ за свое дѣло, за себя, за свой малочисленный отрядъ, стоящій надъ подкопомъ, готовымъ каждую минуту взорваться. Вотъ почему онъ старался достать въ свои руки Москву, ввести въ нее свои войска, чтобъ задушить возстаніе при первомъ его обнаруженіи. Ревностныхъ себѣ помощниковъ нашелъ онъ въ боярахъ московскихъ, которые видѣли, что «многіе начали вору калужскому прямить и ссылаться съ нимъ» (1), и потому единственнымъ средствомъ избавленія отъ него считали введеніе въ городъ поляковъ, и сами предложили о томъ гетману. Легко понять, какъ обрадовался Жолкѣвскій такому предложенію: онъ тотчасъ же послалъ росписать квартиры въ городѣ; но городъ сторожилъ всякое движеніе; ударили въ набатъ, сзывая гражданъ и объявляя имъ, что поляки входятъ въ городъ. Бояре испугались возстанія, и упросили гетмана обождать еще три дня (2). Видя такое сопротивленіе въ народѣ, Жолкѣвскій не хотѣлъ уже болѣе помѣщаться внутри города, но предлагалъ боярамъ, чтобъ они отвели ему Дѣвичій монастырь и близьлежащія слободы. Бояре согласились; но патріархъ воспротивился, возражая, что неприлично оставить монахинь въ монастырѣ вмѣстѣ съ поляками, неприлично и выслать ихъ для поляковъ. Мнѣніе патріарха нашло отголосокъ сильный; около Гермогена начали собираться дворяне, торговые и посадскіе люди, стрѣльцы; присяга Владиславу терзала ихъ души; они искали предлога нарушить ее. Патріархъ дважды посылалъ за боярами, зовя ихъ къ себѣ: они отговаривались, что заняты государственнымъ дѣломъ. Тогда Гермогенъ послалъ имъ повѣстить, что если они не хотятъ итти къ нему, то онъ пойдетъ къ нимъ, и не одинъ, а со всѣмъ народомъ. Бояре испугались, пошли къ патріарху и толковали съ нимъ часа два, опровергая воз-

(1) Полоц. стр. 239.
(2) Дневн. ос. Смол. стр. 243.

раженія его противъ неблагонамѣренныхъ замысловъ гетмана. Гермогенъ говорилъ, что Жолкѣвскій нарушаетъ условія, не отправляетъ никого противъ калужскаго вора, хочетъ ввести войска свои въ Москву, а русскіе полки высылаетъ на службу противъ шведовъ. Бояре, съ своей стороны, утверждали, что введеніе польскихъ войскъ въ Москву необходимо: иначе чернь предастъ ее Лжедимитрію; Иванъ Никитичъ Романовъ даже сказалъ патріарху, что если гетманъ отойдетъ отъ Москвы, то имъ всѣмъ боярамъ придется слѣдовать за нимъ для спасенія головъ своихъ, что тогда Москва достанется вору, и патріархъ будетъ отвѣчать за бѣдствія отечества. Патріарху прочли строгій уставъ, написанный гетманомъ для предотвращенія и наказанія бунтовъ, которые могутъ позволить себѣ поляки; въ тоже время Гонсѣвскій, узнавъ, о чемъ идетъ дѣло у патріарха съ боярами, прислалъ къ послѣднимъ извѣстіе, что гетманъ завтра же высылаетъ войска противъ Самозванца, если только московскіе полки будутъ готовы. Это извѣстіе дало боярамъ рѣшительный перевѣсъ въ спорѣ; Мстиславскій воспользовался случаемъ, чтобъ превознесть гетмана, и патріахъ замолчалъ. Говорятъ даже, будто бы бояре, въ торжествѣ, осмѣлились сказать Гермогену, чтобъ онъ смотрѣлъ за церковью, а въ свѣтскія дѣла не вмѣшивался; ибо прежде никогда духовенство не управляло государственными дѣлами; если такъ, то бояре позабыли о тѣсной связи между государствомъ и церковію, позабыли, что въ это время церковь блюла за единствомъ и самостоятельностію государства, и что патріархъ вовсе не вмѣшивался въ свѣтскія дѣла, а заботился только о сохраненіи церкви, отъ котораго зависѣло и сохраненіе государства. Патріархъ не хотѣлъ ничего болѣе, какъ только того, чтобъ новый царь былъ православнаго исповѣданія. На этотъ разъ Гермогенъ уступилъ боярамъ; уступилъ и народъ. Салтыковъ, Шереметевъ, Андрей Голицынъ, дьякъ Грамотинъ попеременно разъѣзжали среди толпы, выговаривали за мятежъ, приказывали не замышлять новаго; народъ утихъ, но до времени.

Ночью, съ 20 на 21 сентября, поляки тихо вступили въ Москву, помѣстились въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ городѣ; заняли и монастырь Дѣвичій, заняли Можайскъ, Борисовъ, Верею для охраненія сообщеній своихъ съ королемъ. Жолкѣвскій для собственной выгоды хотѣлъ исполнить свои обѣщанія—и исполнилъ: рѣшеніе распрей между поляками и москвитянами предоставлено было равному числу судей изъ обоихъ народовъ (¹); судъ былъ безпристрастный и строгій: полякъ насильно увелъ дочь у одного изъ знатныхъ граж-

(¹) Рукоп. Жолкѣв., стр. 152.

данъ: преступника высѣкли кнутомъ. Обязанность продовольствовать поляковъ была возложена на замосковные города и волости, которые были росписаны по разнымъ ротамъ; но когда посланные для сбора припасовъ поляки, по ихъ собственному признанію, самовольно брали все, что кому нравилось, силою отнимая женъ и дочерей у гражданъ, то, для избавленія себя отъ насилій, жители согласились платить полякамъ деньгами, сборъ которыхъ приняли на себя (¹). Захвативъ Москву, гетманъ хотѣлъ прибрать къ своимъ рукамъ стрѣльцовъ, потому-что на нихъ, какъ на постоянно-вооруженномъ войскѣ, должно было опереться народное возстаніе. Гетманъ довелъ дѣло до того, что по согласію бояръ (которые, видно, соглашались на все) начальство надъ стрѣльцами поручено было поляку Гонсѣвскому; стрѣльцы также легко согласились на это, ибо Жолкѣвскій обходительностію, подарками и угощеніями такъ привлекъ ихъ къ себѣ, что они готовы были исполнить все, чего бы онъ ни захотѣлъ: сами приходили къ нему и спрашивали, не подозрѣваетъ ли онъ кого въ измѣнѣ, вызываясь тотчасъ схватить виновнаго. Гетману удалось даже поладить и съ патріархомъ: сперва сносился онъ съ нимъ посредствомъ другихъ, а потомъ сталъ посѣщать и самъ и пріобрѣлъ его пріязнь (²).

Несмотря однако на всю ловкость гетмана, на все его стараніе поддержать дружелюбныя отношенія между своимъ войскомъ и гражданами, недовѣрчивость господствовала между ними. «Нѣсколько недѣль—говоритъ одинъ полякъ — очевидецъ (³), мы провели съ москвитянами во взаимной недовѣрчивости, съ дружбою на словахъ, съ камнемъ за пазухой; угощали другъ друга пирами, а мыслили иное. Мы наблюдали величайшую осторожность; стража день и ночь стояла у воротъ и на перекресткахъ. Для предупрежденія зла, по совѣту доброжелательныхъ намъ бояръ, Гонсѣвскій разослалъ по городамъ 18,000 стрѣльцовъ, подъ предлогомъ охраненія этихъ мѣстъ отъ шведовъ, но собственно для нашей безопасности: этимъ способомъ мы ослабили силы непріятеля. Москвитяне уже скучали нами; не знали только, какъ сбыть насъ, и, умышляя ковъ, часто производили тревогу, — такъ-что по два, по три и по четыре раза въ день мы садились на коней и почти не расѣдлывали ихъ.» — Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, осторожность, которую поляки считали своею обязанностію, еще болѣе оскорбляла москвитянъ, ибо во всѣхъ мѣрахъ ея они видѣли грозное, непріязненное положеніе, видѣли себя въ осадѣ, подъ пушками враговъ, пото-

(¹) Маскѣвичъ, стр. 52, 55
(²) Рукоп. Жолкѣв., стр. 158, 159.
(³) Маскѣвичъ, стр. 53, 54.

му-что поляки завладѣли всѣмъ городскимъ нарядомъ (артиллеріею), завладѣли и казною царскою. Къ ней приставленъ былъ присланный отъ Сигизмунда и уже извѣстный намъ тушинецъ, купецъ Ѳедоръ Андроновъ.... Лѣтописецъ говоритъ объ Андроновѣ: «онъ же наипаче московскимъ людямъ пакость дѣяше» (1).

Итакъ, причинъ къ неудовольствію было достаточно; сюда присоединялся глухой, но основательный слухъ о злыхъ намѣреніяхъ короля, ибо что было такъ явно въ Польшѣ, то не могло быть тайно въ Москвѣ. Жолкѣвскій зналъ, что король не удовлетворитъ требованіямъ земскихъ пословъ, и потому спѣшилъ оставить Москву. Съ одной стороны, личнымъ присутствіемъ хотѣлъ онъ подкрѣпить своихъ единомышленниковъ, уговорить короля исполнить договоръ, какъ настаивалъ также и Левъ Сапѣга, канцлеръ литовскій, но противъ чего былъ Янъ Потоцкій, врагъ гетмана. Съ другой стороны, Жолкѣвскій спѣшилъ изъ Москвы для того, чтобы сохранить свою славу: противъ всякаго чаянія и необыкновеннымъ успѣхомъ окончилъ онъ походъ свой; но теперь, при упорствѣ Сигизмунда, дѣла грозили принять другой оборотъ. Гетманъ очень хорошо видѣлъ, что ему съ малочисленнымъ войскомъ не удержаться въ Москвѣ противъ возстанія неминуемаго, и потому объявилъ боярамъ о необходимости своего отъѣзда; тѣ упрашивали его остаться, чувствуя, что только личность гетмана отвращала непріязненное столкновеніе москвитянъ съ поляками; по-крайней-мѣрѣ просили его назначить по себѣ преемника достойнаго: Жолкѣвскій оставилъ имъ Гонсѣвскаго. Бояре провожали гетмана далеко за городъ, даже простой народъ обнаружилъ къ нему расположеніе, платя ласкою за ласку: когда онъ ѣхалъ по улицамъ, то жители забѣгали ему дорогу, желая счастливаго пути (2).

Что же дѣлалось въ это время въ смоленскомъ лагерѣ, гдѣ рѣшалась судьба двухъ государствъ? 7-го октября прибыли московскіе послы подъ Смоленскъ (3); ихъ приняли съ честію, отвели 14 шатровъ за версту отъ королевскаго стана; но продовольствіе было скудное; на жалобы пословъ отвѣчали, что король не въ своей землѣ, а на войнѣ, и самъ нуждается во многомъ. 10 числа была первая аудіенція; Левъ Сапѣга, именемъ королевскимъ, въ неопредѣленныхъ словахъ, отвѣчалъ, что Сигизмундъ хочетъ успокоенья Московскому государству и назначитъ время для переговоровъ. Переговоры начались: первое затрудненіе состояло въ отступленіи короля изъ-подъ Смоленска. Паны объявили, что королю нельзя отступить отъ Смо-

(1) Никон. VIII, стр. 147.
(2) Рукоп. Жолкѣв., стр. 164 и слѣд.
(3) Голикова, Допол. къ Дѣян. П. В. Т. II, стр. 37 и слѣд.

ленска и вывести войска изъ предѣловъ Московскаго государства, ибо онъ пришелъ съ тѣмъ, чтобъ утишить мятежи, истребить вора, очистить города, а потомъ дать сына своего на престолъ московскій. Послы возражали, что государство гораздо скорѣе успокоится, если король выведетъ изъ него свои войска; что для истребленія вора довольно одного отряда Жолкѣвскаго, ибо воръ силенъ теперь только польскими войсками; что походъ королевскій на вора раззоритъ окончательно Московское государство, и безъ того уже опустошенное; послы заключили, что имъ странно даже и толковать объ этомъ, ибо условіе объ отступленіи отъ Смоленска подтверждено клятвенно гетманомъ (въ договорѣ съ Валуевымъ и Елецкимъ при Царевѣ-Займищѣ; въ договорѣ же московскомъ сказано вообще объ очисткѣ всѣхъ городовъ къ Московскому государству, и гетманъ обязался просить короля, чтобъ тотъ снялъ осаду Смоленска), и слѣд. объ этомъ и рѣчи быть не должно. Паны отвѣчали, что король не можетъ дать своего пятнадцатилѣтняго сына на престолъ московскій, но хочетъ самъ прежде итти на вора, послѣ чего поѣдетъ на сеймъ, безъ согласія котораго не можетъ согласиться на желаніе москвитянъ. 17 октября былъ другой съѣздъ; паны повторили прежнее, только болѣе рѣзкимъ тономъ; этотъ тонъ выбрали они, вѣроятно, какъ средство отчаянное, ибо вся справедливость была на сторонѣ русскихъ пословъ; вотъ почему Голицыну было легко опровергнуть всѣ возраженія пановъ; наконецъ поляки принуждены были высказать свою потайную мысль: «Для чего — говорили они, — вы не оказали королю до сихъ поръ никакого почета, и раздѣляете сына съ отцемъ? зачѣмъ до сихъ поръ не отдадите королю Смоленска? вы бъ велѣли смолянамъ присягнуть королю и королевѣ вмѣстѣ, и тѣмъ бы оказали честь королю». Разумѣется, что и на это отвѣчать было легко; послы спросили у поляковъ: «Когда вы избрали короля своего, а у него былъ отецъ въ Швеціи Яганъ король, то для чего вы раздѣлили отца съ сыномъ, сыну целовали крестъ, а отцу не цаловали?» Паны возражали, что Яганъ король не приходилъ успокоивать ихъ государство, и заключали рѣчь свою такъ: «А не взявъ государю нашему Смоленска, прочь не отхаживать.» Желая уклониться отъ переговоровъ о Смоленскѣ и выполнить скорѣе главную статью наказа, послы настаивали, чтобъ теперь король исполнилъ договоръ, а послѣ сынъ его, царь московскій, снесется уже съ нимъ относительно Смоленска, если не получить этого города Сигизмундъ считаетъ для себя такимъ безчестьемъ. «Впрочемъ — прибавили послы — честь государская состоитъ въ ненарушеніи даннаго слова, а король неоднократно объявлялъ, что

онъ предпринялъ походъ не для овладѣнія городами.» Этимъ кончилось совѣщаніе.

20 октября былъ третій съѣздъ. Здѣсь паны откровенно объявили, что еслибъ король согласился отступить отъ Смоленска, то они, паны и все рыцарство, на то не согласятся и скорѣе помрутъ, а вѣковѣчную свою отчину достанутъ. Послы въ отвѣтъ на это велѣли читать дьяку гетманскій договоръ; поляки съ сердцемъ закричали: «Не разъ вамъ говорено, что намъ до гетманской записи дѣла нѣтъ!» Несмотря однако на это, они тотчасъ же начали толковать о вознагражденіяхъ королю и войску, упомянутыхъ въ гетманскомъ договорѣ; послы отвѣчали, что странно будетъ платить опустошителямъ государства, и что объ этихъ вознагражденіяхъ царь Владиславъ снесется послѣ самъ съ отцемъ своимъ. Въ заключеніе послы просили пановъ донести королю, что до сихъ поръ всѣ разсужденія происходятъ не о главномъ предметѣ посольства, тогда-какъ они желаютъ болѣе всего знать: дастъ ли король на царство сына своего, и приметъ ли королевичъ православную вѣру греческаго закона? Паны обѣщались донести объ этомъ Сигизмунду. 23 октября былъ четвертый съѣздъ. Паны объявили, что король жалуетъ своего сына, но отпуститъ его не раньше сейма. Тутъ же паны прочли статьи, на которыя соглашается король: 1) Въ вѣрѣ и женитьбѣ королевича воленъ Богъ да онъ самъ. 2) Съ папою королевичъ о вѣрѣ ссылаться не будетъ. 3) Плѣнныхъ выдать король велитъ. 4) О числѣ людей при королевичѣ и о ихъ наградѣ послы должны договориться съ самимъ Владиславомъ. 5) Касательно казни отступникамъ отъ православія король соглашается съ статьею его наказа. Касательно же другихъ статей будетъ рѣшеніе на сеймѣ. Насчетъ отступленія отъ Смоленска послѣдовалъ рѣшительный отказъ; паны заключили отвѣтъ свой такъ: «Какъ скоро Смоленскъ поддастся и присягнетъ королю, то его величество пойдетъ самъ на вора, истребитъ его и, успокоивъ государство, отправится со всѣмъ войскомъ и съ вами послами на сеймъ; на сеймѣ дастъ вамъ въ цари сына своего, съ которымъ вы и поѣдете въ Москву». Въ этомъ отвѣтѣ обнаруживался весь планъ короля: взять Смоленскъ во что бы то ни стало, для Польши, дабы походъ совершенъ былъ съ пользою для послѣдней, дабы никто не смѣлъ сказать на сеймѣ королю, что онъ потратилъ польскихъ людей и деньги единственно для достиженія своихъ цѣлей; потомъ, подъ видомъ истребленія вора, вступить далѣе въ московскія области, тогда-какъ русскіе измѣнники, подкрѣпляемые отрядомъ Гонсѣвскаго, будутъ стараться привести Москву и другіе города къ присягѣ на имя короля, а не Владислава; какъ бы это предпріятіе ни кончилось, удачно или неудачно, Смоленскъ оста-

вался за королемъ, который былъ такимъ образомъ оправданъ предъ рѣчью посполитою. — Послы не могли не проникнуть въ королевскія намѣренія, и потому отвѣчали, что взять Смоленскъ, итти на вора, успокоить государство, итти на сеймъ, — все это требуетъ долгаго времени, тогда-какъ для Московскаго государства дорога теперь каждая минута, и медленность королевская, породивъ сомнѣніе, произведетъ смуту; почему они, послы, просятъ пановъ отвратить короля отъ такого несчастнаго намѣренія и настоять на выполненіе гетманскаго договора; просили также позволенія обосдаться съ смолянами, съ которыми до сихъ поръ запрещено было имъ сноситься. — Я не стану описывать здѣсь спора, который имѣлъ мѣсто между митрополитомъ Филаретомъ и канцлеромъ Львомъ Сапѣгою о томъ, нужно ли Владиславу принять греческую вѣру; споръ кончился ничѣмъ, ибо противники остались при своихъ мнѣніяхъ; но должно упомянуть о заключительныхъ словахъ Филарета, который припомнилъ Сапѣгѣ недавнюю старину: «А тебѣ Льву Ивановичу и больше всѣхъ надобно о томъ радѣть, чтобъ государь нашъ королевичъ Владиславъ Жигимонтовичъ былъ въ нашей православной вѣрѣ греческаго закона, потому-что дѣдъ твой и отецъ, да и ты самъ и иные вашего рода многіе были въ нашей православной вѣрѣ, и невѣдомо какимъ обычаемъ ты съ нами нынѣ поразрознился, и тебѣ по нашей вѣрѣ пригоже поборать.» — 26 октября имѣлъ мѣсто пятый съѣздъ. Паны, желая испугать пословъ и показать имъ необходимость подчиниться волѣ Сигизмунда, увѣдомили ихъ объ успѣхахъ шведовъ на сѣверо-западѣ и объ усиленіи Самозванца. Послы отвѣчали, что они сомнѣваются въ истинѣ этихъ извѣстій, ибо изъ Москвы къ нимъ объ этомъ не пишутъ; что же касается, впрочемъ, до усиленія Самозванца, то отъ короля зависитъ положить конецъ этому усиленію: пусть онъ только утвердитъ договоръ гетманскій; тогда послы напишутъ во всѣ города о пріѣздѣ королевича, весь народъ обрадуется и отстанетъ отъ вора; въ противномъ же случаѣ, разумѣется, народъ придетъ въ сомнѣніе, все начатое рушится и будетъ хуже прежняго. Извѣстно, что ничто не можетъ такъ раздражить, какъ справедливое возраженіе на требованія, которыхъ несправедливость сознаютъ сами требующіе; извѣстно также, что въ-сердцахъ люди скорѣе проговариваются; такъ и паны, раздраженные стойкостію пословъ, отвѣчали, что извѣстія, ими принесённыя, справедливы, и что послы сами не знаютъ, чего хотятъ, ибо, если бы король и захотѣлъ пойти въ свое государство, то воины его, какъ люди вольные, не послушаются — прекрасное ручательство для пословъ въ твердости обязательствъ королевскихъ! Паны кричали посламъ: «Вы пришли не съ указомъ, а къ указу, и не отъ государя пришли

съ челобитьемъ, а отъ Москвы къ государю нашему, и что вамъ государь нашъ укажетъ, то и дѣлайте.» — Послы отвѣчали, что указывать королю они не могутъ; но какъ имъ приказано отъ патріарха, бояръ и всѣхъ людей Московскаго государства, такъ они и дѣлаютъ, и потому просятъ позволенія отписать обо всемъ временному правительству, безъ дальнѣйшаго наказа отъ котораго они ни на что согласиться не могутъ. — Паны настаивали на полномочіе пословъ, явно говорили имъ: «Чего бы вамъ стоило поклониться его величеству Смоленскомъ, которымъ овладѣть король хочетъ не для себя, а для сына же своего! Сигизмундъ оставитъ послѣ себя сыну не только Смоленскъ, но и Польшу и Литву; тогда Польша, Литва и Русь будутъ все едино.» — Послы отвѣчали рѣшительно, что ни теперь, ни послѣ на сеймѣ, никогда не согласятся они уступить Польшѣ хотя одинъ какой-нибудь городъ, что о присягѣ на имя королевское не только нѣтъ въ наказѣ, но и въ мысляхъ о томъ у всего народа никогда не было. Въ заключеніе послы жаловались, что дворяне, съ ними пріѣхавшіе, умираютъ съ голоду, да и сами они, послы, терпятъ большую нужду, а лошади ихъ всѣ погибли отъ недостатка въ кормѣ; на это паны отвѣчали: «всему злу вы сами причиною; когдабъ исполнили вы королевскую волю, то и вамъ и всѣмъ дворянамъ вашимъ было бъ всего довольно.»

Въ то время, какъ князь Василій Голицынъ съ товарищами такъ твердо стояли за честь и выгоды Московскаго государства, соперникъ Голицына, сверженный царь Василій Ивановичъ Шуйскій въ послѣдній разъ обнаружилъ свою крѣпкую волю.... Когда Жолкѣвскій привезъ его къ Сигизмунду, то Василій и тутъ не отказался отъ своего величія, и тутъ хотѣлъ оставаться царемъ московскимъ: онъ не поклонился королю, сказавъ, что государю московскому неприлично кланяться польскому королю (¹). По взятіи Смоленска Шуйскіе были съ тріумфомъ введены въ Варшаву, гдѣ имѣло мѣсто вторичное представленіе ихъ Сигизмунду; польскіе писатели говорятъ, что при этомъ случаѣ Василій кланялся королю, опуская руку до земли; но они же и противорѣчатъ своему извѣстію, упрекая Василія въ *крутомъ упорствѣ:* эти слова показываютъ, что Шуйскій до конца не переставалъ считать себя царемъ. Василій умеръ 12 сентября 1612 года; мы не станемъ, вмѣстѣ съ лѣтописцами, обвинять польское правительство въ ускореніи его кончины, ибо жизнь его была нужнѣе для Польши, чѣмъ смерть. Что же касается до братьевъ Василія, то Дмитрій умеръ въ Польшѣ, Иванъ возвратился въ Москву, вмѣстѣ съ Филаретомъ Никитичемъ, слу-

---

(¹) Никон. VIII, 147.

жилъ царямъ Михаилу Θеодоровичу и Алексѣю Михайловичу, въ началѣ царствованія котораго умеръ бездѣтнымъ (1). Шуйскіе жили въ Польшѣ небѣдно, получали подарки отъ короля и вельможъ, но находились подъ стражею (2). Надъ могилами Василія и Димитрія Шуйскихъ, въ Краковскомъ предмѣстіи, была вырѣзана латинская надпись, объявляющая, что Сигизмундъ повелѣлъ честно схоронить здѣсь своихъ плѣнниковъ, потому-что при немъ не лишались послѣднихъ почестей и враги его, неправедно завладѣвшіе скипетромъ.

Между тѣмъ какъ Шуйскій и Голицынъ поступали сообразно съ своимъ достоинствомъ, Жолкѣвскій также старался поддержать свою честь, склоняя короля къ утвержденію московскаго договора; онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что, будучи въ необходимости спѣшить и не имѣя инструкціи, оперся на договоръ Салтыкова, утвержденный самимъ королемъ; желая затронуть семейный интересъ Сигизмунда, гетманъ представлялъ, какъ важно для Владислава стать прежде царемъ Московскимъ для того, чтобъ по смерти отца безпрепятственно получить и престолъ польскій, ибо фамилія Вазы имѣетъ много враговъ среди польскаго народа; льстилъ также королю завоеваніемъ Швеціи, которое было бы очень легко при соединенныхъ усиліяхъ двухъ государствъ; уговаривалъ уступить московскимъ требованіямъ на первый разъ, предоставя времени тѣснѣйшее соединеніе обоихъ государствъ въ политическомъ и религіозномъ отношеніи; при этомъ онъ указывалъ на литовскую Русь, которая окончательно соединилась съ Польшею 160 лѣтъ спустя послѣ восшествія Ягайла на престолъ польскій; грозилъ продолжительною войною въ случаѣ упорства, грозилъ буйствомъ польскихъ воиновъ, которые не будутъ сражаться безъ жалованья; но все было тщетно: король не хотѣлъ мѣнять вѣрнаго на невѣрное, не смѣлъ явиться на сеймъ безъ областей Московскихъ для Польши. Гетманъ участвовалъ въ шестомъ совѣщаніи съ послами, бывшемъ 2 ноября. Послы обрадовались присутствію гетмана, думая, что онъ приметъ ихъ сторону, но обманулись въ своей надеждѣ. Паны начали прежнимъ, требуя отъ пословъ, чтобы тѣ велѣли смолянамъ целовать крестъ Сигизмунду. Послы отвѣчали также по-прежнему, что безъ согласія всей земли этого сдѣлать не могутъ, при чемъ напоминали гетману объ его договорѣ. Жолкѣвскій отвѣчалъ: въ договорѣ не написано, чтобъ королю отступить отъ Смоленска въ Польшу; я обѣщалъ просить короля, чтобъ онъ прекратилъ пальбу по городу, и не чинилъ ему никакой тѣсноты, — и сдержалъ обѣщаніе; а предписать этого своему госуда-

(1) Финскій Вѣстникъ, 1847, № 1.
(2) Акты Историч. II, № 340.

рю я не могъ. Что же касается до моего обѣщанія промышлять надъ воромъ, то оно не исполнено потому, что сами бояре-правители приходили ко мнѣ въ станъ и просили меня войти въ Москву, боясь измѣны черныхъ людей; а потомъ у меня съ боярами многія договорныя статьи были измѣнены, въ истинѣ чего засвидѣтельствуютъ вамъ московскіе дворяне, Иванъ Измайловъ съ товарищами, пріѣхавшіе со мною бить челомъ королю о помѣстьяхъ; они вамъ разскажутъ, какъ со мною въ Москвѣ бояре дѣлали и совѣтовали. И вы бы здѣсь, по ихъ примѣру, поступили съ панами радою, къ чести королевской и къ вашей пользѣ. Я знаю свой договоръ, чтобъ по Смоленску не стрѣлять и тѣсноты ему не дѣлать, — и договоръ исполненъ; что же касается до требованія пановъ, чтобъ для чести королевской отца съ сыномъ не раздѣлять, то это требованіе справедливо, и мы за честь государя готовы умереть. «Послы въ отвѣтъ напомнили ему о записи, данной князю Елецкому и Валуеву при Царевѣ Займищѣ, въ которой именно сказано, что король тотчасъ отступитъ отъ Смоленска, какъ-скоро его жители присягнутъ Владиславу. Касательно перемѣны договорныхъ статей между гетманомъ и боярами послы сказали, что отъ бояръ объ этомъ они письма не получали, Ивану же Измайлову и ему подобнымъ, которые пріѣхали къ королю просить помѣстій, вѣрить не будутъ: въ договорѣ есть статья—сказали послы—что и при государѣ королевичѣ польскимъ и литовскимъ людямъ въ приказахъ не быть и не владѣть, а теперь и до государева прихода помѣстья и вотчины даютъ. Мы упоминаемъ объ этомъ для того — заключали послы — чтобъ не вышло въ людяхъ сомнѣнья и печали. Сапѣга отвѣчалъ на это: «Комужь ихъ до прихода королевича и жаловать, какъ не его величеству?» Тутъ же послы изъ устъ Сапѣги получили извѣстіе, что Мстиславскій принялъ отъ короля званіе конюшаго, Юрій Никитичъ Трубецкой — боярство. При концѣ совѣщанія, послы велѣли прочесть дьяку Луговскому запись Жолкѣвскаго, данную Елецкому и Валуеву; но какъ скоро Луговской началъ чтеніе, то Сапѣга закричалъ на него: «Вамъ давно запрещено упоминать объ этой записи; вы хотите ею только позорить пана гетмана; если упомянете въ другой разъ объ ней, то вамъ худо будетъ». Луговской не утерпѣлъ, и закричалъ въ свою очередь гетману: «хоть убейте, а я буду говорить правду; вы эту запись ставите ни во что, а мы и теперь и впредь будемъ ею защищаться». Жолкѣвскій вступился въ дѣло и сказалъ: «Я готовъ присягнуть, что ничего не помню, что написано въ этой записи; писали ее русскіе люди, бывшіе со мною, и ко мнѣ поднесли; я не читавши приложилъ печать; и потому лучше оставимъ эту запись, а будемъ говорить объ одной московской, которую и король утверждаетъ». Другіе па-

ны прибавили: что если послы не велятъ смолянамъ цаловать крестъ Сигизмунду, то присяга гетмана этимъ самымъ уничтожается, и городъ будетъ взятъ приступомъ, при чемъ въ немъ не останется и камня на камнѣ. Послы просили позволенія отправить гонца въ Москву съ требованіемъ новаго наказа; гетманъ, тронутый сильными представленіями Филарета и Голицына, обѣщалъ имъ исходатайствовать у короля, чтобъ до возвращенія гонца приступа къ Смоленску не было. На другой день послы отправились къ Жолкѣвскому опять уговаривать его помнить свою душу и не допускать до взятія Смоленска; на этотъ разъ гетманъ предложилъ имъ впустить въ Смоленскъ королевскія войска, какъ впущены они были въ Москву, и тогда, по его словамъ, *быть можетъ*, король и не велитъ смолянамъ цаловать на свое имя крестъ. Послы, разумѣется, не согласились на такое безстыдное предложеніе и настаивали на отсылку гонца въ Москву. Гетманъ обѣщалъ и на другой день объявилъ, что король соглашается на отсылку гонца, но опять съ тѣмъ, чтобъ прежде было впущено въ Смоленскъ польское войско; послы отказали въ другой разъ и опять просили о гонцѣ. На другой день гетманъ объявилъ о согласіи короля на отсылку гонца съ тѣмъ, чтобъ тотъ возвратился не позже двухъ недѣль: послы успокоились. Но 18 ноября ихъ позвали къ гетману, и здѣсь Сапѣга объявилъ о необходимости ввести польское войско въ Смоленскъ, потому-что Шеинъ ссылается съ воромъ; послы отказали, отговариваясь постоянно неимѣніемъ наказа изъ Москвы; паны отвѣчали, что его величество не намѣренъ дожидаться изъ Москвы указу: «не Москва государю нашему указъ, государь нашъ Москвѣ указъ, и король, не взявши Смоленска и не введя въ него своей рати, прочь не пойдетъ. Вы имѣете полное право — продолжали паны — согласиться на королевское требованіе, и если на васъ за то будутъ въ Москвѣ пенять, то вы можете сослаться на примѣръ самой же Москвы: въ Москвѣ впустили польское войско въ городъ, и вы впустили его въ Смоленскъ». Въ заключеніе грозили немедленнымъ приступомъ. Послы отвѣчали, что исполненіе этой угрозы повредитъ совершенно дѣлу королевича и усилитъ сторону вора; притомъ же, еслибъ они, послы, и отправили отъ себя приказъ Шеину сдать городъ, то воевода не послушается до тѣхъ поръ, пока не будетъ прислана грамота изъ Москвы. Поляки ни на что не согласились и окончили совѣщаніе угрозами. 20 ноября гетманъ призвалъ къ себѣ одного дьяка Томилу Луговского, который, по своему энергическому характеру, имѣлъ сильное вліяніе въ посольствѣ. Жолкѣвскій представлялъ ему, что упорство пословъ будетъ имѣть слѣдствіемъ гибель Смоленска; но Луговской, съ своей стороны, представлялъ гибельныя и постыдныя

слѣдствія нарушенія договора, — и дѣло опять кончилось ничѣмъ. 21 ноября былъ приступъ къ городу; но поляки трижды были отбиты осажденными. 29 ноября и 2 декабря были опять съѣзды. На второмъ изъ нихъ поляки уступили посламъ, согласились на отсылку гонца въ Москву, но требовали, чтобъ они не писали туда ничего лишняго; потому-что поляки съ помощію русскихъ измѣнниковъ дознались о грамотахъ, отправляемыхъ тайно въ Москву послами: въ этихъ грамотахъ послы уговаривали русскихъ людей не позорить себя и не ѣздить къ Сигизмунду съ челобитьями о помѣстьяхъ и о всякихъ дѣлахъ. Послы отвѣчали прямо и благородно: «Мы рады, что вы знаете наши мысли изъ тѣхъ писемъ; да, мы писали, чтобъ не было челобитій о помѣстьяхъ, потому-что это можетъ весь народъ привести въ сомнѣніе». 4 Декабря дали знать посламъ, чтобъ они отправили отъ себя гонца въ Москву, и что король съ нимъ вмѣстѣ отправляетъ туда же собственнаго коморника, пана Исаковскаго. Оба дѣйствительно выѣхали 4 числа.

Успокоивъ главныхъ пословъ отправленіемъ гонца, поляки начали дѣйствовать на второстепенныхъ и преклонять ихъ на свою сторону, при чемъ не жалѣли никакихъ обѣщаній. Эти обѣщанія, соединенныя съ нуждою, какую претерпѣвали члены посольства зимою въ лагерѣ, подѣйствовали на многихъ; скоро Филаретъ и Голицынъ узнали, что думный дворянинъ Сукинъ, дьякъ Сыдавный Васильевъ, спасскій архимандритъ Евфимій, троицкой келарь Аврамій Палицынъ и другіе передались полякамъ, получили отъ короля грамоты на помѣстья и разныя награды и вмѣстѣ съ тѣмъ отпускъ домой. Надобно думать, что нѣкоторые изъ этихъ людей прельстились не столько наградами, сколько позволеніемъ уѣхать домой; они могли оправдываться въ собственныхъ глазахъ тѣмъ, что, возвратясь въ отечество, будутъ съ большею пользою дѣйствовать противъ польскихъ замысловъ. Какъ бы то ни было, однако поступокъ этихъ людей, судя строго, былъ явною измѣною, нарушеніемъ долга: вся земля поручила имъ великое дѣло — и они постыдно бросили его; какъ бы то ни было, рѣшиться на подобный поступокъ могли только люди слабые духомъ. Тѣмъ выше является поведеніе дьяка Луговского, который выкупилъ грѣхъ своихъ собратій — Сыдавнаго и Грамотина. Канцлеръ Сапѣга позвалъ Луговского къ себѣ подъ предлогомъ нужнаго дѣла; Томила отправился, и первые, кто попались ему на встрѣчу въ жилищѣ канцлера, были Сукинъ и Сыдавный, наряженные въ богатое платье. Сапѣга велѣлъ ихъ къ королю и приказалъ Луговскому немного подождать: «Я сейчасъ возвращусь; только представлю этихъ господъ и другихъ дворянъ на отпускную аудіенцію, потому-что Сукинъ старъ, а прочіе, живя здѣсь, про-

ѣлись». Луговской не вытерпѣлъ, и остановя канцлера, сказалъ ему: «Левъ Иванычъ! неслыхано нигдѣ, чтобъ послы такъ дѣлывали, какъ теперь Сукинъ и Сыдавный дѣлаютъ: покинувъ государево и земское дѣло и товарищей своихъ, ѣдутъ къ Москвѣ! Какъ имъ посмотрѣть на чудотворный образъ Богородицы, отъ котораго отпущены! хотя бы Сукинъ и въ-самомъ-дѣлѣ былъ боленъ, то лучше бы ему умереть здѣсь, чѣмъ отъѣхать; если же ихъ отпускаютъ потому, что они проѣлись, то и насъ всѣхъ пора давно отпустить. Объявляю тебѣ, Левъ Иванычъ! что какъ скоро они въ Москву пріѣдутъ, то во всѣхъ городахъ будетъ недоумѣнье, печаль и шатость большая; да и митрополиту съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ впередъ ничего нельзя будетъ дѣлать». Сапѣга отвѣчалъ на этотъ разъ открыто, что послы состоятъ въ волѣ государя, что Сукинъ и Сыдавный отпущены по ихъ челобитью, что въ Москвѣ отъ ихъ пріѣзда нельзя ожидать ничего дурного, потому-что они вѣрные слуги королевскіе, и другіе, на нихъ глядя, захотятъ также служить королю, и государь ихъ также пожалуетъ своимъ великимъ жалованьемъ, а кто захочетъ, то и въ Москву укажетъ отпустить. Луговской отвѣчалъ: «Надобно того у Бога и у Жигимонта короля просить, чтобъ кровь христіянская литься перестала и государство успокоилось; а присланы мы къ королевскому величеству не о себѣ промышлять и бить челомъ, но о всемъ Московскомъ государствѣ». Когда Сапѣга возвратился отъ короля, то взялъ Луговского въ особую комнату и началъ уговаривать его, чтобъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Сукинымъ подъ Смоленскъ склонять гражданъ къ присягѣ на имя короля или, по-крайней-мѣрѣ, ко впущенію въ городъ польскихъ войскъ. Луговской отвѣчалъ, что ему нельзя этого сдѣлать, что онъ не хочетъ навести на себя вѣчную клятву: «Не только Господь Богъ и люди Московскаго государства меня не потерпятъ, но и земля меня не понесетъ. Я присланъ отъ Московскаго государства въ челобитчикахъ, и вы хотите, чтобъ я первый положилъ соблазнъ въ людяхъ; лучше мнѣ, по Христову слову, навязать на себя камень и ввергнуться въ море, чѣмъ рѣшиться на такой соблазнъ».

Луговской, возвратясь отъ Сапѣги, пересказалъ старшимъ посламъ всѣ улещенія послѣдняго. Тогда митрополитъ и князь призвали къ себѣ отъѣзжиковъ и умоляли ихъ попомнить Бога и свои души, и не покидать великаго дѣла; тѣ отвѣчали: «Послалъ насъ король съ грамотами къ Москвѣ для своего государскаго дѣла, то какъ намъ не ѣхать?» Ловкій келарь Аврамій Палицынъ остался вѣренъ своему характеру и здѣсь: онъ не хотѣлъ видѣться съ митрополитомъ, сказался больнымъ и тайно уѣхалъ вмѣстѣ съ другими духовными лицами и многими дѣтьми боярскими. А Захаръ Ляпуновъ?

и тотъ остался вѣренъ своему характеру; онъ не поѣхалъ и въ Москву; ему пришлась по природѣ разгульная жизнь поляковъ; онъ остался въ королевскомъ лагерѣ, и потѣшалъ пановъ своими насмѣшками надъ московскими послами [1]. Послѣдніе протестовали противъ отъѣзда упомянутыхъ лицъ, но напрасно; они представляли, что пріѣздъ ихъ въ Москву произведетъ смуту и сомнѣнье и всему дѣлу поруху. Но Москвѣ и безъ того уже было много смутъ и сомнѣнья, и дѣло рушилось; народъ вставалъ, почуявъ измѣну: измѣна была видимая.

С. СОЛОВЬЕВЪ.

---

[1] См. челобитную его Сигизмунду о вотчинѣ, Акты Истор. II, № 311, III.

ВЫСТАВКА

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

ОКТЯБРЬ, 1849.

Осень, и особенно октябрь мѣсяцъ — самое артистическое время для жителей Петербурга. Театры снова оживаютъ: является граціозная, вѣчноюная Фанни Эльслеръ, окруженная воздушнымъ роемъ танцовщицъ; съѣзжаются со всѣхъ сторонъ міра теноры и баритоны, и, подъ обаятельнымъ вліяніемъ музыки и пластической красоты, вы снова переноситесь въ другой, фантастическій міръ и отдыхаете на-время отъ мелочныхъ заботъ. Нынѣшній годъ еще богаче предъидущихъ артистическими впечатлѣніями: русская сцена оживилась посѣщеніемъ кратковременнаго, но тѣмъ болѣе дорогого гостя, и открылась большая, т. е. трехгодичная художественная выставка.

Цѣлыя двѣ недѣли, въ теченіи которыхъ была открыта выставка, въ залахъ Академіи Художествъ толпилось множество посѣтителей. Васильевскій островъ совершенно измѣнилъ свой патріархальный образъ жизни. Во время выставки здѣсь все оживаетъ. Даже огромные сфинксы, которые величественно покоятся на невской набережной, принимаютъ какую-то необыкновенную, праздничную физіономію. Великолѣпные экипажи съ крикомъ форрейторовъ несутся по направленію къ Академіи. Полновѣсныя маменьки съ толпою румяныхъ дочекъ, считающихъ непремѣнною обязанностью восхищаться при каждомъ удобномъ случаѣ, вылѣзаютъ изъ каретъ

при помощи дюжаго лакея. Пѣшеходы со всѣхъ сторонъ, не исключая даже и Петербургской, тянутся въ Академію безконечною вереницею. Сюда же спѣшитъ чиновникъ, удосужившійся, полюбоваться «картинками». Здѣсь же вы встрѣтите нѣсколько особъ, имѣющихъ претензію на званіе любителя и особенно знатока, отличающихся важностью выраженія въ лицѣ и взглядомъ Юпитера Олимпійскаго. Эти громовержцы страшнѣе всего для художниковъ: ни одинъ не уйдетъ отъ ихъ непогрѣшительнаго приговора! за такія нелестныя сужденія художники постоянно бываютъ вознаграждены восторгами прекраснаго пола, имѣющаго похвальное обыкновеніе видѣть все въ розовомъ цвѣтѣ, даже картины, въ которыхъ его вовсе нѣтъ. *Charmant! délicieux!* и другія такъ много выражающія восклицанія слышатся передъ каждою картиною, во всѣхъ углахъ Академіи, — способъ спокойный и общеупотребительный, потому-что избавляетъ отъ дальнѣйшихъ хлопотъ и объясненій, до которыхъ въ дѣлѣ искусствъ охотниковъ немного.

Что за искусство-любивый городъ Петербургъ! невольно скажете вы, освобождаясь изъ наполненныхъ посѣтителями академическихъ залъ, въ которыхъ вамъ порядочно понатолкали бока. Но позвольте разочаровать васъ, любезный читатель, въ этомъ мнѣніи о Петербургѣ. Онъ преимущественно городъ дѣловой, офиціяльный, и искусства онъ любитъ только по обязанности. Много ли изъ вашихъ знакомыхъ, напримѣръ, такихъ, которые пошли бы на выставку по собственному влеченію? Бо́льшая часть идетъ, потому-что слѣдуетъ итти. Нельзя же въ наше время образованному человѣку не слѣдить за всѣмъ, что́ касается наукъ и художествъ. Доказательствомъ этой холодности можетъ служить то, что Эрмитажъ и Академія въ другое время совершенно пусты, несмотря на то, что входъ въ нихъ всегда дозволенъ. Художественная лоттерея, объявленная года три тому назадъ, до сихъ поръ не могла состояться, потому-что въ теченіи трехъ лѣтъ не успѣли разобрать всѣхъ билетовъ. Между тѣмъ билеты въ другую лоттерею разбираются въ теченіи одного дня. На лошадиныхъ скачкахъ, бѣгахъ и гуляньяхъ всякаго рода бываетъ народу гораздо болѣе, чѣмъ въ Академіи Художествъ, — гдѣ же послѣ всего этого безпрестанно выхваляемая эстетичность петербургскихъ жителей?

Безспорно, выставка имѣетъ нѣкоторое, по-крайней-мѣрѣ временное, вліяніе на вкусъ петербургцевъ. Разговоры объ искусствѣ не умолкаютъ въ теченіи нѣкотораго времени. Изъ этихъ разговоровъ иной, можетъ быть, и вынесетъ что-нибудь для себя полезное. И не въ одной Академіи идутъ толки объ изящномъ. Даже неистощимый и безконечной разговоръ о картахъ замѣняется на-время

разговоромъ о портретахъ и о томъ, что искусства смягчаютъ нравы. Иногда случается даже, что во время самой горячей игры услышишь вопросъ: «А что, батюшка, видали портретъ такого-то»?

— Какже-съ, точно живой сидитъ, и въ лицѣ что-то государственное.

Но обратимся къ выставкѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ обозрѣнію художественныхъ произведеній, выставленныхъ въ залахъ Академіи, мы должны предупредить читателей, что на выставкѣ нѣтъ произведеній бо́льшей части нашихъ художниковъ. Около двадцати профессоровъ и академиковъ уже нѣсколько лѣтъ занимаются работами для Исакіевскаго собора. Произведенія ихъ не могли быть выставлены, но когда откроется соборъ, они составятъ выставку вѣковую. К. П. Брюловъ, еще весною нынѣшняго года уѣхавшій для излеченія своей болѣзни на островъ Мадеру, написалъ нѣсколько неподражаемо-прекрасныхъ образовъ и портретовъ, но всѣ они находятся у частныхъ лицъ. Сверхъ того многія картины, присланныя нашими художниками изъ Италіи, не поспѣли сюда во-время. Слѣдовательно, нынѣшняя выставка состоитъ преимущественно изъ работъ нашихъ молодыхъ художниковъ, учениковъ Академіи, немногихъ иностранныхъ художниковъ и любителей. Поэтому мы будемъ судить о художественныхъ произведеніяхъ по ихъ относительному достоинству, и, несмотря на то, что число ихъ доходитъ до 400, укажемъ только на замѣчательнѣйшія въ какомъ-нибудь отношеніи.

Начнемъ съ живописи *исторической*.

По этой части болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе произведеніе французскаго художника *Шопена*. Картина эта находится въ Академіи съ прошлогодней маленькой выставки. Сюжетъ ея — судъ Соломона. Картина изображаетъ минуту, послѣ произнесенія приговора, показавшаго, которая изъ двухъ спорящихъ женщинъ мать живого младенца. Прекрасная женщина съ младенцемъ на рукахъ, стоящая на колѣняхъ передъ трономъ Соломона, благодаритъ его за спасеніе своего сына. Другая, обвиненная, беретъ своего мертваго младенца и сходитъ съ ступеней трона. Народъ, представляющій нѣсколько превосходныхъ еврейскихъ типовъ, пораженный мудрымъ приговоромъ, смотритъ на удаляющуюся женщину. Прекрасная картина эта представляетъ собою всѣ качества французской живописной школы: ловкость и мягкость отдѣлки, большею частію натуральный колоритъ и эффектность. Фигуры въ этой картинѣ довольно хороши, кромѣ самого Соломона, лицо котораго намъ показалось слишкомъ женственнымъ и мало выразительнымъ. Картина эта по-

служила поводомъ къ довольно забавному спору въ одной газетѣ, которая въ защиту г. Шопена говоритъ, что у него есть таже граціозность, которою вполнѣ обладаетъ Рафаэль, и колоритъ одной съ нимъ школы (?!). Мы слышали, что Шопенъ просилъ себѣ программу для полученія званія профессора нашей Академіи Художествъ.

Двѣ картины, изображающія *снятіе со креста*, г. *Зеленскаго* и г. *Ксенофонтова*, принадлежатъ къ замѣчательнымъ историческимъ картинамъ на нынѣшней выставкѣ. Несмотря на одинаковый выборъ сюжета, между ними нѣтъ ничего общаго. Картина г. Зеленскаго (за которую онъ удостоенъ званія академика) изображаетъ Спасителя, снятаго уже со креста и окруженнаго лицами, находившимися при этомъ: Апостолъ Іоаннъ и Марія Магдалина, прекрасныя лица которыхъ выражаютъ глубокую скорбь, весьма удовлетворительны. Но фигура Іисуса Христа не удовлетворяетъ ожиданіямъ. Голова его, весьма неудачно написана: вы не видите божественнаго страдальца. Въ тѣлѣ мало натуры, не говоря уже о лиловомъ тонѣ, который преобладаетъ на всей картинѣ. Этотъ странный колоритъ и тщательная отдѣлка напоминаютъ собою живопись на фарфорѣ. Картина г. Ксенофонтова, ученика фрофессора Ѳ. А. Бруни, изображаетъ самое снятіе со креста. Минута, выбранная художникомъ, представляетъ много трудностей, потому-что всѣ фигуры должны быть изображены въ дѣйствіи и движеніи. Но, несмотря на эти трудности, художникъ исполнилъ свою картину весьма удачно. Намъ показалась только не вполнѣ удовлетворительною фигура человѣка, держащагося одной рукой за верхнюю часть креста, а другой придерживающаго Спасителя. Лѣвое плечо этого человѣка и особенно лопатка намъ показались невѣрными натурѣ. Но вообще эта картина представляетъ отрадное явленіе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ученики такъ не писали. Если и появлялись ученическія картины, равныя по достоинству этой, то онѣ составляли исключенія, тогда-какъ теперь подобное произведеніе ученика уже не рѣдкость. По поводу этой картины въ «одной газетѣ» сказано было, что сейчасъ видно, чей ученикъ г. Ксенофонтовъ, и что эта картина живо напоминаетъ и рисункомъ и колоритомъ знаменитое *Моленіе о чашѣ* г. профессора Бруни (?). Смѣемъ увѣрить, что это сказано безъ всякаго основанія. Кисть Ѳ. А. Бруни, отличающаяся своеобразными особенностями отъ кисти всякаго другого художника, не могла бы укрыться. Ни одно лицо, ни одна фигура не напоминаютъ собою типа, созданнаго г. Бруни, который участвовалъ въ картинѣ г. Ксенофонтова только совѣтами, въ чемъ могли удостовѣриться всѣ видѣвшіе картину.

Къ лучшимъ художественнымъ произведеніямъ нынѣшней выставки принадлежатъ *програмы* учениковъ: г. *Крюкова* и братьевъ

Сорокиныхъ. Программа г. Крюкова, ученика профессора Ѳ. А. Бруни, изображаетъ *Геркулеса, бросающаго юнаго Ликаса въ море*. Разгнѣванный Геркулесъ схватилъ за ногу несчастнаго Ликаса, который бьется въ могучихъ рукахъ Геркулеса. Еще минута, и онъ полетитъ въ море. Несмотря на трудности подобнаго сюжета, потому-что фигуры изображены нагими, при чемъ не забытъ малѣйшій мускулъ, онѣ исполнены превосходно, и художникъ съумѣлъ быть самостоятельнымъ при довольно частомъ исполненіи другими этого сюжета. Картина эта доставила г. Крюкову вторую золотую медаль. Программа г. Павла Сорокина (младшаго), ученика профессора А. Т. Маркова, изображаетъ тоже самое. Если г. Крюковъ превзошелъ г. Сорокина въ смѣлости, съ которою онъ поставилъ Геркулеса, то г. Сорокинъ не уступитъ ему въ сочиненіи фигуры Ликаса. Трепещущій, онъ въ ужасѣ схватился за прозрачную ткань, волнуемую вѣтромъ, и надѣется за нее удержаться. Эти подробности, повидимому неважныя, составляютъ большое достоинство въ сочиненіи картины.

Картина г. *Евграфа Сорокина* (старшаго), ученика профессора А. Т. Маркова, изображаетъ русскаго богатыря Яна Усмовича, удерживающаго разъяреннаго быка. На первомъ планѣ представленъ бѣгущій быкъ, котораго разъярили красною тканью. Янъ Усмовичъ вырываетъ у него изъ боку кусокъ мяса. Въ отдаленіи стоитъ великій князь Владиміръ, окруженный свитою, а еще далѣе народъ, любующійся этою сценою. Разсматривая эту картину, невольно вспоминаешь старинную картину Угрюмова, того же содержанія. Посѣтители выставки, вѣроятно, ее замѣтили: она виситъ въ первой комнатѣ у самаго входа, надъ архитектурными рисунками учениковъ. Взглянувши на эту картину, яснѣе видишь недостатокъ картины г. Сорокина, въ которой впрочемъ, болѣе достоинствъ, чѣмъ недостатковъ. На картинѣ г. Сорокина великій князь со свитою и народъ поставлены на такомъ далекомъ разстояніи, что они никакъ не могли бы видѣть дѣйствія. Богатырь и быкъ должны казаться великому князю со свитою и народу такими же маленькими, какимъ кажется намъ народъ. А можно ли что-нибудь видѣть на такомъ разстояніи? Отъ этой несообразности теряетъ и сама картина, потому-что на ней пустое пространство между зрителями и сценой дѣйствія слишкомъ велико. Въ картинѣ Угрюмова этого недостатка нѣтъ: тамъ зрители стоятъ у самой сцены, на разстояніи трехъ или четырехъ саженъ отъ дѣйствія, такъ-что даже видны ихъ лица. Другую несообразность картины г. Сорокина составляетъ то, что изгородь, окружающая сцену, слишкомъ тонка, и не могла бы устоять отъ напора разъяреннаго животнаго. Что касается до фигуры Яна Усмовича, то въ

ней мало выраженія и еще меньше напряженія; голова сравнительно съ туловищемъ нѣсколько мала и лѣвая нога вывернута ненатурально. Зато быкъ превосходенъ, особенно если принять въ соображеніе то, что г. Сорокинъ, какъ живописецъ историческій, не могъ посвятить много времени на изученіе животныхъ. При этомъ значительную трудность составило и то, что быкъ написанъ почти въ настоящую величину и въ такомъ положеніи, для изображенія котораго можетъ болѣе всего помочь не натура, воображеніе живописца. Г. Сорокинъ за эту картину удостоенъ первой золотой медали.

Художникъ *Баскаковъ* выставилъ картину, изображающую Самсона и Далилу. Картина представляетъ филистимлянъ, схватывающихъ обезсилѣвшаго Самсона, у котораго Далила только-что обрѣзала волосы. Удаляясь, она ихъ показываетъ проснувшемуся Самсону. Фигуры хороши, но въ нихъ не мѣшало бы больше жизни и меньше спокойствія. Вѣроятно, многіе посѣтители выставки помнятъ выставленную въ 1847 г. картину г. Баскакова, изображающую старика, который пишетъ письмо деревенской дѣвушкѣ. Картина эта оставила въ насъ пріятное впечатлѣніе. Нельзя не замѣтить, что съ тѣхъ поръ художникъ сдѣлалъ достаточные успѣхи.

Картины художника *Чумакова*, который пріобрѣлъ себѣ извѣстность весьма удачными портретами старухъ, представляютъ противоположность достоинствъ и недостатковъ. Тѣ и другіе разительнѣе всего въ картинѣ, которая называется *антикварій*. Картина изображаетъ старика, который держитъ въ рукѣ древнюю монету. Передъ нимъ стоитъ молодая дѣвушка, вѣроятно, принесшая эту монету. По вниманію, съ которымъ старикъ смотритъ на дѣвушку, и по выраженію его лица никакъ нельзя въ немъ предполагать охотника до древностей. Сморщеное, худое лицо старика художникъ изобразилъ прекрасно. Ни одна морщина на лицѣ не укрылась отъ его кисти; всѣ онѣ перешли на полотно. Въ этой способности воспроизводить съ необыкновенною точностію лица стариковъ и старухъ заключается особенность таланта г. Чумакова. Тупыя, безжизненныя, онѣ поражаютъ васъ своею безукоризненною вѣрностью природѣ. Но рядомъ съ этими талантливыми произведеніями г. Чумакова являются такія, съ которыми его кисть никакъ не можетъ до сихъ поръ справиться: это лица молодыхъ дѣвушекъ. Насмотрѣвшись вдоволь на его антикварія, вы переходите взглядомъ на стоящую возлѣ него дѣвушку. Странный, невѣрный тонъ ея лица поражаетъ всякаго. Возлѣ свѣжаго румянца взялась откуда-то зеленая краска, совершенно неумѣстная въ настоящемъ случаѣ. Недостатокъ поразительный въ *портретѣ дѣвочки*, это какой-то лиловый ненатуральный тонъ ея лица. Другой *женскій портретъ* его же работы уже не имѣетъ въ

такой степени этого недостатка; а это подаетъ надежду, что г. Чумаковъ современемъ будетъ передавать на полотно также хорошо лица молодыхъ дѣвушекъ, какъ передавалъ до сихъ поръ лица старухъ. Находящаяся на выставкѣ *голова старухи* достаточно доказываетъ талантъ художника.

Дѣвушка въ тирольскомъ костюмѣ съ корзинкою цвѣтовъ, г. *Кальбаха*, явившаяся въ послѣдніе дни выставки, принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ иностранныхъ живописцевъ, историческихъ и портретныхъ, на нынѣшней выставкѣ.

Къ сожалѣнію, не можемъ сказать того же самого о картинѣ германскаго художника *Диттенберегера*, изображающей *апостола Андрея, проповѣдывающаго народу*. Но прежде чѣмъ говорить о картинѣ Диттенбергера, скажемъ нѣсколько словъ о нѣмецкой живописной школѣ вообще.

Нѣкоторые поклонники того направленія, которому слѣдуетъ Германія въ наукахъ и искусствахъ, утверждаютъ, что нѣмцы лучше всѣхъ понимаютъ истинную цѣль искусства, избирая предметы для своего творчества изъ высшей, чуждой дѣйствительности, сферы, и въ исполненіи ихъ являютъ болѣе, чѣмъ художники другихъ націй, той чистой безкорыстной любви, которой требуетъ служеніе искусству. Но эти восторженныя похвалы не имѣютъ никакого основанія. Мысль эта, вѣроятно, основана на тѣхъ наружныхъ проявленіяхъ, которыми ознаменованы самыя блестящія эпохи искусствъ, и которыми преимущественно богата Германія: нѣмцы болѣе другихъ народовъ увеличили число своихъ знаменитостей въ искусствахъ, и эта восторженность ихъ поддерживается тѣмъ, что люди, замѣчательные по высокому уму и образованію, посвятили себя искусству, въ которомъ не ищутъ ничего, и которое не можетъ, при настоящихъ условіяхъ, доставить имъ ни матеріяльныхъ выгодъ, ни славы; учреждаемыя въ Германіи академіи, художественныя выставки и безчисленные монументы, — все это говоритъ, но, къ несчастью, только внѣшнимъ образомъ, въ пользу искусствъ въ Германіи. Искусство, какъ и наука, у нѣмцевъ чужды дѣйствительности. Идеи и дѣйствительная жизнь не касаются другъ съ другомъ ни въ одной точкѣ, представляя два совершенно различныхъ міра. Искусство у нихъ въ такомъ же отношеніи къ жизни, какъ и наука. Руководимые природнымъ вкусомъ, они избираютъ предметы внѣ круга дѣйствительности, и, полагаясь слишкомъ на вдохновеніе, внушаемое отвлеченными идеями, пренебрегаютъ изученіемъ природы и истины. Въ наше время германская живопись, вмѣсто того, чтобъ итти къ новымъ путямъ совершенства, возвращается къ прежнимъ стариннымъ преданіямъ:

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія нѣсколько молодыхъ людей, отказавшись отъ неестественной нѣжности и напыщенности своихъ собратій-художниковъ, посвятили себя преобразованію искусства въ своемъ отечествѣ. Эти молодые люди были: *Овербекъ*, *Корнеліусъ*, *Шадовъ* и *Фейтъ*. Всѣ они, имѣя каждый около двадцати лѣтъ отъ роду, отправились въ Римъ и съ самого начала своего поприща обратили на себя общее вниманіе, какъ основатели новыхъ художественныхъ началъ, которыя во всѣхъ отношеніяхъ имѣли преимущества надъ господствовавшею до того времени нѣмецкою школою. Несмотря на свое превосходство, молодые люди сохранили влеченіе къ древнимъ художникамъ, которые въ то время не обращали большого вниманія учениковъ другихъ націй. Это уваженіе къ старинной живописи, сдѣлавшееся скоро пристрастіемъ, распространилось повсюду, подъ вліяніемъ идей Гёте и Шлегелей. Первыя произведенія молодыхъ художниковъ приняты были съ восторгомъ, какъ первый опытъ осуществленія распространившихся въ то время идей объ искусствѣ, хотя по сухости и холодности произведенія эти далеко не согласовались съ живою дѣйствительностью. Но, вмѣсто того, чтобъ облекать отвлеченныя идеи въ формы болѣе осязательныя, естественныя и изящныя, названные нами художники и ихъ послѣдователи, по мѣрѣ пріобрѣтенія познаній въ искусствѣ, все болѣе и болѣе увлекались мистицизмомъ и какою-то отрѣшенностью отъ дѣйствительности. Вліяніе началъ, которыхъ они стали поклонниками и распространителями, и уваженіе къ римско-католическимъ художникамъ и къ стариннымъ формамъ искусства было такъ велико, что въ 1814 году одиннадцать германскихъ художниковъ отреклись отъ протестантской вѣры и перешли въ католическую. Этотъ любопытный фактъ въ исторіи искусствъ можетъ, между прочимъ, служить доказательствомъ ихъ несамостоятельности. Недостатокъ творчества и самостоятельности всегда былъ и остался до сихъ поръ отличительною чертою германскихъ художниковъ. Раболѣпное подражаніе великимъ мастерамъ простиралось не только на произведенія искусствъ, но даже на образъ жизни. Конечно, въ этомъ подражаніи они показали не столько таланта, сколько усердія, и усвоили почти всѣ механическіе пріемы и особенности, характеризующіе древнихъ мастеровъ. Въ драпировкѣ они подражали Фіецоле, въ выборѣ положеній—Перуджино, въ рисункѣ—Рафаэлю; но самостоятельнаго въ нихъ не было ничего. Такое безусловное подражаніе безъ всякой критической оцѣнки, весьма естественно, вело и къ подражанію недостаткамъ, которымъ подвергались ихъ образцы. Это рабское подражаніе, конечно, не дало и не могло дать хорошихъ результатовъ. Не имѣя зародыша творческаго таланта, человѣкъ не можетъ усвоить

себѣ по произволу тотъ или другой геній, даже если и постигнетъ его совершенно. Кромѣ недостатка самостоятельности есть еще другая причина, по которой германскіе художники не могутъ занять мѣсто въ ряду мастеровъ истинно оригинальныхъ. Это — ничѣмъ неоправдываемая теорія. Германскіе художники думаютъ, что въ сюжетахъ высшей сферы должна преобладать господствующая мысль, и что достоинство содержанія не зависитъ отъ достоинства формы и подробностей. Между тѣмъ главная задача искусства не содержаніе, а выполненіе, не мысль, но ея осуществленіе. Съ другой стороны, разительную противоположность этому составляетъ та тщательная отдѣлка подробностей, та мелочность, которая составляетъ отличительную принадлежность нѣмцевъ какъ къ дѣйствительной жизни, такъ въ наукѣ и искусствѣ.

Отличительныя качества германской живописной школы — это безжизненность и сухость колорита, отсутствіе воздуха и полутѣней, жосткость, изъисканность, натянутость и часто неправильность въ рисункѣ. Въ произведеніяхъ этой школы нѣтъ того пламеннаго движенія мысли, которое смѣло передавало бы полотну все задуманное живописцемъ. Не поддаваясь безпокойнымъ внушеніямъ мысли, германскіе художники не выходятъ изъ проложенной разъ навсегда колеи. Открытія въ искусствѣ и новость взгляда, составляющія принадлежность натуръ, одаренныхъ талантомъ творчества, суть качества, которыхъ не водится за германскими живописцами. Они бо́льшею частію все дѣлаютъ сухо, вяло, расчитываютъ по строго составленному плану, надъ которымъ нѣсколько безсонныхъ ночей надумывается бѣдный труженикъ, и отъ котораго отступить считаетъ уже преступленіемъ. Вообще, всякая мысль, требующая осязательнаго выраженія или приложенія къ дѣйствительности, не дается германцамъ. Но возьмите эту мысль безъ приложенія, какъ она есть, или передайте его фантазію какъ можно менѣе осязательнымъ, неуловимымъ образомъ, творчество германца явится во всемъ могуществѣ. Вотъ причина, почему музыка, менѣе всего стѣсненная для ея выраженія и вовсе нетребующая осязательныхъ формъ, сдѣлала у германцевъ такіе огромные успѣхи. Однакожь, въ числѣ нынѣшнихъ художниковъ Германіи есть нѣсколько людей самостоятельныхъ и съ большимъ талантомъ, которые смѣются надъ предразсудками и бездарностью своихъ соотечественниковъ. Изъ числа такихъ укажемъ на *Риделя*, нѣкоторыя картины котораго есть даже въ Петербургѣ.

Гравюры, по которымъ читатели могутъ судить о произведеніяхъ германскихъ художниковъ, много говорятъ въ ихъ пользу: онѣ смягчаютъ слабыя стороны картинъ, а иногда совершенно

скрываютъ ихъ недостатки. Гравюра можетъ передать только сочиненіе картины и рисунокъ со всѣми подробностями; но колоритъ, играющій въ живописи весьма важную роль, на гравюрахъ недоступенъ. Кромѣ того, гравировка сдѣлала болѣе успѣховъ, чѣмъ живопись въ Германіи, и потому искусство гравера скрываетъ недостатки живописца.

Диттенбергеръ, произведеніе котораго находится на выставкѣ, принадлежитъ къ извѣстнымъ германскимъ живописцамъ, и потому картина его, хотя написанная девять лѣтъ тому назадъ (въ 1840 году), можетъ служить представительницей настоящаго состоянія живописи въ Германіи. Картина эта соединила въ себѣ всѣ недостатки нѣмецкой школы: сухость колорита, недостатокъ перспективы, натянутость въ сочиненіи, манеру и неправильность въ рисункѣ. Особенно не дались художнику раккурсы и перспектива. Дѣйствіе, изображенное на картинѣ, происходитъ въ Кіевѣ; вдали видны горы, и на одной изъ нихъ только-что водруженный крестъ. Апостолъ Андрей окруженъ народомъ, но какой націи, этого вы не узнаете изъ картины Диттенбергера. Рыцари временъ Крестовыхъ походовъ, покрытые желѣзными латами и держащіе въ рукахъ круглые щиты съ остроконечнымъ возвышеніемъ посрединѣ, окружаютъ проповѣдника. Женщины и дѣти сидятъ на травѣ вокругъ него, въ положеніяхъ весьма неживописныхъ. Исполненіе, по нашему мнѣнію, еще неудачнѣе сочиненія. Но пора покончить съ нѣмецкою школою и обратиться къ русской, которой суждено гораздо важнѣйшее значеніе въ исторіи искусствъ.

По части *портретной* живописи на нынѣшней выставкѣ вовсе нѣтъ работъ профессоровъ и очень мало работъ академиковъ.

Изъ портретовъ, принадлежащихъ академикамъ и ученикамъ, замѣчательны слѣдующіе:

Три портрета работы г. *Лаврова: портретъ* конференцъ-секретаря Академіи Художествъ, *В. И. Григоровича*, г. *Гогенфельдена* и г. *Загряжскаго*. Но скажемъ прежде нѣсколько словъ о портретной живописи вообще. Хотя достоинство портрета главнымъ образомъ опредѣляется его вѣрностью оригиналу, однакожь портретъ никакъ не долженъ быть безсознательнымъ, рабскимъ подражаніемъ природѣ. Самымъ лучшимъ доказательствомъ этому могутъ служить дагерротипные портреты. Несмотря на свое разительное сходство и вѣрность природѣ въ малѣйшихъ подробностяхъ, эти портреты производятъ непріятное впечатлѣніе: они холодны, мертвы, безжизненны. Недостатокъ этотъ происходитъ оттого, что подражаніе въ этомъ случаѣ было слишкомъ рабское, неоживленное сознаніемъ художника. Кромѣ того, при такомъ подражаніи, весьма часто передается выраженіе лица

только случайное, бывшее въ минуту дагерротипировки; а характеристическое выраженіе, отъ котораго болѣе всего зависитъ сходство, исчезаетъ. Различіе между дагерротипнымъ портретомъ и портретомъ, написаннымъ искуснымъ художникомъ, тоже самое, какъ между исполненіемъ музыкальнаго произведенія безжизненнымъ, но пунктуально вѣрнымъ органомъ и стройнымъ оркестромъ, глубоко сочувствующимъ композитору. Въ портретѣ недостаточно одного сходства: онъ долженъ передавать внутреннюю жизнь человѣка. По этому, для того, чтобъ быть хорошимъ портретистомъ, нужно быть прежде хорошимъ психологомъ. Что́ же касается до вѣрности оригиналу, то она должна быть не безсознательная и не безусловная, потому-что въ каждомъ художественномъ произведеніи подражаніе природѣ должно быть возведено на степень творчества.

Изъ трехъ портретовъ, представленныхъ на выставку г. Лавровымъ, намъ болѣе всѣхъ понравился портретъ В. И. Григоровича. Сходство, простота, вкусъ, прекрасная отдѣлка, — словомъ, всѣ условія хорошаго портрета соединились въ этомъ изящномъ произведеніи г. Лаврова, доставившемъ ему степень академика.

Академикъ *Дузи* выставилъ довольно хорошій *портретъ* архитектора Кавоса. Вкусъ и тщательная отдѣлка — принадлежности всѣхъ произведеній г. Дузи, въ томъ числѣ и этого; въ немъ сверхъ того достойна вниманія искусная драпировка. Остается только пожалѣть, что лицо на портретѣ слишкомъ однотонно.

Академикъ *Зарянко* выставилъ два прекрасные портрета, поразительные сходствомъ и живостью. Это — портреты артиста Императорскихъ театровъ *О. А. Петрова* и генерала *Ламновскаго*. Кромѣ необыкновеннаго сходства и отдѣлки, ставящихъ эти портреты на степень картинъ, они поражаютъ удивительною живостью: въ нихъ пойманъ внутренній человѣкъ. Работы г. Зарянко не уступаютъ работамъ Кипренскаго, Варника и другихъ лучшихъ нашихъ портретистовъ.

Французскій живописецъ *Гюэ* прислалъ на выставку *четыре женскихъ портрета*. Передъ ними, во все продолженіе выставки, постоянно была толпа зрителей. Сочувствіе, которое возбуждаетъ художникъ къ своимъ произведеніямъ, происходитъ отъ ихъ щегольской эффектности и интересности. Лица, избранныя имъ для портретовъ, въ высшей степени миловидны, особенно *женщина* съ открытою грудью, *сидящая въ креслахъ*, и *дѣвушка съ цвѣтами*. Мягкость и нѣжность кисти составляютъ отличительный характеръ этихъ портретовъ; но можно бы пожелать въ нихъ больше натуры. Тутъ же выставлено еще одно произведеніе Гюэ, изображающее *итальян-*

скую сцену, съ яркимъ праздничнымъ колоритомъ, въ костюмахъ, встрѣчающихся не въ дѣйствительности, а развѣ только на сценѣ.

Художникъ *Григоровичъ* выставилъ *два портрета* молодыхъ дѣвицъ. Г. Григоровичъ занимался до сихъ поръ только по части живописи исторической. Изъ трудовъ его, бывшихъ на прежнихъ выставкахъ, мы помнимъ картины: «Іисусъ Христосъ благословляетъ дѣтей» и «Изгнаніе изъ храма торгующихъ». Изъ портретовъ же, если не ошибаемся, это его первый опытъ. Не гоняясь за эффектомъ, но желая пользы, художникъ выбралъ самый трудный способъ для достиженія своей цѣли. Одну изъ написанныхъ имъ дѣвицъ онъ изобразилъ въ бѣломъ платьѣ на красномъ фонѣ, другую—въ темномъ платьѣ на темномъ же фонѣ. Извѣстно, что бѣлое платье составляетъ немаловажную трудность для художника. Тѣни и складки его на картинѣ выходятъ сѣрыми и зеленоватыми, и всѣ эти недостатки сильнѣе поражаютъ, если портретъ писанъ на свѣтломъ и особенно розовомъ фонѣ. Бѣлая же мантиль изъ гро-де-наплю, бахрама и аграманты представляли новыя трудности, которыя иногда не подъ силу и опытному художнику. Но г. Григоровичъ преодолѣлъ ихъ съ честью. Другой портретъ, почти столько же трудный, также довольно удаченъ. Въ немъ особеннаго вниманія заслуживаютъ обѣ руки, написанныя съ большимъ искусствомъ и оконченностью, особенно свѣсившаяся со стола кисть правой руки, въ которой видна каждая жилка.

Изъ остальныхъ портретовъ, находящихся на выставкѣ, замѣчательны портреты работы академиковъ *Будкина* и *Васильева* и г. *Корицкаго*.

Замѣчательнѣйшіе изъ миніатюрныхъ потретовъ — портреты работы г. *Гау*: *дѣтей герцога Лейхтенбергскаго*, и *супруги художника*, исполненные съ удивительнымъ искусствомъ.

Картинъ по части живописи *батальной* на нынѣшней выставкѣ немного. Замѣчательнѣе другихъ картинъ этого рода была картина профессора Виллевальда, изображающая сраженіе при Гисгюбелѣ, близъ Дрездена. Она изображаетъ русское войско подъ начальствомъ Витгенштейна тѣснящее и преслѣдующее маршала Гувіона де Сенъ-Сира, сторожившаго съ 20,000 войскомъ дефилеи у Гисгюбеля. Этотъ эпизодъ войны 1813 года переданъ живописцемъ съ большимъ искусствомъ и видимою любовью къ своему дѣлу. Но на этой картинѣ, какъ и на бо́льшей части батальныхъ, не ищите человѣка. Фрунтъ, пушки и дымъ здѣсь играютъ главную и почти единственную роль. Есть нѣсколько эпизодовъ на первомъ планѣ, но они такъ маловажны, что не могутъ на-долго остановить

вниманіе. Эти эпизоды производятъ даже непріятное впечатлѣніе на зрителя: въ одномъ мѣстѣ представленъ солдатъ, прокалывающій штыкомъ израненаго, уже умирающаго непріятеля; въ другомъ солдатъ убиваетъ лежащаго на землѣ француза. Неблаговидность непріятелей доходитъ даже до каррикатуры. Эти послѣдніе особенно непріятно поражаютъ зрителя въ разныхъ мѣстахъ картины, гдѣ изображенъ непріятель, умирающій подъ штыкомъ или подъ сабельными ударами солдата. Остановившись предъ этою картиною, мы слышали два весьма дѣльныхъ замѣчанія, доказывающихъ, что большинство публики не лишено способности цѣнить и понимать произведенія искусства. Одинъ господинъ, долго разсматривавшій эту картину, сказалъ, что въ ней нѣтъ общей мысли, которая связывала бы между собою всѣ отдѣльно разбросанныя сцены, такъ-что можно бы было разрѣзать эту картину сверху внизъ и обѣ половины ея назвать разными именами. И въ-самомъ-дѣлѣ, чѣмъ отличается одна батальная картина отъ другой? на каждой изъ нихъ тотъ же дымъ, тѣже батальйоны. Другой господинъ сказалъ, что напрасно художникъ, не кончивъ свое произведеніе, представляетъ его на судъ публики. Дѣйствительно, картина г. Виллевальде кажется какъ-будто неконченною: въ ней нѣтъ той оконченности, которой требуетъ этотъ родъ живописи и которою всегда отличались его картины.

Ученикъ профессора Виллевальда, г. *Шукаевъ*, выставилъ картину изображающую *сраженіе подъ Остроленко*. Художникъ выбралъ для своей картины тотъ моментъ битвы, когда полкъ графа Румянцева, построенный въ каре, отбиваетъ атаку кавалеріи, а генералъ Набоковъ опрокидываетъ съ сибирскимъ гренадерскимъ полкомъ, лѣвый флангъ непріятеля. Картина эта, неудовлетворительно написанная, имѣетъ, однако же, много достоинствъ въ ея изобрѣтеніи. Кромѣ отдѣльныхъ, весьма трогательныхъ сценъ, находящихся на первомъ планѣ, выраженіе лицъ солдатъ, построенныхъ въ каре, заслуживаетъ глубокаго вниманія.

Разставаніе рекрута съ отцомъ, г. *Грейма*, также имѣетъ нѣкоторыя достоинства.

Образцомъ того, чѣмъ можетъ и чѣмъ должна быть батальная живопись, можетъ служить картина *Ораса Верне: взятіе Смалы*. Въ этой картинѣ нѣтъ ничего такого, что обыкновенно въ батальныхъ картинахъ производитъ непріятное впечатлѣніе. Однообразіе и отсутствіе мысли — почти неизбѣжныя качества картинъ этого рода, въ картинѣ Верне замѣнены самымъ роскошнымъ содержаніемъ. Отдѣльныя сцены, изъ которыхъ состоитъ вся картина, связаны одною, общею мыслью, и по-

тому нисколько не нарушаютъ гармоніи цѣлаго. Картина изображаетъ минуту нападенія Французовъ на лагерь Абдель-Кадера. Несчастные, менѣе всего ожидавшіе нападенія непріятеля, въ отчаяніи бросаются въ разныя стороны, напрасно стараясь спастись. Отдѣльныя сцены въ этой картинѣ превосходны. Самая точка зрѣнія, выбранная живописцемъ, показываетъ въ немъ глубокій, художественный тактъ: батальныя картины обыкновенно пишутся такъ, что лѣвая сторона изображаетъ наступленіе, а правая—оборону, или на-оборотъ. На картинѣ Ораса Верне весь первый планъ изображаетъ лагерь Абдель-Кадера. На второмъ уже планѣ изображена Французская кавалерія, несущаяся на непріятелей, лицомъ къ зрителю. Такимъ образомъ живописецъ избѣгнулъ однообразія, неизбѣжнаго при изображеніи стройнаго войска, и выставилъ на первомъ планѣ все, чему можетъ сочувствовать зритель. Съ лѣвой стороны картины вы видите французскихъ всадниковъ, налетающихъ на непріятелей съ обнаженными саблями; они истребляютъ все, что только могутъ; къ сѣдлу одного изъ нихъ прильнула умоляющая женщина; но онъ — не обращаетъ на нее вниманія. Опомнившись отъ перваго смятенія, нѣкоторые вооружаются, другіе уже приготовились къ защитѣ; одинъ изъ арабовъ наводитъ винтовку на мимо несущагося всадника; но уже два пистолета наведены на него съ разныхъ сторонъ. Болѣе трусливые ищутъ спасенія въ палаткахъ, которыя представляютъ минутную, ито не надежную, защиту. Нѣкоторые выносятъ оттуда свои драгоцѣнности; и посреди этой всеобщей суматохи дряхлый старикъ, неимѣющій силъ выбраться изъ палатки, спокойно ожидаетъ своей участи. Далѣе, испуганное стадо быковъ, бѣгущихъ отъ непріятелей, довершаетъ всеобщее смятеніе; еще минута, и оно раздавитъ женщину съ младенцемъ, которая забыла о самосохраненіи, отъискивая своего ребенка; наконецъ нашла его, но уже напрасно: неминуемая гибель грозитъ имъ обоимъ. Абдель-Кадеръ, только-что вышедшій изъ своей палатки, не понимая причины смятенія, смотритъ въ ту сторону, гдѣ завязалась битва; ему подносятъ оружіе, указываютъ на непріятелей; но, полный недоумѣнія, онъ не знаетъ, на что рѣшиться. Нѣкоторые изъ его стана ищутъ спасенія въ бѣгствѣ; верблюды, навьюченные походными шатрами, въ которыхъ видны смуглыя лица аравитянокъ, уже готовы пуститься въ путь своимъ медленнымъ, не спасающимъ отъ преслѣдованія шагомъ; но вотъ одинъ изъ нихъ упалъ, походный шатеръ погнулся, узорныя полы его раздвинулись на стороны и открыли чудную спину и плечи едва удержавшейся въ немъ женщины. Эта послѣдняя сцена уже извѣстна нѣкоторымъ изъ петербургскихъ любителей, изъ превосходной копіи нашего ху-

дожника В. Ѳ. Тимма, бывшей на академической выставкѣ года четыре тому назадъ. Нельзя не отдать справедливости вкусу нашего художника: онъ выбралъ самую лучшую сцену во всей картинѣ.

Важное достоинство картины Ораса Верне заключается въ томъ, что онъ, исключивъ изъ своего произведенія всѣ обыкновенныя явленія битвы, выбралъ минуту самыхъ разнообразныхъ и драматическихъ эпизодовъ.

Бѣдность въ поименованныхъ нами родахъ живописи выкупается вполнѣ богатствомъ и достоинствомъ произведеній по части живописи *пейзажной* и *de genre*.

Украшеніе нынѣшней выставки — это пейзажи *Калама*. Швейцарская природа даетъ самые богатые матеріялы для его кисти. Кто изъ бывшихъ на послѣдней большой выставкѣ не помнитъ его пейзажа: *лѣсъ послѣ бури?* Порывистый осенній вѣтеръ, который гнетъ и качаетъ деревья, освѣщаемыя прорывающимся сквозь тучи лучемъ солнца, трава, размытая дождемъ и облака, несущіяся другъ за другомъ, цѣликомъ выхвачены изъ природы. Его новые два пейзажа, бывшіе еще на прошлогодней, частной выставкѣ, не уступаютъ этому, если еще не лучше его. Одинъ изъ нихъ изображаетъ бурю: шумный и пѣнистый водопадъ все низвергаетъ своимъ напоромъ; сломанныя порывомъ вѣтра деревья уже не качаются своими зелеными вершинами; тучи несутся по небу, и только вдалекѣ, на верхушкѣ одной изъ ледяныхъ горъ, играетъ солнечный лучъ. Главное достоинство этого пейзажа, какъ и всѣхъ произведеній Калама, состоитъ въ томъ, что художникъ достигъ того, чтобы изображеніе природы производило на зрителя тоже впечатлѣніе, какъ и сама природа въ избранный моментъ. Глядя на эту картину, становится страшно; водопадъ, увлекающій за собою деревья и камни, производитъ тоже впечатлѣніе, какъ всякое разрушеніе въ природѣ, и зритель вмѣстѣ съ природой радуется появленію солнца. Чтобъ еще сильнѣе произвести на зрителя впечатлѣніе, которое въ немъ оставляетъ буря и вообще гибель и разрушеніе, художникъ изобразилъ нѣсколькихъ людей, утопающихъ въ водопадѣ; другіе подаютъ имъ помощь и вытаскиваютъ ихъ на берегъ. Другой пейзажъ Калама изображаетъ противоположный моментъ природы — тишину. Тихое, какъ поверхность зеркала, озеро, отражающее въ себѣ голубое небо, и горы, покрытыя зеленью, теплый, прозрачный воздухъ и освѣщенная утреннимъ солнцемъ даль, — вотъ содержаніе картины. Эта торжественная тишина навѣваетъ на зрителя что-то успокоивающее и освѣжающее его душу. Каламъ заботится не только о томъ, чтобъ при изображеніи природы передать и то впечатлѣніе, которое она производитъ на душу, но онъ заставляетъ

васъ сочувствовать лицамъ, дѣйствующимъ въ его картинахъ. На первомъ планѣ пейзажа, изображающаго утреннюю тишину въ швейцарскихъ горахъ, живописецъ помѣстилъ фигуру подъ бѣлымъ покрываломъ. Ея граціозная, спокойная поза гармонируетъ со всѣмъ ее окружающимъ. Каламъ, какъ и бо́льшая часть современныхъ пейзажныхъ живописцевъ, никогда не изображаютъ природу, безъ ея отношеній къ человѣку; а это и заставляетъ въ полной мѣрѣ сочувствовать его произведеніямъ. Между тѣмъ, сколько вы видите произведеній даже извѣстныхъ пейзажистовъ, въ которыхъ природа существуетъ совершенно отдѣльно, безъ малѣйшихъ отношеній къ человѣку, какъ говорятъ нѣмцы, *für sich*, тогда-какъ человѣкъ всюду долженъ занимать первое мѣсто. Если вамъ и случалось видѣть пейзажи, производящіе на васъ самое глубокое впечатлѣніе, въ которыхъ человѣкъ играетъ далеко не первостепенную роль, то живописецъ, изображая природу, все же имѣлъ въ виду то впечатлѣніе, которое она производитъ на человѣка, и которое должна произвести на зрителя его картина. Такіе пейзажи имѣютъ въ живописи тоже значеніе, какое имѣетъ въ литературѣ описаніе мѣстности. Если въ этомъ описаніи вы не находите человѣка, какъ дѣйствующее лицо, то въ немъ вы найдете, по-крайней-мѣрѣ такъ должно быть, то впечатлѣніе, которое производитъ окружающая природа на дѣйствователей или на самого автора, — словомъ, переноситесь на сцену дѣйствія. Это строгое сохраненіе мѣстнаго колорита, стройное описаніе подробностей, подъ впечатлѣніемъ котораго читатель переносится въ другую сферу, можетъ составить нѣчто цѣлое, независимо отъ дѣйствующихъ лицъ и дѣйствія. Таковы, напримѣръ, почти всѣ описанія мѣстностей въ романахъ Вальтеръ-Скотта, таковы описанія въ «*Теверино*» и «*Un hiver au midi de l'Europe*» Ж. Санда. Тоже самое значеніе въ живописи имѣютъ и пейзажи въ этомъ родѣ, разумѣется, если сохранены всѣ условія, требуемыя отъ изящнаго произведенія.

Пейзажи Калама, какъ собственность Академіи, останутся въ ней на-всегда. Академія, желая имѣть для своихъ пейзажныхъ классовъ что-нибудь изъ произведеній учителя и образца современныхъ пейзажистовъ, просила его написать двѣ картины различнаго содержанія, предложивъ за этотъ трудъ 5,000 франковъ. Несмотря на множество заказовъ, которыми заваленъ живописецъ, онъ охотно принялъ предложеніе Академіи и черезъ нѣсколько времени прислалъ эти два пейзажа.

Произведенія Калама имѣютъ огромное вліяніе на успѣхи пейзажной живописи. Вліяніе его видно даже въ нѣкоторыхъ пейзажахъ, явившихся на нынѣшней выставкѣ.

Вліяніе это преимущественно отразилось въ пейзажѣ ученика профессора М. Н. Воробьева, г. *Лагоріо*, изображающемъ *видъ въ окрестности Выборга*. Видъ этотъ, взятый съ довольно возвышеннаго мѣста, представляетъ большой просторъ для взора и для кисти. Густыя деревья, камни и скалы, обросшія мхомъ, и золотистая даль,— все это писано при глубокомъ изученіи произведеній Калама; на всемъ видно это вліяніе. Этюды, которыми до сихъ поръ занимался г. Лагоріо, видимо принесли ему огромную пользу. Академія удостоила г. Лагоріо за эту картину второй золотой медали.

Заслуженный профессоръ *М. Н. Воробьевъ*, всегда отличавшійся необыкновенною дѣятельностію, выставилъ десять видовъ, изъ которыхъ восемь итальянскихъ и два здѣшнихъ. Самые лучшіе изъ нихъ — это *Маякъ въ Палермо и вдали мысъ Зафарано ночью*, *церковь св. Петра въ Римѣ съ Монте Пинчіо* и *часть англійской набережной въ Петербургѣ*. Главное достоинство этихъ картинъ состоитъ въ томъ, что онѣ совершенно отличаются другъ отъ друга характеромъ; сообразно съ перемѣною мѣстности, каждая имѣетъ свой особенный тонъ. Съ именемъ М. Н. Воробьева неразрывно связаны грустныя воспоминанія о двухъ молодыхъ людяхъ, его ученикахъ, подававшихъ огромныя надежды. Сильвестръ Щедринъ и Лебедевъ, которые съ самого начала своего поприща заслужили блистательную извѣстность, были унесены преждевременною смертью, едва переступивъ двадцатилѣтній возрастъ.

Почетный вольный общникъ Академіи, графъ А. Н. *Мордвиновъ*, представилъ на выставку шесть картинъ своей работы. Эти картины изображаютъ: *морской видъ въ Нормандіи*, *внутренность миланской каѳедральной церкви*, *два вида Венеціи по большому каналу*, *обороченную раму*, *и морской видъ* и *барельефъ писанный масляными красками*. Два послѣднія произведенія особенно поразительны своею натуральностію. Мы сами были обмануты изображеніемъ обороченной рамки и думали, что съ другой стороны ея написана картина. Этотъ обманъ повторялся почти со всѣми, а многіе и остались въ томъ убѣжденіи, что это оборотная сторона картины, вовсе не подозрѣвая, что въ этомъ-то обманѣ и состояло намѣреніе художника. Изображеніе барельефа до такой степени выпукло, что многіе безъ помощи рукъ не могли удостовѣриться, что это не барельефъ, а картина. Этотъ родъ живописи, по какой-то непонятной причинѣ, слыветъ подъ именемъ фарсовъ. Признаемся, что въ произведеніяхъ А. Н. Мордвинова, какъ и во всѣхъ картинахъ этого рода, мы не видимъ ничего, что́ бы заслуживало такого названія. Неужели эта поразительная, безукоризненная вѣрность натурѣ, которая составляетъ главное достоинство всякаго художественнаго произведенія можетъ

назваться фарсомъ? Этимъ именемъ можно скорѣе назвать тѣ произведенія, въ которыхъ недостатокъ истины скрывается эффектомъ, какъ, напримѣръ, три пейзажа бельгійскаго живописца Лепа, находящіеся на этой выставкѣ, но никакъ не тѣ, въ которыхъ бѣдность содержанія выкупается совершенствомъ исполненія. Не возводя двухъ послѣднихъ произведеній графа Мордвинова на степень картинъ, мы смотримъ на нихъ какъ на самое вѣрное подражаніе, какъ на самый добросовѣстный этюдъ. Многіе изъ останавливавшихся передъ его двумя видами Венеціи находили, что они слишкомъ сѣры и холодны; нѣкоторые говорили даже, что это Амстердамъ, а вовсе не Венеція. Не раздѣляя скептицизма послѣднихъ, мы находимъ, однакожъ, что эти виды, дѣйствительно, холодны, хотя трудно что-нибудь отвѣчать, если скажутъ намъ, что они писаны въ сѣрый, холодный день.

Изъ произведеній иностранныхъ пейзажистовъ лучше другихъ три пейзажа г. *Роббе*. Всѣ три пейзажа имѣютъ одинаковый сюжетъ: природа не отличающаяся ничѣмъ особенно, маленькій лѣсъ, ручеекъ, поле съ пасущимися на нихъ коровами; но самое искусное выполненіе оживляетъ и разнообразитъ эти довольно монотонные виды. Оконченность, не выходящая изъ надлежащихъ предѣловъ, составляетъ главное достоинство этихъ пейзажей. Это качество тѣмъ драгоцѣннѣе, что удержаться въ надлежащихъ границахъ оконченности не такъ легко, какъ это доказываютъ примѣры многихъ голландскихъ и особенно германскихъ пейзажистовъ. Лучшіе пейзажные живописцы Германіи, какъ, напримѣръ, Ширмеръ, Лессингъ, Ахенбахъ, подвержены этому недостатку. Эта страсть къ излишней оконченности и къ мелочнымъ подробностямъ ослабляетъ силу, свободу и грацію кисти и нарушаетъ общую гармонію пейзажа. Животныя схвачены съ удивительною вѣрностію природѣ; ихъ безсмысленное выраженіе, ихъ медленность и лѣность безукоризненно переданы живописцемъ. Взявъ за образецъ Поль Поттера, онъ усвоилъ себѣ въ значительной степени всѣ его достоинства. Этотъ родъ живописи, имѣющій у насъ весьма мало представителей, самый обыкновенный, и потому сдѣлавшій болѣе всѣхъ успѣха въ Голландіи. Для доказательства стоитъ только назвать безчисленныхъ подражателей, какъ, напримѣръ, Альберта Кюипа, Адріана фанъ деръ Вельде, Жака Конинга, Петра фанъ деръ Леувъ, Кломпа, Вильгельма фанъ Ромейна, Генриха и Михаила Карре, Теодора Рафаэля Кампгуизена, Жана и Симона фанъ деръ Доэсъ, Момерса, Сибрехтса, Купера и многихъ другихъ.

Изъ остальныхъ произведеній иностранныхъ пейзажистовъ болѣе другихъ замѣчательны пейзажи Дилленса старшаго и Фербокховена.

По части *морской живописи* очень мало хорошаго на нынѣшней выставкѣ. Причина этой бѣдности заключается отчасти въ томъ, что родъ этотъ слишкомъ однообразенъ: буря, брызги волнъ, отраженіе луны, — вотъ предметы, около которыхъ должно вертѣться воображеніе живописца,—предметы, весьма не богатые и далеко не разнообразные, хотя при изображеніи ихъ много простора для эффектности! Это свойство морской живописи, къ несчастію, слишкомъ часто употребляется маринистами, которые видятъ, что бѣдность содержанія картины не выкупается достоинствомъ исполненія. Уже теперь мы не придемъ въ восторгъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при видѣ картинки, изображающей море, сливающееся съ небомъ, и на первомъ планѣ боченокъ, плавающій въ волнахъ, на который спускается хищная птица. Даже буря съ тройнымъ освѣщеніемъ и стоящимъ на дикомъ островѣ въ трагической позѣ героемъ, напоминающимъ собою одно изъ лицъ нашей драматической сцены,—даже и такая картина не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ. Мы съ каждымъ днемъ дѣлаемся взыскательнѣе, и это, вѣроятно, происходитъ вслѣдствіе проясненія идей въ области искусства. Другая причина бѣдности произведеній по части морской живописи, больше случайная, заключается въ томъ, что представитель нашихъ маринистовъ, И. К. Айвазовскій, уѣхалъ отсюда еще въ августѣ мѣсяцѣ и всѣ свои картины отдалъ частнымъ лицамъ по принадлежности.

Первое, хотя невысокое, мѣсто между морскими видами на нынѣшней выставкѣ занимаетъ *морской видъ* г. *Таннера*, у котораго нѣкоторое время учился И. К. Айвазовскій.

Г. *Дороговъ* написалъ картину: *русскій крейсеръ, преслѣдующій чектырму (кавказское судно), торгующую невольниками.* Въ картинѣ этой есть нѣкоторыя достоинства, хотя послѣ его *вида Константинополя*, который былъ на выставкѣ два года тому назадъ, мы вправѣ были ожидать отъ художника больше, чѣмъ нашли. Въ его послѣдней картинѣ воздухъ тяжелъ, и волны— главный предметъ для морского живописца, не натуральны: онѣ слишкомъ кудрявы.

Наваринское сраженіе и другіе *два морскіе вида* г. *Шульмана*.... но лучше умолчимъ объ этихъ великихъ произведеніяхъ. Всѣ бывшіе на выставкѣ составили уже надлежащее понятіе о талантѣ г. Шульмана, и о разрядѣ, къ которому принадлежатъ его произведенія.

Перейдемъ теперь къ живописи такъ называемой *de genre*.

Кто изъ бывшихъ на выставкѣ два года тому назадъ не помнитъ *Толкучаго рынка* г. *Рицциони?* Эта картина оставила глубокое впечатлѣніе на всѣхъ видѣвшихъ ее. Картина эта доставила г. Рицциони золотую медаль перваго достоинства и право ѣхать на казенный счетъ за-границу. Г. Рицциони отправился въ Бельгію, гдѣ провелъ

около года, и потомъ воротился въ Петербургъ. Время, проведенное имъ за-границею, принесло ему много пользы. Привезенная имъ картина, изображающая *комнату для куренія въ трактирѣ Брюсселя*, можетъ сравниться съ лучшими произведеніями фламандской школы. Скажемъ въ нѣсколькихъ словахъ ея содержаніе. На первомъ планѣ изображены два игрока въ карты: одинъ, спиной къ зрителю, въ военномъ костюмѣ; возлѣ него, съ лѣвой стороны картины, бокомъ къ зрителю, сидитъ сѣдой старикъ, въ картузѣ, съ пѣнковою трубкою въ зубахъ, сильно углубленный въ свои карты. Третій игрокъ, обращенный лицомъ къ зрителю, выбранъ въ самую интересную минуту: его очередь ходить; все его вниманіе обращено на карты; съ правой стороны возлѣ него трактирный поваръ подаетъ ему совѣтъ, съ какой карты онъ долженъ ходить; лицо его схвачено живописцемъ во время этихъ соображеній; неразлучная пѣнковая трубка торчитъ у него въ зубахъ, и онъ торопится затянуться, чтобъ собраться съ силами и сходить на пагубу своему противнику. Возлѣ него сидитъ весьма недурная женщина, которая хотя не играетъ, но принимаетъ какое-то родственное участіе въ игрѣ своего сосѣда. Съ другой стороны картины — старикъ-скрипачъ съ добрымъ, улыбающимся лицомъ, смотритъ на эту сцену, играя на скрипкѣ. Возлѣ него, на стулѣ, сидитъ пьяный, выдѣлывая какое-то движеніе, котораго невозможно объяснить словами и которое можетъ передать только живописецъ. Въ глубинѣ картины, передъ топящейся печкой, сидитъ, кажется, самъ художникъ и съ особеннымъ аппетитомъ цалуетъ какую-то полновѣсную барыню. Положеніе всѣхъ этихъ фигуръ, выраженіе лицъ, оконченность въ малѣйшихъ подробностяхъ, — все это сдѣлано съ тѣмъ удивительнымъ мастерствомъ, которое обличаетъ истиннаго и умнаго художника. При такомъ направленіи таланта г. Риццони, ему весьма было бы полезно путешествіе по Россіи, съ цѣлію изученія ея разноплеменныхъ типовъ. Мы помнимъ, что путешествіе Штернберга, предпринятое съ этою цѣлью, принесло ему огромную пользу и доставило много богатыхъ и разнообразныхъ матеріяловъ. Путешествіе это обратило бы дѣятельность художника на міръ, для него болѣе близкій, и мы наконецъ, вмѣсто вѣчныхъ фламандцевъ, увидѣли бы на картинахъ этого рода русскихъ мужичковъ и все, что подмѣтитъ во время путешествія наблюдательная кисть г. Риццони.

Родъ, избранный г. Риццони, у насъ еще совершенно новый. Произведенія Штернберга были первыми у насъ въ этомъ родѣ, но они были преждевременны, и потому нашли немного почитателей и еще меньше подражателей. Теперь же подобныя картины являются чаще и чаще: можетъ быть, потому, что появленіе сильнаго таланта,

и въ живописи и въ литературѣ, влечетъ за собой многихъ подражателей.

Это вліяніе видно въ произведеніяхъ ученика профессора М. Н. Воробьева, г. *Чернышева*, и художника г. *Шведе*. Первый изъ нихъ представилъ на выставку изображеніе *внутренности чухонской избы*. Безсмысленно улыбающійся чухонецъ наигрываетъ что-то на скрипкѣ; другой, сидящій противъ него, съ коротенькой трубкой въ зубахъ, съ засунутыми въ карманы руками, дремлетъ подъ обаяніемъ чухонской мелодіи. На столѣ передъ ними видны слѣды закуски. Лѣнивое, вялое положеніе этихъ фигуръ схвачено превосходно и доказываетъ большой талантъ въ живописцѣ.

Игра въ шашки г. Шведе принадлежитъ также къ лучшимъ картинамъ въ этомъ родѣ. Дѣйствіе происходитъ въ комнатѣ у дворника, который самъ сидитъ на первомъ планѣ. Противъ него передъ шашечницей сидитъ старый солдатъ въ накинутой на плечи шинели. Онъ только-что подвинулъ шашку и съ хитрымъ, самодовольно улыбающимся видомъ смотритъ на своего задумавшагося отъ такого хода противника.

Изъ четырехъ картинъ, выставленныхъ ученикомъ профессора Виллевальда г. *Вл. Сверчковымъ*, замѣчательны: *Гауптвахта въ Мюнхенѣ* и *Общество на пароходѣ*. На послѣдней изъ этихъ картинъ, кажется, все портреты. Академія удостоила г. Сверчкова за эти труды первой серебряной медали.

Восторгъ, который произвелъ на прошлогодней выставкѣ своими картинами г. *Федотовъ*, нисколько не охладѣлъ и теперь, несмотря на то, что картины эти не составляютъ уже новости для большей части публики. Непроходимая толпа, которая во все время выставки не уменьшалась передъ образцовыми картинами г. Федотова, служитъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ того восторга и сочувствія, которые возбуждали эти произведенія въ большинствѣ посѣтителей художественной выставки. Мы разскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ ихъ содержаніе.

Первая картина г. Федотова называется *Свѣжій кавалеръ*, или *слѣдствія пирушки и упреки*. Картина представляетъ комнату холостяка со всѣми признаками вчерашней попойки. Пиръ происходилъ по тому случаю, что хозяинъ этой квартиры, бѣдный чиновникъ, получилъ крестъ — цѣль всѣхъ его желаній на службѣ. Среди хаоса, который представляетъ его комната, чиновникъ, весь въ завиткахъ, босикомъ и въ халатѣ, на которомъ красуется только-что пожалованный крестъ, сидитъ за столомъ и брѣется. Передъ нимъ на столѣ стоитъ маленькое зеркало, возлѣ него въ помадной банкѣ приготовлено мыло. Столъ этотъ заваленъ всѣми принадлежностями чино-

вничьей пирушки: тутъ вы увидите три пустыхъ штофа съ голубымъ ярлыкомъ и надписью *Doppelt-Kümmel*, всѣ три опрокинутые въ различныхъ положеніяхъ, какъ, можетъ быть, тѣ, которые заботились объ ихъ опустошеніи; далѣе — оплывшая сальная свѣчка, щипцы для завивки, колбаса, завернутая въ газету, и по развалинамъ всего этого ползующіе тараканы. Туалетъ чиновника былъ прерванъ появленіемъ его кухарки, недурной собою, съ довольно полной тальею. Одной рукой она держитъ мельницу и помадную банку съ изжареннымъ кофеемъ; въ другой рукѣ у нея изношенный сапогъ. Пользуясь своимъ правомъ говорить иногда дерзости, она сказала что-то не весьма понравившееся свѣжему кавалеру. Съ чувствомъ должнаго достоинства, онъ вскакиваетъ со стула и указываетъ кухаркѣ на крестъ, пришпиленный на халатѣ; но она только смѣется и въ отвѣтъ показываетъ дырявый сапогъ.

Обстановка въ малѣйшихъ мелочахъ соотвѣтствуетъ содержанію картины. Въ глубинѣ картины, подъ столомъ, ворочается господинъ, который счелъ совершенно излишнимъ итти ночевать къ себѣ домой, и теперь просыпается отъ сцены, происшедшей между кавалеромъ и кухаркою. На полу разбросаны карты, табакъ, битыя бутылки, изъ которыхъ на одной видна надпись — донское. На оборванномъ стулѣ потягивается кошка, на которую сцена, разсказанная нами, также не произвела пріятнаго впечатлѣнія.

Содержаніе второй картины г. Федотова, которая называется *поправка обстоятельствъ или сватовство*, слѣдующее: картина изображаетъ комнату въ богатомъ купеческомъ домѣ. Въ ней происходитъ страшная суматоха, произведенная первымъ визитомъ жениха. Невѣста, разодѣтая въ розовое кисейное платье, обвѣшанная жемчугомъ и брильянтами, хочетъ убѣжать изъ комнаты; но мать, сохранившая болѣе присутствія духа, удерживаетъ ее за платье. Отецъ невѣсты, сидѣвшій у самыхъ дверей, узнавъ о пріѣздѣ жениха, вскакиваетъ со стула и застегиваетъ свой длинный сюртукъ. Между тѣмъ въ дверяхъ залы сваха, въ пестромъ шугаѣ, приглашаетъ жениха-майора войти въ комнату. Онъ съ самодовольнымъ видомъ покручиваетъ усы и, кажется, думаетъ: «доберусь же я до твоихъ сундуковъ». Между тѣмъ въ домѣ идутъ приготовленія къ его встрѣчѣ: кухарка тащитъ огромный пирогъ, сидѣлецъ несетъ шампанское, которое ставитъ на стулъ возлѣ стола. Изъ другихъ дверей залы выглядываетъ беззубая старуха, вѣроятно, бабушка невѣсты, или просто проживалка, которой до всего дѣло. Она распрашиваетъ сидѣльца, и онъ ей указываетъ на дверь, въ которую сейчасъ войдетъ женихъ.

Убранство этой комнаты, до малѣйшихъ подробностей, подмѣчено

съ удивительной наблюдательностью. Огромная люстра съ бренчащими стеклышками, въ родѣ тѣхъ, какія висятъ въ трактирахъ, спускается съ почернѣвшаго потолка. Даже не забыта кошка, которая, сидя на полу, «замываетъ гостей».

Третья картина г. Федотова — *Разборчивая невѣста*. Передъ вами довольно благопристойная гостиная, такая, какъ обыкновенно бываютъ гостиныя въ домахъ средней руки: малиновыя обои, каминъ съ зеркаломъ, коверъ; даже картины тѣже, какія вы встрѣчаете во всѣхъ гостиныхъ, имѣющихъ претензію на великолѣпіе. «Невѣста» Моллера и «Дѣвушка съ тамбуриномъ» Тыранова, сдѣлавшіяся картинами, такъ сказать, оффиціяльными, симметрически висятъ въ гостиной, которую изобразилъ г. Федотовъ. На креслахъ сидитъ разодѣтая сорокалѣтняя дѣва съ букетомъ цвѣтовъ; передъ ней на колѣняхъ стоитъ плѣшивый горбунъ и дѣлаетъ ей самое пылкое признаніе. Въ другой комнатѣ видны родители пожилой невѣсты. Мать, съ связкою ключей въ рукахъ, стоящая на цыпочкахъ у дверей, подслушиваетъ ихъ нѣжный разговоръ, въ надеждѣ спустить съ рукъ залежалый товаръ; а отецъ въ халатѣ, также слышавшій это любовное объясненіе, крестится въ восторгѣ, что наконецъ дочь нашла себѣ жениха по вкусу.

Причина почти всеобщаго восторга, производимаго картинами г. Федотова, главнѣйшимъ образомъ заключается въ томъ, что содержаніе для нихъ онъ выбралъ изъ русскаго быта и изъ сферы, намъ болѣе или менѣе знакомой.

Давно ли искусство не имѣло ничего общаго съ жизнью и дѣйствительностью? Герои, выводимыя въ повѣстяхъ и романахъ, были нечто иное, какъ созданныя авторомъ, по извѣстному рецепту, лица, въ которыхъ, смотря по надобности, соединялись хорошія и дурныя качества, принадлежащія равно всѣмъ и никому особенно. Колоритъ мѣста и времени считался излишней роскошью; довольно было, если нравственная цѣль литературнаго произведенія достигнута. Такія произведенія были въ ходу, когда романтизмъ внесъ свѣжія понятія въ литературу. Болѣе близкое знакомство съ произведеніями Шекспира расширило кругъ понятій объ искусствѣ. Уже не одну торжествующую добродѣтель и лицевыя стороны человѣчества стали изображать писатели. Человѣкъ, со всѣми его странностями и пороками, принадлежащій даже къ самому низкому обществу и стоящій на самой низшей ступени человѣческаго достоинства, обратилъ на себя вниманіе искусства, потому только, что онъ человѣкъ. Это литературное преобразованіе началось со времени Пушкина; окончательный ударъ обвѣтшалымъ понятіямъ старой школы былъ нанесенъ появленіемъ Гоголя. Идеализація смѣнилась изображеніемъ

явленій дѣйствительности, во всей ихъ полнотѣ и истинѣ. Великолѣпная гостиная и будуары стали рѣже являться въ русской литературѣ. Сцена дѣйствія переносилась мало-по-малу въ скромныя и бѣдныя жилища, въ которыхъ чаще всего, среди будничной жизни, разъигрываются драмы. Князья Звонскіе, Гремины и Лидины выгнаны изъ литературы. На мѣсто ихъ выступили образы Тараса Бульбы, Акакія Акакіевича, Антона-горемыки.

Въ живописи передъ нашими глазами совершился такой же переворотъ. Но онъ совершился менѣе замѣтнымъ образомъ. Результатъ этого движенія — отсутствіе идеализаціи тамъ, гдѣ нужны, если можно такъ выразиться, плоть и кровь.

Въ многочисленной толпѣ, постоянно стоявшей передъ картинами Федотова и Риццони, намъ приходилось слышать нѣкоторые сужденія и вопросы, въ отвѣтъ на которые мы скажемъ нѣсколько словъ. Подобные вопросы дѣлаются людьми, которые не могутъ разстаться съ старинными понятіями объ искусствѣ, въ которыхъ они выросли. «Что за сюжеты? ничего благороднаго; во всемъ видна только насмѣшка. Какъ-будто авторъ не могъ выбрать для своихъ картинъ что-нибудь болѣе благородное, болѣе достойное изображенія?» Въ этомъ родѣ вопросы приходилось намъ слышать по поводу картинъ Федотова и вообще по поводу современнаго направленія въ искусствѣ.

Да развѣ кто-нибудь въ-правѣ требовать отъ художника, чтобы онъ изображалъ ту сторону жизни, которую намъ хочется видѣть, а не ту, которая сама бросилась ему въ глаза, и на изученіе которой онъ чувствовалъ въ себѣ призваніе? Мы имѣемъ право требовать только, чтобы художникъ вѣрно изображалъ дѣйствительность, предоставивъ ему совершенно свободный выборъ. Творчество непремѣнно требуетъ безусловной свободы въ выборѣ предметовъ. Художнику никто не въ-правѣ задавать произвольныхъ сюжетовъ; даже онъ самъ не долженъ направлять свой талантъ въ этомъ отношеніи, натягивать и выдумывать, когда слѣдуетъ творить. Изображеніе высокаго и смѣшного, трогательнаго и пошлаго, несмотря на все ихъ различіе, совершается по тѣмъ же основнымъ законамъ, которые одинаковы во всѣхъ искусствахъ. Между тѣмъ сколько вы найдете людей, даже между знатоками, которые восхищаются произведеніями Рафаэля и съ негодованіемъ отворачиваются отъ фламандскихъ сценъ Теньера, говоря, что все низкое и пошлое не должно быть предметомъ искусства. Но смѣшное и пошлое, въ одинаковой степени, какъ и высокое, входитъ въ его сферу, и чѣмъ болѣе искусство приближается къ существенности, тѣмъ оно доступнѣе понятіямъ большинства. Искусство уже идетъ по этому направле-

нію, и, вѣроятно, современемъ большая часть талантовъ обратится къ изображенію явленій дѣйствительной жизни. Исключивъ изъ искусства все глупое и пошлое, чтобъ дать просторъ только высокому, пришлось бы ограничиться самымъ тѣснымъ кругомъ эстетическихъ понятій, и отвергнуть много неподражаемо-прекрасныхъ произведеній во всѣхъ родахъ изящнаго. Высокое и трогательное, также какъ пошлое и смѣшное, одинаково заимствуются въ безконечно-разнообразной и всегда единой существенности, и потому въ равной степени имѣютъ право на вниманіе искусства. У Шекспира рядомъ съ величественными характерами *леди Макбетъ*, *Генриховъ*, *Іоанна* является до пошлости комическое лицо *Фальстафа*; въ *Тарасѣ Бульбѣ* Гоголя въ трагическомъ васъ поражаетъ комическое, а въ его *Шинели*, *Запискахъ Сумашедшаго*, *Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ* вы находите много трагическаго въ самой поразительной пошлости. Въ томъ и въ другомъ случаѣ — тоже искусство, но въ другой формѣ, недоступной понятіямъ людей близорукихъ. Въ живописи тоже самое какъ и въ другихъ искусствахъ.

Гнѣвъ чиновника на свою кухарку въ одинаковой степени достоинъ вниманія искуства, какъ и гнѣвъ Ахиллеса? Если нужны авторитеты, то и за ними дѣло не станетъ: *Тиціанъ*, живописецъ предметовъ высокихъ, изобразилъ свою безобразную *кормилицу*; не говоримъ уже о фламандской школѣ, которая вся посвятила себя изображенію явленій дѣйствительной жизни.

Но къ чему же выставляютъ грязное и пошлое? говорятъ многіе. Зачѣмъ г. Рицкони такъ щедро надѣляетъ свои картины изображеніемъ пьяныхъ? Постараемся отвѣчать и на это. Предоставивъ художнику совершенно свободный выборъ предметовъ для его кисти, мы можемъ и даже должны требовать, чтобы избранные имъ предметы были изображены во всей ихъ полнотѣ и истинѣ. Но требованіе полноты и истины не согласуется съ требованіемъ этихъ господъ исключать все, что непріятно поражаетъ ихъ уже слишкомъ нѣжный вкусъ. Портретъ, для того, чтобъ быть вѣрнымъ, долженъ передавать не только то, что служитъ въ пользу оригинала, но даже всѣ малѣйшіе недостатки лица, долженъ быть самымъ вѣрнымъ и полнымъ воспроизведеніемъ природы. Развѣ можетъ быть сходство въ портретѣ, если живописецъ, удовлетворяя желанію оригинала казаться лучше, чѣмъ онъ въ-самомъ-дѣлѣ, придастъ лицу выраженіе умное вмѣсто безсмысленнаго? Точно также въ изображеніи народныхъ сценъ и вообще всего комическаго, художникъ не въ-правѣ исключать изъ нихъ характеристическое. Онъ долженъ воспроизводить природу во всей реальности, потому-что сила истины и выраженія достаточна

для него, чтобъ сдѣлать художественно-изящными предметы природы вовсе лишенные красоты.

Музей Академіи Художествъ въ послѣдніе два года увеличился важными пріобрѣтеніями: Е. И. В. Государь Императоръ пожаловалъ Академіи коллекцію копій съ картинъ великихъ мастеровъ и коллекцію статуй древняго искусства, отлитыхъ изъ алебастра.

Польза хорошихъ копій съ картинъ великихъ мастеровъ неоспорима. Это достаточно доказывается тѣмъ, что всѣ хорошіе живописцы обращали большое вниманіе на копированіе.

Изъ копій первое мѣсто занимаетъ копія художника *Раева* съ картины *Бартоломео Мурильо — Пресвятая Дѣва съ Младенцемъ.*

Изъ многочисленныхъ копій съ картинъ, хранящихся во Флоренціи, въ галереѣ *degli Uffizi*, замѣчательны двѣ копіи съ картинъ *Рафаэля—Madonna dell Pozzo*, художника *Помпиньоли*, и *Madonna dell Cardellino*, художника *Петрини.*

Копіи, писанныя нашими художниками-любителями и даже любительницами, также имѣютъ большое достоинство. Изъ числа ихъ назовемъ копію, написанную г. *Бориспольцемъ* съ знаменитой картины *Тиціана—Положеніе во гробъ Спасителя.* Картина эта находится въ Луврской галлереѣ, въ Парижѣ, и принадлежитъ къ лучшимъ картинамъ Тиціана. Тѣло Іисуса Христа, положеніе Богородицы и мужская фигура на первомъ планѣ, обращенная спиной къ зрителямъ, — верхъ граціи и натуральности. Академія поручила г. Бориспольцу скопировать въ Венеціи знаменитую картину Тиціана — *Убіеніе Петра-доминаканца*, и приняла надлежащія мѣры, чтобы дозволено было копировать въ настоящую величину оригинала. Картина эта также принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Тиціана, и потому составитъ весьма важное пріобрѣтеніе для Академіи.

Изъ алебастровыхъ снимковъ съ древнихъ статуй, которыя всѣ равно прекрасны, укажемъ на ту, которая менѣе всего обращала вниманіе посѣтителей художественной выставки, — на *монтеквиринальскій колоссъ.* Оригиналъ его стоитъ въ Римѣ на площади передъ Квиринальскимъ дворцомъ. Произведеніе это приписываютъ Фидію; но нѣтъ никакихъ доказательствъ, которыя бы подтверждали это предположеніе.

Изъ числа новѣйшихъ скульптурныхъ произведеній замѣчательнѣе всего *входныя врата* и для нихъ изображеніе *четырехъ святителей* въ храмѣ Спасителя въ Москвѣ, работы г. вице-президента Академіи, *графа Ѳ. П. Толстого; кулачный боецъ*, ученика профессора барона П. Н. Клодта, *Крейтана*, и *галванопластическія* статуи съ античныхъ, работы г. *Гамбургера.*

Архитектура дѣлаетъ у насъ успѣхи изумительные. Доказательства очевидны всякому. Боясь утомить вниманіе читателей, не будемъ перечислять архитектурныхъ проэктовъ на нынѣшней выставкѣ, бо́льшею частію весьма удовлетворительныхъ, несмотря на то, что они принадлежатъ, почти всѣ, молодымъ художникамъ и ученикамъ Академіи. Укажемъ только на *проэктъ Великокняжескаго загороднаго дворца* академика Горностаева, удостоеннаго за этотъ трудъ званія профессора.

ОБЗОРЪ СОБЫТІЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ

ОТЪ КОНЧИНЫ ЦАРЯ ӨЕОДОРА ІОАННОВИЧА ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

ГЛАВА IX.

ПРОДОЛЖЕНІЕ МЕЖДУЦАРСТВІЯ.

Еще въ началѣ Августа 1610 года Сигизмундъ писалъ похвальную грамоту къ князю Ө. Мстиславскому съ товарищи за то, что они, сведши Шуйскаго съ престола, избрали на Московское государство Владислава: «Да и напередъ того твое къ намъ радѣнье и пріязнь Московскаго государства бояре и думные люди сказывали, а то у насъ и у сына нашего въ доброй памяти, и дружбу твою и радѣнье *мы* и сынъ нашъ учинимъ памятну передъ всѣми людьми, и въ государской милости и въ чести учинитъ тебя сынъ нашъ, по твоему отечеству и достоинству, свыше всѣхъ братьи твоей бояръ (¹). Бояринъ Өедоръ Шереметевъ писалъ униженное письмо къ литовскому канцлеру Сапѣгѣ, чтобы тотъ смиловался, билъ челомъ *королю* и Владиславу объ его вотчинныхъ деревнишкахъ (²). Уже было упомянуто объ Андроновѣ, о его поведеніи въ Москвѣ; вотъ какъ извѣщалъ онъ Сапѣгу о договорѣ Жолкѣвскаго, объ избраніи Владислава (³): оправдывая гетмана въ уступкахъ требованіямъ москвитянъ, онъ говоритъ: «Если бы не учинить тѣхъ договоровъ по

(¹) Акты истор. II, № 228.
(²) Тамъ же, № 298.
(³) Тамъ же, № 299.

ихъ волѣ, то конечно пришлось бы доставать саблею и огнемъ. Панъ гетманъ разсудилъ, что лучше теперь обойтись съ ними по ихъ штукамъ; а когда приберемъ ихъ къ рукамъ, тогда и тѣ ихъ штуки мало помогутъ: надѣемся на Бога, что современемъ всѣ ихъ штуки уничтожимъ и умыселъ ихъ на иную сторону, на правдивую, оборотимъ». Андроновъ пишетъ о необходимости держать подъ Москвою отрядъ польскаго войска, изъ котораго ни одинъ человѣкъ не выѣзжалъ бы изъ стану, но чтобъ всѣ каждую минуту были готовы на случай возстанія; а они, слуги королевской милости, съ своей стороны, будутъ держать при себѣ нѣсколько тысячь стрѣльцовъ и казаковъ. «Да и въ приказыбъ потреба иныхъ приказныхъ людей посажать, которые бы его королевскому величеству прямили; а не были бъ Шуйскаго *похлебцы*. О послѣднихъ потреба вашей милости не мѣшкая указъ прислать, что съ ними чинить, которые тутъ были при Шуйскомъ и больше дурили, нежели самъ Шуйскій [1]. Да и тому потреба воспрепятствовать, милостивый пане, чтобъ не раздавали безъ толку помѣстій: а то и его милость панъ гетманъ даетъ, и Иванъ Салтыковъ также даетъ листъ на помѣстья; а прежде бывало въ одномъ мѣстѣ давали кому государь прикажетъ; и я боюсь, чтобы при этомъ кто-нибудь не получилъ себѣ богатой награды за малыя услуги. Я же, какъ привыкъ до вашей милости утекать (потому-что никогда въ своихъ просьбахъ не получалъ отказа), такъ и теперь прошу: смилуйтесь, ваша милость, попросите королевскую милость, чтобъ мен[illegible] пожаловалъ сельцомъ Раменьемъ, да сельцомъ Шубинымъ съ де[illegible]нями въ Зубцовскомъ уѣздѣ, что было дано Заруцкому». Вездѣ видна природа Андронова: онъ вооружается противъ раздачи пом[illegible]ій гетманомъ и Салтыковымъ не потому, чтобъ такая безпорядочная раздача вредила въ-самомъ-дѣлѣ интересамъ государства, но потому, что въ этомъ случаѣ люди, оказавшіе менѣе услугъ королю, т. е. менѣе запятнавшіе себя измѣною, чѣмъ Андроновъ, могли получить большія награды. Жолкѣвскій не могъ не презирать Андронова; бояре ненавидѣли его какъ торговаго мужика, который, съ оскорбленіемъ существующаго порядка вещей, добился правительственнаго значенія: вотъ почему Андроновъ привыкъ утекать съ своими просьбами въ станъ королевскій. У Андронова былъ товарищъ въ измѣнѣ, че-

---

(1) Списокъ этихъ людей, вѣроятно составленный Андроновымъ, дошелъ до насъ (Акты истор. II, № 310) въ отрывкахъ; нѣкоторыя указанія любопытны, напр. Дьякъ Григорій Елизаровъ сидѣлъ въ Ноугородцкой четверти, самъ еретикъ и еретики ему приказаны:.... Дьякъ Смолянинъ, сынъ боярской бывалъ, Михайло Бѣгичевъ, а дьячество ему дано за шептанье.... Дьяки дворцовые: Филиппъ да Анфиногенъ Ѳедоровы дѣти Голяницева, злые шептуны....

ловѣкъ, оказавшій королю важныя услуги, и потому надѣявшійся быть первымъ при новомъ порядкѣ вещей: то былъ бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ. Но, будучи товарищемъ Андронова по измѣнѣ, Салтыковъ, какъ человѣкъ родовитый, какъ бояринъ, не хотѣлъ быть товарищемъ Андронова ни въ чемъ другомъ, и вотъ страшная вражда загорѣлась между этими двумя вѣрными слугами Сигизмунда. До насъ дошло также и письмо Салтыкова къ Сапѣгѣ (¹): «Я — пишетъ Салтыковъ — радъ служить и прямить и всякихъ людей къ королевскому величеству приводить: да гонятъ ихъ отъ короля измѣнники; а староста Велижскій, Олександро Ивановичъ Гонсѣвскій, ихъ слушаетъ и потакаетъ, а меня безчеститъ и дѣла дѣлать не даетъ; переимаетъ всякія дѣла, по ихъ приговору, на себя, не разсудя московскаго обычая. Московскіе люди крайне скорбятъ, что королевская милость и жалованье измѣнились, и многіе люди разными притѣсненіями и раззореньемъ оскорблены, по приговору торговаго человѣка Ѳедора Андронова; а со Мстиславскаго съ товарищи и съ насъ дѣла посняты, и на такомъ правительство и вѣра положена. При Шуйскомъ, за неправду, и за такіе жъ временники за Измайловы, да за такого жъ мужика, что за Ѳедора, за Михалка Смывалова, посямѣстъ льется кровь. А нынѣ, по такимъ думцамъ и правителямъ, не быть къ Москвѣ ни одному городу, только не будетъ уйму такимъ правителямъ. Что такому знать правительство? Отецъ его въ Погорѣломъ городищѣ торговалъ лаптями, а онъ взятъ къ Москвѣ изъ Погорѣлова, по велѣнью Бориса Годунова, для вѣдовства и еретичества, а на Москвѣ былъ торговый мужикъ. Покажи милость, государь Левъ Иванычъ, не дай потерять у короля государства московскаго; пришли кому вѣрить, и вели дѣла ихъ разсмотрѣть. А казна, государь, многая въ недобрѣ стала, потому что за многихъ Ѳедоръ Андроновъ вступается и спущаетъ, для посуловъ, съ правежу; а иныхъ, не своего приказу, насильствомъ подъ судъ къ себѣ емлетъ, и самъ государевыхъ денегъ въ казну не платитъ». Салтыковъ обвиняетъ Андронова въ самоуправствѣ; нашлись люди (вѣроятно, Андроновъ), которые обвинили въ томъ же самого Салтыкова. Левъ Сапѣга, по дружбѣ къ послѣднему, увѣдомилъ его объ этихъ доносахъ; обвиненія состояли въ томъ, будто Салтыковъ называетъ себя въ Москвѣ владѣльцемъ или правителемъ, вершитъ дѣла безъ приговору бояръ, гонитъ однихъ, награждаетъ другихъ; говоритъ боярамъ безчестное слово, что положилъ государь всякія дѣла на немъ, а имъ велѣлъ слушать его. Салтыковъ отвергаетъ всѣ эти обвиненія, при чемъ шлется на князя Мстиславскаго, на всѣхъ

(¹) Акты истор. II, № 306.

бояръ, на всю Москву, на всякихъ людей. Королю доносили также, что богатыя волости, данныя Салтыковымъ: Вага, Черанда, Тотма, Рѣшма, съ которыхъ однихъ денежныхъ доходовъ считали 60,000, произвели зависть и ропотъ въ боярахъ и во всякихъ людяхъ. Салтыковъ отвѣчаетъ на это, что упомянутыя волости искони за ихъ братьею бывали, а доходу съ нихъ будетъ не болѣе 3,000. «А я, государь Левъ Иванычь, поѣхалъ къ государю королю, покинувъ жену и дѣтей, и животы больше шестидесяти тысячь, надѣясь на государскую милость и на ваше сенаторское жалованье; и служилъ я и прямилъ, съ сыномъ своимъ съ Иваномъ, государю королю и королевичу, и вамъ великимъ сенаторамъ, и великимъ государствамъ корунѣ польской и в. княжеству Литовскому, и горло свое вездѣ тратилъ, чая себѣ милости. И Московское и Ноугородское государство Богъ поручилъ государямъ, королю и королевичу, ихъ государскимъ счастьемъ, и вашимъ сенаторскимъ промысломъ, и нашими службишками; а иные пріѣхали къ государю со мною, а имъ даны съ уѣздами города, а не волости; а нашъ родъ сенаторскій». Бояринъ Салтыковъ пошелъ, кажется, далѣе, чѣмъ даже торговый мужикъ Андроновъ: тотъ, по-крайней-мѣрѣ, служилъ и прямилъ одному королю; Салтыковъ же надѣется на сенаторское жалованье, служитъ и прямитъ для польскихъ сенаторовъ, для коруны польской и в. княжества Литовскаго! Изъ письма Салтыкова видимъ также, что не одни Салтыковъ и Андроновъ просили и получили награды отъ Сигизмунда. 21 сентября 1610 года Сигизмундъ прислалъ московскому правительству грамоту (1), въ которой приказывалъ вознаградить Михаила Салтыкова съ товарищами за то, что они первые пріѣхали изъ Тушина къ королю и присягнули ему; вознагражденіе должно было состоять въ возвращеніи движимаго и недвижимаго имѣнія, отобраннаго Шуйскимъ въ казну именно за эту присягу. Означенная грамота написана еще явнѣе, чѣмъ приведенная выше грамота къ Мстиславскому: о королевичѣ въ ней ни слова; Сигизмундъ прямо говоритъ, что Салтыковъ съ товарищами пріѣхали «къ нашему королевскому величеству и почали служить прежде всѣхъ, и били намъ челомъ, чтобъ мы ихъ пожаловали, *вѣрныхъ подданныхъ нашихъ*, за ихъ къ намъ вѣрную службу». Кромѣ этой грамоты было еще 79 листовъ (2), или грамотъ сигизмундовыхъ, жалованныхъ разнымъ лицамъ на помѣстья, званія, должности; всѣ эти грамоты написаны отъ имени Сигизмунда; вездѣ употребляются выраженія: «пожаловали есмя, велѣли»; между ними замѣчателенъ листъ, въ которомъ Троицкому монастырю дается право собирать

(1) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 208.
(2) Тамъ же № 211, 218.

въ Москвѣ пошлины съ пятнанья лошадей: ловкій келарь Палицынъ не забылъ своего монастыря; не забылъ и родственниковъ своихъ, потому-что видимъ жалованную грамоту Андрею Палицыну на званіе стряпчаго. Любопытно также замѣтить, что всѣ эти грамоты отъ имени Сигизмунда писаны къ московскимъ боярамъ, о которыхъ король зналъ, что ему прямятъ; но грамоты въ города писались отъ одного Владислава, изъ боязни, чтобы не поднять возстанія въ областяхъ ([1]). Сынъ Михаила Салтыкова, Иванъ, пишетъ къ Сигизмунду ([2]), называя себя подданнымъ этого государя, что патріархъ и бояре приговорили: «быть ему на твоей государевой службѣ въ В. Новгородѣ съ ратными людьми, для обереганья отъ нѣмецкихъ и отъ воровскихъ людей». Салтыковъ доноситъ, что, идучи въ Новгородъ, онъ послалъ туда грамоту, въ которой объявляетъ о своемъ прибытіи и о томъ, чтобъ граждане цаловали крестъ королевичу Владиславу и отъ Московскаго государства были неотступны и во всемъ *в. государямъ* служили и прямили. Если, въ-самомъ-дѣлѣ, грамота Салтыкова заключала въ себѣ послѣднія слова, то неудивителенъ будетъ отвѣтъ новгородцевъ, которые велѣли сказать Салтыкову, что они позвали своихъ челобитчиковъ въ Москву — узнать о подлинномъ крестномъ цалованьи и привезть списокъ съ утвержденной записи, и когда эти подлинныя возвратятся, тогда они, новгородцы, принесутъ присягу Владиславу, но не прежде, и Салтыкова въ городъ не впустятъ, потому-что другіе города, присягнувши Владиславу, впустили польскихъ и литовскихъ людей и казаковъ малороссійскихъ (черкасъ), и тѣ лучшихъ людей били, грабили и жгли. Въ тоже время Салтыковъ узналъ, что въ Новгородъ присылаютъ изъ Пскова грамоты съ увѣщаніемъ покориться лучше Самозванцу, чѣмъ иновѣрному ляху, и въ Новгородѣ многіе начали склоняться на это увѣщаніе. Въ такихъ обстоятельствахъ Салтыковъ писалъ не одинъ разъ въ Москву, чтобъ тамошнее правительство тотчасъ же отпустило новгородскихъ пословъ для предупрежденія смуты въ пользу вора. Наконецъ новгородскіе посланцы пріѣхали назадъ; однако, и тутъ новгородцы не прежде впустили Салтыкова, какъ онъ присягнулъ, что войдетъ въ Новгородъ только съ русскими ратными людьми, а литовскихъ никакихъ людей въ городъ не пуститъ; послѣ этого Салтыковъ въѣхалъ въ городъ, привелъ всѣхъ жителей къ присягѣ Владиславу и разослалъ по окрестнымъ городамъ увѣщательныя грамоты послѣдовать примѣру новгородцевъ и отъ Московскаго государства не отставать. Торопчане послушались, но скоро дали знать Салтыкову, что, несмотря на ихъ крестное ца-

---

([1]) Акты арх. эксп. II, 166.
([2]) Собр. гос. гр. и дог. II, № 209.

дованіе Владиславу, литовскіе люди опустошаютъ ихъ уѣздъ, мучатъ, жгутъ, бьютъ и ведутъ въ полонъ людей; видя это, другіе города рѣшили не цаловать креста поляку и сѣсть въ осадѣ. Салтыковъ, отъ имени дворянъ и дѣтей боярскихъ, бьетъ челомъ Сигизмунду, чтобъ онъ унялъ своихъ подданныхъ.

Въ то время, какъ Иванъ Салтыковъ дѣйствовалъ такимъ образомъ на сѣверо-западѣ, отецъ его не переставалъ дѣйствовать въ пользу короля въ Москвѣ; ему поручилъ Левъ Сапѣга склонитъ остальныхъ бояръ къ тому, чтобы призвать Сигизмунда въ Москву. «И я —отвѣчаетъ Салтыковъ— бояръ и всякихъ московскихъ людей на то приводилъ, и къ тебѣ писалъ, чтобъ государю королю итти къ Москвѣ не мѣшкая, а славу бъ пустить во всякихъ людяхъ, что идетъ на вора къ Калугѣ; а нынѣ, государь, бояръ и всякихъ московскихъ людей я на то привлекъ, что послали бить челомъ къ королю князя Андрея и княжъ Өедорова сына Мосальскаго, чтобъ пожаловалъ король, сына своего государство очистилъ, вора въ Калугѣ доступилъ: и королюбъ одноличню итти къ Москвѣ, не мѣшкая, а славу пустить во всѣ люди, что идетъ на вора къ Калугѣ. А какъ будетъ король въ Можайскѣ, и тебѣбъ пожаловать, ко мнѣ вскорѣ отписать; а я на то бояръ и всякихъ людей приведу, что пришлютъ бить челомъ къ королю, чтобъ пожаловалъ, былъ на Москвѣ, и Москву, государство сына своего очищалъ и вора доступалъ. А одноличнобъ, государь Левъ Иванычъ, итти королю къ Москвѣ не мѣшкая, вскорѣ, для того, что на Москвѣ многая смута отъ вора ставится и люди къ нему прельщаются. А подъ Смоленскомъ, государь, королю что стоять? Коли будетъ король на Москвѣ, тогда и Смоленскъ совсѣмъ его». Въ другой грамотѣ къ тому же Льву Сапѣгѣ Салтыковъ писалъ: «здѣсь, государь, меня на Москвѣ многіе люди ненавидятъ, потому что я королю и королевичу въ многихъ дѣлахъ радѣю». Салтыковъ не хвасталъ. Въ Москвѣ получена была грамота отъ короля, писанная 21 ноября [1]; въ ней Сигизмундъ извѣщалъ правительствующую думу, что ему надобно напередъ истребить калужскаго вора и его приверженцевъ, вывести польскихъ и литовскихъ людей, очистить города и, успокоивши такимъ образомъ Московское государство, пойти на сеймъ и тамъ покончить дѣло относительно Владислава; король относитъ Смоленскъ къ тѣмъ городамъ, которые вору прямятъ, и потому говоритъ, что «покамѣста смольняне не добьютъ намъ челомъ, и намъ отступити не годится, и всему государству Московскому не безпечно». Когда получена была эта грамота, и когда Салтыковъ получилъ вышеозначен-

---

[1] Собр. гос. гр. и дог. II, № 214.

ный тайный наказъ, то 30 ноября онъ и Андроновъ, пришедши вечеромъ къ патріарху, просили его благословить народъ на присягу королю ([1]); такъ говоритъ казанская грамота, посланная въ Хлыновъ; она прибавляетъ, что на другой день приходилъ къ патріарху просить о томъ же дѣлѣ и Мстиславскій, что патріархъ благословить не согласился, и у нихъ о томъ съ патріархомъ ссора была, и патріарха хотѣли за то зарѣзать; тогда патріархъ послалъ по сотнямъ къ гостямъ и торговымъ людямъ, чтобъ были они къ нему въ соборную церковь; и гости, и торговые, и всякіе люди, пришедши въ соборную церковь, отказались цаловать королю крестъ, несмотря на то, что толпы вооруженныхъ поляковъ стояли у собора. Но на приведенное извѣстіе нельзя во всемъ положиться, ибо это пишутъ казанцы, желающіе извинить свою присягу Лжедимитрію; однако, основаніе слуха не можетъ быть ложно, и потому, соображаясь съ прежде приведенными извѣстіями, можно положить, что Салтыковъ, вмѣстѣ съ Мстиславскимъ, уговаривалъ Гермогена къ тому, чтобъ звать короля въ Москву, государство сына своего созрить и устроить, на что патріархъ не согласился. Какъ бы то ни было, измѣна была явная, и волненіе усиливалось въ пользу вора. Лазутчики изъ Калуги являлись въ Москву и возмущали народъ; одинъ изъ нихъ, какой-то попъ Никонъ ([2]), былъ пойманъ, пытанъ и сказалъ, что князь Андрей Голицынъ и князь Иванъ Воротынскій ссылаются съ царикомъ; онъ обговорилъ въ томъ же Василья Голицына. Андрея Голицына и Воротынскаго посадили подъ стражу. Но въ тоже время Казань явно присягнула Самозванцу, Вятка послѣдовала ея примѣру. Здѣсь встрѣчаемъ разнорѣчія между лѣтописью и грамотою: первая говоритъ ([3]), что когда казанцы согласились цаловать крестъ Лжедимитрію, то этому воспротивился второй воевода, Богданъ Бѣльскій, за что и былъ убитъ; но грамоты, разосланныя изъ Казани въ другіе города, написаны отъ имени воеводъ Морозова и Бѣльскаго; вмѣстѣ съ грамотами были разосланы и присяжныя записи на имя Лжедимитрія; присягающій долженъ былъ клясться: «отъ литовскихъ людей намъ никакихъ указовъ не слушать, и съ ними не ссылаться, и противъ ихъ стоять и биться до смерти. А казаковъ намъ волжскихъ и донскихъ, и терскихъ и яицкихъ, и астраханскихъ стрѣльцовъ, въ городъ многихъ людей не пущати и ихъ указовъ не слушати жъ; а пущати казаковъ въ городъ, для торговли, не по многу, десятка по два или по три, и долго имъ въ городѣ не жить ([4]). Эти слова очень

([1]) Собр. гос. гр. и дог. II, № 224.
([2]) Жолкѣв. стр. 185. Акты истор. II, № 306.
([3]) Никон. VIII, 150.
([4]) Акты арх. эксп. II, № 170.

замѣчательны: казанцы присягаютъ Лжедимитрію, ибо видятъ, что Москва занята поляками, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотятъ казаковъ: дурной знакъ для самозванцевъ! вѣрность къ нимъ не будетъ продолжительна. Замѣчателенъ также отвѣтъ пермичей вятчанамъ на ихъ увѣщаніе признать Димитрія (¹). Пермичи говорятъ въ своей отпискѣ только, что они получили вятскія грамоты и разослали ихъ по своимъ городамъ, но присягнули ли они Лжедимитрію, о томъ ни слова; пишутъ только: «Въ соединеньи быть и за православную христіянскую вѣру на раззорителей стоять мы ради. И вамъ бы, господа, съ нами быть въ совѣтѣ по прежнему, и съ торги, съ хлѣбомъ, и съ миромъ, и со всякими товары, торговыхъ и всякихъ людей съ Вятки къ намъ отпускать; а намъ бы, пермичамъ, съ своими торги къ вамъ ѣздить торговать по прежнему; и впередъ какія у насъ вѣсти будутъ, и мы къ вамъ тѣ вѣсти учнемъ писати; а что, господа, у васъ впередъ какихъ вѣстей отколева-нибудь объявится, и вамъ бы, господа, о томъ къ намъ писати по-часту».

Но казанцы присягали Лжедимитрію, когда уже его не было въ живыхъ. Его убилъ на охотѣ татарскій князь Петръ Урусовъ, мстившій за смерть касимовскаго хана и за собственное заключеніе. Тотчасъ послѣ смерти мужа, Марина родила сына Ивана. О послѣдующихъ событіяхъ въ Калугѣ извѣстія разногласятъ: лѣтопись говоритъ, что московское правительство, т. е. Гонсѣвскій со Мстиславскимъ и Салтыковымъ, узнавъ о смерти вора, послали въ Калугу князя Юрія Никитича Трубецкого привести жителей ея къ присягѣ Владиславу, но что будто калужане отказались присягать Владиславу до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ на Московскомъ государствѣ и приметъ православную вѣру (²). И до насъ дошли грамоты этого Юрія Трубецкого изъ Калуги, въ которыхъ онъ пишетъ гетману Сапѣгѣ, что съ 3 января онъ въ Калугѣ, приводитъ жителей ея къ присягѣ Владиславу, и что они цалуютъ крестъ всѣмъ городомъ (³). Въ другой грамотѣ (⁴) Трубецкой пишетъ къ Сапѣгѣ изъ Калуги, что онъ безъ королевичева указа на съѣздъ къ нему не поѣдетъ, и требуетъ, чтобъ Сапѣга, по государеву указу и боярскому приговору, калужскихъ, воротынскихъ и перемышльскихъ мѣстъ не воевалъ, и отступилъ бы отъ Перемышля на непослушныя мѣста, которыя Владиславу креста не цаловали.

Смерть вора была вторымъ *поворотнымъ* событіемъ въ описываемой исторіи, считая первымъ поворотнымъ событіемъ вступленіе Сигизмунда въ предѣлы Московскаго государства, которое дало

(¹) Акты арх. эксп. II, № 171.
(²) Никон. VIII, 151.
(³) Акты истор. II, № 313.
(⁴) Тамъ же, № 317.

новый оборотъ дѣлу. Теперь, по смерти Самозванца, у короля и у московскихъ измѣнниковъ не было болѣе предлога требовать дальнѣйшаго движенія сигизмундова въ русскія области для истребленія вора; не было болѣе предлога стоять подъ Смоленскомъ; добрые граждане, которые согласились признать Владислава единственно изъ страха покориться казацкому царю, теперь освобождались отъ этого страха и могли дѣйствовать свободнѣе противъ поляковъ. Какъ только на Москвѣ узнали, что воръ убитъ, «и въ то время», говорятъ современныя извѣстія (1), «на Москвѣ русскіе люди возрадовались и стали межъ себя говорить, какъ бы де во всей землѣ всѣмъ людемъ соединятись и стати противъ литовскихъ людей, чтобъ литовскіе люди изо всея земли московскіе вышли всѣ до одного, на чемъ крестъ целовали». Салтыковъ и Андроновъ писали къ Сигизмунду, что «патріархъ призываетъ къ себѣ всякихъ людей явно и говоритъ о томъ: будетъ королевичь не крестится въ крестьянскую вѣру и не выйдутъ изъ московскіе земли всѣ литовскіе люди, и королевичь де намъ не государь; такія де свои словеса патріархъ и въ грамотахъ своихъ отъ себя писалъ во многіе городы; а москвичи де посадскіе всякіе люди, лучшіе и мелкіе, всѣ принялись и хотятъ стоять». Но кто же и тутъ первый началъ дѣло, къ которому всѣ были готовы? Все тотъ же роковой рязанецъ, Прокофій Ляпуновъ. Въ январѣ 1611 года, московскіе бояре писали къ Сигизмунду о возстаніи Ляпунова (2) въ Рязани, о томъ, что въ Тулу отъ него посланъ Заруцкій съ казаками; бояре требуютъ также отъ короля, чтобы онъ схватилъ находившагося у него подъ Смоленскомъ Захара Ляпунова, который сносится съ братомъ Прокофьемъ. Города начали переписываться по-прежнему, увѣщевая другъ друга къ соединенію противъ поляковъ, для спасенія вѣры и Московскаго государства. Мы обозрѣли прежнюю переписку городовъ, во время Шуйскаго; но тогда дѣло не шло еще о самомъ главномъ интересѣ народномъ—о вѣрѣ: тогда государство являлось раздвоеннымъ между двумя искателями престола, но эти оба искателя имѣли видъ природныхъ русскихъ государей, оба равномѣрно выставляли свое православіе; города встали, когда увидѣли въ сподвижникахъ Тушинскаго царя грабителей, когда увидѣли имущество свое въ опасности. Но теперь эта опасность грозила вѣрѣ: вотъ почему теперь возстаніе является въ новомъ свѣтѣ, и переписка городовъ носитъ высокій, чистѣйшій характеръ. Жители смоленскихъ городовъ писали къ братьямъ своимъ всего Московскаго государства, и это братство было духовное, братство по вѣрѣ (3): «Братіе есмы и сродницы; понеже отъ св. купѣли

(1) Акты арх. эксп. т. II, № 176.
(2) Собр. гос. гр. и дог. Т. II, № 223.
(3) Собр. гос. гр. и дог. Т. II, № 226.

св. крещеніемъ породихомся». Смоляне пишутъ, что они покорились полякамъ, дабы не отбыть православнаго христіянства и не подвергнуться конечной гибели—и, несмотря на то, подвергаются ей: вѣра поругана и церкви Божіи разорены. «Все то зрятъ очи наши— пишутъ смоляне — гдѣ наши головы, гдѣ жены и дѣти, и братья, сродницы и друзья? Кто изъ насъ ходилъ въ Литву и Польшу выкупить своихъ матерей, и женъ и дѣтей, и тѣ свои головы потеряли; собранъ былъ христовымъ именемъ окупъ, и то все разграблено. Если кто хочетъ изъ васъ померечь христіянами, да начнутъ великое дѣло думами своими и головами, чтобъ быть всѣмъ христіянамъ въ соединеніи. Думаете ли вы жить въ мирѣ и покоѣ? Мы не противимся, и животы свои всѣ принесли, — и всѣ погибли, и въ вѣчную работу, и въ латинство пошли. Не будете только нынѣ въ соединеньи, обще со всею землею, горько будете плакать и рыдать неутѣшнымъ, вѣчнымъ плачемъ: перемѣнена будетъ христіянская вѣра въ латинство, и раззорятся божественныя церкви со всею лѣпотою, и убіенъ будетъ лютою смертію родъ вашъ христіянскій, поработятъ и осквернятъ и разведутъ въ полонъ матерей и женъ и дѣтей вашихъ». Смоляне пишутъ также, чтобъ русскіе не надѣялись имѣть когда-либо царемъ Владислава, ибо на сеймѣ положено на томъ, «чтобъ вывесть лучшихъ людей, и опустошить всѣ земли, и владѣть всею землею московскою».

Москвичи, получивъ эту грамоту отъ жителей смоленскихъ мѣстъ, разослали ее въ разные города съ приложеніемъ собственной увѣщательной грамоты. Здѣсь мы должны замѣтить одинъ разъ на-всегда, что во всѣхъ этихъ грамотахъ ни о чемъ болѣе не говорится, какъ только объ опасности, грозящей вѣрѣ; православные христіяне пишутъ къ братьямъ своимъ православнымъ христіянамъ, побуждаютъ ихъ стать за православіе, за общую, самую тѣсную связь между ними, и предъ этимъ высшимъ интересомъ забыты всѣ прочіе. «Пишемъ мы къ вамъ, православнымъ крестьянамъ, общимъ всѣмъ народомъ Московскаго государства, господамъ братьямъ своимъ православнымъ крестьянамъ. Пишутъ къ намъ братья наша, какъ намъ всѣмъ православнымъ крестьянамъ останку не погибнути отъ враговъ православнаго крестьянства, литовскихъ людей? Для Бога, судьи живымъ и мертвымъ, не презрите бѣднаго и слезнаго нашего рыданія, будьте съ нами обще, за одно противъ враговъ вашихъ и нашихъ общихъ; помяните одно: только коренью основаніе крѣпко, то и древо неподвижно; только коренья не будетъ — къ чему прилѣпиться.» Въ этихъ словахъ высказывается значеніе Москвы для государства, необходимость точки опоры, отъ потери которой, отъ прерванія связи между Москвою и областями, про-

изошло все зло; но, вѣрные высшему интересу времени, москвичи выставляютъ значеніе Москвы болѣе съ религіозной точки зрѣнія. «Здѣсь образъ Божіей Матери, вѣчныя заступницы крестьянскія, Богородицы, ея же Евангелистъ Лука написалъ, и великіе свитильники и хранители — Петръ, и Алексѣй, и Іона Чудотворцы; или вамъ, православнымъ крестьянамъ, то ни во чтожь поставить? Писали намъ истину братья наша, и нынѣ мы сами видимъ вѣрѣ крестьянской перемѣненіе въ латинство и церквамъ Божіимъ разорреніе; а о своихъ головахъ что и писали вамъ много? А у насъ, православныхъ крестьянъ, въ началѣ Божія милости и Пречистыя Богородицы и Московскихъ Чудотворцевъ, да Первопрестольныя Апостольныя церкви святѣйшій Ермогенъ патріархъ прямъ, яко самъ пастырь, душу свою за вѣру крестьянскую полагаетъ несумнѣнно, и ему всѣ крестьяне православные послѣдуютъ, лишь неявственно стоятъ.» Явственнѣе стояли граждане въ другихъ областяхъ: въ началѣ января 1611 года нижегородцы послали въ Москву провѣдать, что тамъ дѣлается. Посланные видѣлись съ патріархомъ, получили отъ него благословеніе къ возстанію, но грамоты отъ него не привезли, потому-что у патріарха писать было некому, дьячки и подъячіе и всякіе дворовые люди взяты, и дворъ его весь разграбленъ. Мы видѣли, что прежде нижегородцы увѣщевали балахонцевъ остаться вѣрными тому царю, который будетъ на Москвѣ, не затѣвая для того междоусобной брани; но теперь царя на Москвѣ не было, его мѣсто заступалъ патріархъ, блюститель вѣры, и патріархъ призывалъ къ возстанію; нижегородцы ему повинуются: вмѣстѣ съ балахонцами цалуютъ крестъ стоять за Московское государство, и приглашаютъ другіе города памятовать Бога и Пречистую Богородицу и московскихъ чудотворцевъ, и стоять всѣмъ вмѣстѣ за-одно. Ляпуновъ отвѣчаетъ нижегородцамъ на ихъ увѣщательную грамоту: «И мы, господа, про то вѣдаемъ подлинно, что на Москвѣ святѣйшему Ермогену, патріарху московскому и всея Руссіи, и всему освященному собору и христоименитому народу, отъ богоотступниковъ своихъ, и отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей гоненье и тѣснота веліе; и мы бояромъ московскимъ давно отказали и къ нимъ о томъ писали, что они, прельстяся на славу вѣка сего, Бога отступили и преложилися къ западнымъ и ко жестосердымъ, на своя овца обратилися; а по своему договорному слову и по крестному цѣлованью, на чемъ имъ договоряся корунный гетманъ Жолкѣвской королевскою думою крестъ цѣловалъ, ничего не совершили.» Любопытна крестоцаловальная запись, на которой клялись соединенные граждане [1]; они еще не

[1] Акты арх. эксп. II, № 179.

отказываются отъ присяги своей Владиславу, но присягаютъ: «стоять за православную вѣру и за Московское государство, королю польскому креста не цѣловать, не служить ему и не прямить, Московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей очищать, съ королемъ и королевичемъ, съ польскими и литовскими людьми и кто съ ними противъ Московскаго государства станетъ, противъ всѣхъ ихъ биться неослабно; съ королемъ, поляками и русскими, которые королю прямятъ, никакъ не ссылаться; между собою междоусобья никакого не начинать. А кого намъ на Московское государство и на всѣ государства Россійскаго царствія государя Богъ дастъ, и намъ ему государю служити и прямити и добра хотѣти во всемъ вправду, по сему крестному цѣлованью. А будетъ по кого съ Москвы пошлютъ бояре, и велятъ поимати привести къ Москвѣ, или въ которые городы разсылати, или которую пеню и казнь велятъ учинити, и намъ за тѣхъ людей стояти другъ за друга всѣмъ единомышленно и ихъ не выдати, покамѣстъ Богъ намъ дастъ на Московское государство государя. А буде король не дастъ намъ сына своего на Московское государство, и польскихъ и литовскихъ людей съ Москвы и изо всѣхъ московскихъ и украинныхъ городовъ не выведетъ, и изъ подъ Смоленска самъ не отступитъ и воинскихъ людей не отведетъ: и намъ битися до смерти.» Замѣчательна также грамота ярославцевъ въ Казань (¹): здѣсь мужество патріарха Гермогена выставляется какъ чудо, въ которомъ Богъ высказываетъ рускому народу свою волю, и всѣ должны слѣдовать божественному указанію. «Неначаемое учинилося: отцемъ отецъ, святѣйшій, боголюбивый великій господинъ, святѣйшій патріархъ Гермогенъ московскій и всея Руссіи сталъ за православную вѣру несумнѣнно, и не убояся смерти, призвавъ всѣхъ православныхъ крестьянъ, говорилъ и укрѣпилъ, за православную вѣру всѣмъ велѣлъ стояти и померети, а еретиковъ при всѣхъ людехъ обличалъ; и толькобъ не отъ Бога посланъ, и такого достоугоднаго дѣла патріархъ не учинилъ (бы), и за то было кому стояти? Не токмо вѣру попрати, хотябъ на всѣхъ хохлы учинити, и затобъ никто слова не смѣлъ молвить, бояся многихъ литовскихъ людей и русскихъ злодѣевъ, которые съ ними, отступая отъ Бога, сложилися; и въ городѣ патріархъ приказалъ, чтобъ за православную вѣру стали; и кто умретъ, будутъ новые страстотерпцы; и то все слыша отъ патріарха и видя своима очима, городы всѣ обослалися и пошли къ Москвѣ.» Во время этого страшнаго бѣдствія, постигшаго русскую землю, три человѣка, по словамъ ярославцевъ, были утѣшеніемъ скорбныхъ людей: патріархъ Гермогенъ, смоленскій архіепископъ Сергій и воевода Шеинъ. Ярослав-

(¹) Соб. гос. гр. и дог. II, № 241.

цы увѣдомляютъ, что они уже послали три отряда отъ себя къ Москвѣ, жители городовъ встрѣчаютъ ратниковъ съ образами и кормъ даютъ. Города увидали зрѣлище новое: собранные для очищенія государства ратники ходили по соборамъ и монастырямъ, съ плачемъ служили молебны о находящей скорби, и объ избавленіи, и, получа благословеніе отъ духовенства, выходили изъ города въ походъ, при пальбѣ изъ пушекъ и ружей, для пріѣзжихъ людей, чтобъ былъ и въ иныхъ городахъ вѣдомъ походъ. Когда воевода Ив. Ив. Волынскій двинулся изъ Ярославля съ войскомъ, родственникъ его, другой Волынскій, остался въ городѣ съ старыми дворянами, «для всякаго промыслу, всѣхъ выбивать, и по городамъ писать; а приговоръ учинили крѣпкій за руками: кто непойдетъ или воротится, тѣмъ милости не дать, и по городамъ по всѣмъ тожъ укрѣпленье писали.» Ярославцы заключаютъ свою грамоту въ Казань слѣдующими словами: «А которыя, господа, мѣры сдѣлаются, а вы только казанскою землею не поможете, а православной вѣрѣ будетъ попраніе и погибель, и за то отвѣтъ кому дати Богу, и самимъ вамъ чего ждати? Мы вамъ меньшіе большимъ не указываемъ, сами то можете своимъ премудрымъ, Богомъ даннымъ разумомъ разсудити.»

Если города еще не совершенно отказывались отъ присяги Владиславу, то духовенство говорило рѣшительнѣе. Такъ соловецкій игуменъ Антоній писалъ къ шведскому королю Карлу IX (¹): «Божіею милостію въ Московскомъ государствѣ у св. патріарха и у бояръ, и изо всѣхъ городовъ всего Московскаго государства ссылаются, и на совѣтъ къ Москвѣ сходятся, и совѣтуютъ, и стоятъ единомышленно на литовскихъ людей; и хотятъ выбирати на Московское государство царя и великаго князя изъ своихъ прироженныхъ бояръ, кого Всесильный Вседержитель Богъ изволитъ и Пречистая Богородица, а иныхъ земель иновѣрцевъ никого не хотятъ. А у насъ въ Соловецкомъ монастырѣ, и въ Сумскомъ острогѣ и во всей Поморской области тотъ же совѣтъ единомышленно: не хотимъ никого иновѣрцовъ на Московское государство царемъ и великимъ княземъ, опрочѣ своихъ прироженыхъ бояръ Московскаго государства». Встали и пермичи, недѣятельные до тѣхъ только поръ, пока дѣло шло между Димитріемъ и Шуйскимъ или Владиславомъ, но тотчасъ двинувшіе свои отряды, когда св. патріархъ благословилъ возстаніе на богохульныхъ ляховъ; пермичи знаютъ только одного патріарха; отъ него получили они грамоту о возстаніи, къ нему пишутъ отписку съ именами своихъ ратныхъ людей (²). Встали и новгородцы Великаго Новгорода и, по благословенію митрополита Исидора, крестъ цало-

(¹) Акты арх. экс. II, № 180.
(²) Акты арх. эксп. II, № 181.

вали помогать Московскому государству на раззорителей православной вѣры и стоять за нее единомышленно; поцаловавъ крестъ, всѣ люди Новгородскаго государства посадили въ тюрьму владиславовыхъ воеводъ, Ивана Салтыкова и Корнила Чоглокова «за ихъ многіе неправды и злохитрство (1).»

Несмотря однако на всеобщее одушевленіе и ревность къ очищенію государства отъ враговъ иновѣрныхъ, предпріятіе не могло имѣть успѣха по двумъ причинамъ: во-первыхъ, по характеру человѣка, который становился въ челѣ ополченія. Ляпуновъ, человѣкъ энергическій и талантливый, но относительно худородный, былъ выдвинутъ смутнымъ временемъ изъ толпы себѣ подобныхъ на первый планъ дѣйствія. Обязанный всѣмъ самому себѣ и времени, стремительный, неуступчивый, гордый, Ляпуновъ не думалъ преклоняться предъ родовыми и чиновными преимуществами людей менѣе чѣмъ онъ талантливыхъ, менѣе сильныхъ духомъ или болѣе запятнавшихъ себя въ черную годину. Ляпуновъ, несмотря на свое незначительное званіе думнаго дворянина, ставши въ челѣ ополченія, не думалъ щадить гордости сановниковъ высшихъ, явно показывалъ передъ ними свое преимущество и тѣмъ возбудилъ негодованіе, вражду, смуту; однимъ словомъ, Ляпуновъ не могъ довольно освободиться отъ самого себя, принесть себя въ жертву общему дѣлу, примѣшалъ къ великому дѣлу очищенія земли свое частное, личное дѣло; чистое, слѣдовательно, смѣшалось съ нечистымъ, и успѣха быть не могло. Другою, еще болѣе важною причиною неуспѣха было неблагоразумное, неестественное соединеніе двухъ противоположныхъ элементовъ, элемента общественнаго, гражданъ добрыхъ, имѣвшихъ въ виду возстановленіе государства, народа, и элемента противообщественнаго, казаковъ, имѣвшихъ въ виду разстройство, смуту въ государствѣ, которыя давали имъ возможность жить на его счетъ: съ Ляпуновымъ и добрыми гражданами соединились Просовецкій, Трубецкой и Заруцкій съ своими казаками; опять чистое смѣшалось съ нечистымъ, и опять успѣха быть не могло. Мало того, Сапѣга, пролившій столько русской крови, столь долго сражавшійся противъ обители Троицкой, Сапѣга объявилъ желаніе сражаться противъ своихъ поляковъ за вѣру православную, и Ляпуновъ имѣлъ неблагоразуміе принять предложеніе. Вотъ письмо Сапѣги къ калужскому воеводѣ, князю Трубецкому, письмо очень замѣчательное, ибо ярко очертываетъ характеръ Сапѣги и его дружины, характеръ вольнаго польскаго рыцарства, показываетъ, какъ это рыцарство понимало свою волю, какъ ею пользовалось, и что разумѣло подъ именемъ славы (2): «Писали мы, господине, къ вамъ

(1) Акты арх. эксп. II, № 183.
(2) Акты арх. эксп. II, № 182.

въ Калугу многажды о совѣтѣ, и вы отъ насъ бѣгаете за посмѣхъ: мы вамъ ничего зла не чинили и впередъ не хотимъ, и хотѣли съ вами за вашу вѣру крестьянскую и за свою славу, и при своихъ заслугахъ горло свое лати, и вамъ было добрѣ съ нами совѣтовати, что ваша дума; а про насъ вѣдаете, что мы люди вольные, королю и королевичу не служимъ, стоимъ при своихъ заслугахъ, а на васъ никотораго лиха не мыслимъ и заслугъ своихъ на васъ не просимъ, а кто будетъ на Московскомъ государствѣ царемъ, тотъ намъ и заслуги наши заплатитъ. И вамъ бы къ намъ быть въ совѣтѣ и ссылаться съ нами почасту, что будетъ ваша дума, а мы отъ васъ не прочь, и стояти бы вамъ за православную крестьянскую вѣру и за святыя церкви, а мы при васъ и при своихъ заслугахъ горла свои дадимъ. Намъ сказывали, что у васъ въ Калугѣ вмѣщаютъ которые бездѣльники, не хотячи ничего добра видѣти православной вѣрѣ, что мы св. церквамъ раззоренье чинимъ, и пѣти въ нихъ не велимъ, и лошади въ нихъ ставимъ; и у насъ того во всемъ рыцарствѣ не наищешь, то намъ бездѣльники лгутъ, смущаютъ васъ съ нами; у насъ въ рыцарствѣ большая половина русскихъ людей, и мы того заказываемъ и бережемъ накрѣпко, чтобъ надъ святыми божіими церквами раззоренія никотораго не было, а отъ вора вездѣ не уберечися, да что развѣ кто сдѣлаетъ въ отъѣздѣ.» Здѣсь останавливаютъ наше вниманіе слова Сапѣги, что у него въ войскѣ бо́льшая часть русскихъ людей; онъ могъ разумѣть подъ русскими людьми вольницу, приведенную имъ изъ литовско-русскихъ областей; но вѣроятно также, что много русскихъ тушинцевъ перешло къ Сапѣгѣ. Бывшіе воеводы Самозванца, слѣдовательно пріятели Сапѣги, взяли на себя уладить союзъ рыцаря съ ополченіемъ; такъ Ѳедоръ Плещеевъ писалъ къ Сапѣгѣ (¹): «отъ Прокофья къ тебѣ идутъ послы о томъ же о добромъ дѣлѣ и о совѣтѣ; а совѣту де съ тобою Прокофей и всѣ городы добрѣ рады; а про заслуженное де они такъ говорятъ: не токмо что де тогды заплатимъ, какъ кто будетъ царь на Москвѣ, нынѣче де ради заслуженное платить.» И въ-самомъ-дѣлѣ Ляпуновъ писалъ къ пану Чернацкому, уговаривая его прислать пословъ отъ имени Сапѣги для заключенія условій (²). «Якожъ и древле великій Моисей изволилъ съ людьми Божіими страдати, нежели имѣти временную грѣха сладость: тако и вы, по апостольскому гласу, не плотскаго господина, а вѣчнаго владыки ищете волю творити, тщащеся по правдѣ поборники быти, видя польскаго короля неправое востаніе на Московское государство и всемірное губительство въ настоящее сіе время.» Какъ можно было полагаться на слова

(¹) Акты истор. II, № 318.
(²) Тамъ же, № 319.

польскаго рыцаря, доказательствомъ служитъ грамота Сапѣги, которую онъ писалъ черезъ мѣсяцъ въ Кострому, увѣщевая жителей ся подчиниться снова Владиславу: «Нынѣча вы государю измѣнили — пишетъ Сапѣга — а не вѣдомо для чего, и хотите на Московское государство не вѣдомо кого. А вѣдаете вы и сами польскихъ и литовскихъ людей мочь и силу: кому съ ними биться (1)?»

Несмотря однако на этотъ несчастный союзъ общественнаго элемента съ противообщественнымъ, дѣло возстанія шло успѣшно. Города продолжали мѣняться увѣщательными грамотами, особенно уговаривали другъ друга не подчиняться никакому казацкому царю. «На Московское государство выбрати государя всею землею россійскія державы; а будетъ козаки учнутъ выбирати на Московское государство государя, по своему изволенью, одни, не сослався со всею землею, и намъ бы того государя на государство не хотѣти» (2). Ляпуновъ гремѣлъ въ своихъ витіеватыхъ грамотахъ, что предатели христіянскіе, Михайло Салтыковъ да Ѳедька Андроновъ съ своими совѣтниками, привели на Московское государство вѣчныхъ враговъ и богоборцовъ литовскихъ людей и по своему злому умышленію, Московское государство выжгли и высѣкли, и Божіи св. церкви разорили, и чудотворныя мощи великихъ Чудотворцевъ московскихъ обругали и раки чудотворныхъ мощей разсѣкли, и въ монастыряхъ иноческому чину многое убіенье и поруганіе учинили, и въ церквахъ для поруганья лошади поставили; и великаго пресвятѣйшаго отцемъ отца, патріарха Ермогена московскаго и всея Россіи, съ престола сведчи, и въ нужной смертной тѣснотѣ держатъ, втораго Златоуста, исправляющаго по истиннѣ слово истины и обличающаго не сумнительнымъ безстрашіемъ предателей и отступниковъ вѣры христіанскія; и многой безчисленной народъ христіанской лютой смерти предаша.» Уже выше было замѣчено, какъ *удѣлъ*, напоминавшій старое безнарядье, служилъ пугаломъ для народа, и вотъ граждане, обвиняя бояръ, пишутъ, что они прельстились *для удѣловъ* (3). Великій Златоустъ московскій, патріархъ Гермогенъ былъ въ заключеніи, не могъ писать въ города, и вотъ вмѣсто его пишутъ увѣщательныя грамоты архимандритъ Троицкаго монастыря Діонисій и келарь, извѣстный намъ Палицынъ; онъ схитрилъ подъ Смоленскомъ, уступилъ польскимъ требованіямъ и возвратился въ свой монастырь; теперь, видя, что дѣло Владислава проиграно, онъ ревностно дѣйствуетъ за дѣло общее. Архимандритъ и келарь разослали по всѣмъ городамъ грамоты, чтобъ всѣ вооружались разомъ и спѣ-

(1) Акты истор. II, № 327.
(2) Тамъ же, № 333.
(3) Акты арх. эксп. т. II, № 188.

шли къ Москвѣ, пока поляки не получатъ помощи: «Сами вѣсте, что всякому дѣлу едино время належитъ, безвременное же всякому дѣлу начинаніе суетно и бездѣльно бываетъ» (1). Еще прежде, какъ только Самозванецъ былъ убитъ, Гермогенъ, находившійся тогда на свободѣ, наказывалъ городамъ, чтобъ отнюдь не признавали царемъ сына Марины: «Отнюдь Маринкинъ на царство не надобенъ: проклятъ отъ св. собору и отъ насъ» (2). Теперь города, боявшіеся болѣе всего казаковъ, разсылаютъ эту патріаршую грамоту съ увѣщаніемъ: «по козачьему выбору того проклятаго паньина Маринкина сына на государство не хотѣти». Соединенные воеводы — Трубецкой, Заруцкій и Ляпуновъ писали въ Казань, чтобъ ся жители попеклись о Божіемъ и о земскомъ дѣлѣ и спѣшили къ Москвѣ (3).

И полки шли со всѣхъ сторонъ: они шли изъ земли Рязанской и Сѣверской съ Ляпуновымъ; изъ Муромской съ княземъ Литвинымъ-Мосальскимъ, изъ Низовской съ княземъ Репнинымъ, изъ Суздальской съ Артеміемъ Измайловымъ: но тутъ подлѣ добрыхъ гражданъ находились волжскіе казаки и черкасы съ Просовецкимъ; изъ Вологодской земли и Поморскихъ городовъ шли полки съ воеводою Нащокинымъ, другіе, при которыхъ были татары, съ княземъ Пронскимъ и Козловскимъ; изъ Галичской земли съ Мансуровымъ, изъ Ярославской и Костромской съ Волынскимъ и княземъ Волконскимъ; до сихъ поръ, за исключеніемъ отряда Просовецкаго, мы видимъ свѣжіе, неподозрительные полки сѣверныхъ гражданъ; но вотъ явились къ нимъ съ юга, изъ прежде-погибшей Украйны — Калужское ополченіе, подъ начальствомъ тушинскаго боярина, князя Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго, Тульское подъ начальствомъ Заруцкаго! Трубецкой и Заруцкій приглашали отовсюду *запольныхъ* (т. е. застепныхъ) казаковъ, обѣщая имъ жалованье; въ грамотѣ говорится также: «А которые боярскіе люди крѣпостные и старинные, и тѣбъ шли безъ всякаго сумнѣнія и боязни, всѣмъ имъ воля и жалованье будетъ, какъ и инымъ козакамъ, и грамоты имъ отъ бояръ и воеводъ и отъ всей земли приговору своего дадутъ.» Такъ безразсудно, а вѣроятно даже и злонамѣренно увеличивали число казаковъ въ Московскомъ государствѣ!

Но въ это время всеобщаго возстанія, въ это время, когда къ стѣнамъ столицы подходили отовсюду отряды подъ предводительствомъ людей, вовсе незнаменитыхъ, которыхъ выдвигало на первый планъ только отсутствіе сановниковъ первостепенныхъ, высокихъ по *лѣствицѣ и по разряду*, что же дѣлали члены думы

(1) Тамъ же, № 190,
(2) Тамъ же, № 194,
(3) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 251.

царской, что́ дѣлало временное правительство московское съ своимъ союзникомъ, Гонсѣвскимъ? Видя возстаніе, Салтыковъ и другіе измѣнники предложили боярамъ просить короля, чтобъ отпустилъ Владислава въ Москву, къ посламъ написать, чтобъ отдались во всемъ на волю короля, а къ Ляпунову, чтобъ не затѣвалъ возстанія и сбора воиновъ. Бояре написали грамоты и понесли ихъ къ патріарху для скрѣпленія; но Гермогенъ отвѣчалъ имъ, что онъ охотно подпишетъ ту грамоту, въ которой заключается просьба о Владиславѣ, если только въ ней будетъ условіе, что королевичъ приметъ греческую вѣру и король выведетъ поляковъ изъ Московскаго государства; въ противномъ же случаѣ проклинаетъ всякаго, кто вздумаетъ отдаться на королевскую волю, и благословляетъ Ляпунова итти къ Москвѣ и умереть за православную вѣру. Лѣтопись прибавляетъ, что и тутъ Салтыковъ занесъ ножъ на патріарха, и что тотъ, осѣнивъ ножъ крестомъ, проклялъ измѣнника (*). Повтореніе этого извѣстія дѣлаетъ его подозрительнымъ въ глазахъ историка; впрочемъ, трудно вполнѣ отвергнуть его; вѣроятно, разъ что-нибудь было подобное, ибо такая крайность со стороны Салтыкова условливается его положеніемъ и характеромъ: Салтыковъ видѣлъ, что страшная жертва, принесенная имъ, грозитъ стать напрасною; возвратиться было уже невозможно, онъ зашелъ слишкомъ далеко; все это сильно должно было раздражать природу, вовсе не мягкую и не уклончивую, недрожавшую передъ насильственными и самыми отчаянными средствами; одинъ поступокъ человѣка повѣряется другимъ: Салтыковъ, который въ рѣшительную минуту не замедлилъ зажечь собственный домъ, такой человѣкъ могъ броситься съ ножемъ на патріарха. Сидѣвшихъ подъ стражею бояръ — князей Воротынскаго и Андрея Голицына силою заставили подписать грамоты, которыя и отправили подъ Смоленскъ. Обратимся теперь къ посламъ и смолянамъ.

Еще прежде описанныхъ событій явилась въ смоленскій станъ грамота, подписанная московскими боярами, но не патріархомъ: въ ней бояре предписывали посламъ уговорить смолянъ къ присягѣ королю и королевичу и впустить въ крѣпость польское войско; бояре прислали и Шеину приказъ исполнить во всемъ королевскую волю. Какъ-скоро эти грамоты были прочтены посламъ, то Филаретъ объявилъ, что онѣ для нихъ не имѣютъ никакой обязательной силы, потому-что писаны отъ однихъ бояръ, а послы отправлены отъ патріарха, отъ всего освященнаго собора, отъ бояръ, отъ всѣхъ чиновъ и отъ всей земли. 27 декабря имѣло мѣсто одинадцатое совѣщаніе; послы, явившись къ панамъ, нашли у нихъ дьяка Чичерина,

(*) Никон. VIII, стр. 153.

присланнаго изъ Москвы съ извѣстіемъ о смерти Самозванца. Князь Голицынъ, на насмѣшливый вопросъ пановъ, что они теперь скажутъ, получивъ боярскую грамоту, отвѣчалъ тоже самое, что объявилъ митрополитъ прежде, и что они будутъ дожидаться своего гонца, который долженъ имъ привезти рѣшеніе патріарха и всей земли, а не однихъ бояръ. Сапѣга возражалъ и требовалъ немедленнаго исполненія воли боярской; онъ присовокупилъ къ своимъ словамъ отвратительную насмѣшку: «видите — сказалъ онъ посламъ — что мы на съѣздахъ съ вами ни говорили, все то Духъ Святый вложилъ въ вашихъ бояръ: они повторяютъ слово-въ-слово наши требованія». Сапѣгѣ отвѣчалъ князь Василій, и въ отвѣтѣ его высказалась не одна оскорбительная гордость русскаго человѣка, но вмѣстѣ и гордость боярина московскаго, оскорбленнаго самовластіемъ своихъ товарищей, которыхъ считалъ всѣхъ ниже себя; Голицынъ сказалъ: «Отпустили насъ сюда Патріархъ и бояре и всѣ люди Московскаго государства; а не одни бояре; *отъ однихъ бояръ я князь Василій и не поѣхалъ бы* (*); а теперь они такое дѣло пишутъ къ намъ одни, мимо Патріарха и всего освященнаго собора, и не по совѣту всѣхъ людей Московскаго государства, и то ихъ къ намъ первое не добро. Другая къ намъ боярская немилость: намъ данъ наказъ просить короля о снятіи осады Смоленска, и выходѣ изъ областей Московскаго государства, а между тѣмъ бояре посылаютъ къ королю кн. Мосальскаго бить ему челомъ, чтобъ онъ шелъ на вора къ Калугѣ, а намъ о томъ ничего не пишутъ». Князь Василій зналъ, что родной братъ его Андрей посаженъ подъ стражу за сношенія съ Самозванцемъ, что его самого обвиняютъ въ томъ же; когда онъ писалъ въ Москву къ боярамъ, спрашивая у нихъ о дѣлахъ Лжедимитрія, то бояре дали ему оскорбительный отвѣтъ, что посламъ не годится проповѣдывать про вора, гдѣ онъ и какъ силенъ, какъ бы желая ему добра. Этотъ отвѣтъ оскорбилъ Голицына; въ отвѣтѣ Сапѣгѣ онъ сказалъ: «Мы вору добра никогда не искали, а спрашивали объ немъ у бояръ для того, что вы паны постоянно намъ говорили о большомъ сборѣ войскъ около Самозванца, и мы не знали, что вамъ на это отвѣчать: — и тѣмъ было имъ меня князя Василья позорити не пригоже». Голицына волновала мысль, что онъ до сихъ поръ глава въ думѣ не по мѣсту, а по личному вліянію, теперь высланъ на жертву полякамъ, а товарищи его, оставшись въ Москвѣ, присвоили себѣ всю власть и совершенно хотятъ исключить его изъ участія въ правленіи, поступая съ нимъ какъ съ обыкновеннымъ посломъ. Отвѣчая оскорбленіемъ за оскорбленіе, Голицынъ укоряетъ московскихъ правителей въ томъ, что они измѣною и подар-

(*) Голик. Допол. II, стр. 165 и слѣд.

ками купили свои достоинства у чужого государя: «Самимъ имъ вѣдомо, что по Божіей милости отца моего и дѣда изъ Думы не высылывали, и думу они всякую вѣдали, и не купленое было у нихъ боярство, и не за Москвою въ бояре ставлены, и вору добра не искивали и крестъ не цаловали, и отъ него ничего не хотѣли; только нашего и дѣла, что за Пречистыя Богородицы образъ и за крестное цѣлованье противъ вора стояли, и не щадно головы свои на смерть предавали. Да они жъ нынѣ брата моего князя Андрея дали за пристава невѣдомо въ чемъ, а ко мнѣ князю Василью писали нынѣ по вѣтреной сказкѣ, что будто я, идучи подъ Смоленскъ, съ воромъ ссылался, и тѣмъ меня позорятъ». Въ заключеніе Голицынъ просилъ пановъ донести королю, что онъ будетъ бить челомъ на бояръ въ безчестьи, какъ-скоро Владиславъ будетъ на Москвѣ государемъ. Паны обѣщали исполнить его желаніе, но, съ своей стороны, настаивали, чтобъ послы исполнили требованіе боярское относительно Смоленска. Послы отказали; ихъ отвѣтъ важенъ для насъ особенно потому, что изъ него видно, какое великое значеніе пріобрѣлъ патріархъ въ безгосударное время, значеніе, котораго слѣдствія будутъ ощутительны послѣ; послы говорили: «Изначала у насъ въ россійскомъ царствѣ при прежнихъ великихъ государяхъ такъ велося, которыя великія государственныя или земскія дѣла начнутся, и великіе государи наши призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ и митрополитовъ и архіепископовъ, и съ ними о всякихъ дѣлахъ совѣтовали, а безъ ихъ совѣту никакихъ великихъ дѣлъ не приговаривали, и почитаютъ великіе государи наши Патріарховъ великою честію, встрѣчаютъ ихъ и провожаютъ, и мѣсто имъ учинено съ великими государями нашими по ряду; таковы у насъ честны Патріархи, а до нихъ были митрополиты; а нынѣ по грѣху нашему мы стали безгосударны, *а Патріархъ у насъ человѣкъ начальный*, и безъ Патріарха намъ о такомъ великомъ дѣлѣ совѣтоваться не пригоже. Какъ патріарховы грамоты безъ боярскихъ, такъ и боярскія безъ патріарховыхъ не годятся; надобно нынѣ дѣлать по общему совѣту всѣхъ людей; не однимъ боярамъ, всѣмъ государь надобенъ, и дѣло нынѣшнее общее всѣхъ людей, и такова у насъ дѣла на Москвѣ не бывало». Въ послѣднихъ словахъ также колкій намекъ на московскихъ бояръ, которые затѣяли дѣло безъ земли. Послы не щадили и поляковъ; такъ они говорили: «Осталось насъ здѣсь половина, а другая половина по грѣху нашему, а не дѣломъ, отпущена къ Москвѣ, а начальный съ ними человѣкъ митрополитъ, и тотъ безъ патріарховы грамоты не только что дѣлати, и говорити не хочетъ, и намъ безъ него ничего нельзя дѣлати».

28 декабря было 12 совѣщаніе. Здѣсь Филаретъ подтвердилъ, что онъ безъ патріарха ни за что не примется: «И паны рада — гово-

ритъ извѣстіе — пословъ отъ себя отпустили, сердитуя на нихъ; а какъ послы пошли изъ хоромъ, и паны рада пословъ лаяли, а говорили: не послы то, воры». Послѣ этого совѣщанія смоляне прислали къ панамъ дворянина Ивана Бестужева; но послѣдняго выгнали съ безчестіемъ; Сапѣга изъ окна кричалъ ему: «Вы государевой воли не исполняете, и грамотъ боярскихъ не слушаете, смотрите же, что съ вами будетъ!» Бестужевъ оборотился и сказалъ на это: «Всѣ мы въ Божьей волѣ, а съ Москвою розниться не хотимъ».

Между тѣмъ Захаръ Ляпуновъ, котораго безпокойной, буйной природѣ невыносима была малозначительная, недѣятельная роль въ свитѣ посольской, злился на главныхъ пословъ и вмѣстѣ съ какимъ-то Сазоновымъ наговаривалъ на нихъ панамъ, что они дѣлаютъ все сами собою, безъ совѣта съ дворянами; тогда послы призвали къ себѣ послѣднихъ; но между ними не было другихъ Ляпуновыхъ и Сазоновыхъ: всѣ дворяне единогласно отвѣчали, что только воръ и клеветникъ могъ сказать что-нибудь дурное, касательно отношеній первыхъ пословъ къ дворянамъ. Послѣ этого до 7 января пословъ не безпокоили. Но они видѣли ясно, что король, во что бы то ни стало, хочетъ овладѣть Смоленскомъ, и потому, чтобъ отвратить кровопролитный приступъ и конечное разрушеніе города, предложили панамъ впустить человѣкъ сто поляковъ въ городъ, но съ тѣмъ, чтобы король не принуждалъ гражданъ къ присягѣ на свое имя, чтобъ тотчасъ же со всѣмъ войскомъ отступилъ отъ города, и введеніе ста человѣкъ имѣло бы мѣсто уже послѣ этого отступленія. Король по-видимому согласился на эти условія; но когда на тринадцатомъ совѣщаніи, имѣвшемъ мѣсто 27 января, послы спросили: сколько же поляки хотятъ ввести своихъ въ городъ, то имъ отвѣчали, что 1000 или 800 человѣкъ; послы, разумѣется, отказали, и тѣмъ дѣло кончилось на этотъ разъ. Между тѣмъ прислана была въ Смоленскъ другая грамота отъ бояръ, которые писали (*): «И вамъ бы, господа, по совѣту святѣйшаго Ермогена, патріарха москов. и всея Руси и всего освященнаго собора, и всѣхъ чиновъ людей Московскаго государства, отставя всякой недобрый совѣтъ и упорство, в. государю Жигимонту королю и сыну его добити челомъ, и крестъ государю королевичу Владиславу Жигимонтовичу целовати, и литовскихъ людей, по договору, въ городъ пустити; и о томъ бы вамъ, господа, у королевскаго величества милости просити, чтобъ его королевское величество, для сына своего, надъ вами, смоленскими сидѣльцы милосердье свое показалъ, и челобитье ваше и крестное цѣлованье отъ васъ принялъ, а грубостибъ вашей никоторые, по своему государскому милосердому обычаю, не попамятовалъ, чтобъ ихъ государская милость прославилася во всемъ Московскомъ государ-

(*) Акты истор. Т. II, № 321.

ствѣ. Да и о томъ бы есте у королевскаго величества милости просили, чтобъ его королевское величество пожаловалъ, по своему государскому милосердью, и по истинному обѣщанью, и по гетманскому договору, свое государское милосердье надъ нами и надъ вами совершилъ, чтобъ городу Смоленску и всему Смоленскому уѣзду быти во всемъ по прежнему къ Московскому государству, и вамъ бы смольнянамъ, за ваши грубости и непокорство, помсты накакіе учинити не велѣлъ.» — Прочтя эту грамоту, смоляне отвѣчали, что если впредь пришлютъ къ нимъ подобную, то они велятъ застрѣлить присланнаго. 29 января получили и послы боярскую грамоту, въ которой имъ опять предписывалось склонить смолянъ ко впущенію въ свои стѣны воеводы королевскаго; а потомъ самимъ посламъ ѣхать въ Вильну, бить челомъ королевичу, чтобъ онъ шелъ немедленно въ Москву. Послѣднее предписаніе было составлено по королевскому требованію: хотѣли удалить упрямыхъ пословъ въ-глубь Литвы, чтобъ имъ было менѣе возможности сноситься съ смолянами и съ Москвою. По прочтеніи грамоты, Филаретъ объявилъ, что не должно ни въ чемъ ея исполнять, ибо какъ-скоро въ Смоленскъ введется королевское войско, то этотъ городъ будетъ на-всегда оторванъ отъ Московскаго государства, за что имъ отъ патріарха и ото всѣхъ людей быть въ проклятіи и въ ненависти; митрополитъ раскаявался, что и прежде согласился на впущеніе ста польскихъ ратниковъ безъ грамотъ отъ патріарха, къ которому писалъ пять разъ и не получалъ отвѣта, а это не иному чему приписать должно, какъ польскому насилію. Но князь Голицынъ и съ нимъ всѣ остальные члены посольства соглашались впустить королевское войско въ Смоленскъ, съ тѣмъ, чтобы Сигизмундъ и паны дали клятву не отрывать этого города отъ Московскаго государства, изъ предѣловъ котораго король немедленно долженъ выйти со всею ратью.

Въ четырнадцатомъ совѣщаніи, 30 января, послы объявили, что такъ-какъ полученная ими грамота не имѣетъ подписи патріаршей, то и имъ ничего не остается болѣе дѣлать, какъ рѣшить вопросъ о введеніи королевскаго отряда въ Смоленскъ, при чемъ они надѣятся, что король исполнитъ свое прежнее обѣщаніе и не велитъ смолянамъ присягать на свое имя. На это поляки отвѣчали грубыми упреками въ упорствѣ и клеветѣ; послы указали имъ на прежнія совѣщанія; паны отвѣчали на все одною бранью; тогда Филаретъ сказалъ: «Если въ насъ оказалась неправда, то пусть король отпуститъ насъ назадъ въ Москву.» При совѣщаніи находился пріѣхавшій изъ Москвы съ грамотами Иванъ Никитичъ Салтыковъ; измѣнникъ началъ говорить противъ пословъ, кричалъ, что они должны безпрекословно исполнять волю королевскую, что патріархъ не долженъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла, что королю, стоявъ два года подъ та-

кимъ лукошкомъ, стыдно не взять его, что послы должны заступиться за честь королевскую и велѣть смолянамъ цаловать крестъ королю. Послы отвѣчали Салтыкову, что онъ не имѣетъ никакого права вмѣшиваться не въ свои дѣла, при чемъ митрополитъ просилъ пановъ не допускать до совѣщанія людей, не принадлежащихъ къ посольству. Паны согласились, но требовали отъ пословъ окончательнаго отвѣта — согласны ли они выполнить волю боярскую? Митрополитъ отвѣчалъ, что «духовному чину отецъ и начало святѣйшій патріархъ, и всегда мы подъ его благословеніемъ, и по благодати Св. Духа дано ему насъ вязати и прощати, и кого онъ свяжетъ словомъ, того не только король, но и Богъ не разрѣшитъ; въ слѣдствіе чего онъ, митрополитъ, безъ патріаршей грамоты ничего не сдѣлаетъ, хотябы пришлось ему и смерть принять.»

1 февраля было пятнадцатое совѣщаніе; послы оставались непреклонны; тогда паны сказали имъ, чтобъ они сбирались скорѣе ѣхать въ Вильну; послы отвѣчали, что объ этой поѣздкѣ у нихъ нѣтъ ничего въ наказѣ, и заключили такъ: «Если королевское величество велитъ везти насъ въ Литву, и въ Польшу неволею, въ томъ его государская воля, а намъ никакими мѣрами ѣхать нельзя, не на чемъ и не съ чѣмъ; что было, то все проѣли, да и товарищи наши и духовный чинъ отпущены въ Москву, и намъ дѣлать нечего». На шестнадцатомъ совѣщаніи, 7 февраля, паны объявили, что король изъ милосердія соглашается, чтобъ смоляне цаловали крестъ одному Владиславу, но зато должны впустить въ городъ 700 человѣкъ поляковъ; послы соглашались впустить только 200 человѣкъ; дѣло ничѣмъ не кончилось. Февраля 8, на семнадцатомъ совѣщаніи, паны объявили, что король позволяетъ посламъ сноситься съ смолянами и толковать о введеніи поляковъ въ ихъ городъ. Послы съ трудомъ уговорили смолянъ впустить 200 человѣкъ; они не иначе согласились на это, какъ при двухъ условіяхъ: 1) чтобъ король немедленно со всѣмъ войскомъ отступилъ въ Польшу; 2) чтобъ впущенные 200 человѣкъ не имѣли въ городѣ никакой власти. На осьмнадцатомъ съѣздѣ паны объявили свои условія: 1) стражѣ у городскихъ воротъ быть по-поламъ — изъ поляковъ и русскихъ, и однимъ ключамъ быть у воеводы смоленскаго, а другимъ у начальника польскаго отряда; 2) король обѣщаетъ не мстить гражданамъ за ихъ сопротивленіе и грубости и безъ вины никого не ссылать; 3) когда смоляне принесутъ повинную и исполнятъ все требуемое, тогда король сниметъ осаду, и городъ останется за Московскимъ государствомъ впредь до дальнѣйшаго разсужденія; 4) граждане, передавшіеся прежде королю, не подвержены суду городскому, но суду польскаго начальства; 5) смоляне обязаны заплатить королю всѣ воинскіе убытки, причиненные ихъ долгимъ сопротивленіемъ. Для всякаго было

ясно, къ чему клонились подобныя условія (1); и потому смоляне представили списокъ своихъ условій (2), при чемъ требовали, чтобъ воротные ключи были у одного смоленскаго воеводы, чтобъ Смоленскъ и весь Смоленскій уѣздъ былъ по прежнему къ Московскому государству, чтобъ какъ-скоро смоляне поцалуютъ крестъ Владиславу, король отступилъ отъ ихъ города, очистилъ весь уѣздъ, и потомъ, когда король пойдетъ въ Литву со всѣмъ войскомъ, смоляне впустятъ его отрядъ сполна; смоляне отказались также и отъ вознагражденія за убытки, отговариваясь своею бѣдностію и обѣщаясь только поднести королю дары. Поляки, услышавъ эти требованія, рѣшились употребить насиліе противъ пословъ, чтобъ принудить ихъ быть уступчивѣе; посламъ велѣно было явиться на совѣщаніе (19-е); такъ-какъ наступила оттепель, и ледъ на Днѣпрѣ былъ худъ, то послы должны были притти пѣшкомъ къ панамъ. Послѣдніе объявили имъ, чтобъ они безъ отговорокъ ѣхали въ Вильну, при чемъ сказано, что ихъ уже не отпустятъ назадъ въ прежній станъ, но что они должны остаться на этой сторонѣ рѣки; послы просили позволить имъ, по-крайней-мѣрѣ, зайти въ прежнее жилище, взять тамъ необходимыя вещи; но и въ томъ имъ было отказано. Этого мало еще: какъ-скоро послы вышли изъ собранія, то ихъ окружили солдаты съ заряженными ружьями и отвели въ назначенное помѣщеніе: митрополиту досталась одна изба, князю Голицыну, Мезецкому и Томилѣ Луговскому другая; на дворѣ и кругомъ двора разставили караулы., и входъ къ плѣнникамъ запрещенъ для дворянъ посольскихъ. Поляки надѣялись, что такое обхожденіе съ послами сдѣлаетъ послѣднихъ уступчивѣе, но обманулись въ надеждѣ, и рѣшились умѣрить свои требованія: такъ въ новыхъ условіяхъ, предложенныхъ посламъ касательно Смоленска, была исключена статья о вознагражденіи за военные убытки; послы, съ своей стороны, также уступили, обѣщаясь уговорить смолянъ впустить польскій отрядъ весь въ городъ прежде сигизмундова отступленія дня за два или за три, если король объявитъ день отступленія и напишетъ его въ договорной записи (3). Казалось, дѣло начало улаживаться, какъ вдругъ пришла вѣсть о пожарѣ московскомъ.

(1) Акты истор. II, № 324.
(2) Тамъ же, № 325.
(3) Собр. гос. гр. и дог. II, № 249.

С. СОЛОВЬЕВЪ.

